18+

ЧАРЛЬЗ СТРОСС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Когда Робин просыпается в клинике с практически полным отсутствием каких-либо воспоминаний, он довольно быстро понимает, что кто-то хочет его убить. На дворе двадцать седьмой век, смерть побеждена, между звездами путешествуют через врата телепортов, а конфликты решаются с помощью сетевых червей, которые переписывают человеческое сознание. И с ранней версией Робина, судя по всему, поступили именно так. Пытаясь сбежать от преследования, он добровольно соглашается отправиться в искусственно созданное, замкнутое общество, призванное изучить Темные Века, то есть конец XX – начало XXI столетия. По условиям эксперимента каждому его участнику создают новую личность, никак не связанную с предыдущей. Но спасение довольно быстро оборачивается настоящей ловушкой, а научное исследование – подлинным кошмаром. И теперь Робин оказывается под полным контролем экспериментаторов – а еще во власти своей неуравновешенной психики…

- Чарльз Стросс
  -
  -
  -
  - 1. Дуэль
  - 2. Эксперимент
  - 3. Нуклеарность
  - 4. Покупки
  - 5. Церковь
  - 6. Меч
  - 7. Сны
  - 8. Дети
  - 9. Секрет
  - 10. Общество
  - 11. Похороны
  - 12. Сумочка
  - 13. Восхождение
  - 14. Больница
  - 15. Поправка
  - 16. Расправа
  - 17. Миссия
  - 18. Связи
  - 19. Вдаль
  - Эпилог

- Бродячая ферма
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

Чарльз Стросс
Оранжерея

Charles Stross
Glasshouse. Rogue Farm

Copyright © 2006 by Charles Stross
© Григорий Шокин, перевод, 2022
© Ксения Егорова, перевод, 2022
© Светлана Сапега, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Посвящается Кену Маклауду

Спасибо Джеймсу Николлу, Роберту Ноджею Сниддону, Кори Доктороу, Эндрю Джею Уилсону, Кэтлин Бласделл, Дэвиду Клеменсу, Шону Эрику Фэгану, Фаре Мендельсон, Кену Маклауду, Джульет Мак-Кенне и всем остальным подозрительным лицам

– Этот аппарат, – начал он и взял рукоять привода, на которую тут же оперся, – изобретение нашего бывшего коменданта. Вы уже что-нибудь слышали об этом человеке? Нет? Знаете, не будет преувеличением сказать, что построение всего здешнего поселения является его рук делом. Мы, его друзья, уже к моменту его смерти знали, что все устройство поселения столь четко подчинено принципу внутренней замкнутости, что его преемник, сколько бы новых планов ни вертелось у него в голове, еще

много лет не сумеет изменить ничего из старого. Наше предсказание сбылось: новому коменданту пришлось смириться с такой ситуацией. Да, жаль, что вы не знали бывшего коменданта!

Франц Кафка. В поселении осужденных [1]

Кто помнит сегодня об армянах?

Адольф Гитлер, 1939 год

Режимы, происходящие из Насущной Республики, не используют классические дни, недели и другие земные календарные меры, разве что в историческом или археологическом контексте. Однако классическая секунда осталась основной единицей измерения времени. Удобный конвертер выглядит следующим образом:

1 секунда
время прохождения светом 299 792 458 метров в вакууме.

1 килосекунда
в архаичных единицах 16 минут.

100 килосекунд (1 день)
в архаичных единицах 1 день и 3 часа.

1 мегасекунда (1 цикл)
10 дней, в архаичных единицах 11 дней и 6 часов.

300 мегасекунд (1 месяц)
300 дней, в архаичных единицах 337 земных дней (11 месяцев).

1 гигасекунда
в архаичных единицах около 31 земного года.

1 терасекунда
в архаичных единицах около 31 тыс. земных лет (половина возраста человеческого вида).

1 петасекунда

в архаических единицах около 31 млн земных лет (половина временного отрезка с конца мелового периода).

1. Дуэль

Темнокожая женщина с четырьмя руками идет ко мне через танцплощадку клуба. Из одежды на ней – только пояс из человеческих черепов. Волосы образуют дымный венок вокруг открытого любопытного лица. Она интересуется мной.

– Ты здесь новенький, не так ли? – спрашивает она, останавливаясь у моего стола.

Я смотрю на нее. За исключением изящно встроенных вспомогательных плечевых суставов, тело ее – самое обычное человеческое: типовой дизайн. Цепь, украшенная колючей проволокой и бутонами роз, удерживает черепа на бедрах.

– Да, я новичок, – отвечаю я. Кольцо условно-досрочно освобожденного преступника щекочет левый указательный палец – незначительное такое напоминание. – Я обязан предупредить вас, что прохожу переиндексирование личности и реабилитацию. Я – ну, человек, подобный мне, – могу быть склонен к вспышкам насилия. Расслабьтесь, это лишь предупреждение: я не причиню вам вреда. А почему вы спрашиваете?

Она пожимает плечами – широкий, волнистый жест, который заканчивается, чуть сотрясая ее бедра.

– Потому что еще не видела вас здесь, а я тут бываю почти каждый день, и так – уже дней двадцать-тридцать подряд. Помогая кому-то, можно заработать дополнительные баллы на реабилитацию. Про кольцо не беспокойтесь, их здесь многие носят. До недавнего времени и мне приходилось всех предупреждать.

Я выдавил улыбку. Значит, такая же заключенная? Просто в иерархии программы – чуть повыше?

– Хотите чего-нибудь выпить? – спрашиваю я, указывая на стул рядом с собой. – А как вас зовут, если можно спросить?

– Кей. Давай без официоза. – Она выдвигает стул и садится, перекинув через плечо огромную прядь волос и обеими руками запихивая черепа под стол. В то же время она смотрит на меню. – Я хочу охлаждённый двойной мокко с капелькой коки. – Она снова смотрит мне в глаза. – В клинике все устроено так, что волонтер постоянно приветствует здесь новых людей. И сейчас как раз моя смена. Назовешься? И да, откуда ты?

– Не гони лошадей. – Кольцо вновь щекочет. Я не забываю улыбаться. – Я – Робин. И ты права, я только что из рехаб-емкости. Выпущен один мег назад. – То есть чуть больше десяти планетарных дней, один миллион секунд. – Я из… – несколько

секунд мои мысли лихорадочно мечутся, пытаясь определиться, какую байку ей скормить, и приходят к выводу, что нужно что-то более-менее близкое к правде, – …этого района, на самом деле. Но у меня заминки с памятью. Совсем залежался – вот и приходится с этим что-то делать.

Кей улыбается. У нее острые скулы, бледные зубы в обрамлении красивых губ; лицо с двусторонней симметрией – на такую работу ушли три миллиарда лет труда эволюционной эвристики и гомеозисных генов… *И откуда только эта мысль взялась?* – сердито спрашиваю я себя. Сложность в том, чтобы отличить собственные думы от тех, что принадлежат послеоперационному протезу личности.

– Так долго не была человеком, – признается она. – Совсем недавно сюда перебралась, с планеты *Zemlya*. – Через мгновение она мягко добавляет: – Ради операции.

Я возился с бахромой, свисающей с рукояти моего меча. С ней было что-то не так, и это меня ужасно расстраивало.

– Ты жила с ледяными упырями? – спрашиваю я.

– Не совсем. Я *была* ледяным упырем.

Я таращусь на нее во все глаза – вот не думал, что когда-нибудь встречу настоящего живого инопланетянина, пусть и выписанного из своей породы.

– Была ли ты… как это правильно сказать-то… в общем, ты родилась такой или на какое-то время эмигрировала?

– Это два вопроса. – Она поднимает палец. – Тогда и тебе от меня – два, уговор?

– Уговор. – Я кивнул без подсказки, и кольцо дало мне немного тепла. Все очень просто: поведение, предполагающее выздоровление, поощряется, а то, что усугубляет послеоперационный делирий, наказывается. Мне это не по душе, но это важная часть реабилитации – так мне сказали.

– Я эмигрировала на планету *Zemlya* сразу после предыдущего дампа памяти. – Что-то в выражении ее лица наводит на мысль, что она увиливает от правдивого ответа. Что тому причиной? Неудачные сделки, личные враги? – Я хотела познать общество ледяных упырей изнутри. – Бокал с коктейлем вырастает из стола, Кей делает осторожный глоток. – Потому что оно *очень* странное. – Она на мгновение задумывается. – Понимаешь, я жила среди них ради исследования. Но по прошествии одного поколения мне стало… грустно. Если проживаешь с кем-то несколько гигасекунд кряду, волей-неволей привязываешься к нему – если только не становишься постчеловеком, обновляя свою… ну, ты понял. Я подружилась с парой, наблюдала, как они стареют, потом – умирают, и в какой-то момент поняла: не могу

больше это терпеть. Поэтому я вернулась и стерла это… чувство. Эту боль.

Несколько гигасекунд? Одна длится тридцать планетарных лет. Многовато времени на житие с незнакомцами.

Кей внимательно наблюдает за мной.

– Это, наверное, была очень точная операция, – медленно отвечаю я. – Потому что я из прошлой жизни почти ничего не помню.

– Ты был человеком, – предполагает она.

– Да. – Определенно, был. У меня остались обрывки воспоминаний – мечи, чья сталь мерцает в сумерках в узких проулках, вновь охваченные войной зоны; кровь, льющаяся рекой. – Я был ученым. Из профессуры. – Скомпонованный ряд охваченных огнем врат, за грозной броней поста таможенного контроля между режимами. Крики, толкотня – мирные жители устремляются к темному проему. – Я был историком. – Это хотя бы отчасти правда… было правдой. – Все теперь кажется таким скучным и далеким. – Короткий выброс энергетического оружия, за ним – тишина. – Меня заела рутина, вот и пришлось немножко освежиться.

А это уже почти стопроцентная ложь. Я не был добровольцем – кто-то сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться. Я слишком много знал. Либо мог согласиться на вмешательство в память, либо моя следующая смерть стала бы последней. По крайней мере, так значилось в письме на мертвой бумаге – письме к самому себе, ждавшему у кровати, когда я очнулся в реабилитационном центре, сразу после того, как испил вод Леты, доставленных прямо в мозг ботами размером с молекулу – с легкой руки хирургов-храмовников.

Я скалю зубы в улыбке, прикапывая полуправду в откровенной лжи.

– И вот я прошел серьезную переподготовку и теперь не могу вспомнить, что к чему…

– …чувствуя себя новым человеком, – договорила она за меня с полуулыбкой.

– Ага. – Я смотрю на вторую пару ее рук. Не могу не подметить, как она сжимает и разжимает пальцы, словно заправская невротичка. – Но я предпочел консервативный дизайн тела. – Да, консервативного во мне – до фига. Ныне я – мужчина среднего роста, темноглазый, с уже проступающей черной щетиной – ничем не улучшенный евразиец докосмической эры, в кожаном килте и конопляных сандалиях в тон. – У меня осталось очень въедливое представление о себе, и я не собирался его отвергать. С ним слишком многое ассоциируется – так что я бы не

смог. Кстати, классные у тебя черепушки.

Кей улыбается:

– Спасибо. И еще раз спасибо – за то, что не задал стандартные вопросы.

– Это какие же?

– Ну, почему я так выгляжу, например.

Впервые за наш разговор я беру свой напиток и делаю глоток горькой холодной жидкости синего цвета.

– Ты прожила столько же времени, сколько живет человеческая допотопная форма, среди ледяных упырей, и местный сброд куксится из-за того, что у тебя слишком много рук? – Я покачал головой. – Думаю, у тебя есть на то причины. И всё.

Она скрещивает обе пары конечностей в защитном жесте.

– Я бы чувствовала себя обманщицей, имея облик… – Она смотрит куда-то поверх меня. В баре есть еще парни, несколько смазливо-кавайных девиц и некоторое количество киборгов, но большинство – ортогуманоиды. Кей смотрит на даму с длинными светлыми волосами на одной стороне головы и короткими щетинками – на другой, одетую в воздушную белую драпировку и пояс с мечом. Женщина громко ржет в ответ на слова одного из своих товарищей – это берсерки ждут игроков. – …скажем, как у нее.

– А ты когда-нибудь была ортогуманоидом?

– До сих пор им остаюсь – глубоко внутри.

Насколько я понял, она выходит на публику в ксеногуманоидном обличье, потому что стесняется. Я рассматриваю толчею берсерков и случайно встречаюсь взглядом с той блондинкой. Она смотрит на меня напряженно, затем показушно поворачивается ко мне спиной.

– Этот бар здесь давно? – спрашиваю я, а сам чувствую, как горят уши. Как эта фифа посмела так поступить со мной?

– Около трех мегасекунд. – Кей кивает компашке гуманоидов, вваливающейся в бар. – Лучше не обращай на них особого внимания, это дуэлянты.

– Я сам такой. Дуэли – часть моей терапии.

Кей гримасничает.

– Я в эти грязные игры не играю. Не фанатка боли.

– И я – не фанат, – медленно замечаю я. – Дело ведь не в этом. А в том, что амнезия часто ведет к фрустрации и смещенной агрессии, формализованный же и донельзя регламентированный контекст дуэли гарантирует, что она никого не заденет.

– Где ты живешь? – спросила она.

– Все еще в… – Я подмечаю, что она быстро сменила тему. – Все еще в клинике. Понимаешь, все, что у меня было… – Я стушевался. – Мне не очень хочется все это тащить за собой. Я еще не понял, кем хочу быть в новой жизни, поэтому не вижу смысла волочь весь этот багаж.

– Еще по одной? – спрашивает Кей. – Я угощаю.

– С удовольствием.

Когда я спиной чую, как к нашему столу идет та блондинка из компашки берсерков, в голове звенит колокольчик. Я делаю вид, что не замечаю, но чувствую знакомое тепло в животе и напряжение в спине. Древние рефлексы и более чем один современный игровой код берут на себя управление: я незаметно выдвигаю меч из ножен. Думаю, я знаю, чего хочет блондинка, и буду счастлив ее порадовать. Она – не единственная, кто здесь склонен к частым вспышкам убийственной ярости, которая не быстро утихнет. Терапевт посоветовал принять это и излить – контора одобряет. Со временем ярость уляжется.

Но меня раздражают не только эффекты резекции памяти. Помимо прочего, я решил сбросить свой возраст. Однако, когда вам исполняется двадцать, разворачивается совершенно новый фронт гормонального шторма – что заставляет меня бесконечно ходить по комнате, стоять в белом санитарном боксе и кромсать предплечья лезвиями – просто чтобы с интересом наблюдать, как льется ярко-красная кровь. Да и секс приобретает навязчивую важность, о которой я почти забыл. Особенно трудно бороться с влечениями к сексу и насилию, когда просыпаешься истощенным, опустошенным, непомнящим, кем ты был раньше? Но во втором-третьем цикле омоложения все гораздо проще.

– Знаешь, не оборачивайся, но знай, что кто-то вот-вот…

Прежде чем я успеваю закончить фразу, блондинка склоняется над плечом Кей и плюет мне в лицо.

– Требую сатисфакции. – Ее голос похож на алмазное сверло.

– Почему? – бесстрастно спрашиваю я, хотя у меня уже колотится сердце. Я потираю щеку, чувствую нарастающий гнев, но сдерживаю его силой воли.

– Просто по факту твоего существования.

У многих психов в фазе диссоциации, не прошедших курс реабилитации до конца, у которых разорванные пряди старой личности никак не заплетутся в новую, – такое вот выражение лица: бессмысленная злоба на все вокруг, экзистенциальная ненависть – часто направленная на хоть как-то сформированную самость, первой попавшуюся под руку в чуждом беспамятном мире. Гнев, расширяющий зрачки, вкупе с избыточной маскулинностью делают блондинку зрелищем устрашающим,

первобытно-диким. Тем не менее ей хватает самоконтроля сперва пригласить на дуэль, а уже потом напасть.

Кей, застенчивая и гораздо более продвинутая в реабилитации, чем любой из нас, сидит в кресле, а блондинка смотрит на меня. И вот что меня раздражает – светловолосая девушка не должна пугать посторонних. Может, я не так собран, как думаю?

– В таком случае… – я медленно встаю, ни на мгновение не прерывая зрительный контакт, – …может, мы пойдем с этим в ремилитаризованную зону? До первой смерти?

– Конечно, – шипит она.

Я смотрю на Кей.

– Было приятно с тобой поговорить. Повторишь мне заказ? Я скоро буду. – Я прямо-таки чувствую ее взгляд на спине, когда следую за блондинкой к воротам, ведущим в Зону. А те – прямо за стойкой.

Блондинка останавливается на пороге.

– Давай, сначала ты, – кивает она на ворота.

– Вот еще! Тот, кто бросает вызов, ступает первым.

Она снова угрожающе смотрит на меня, очевидно, вся не своя от гнева, затем входит в Т-ворота, мигает – и исчезает. Я потираю правую руку о кожаный килт, хватаю лезвие меча, вытаскиваю его и прыгаю в червоточину, соединяющую две эти точки.

Кодекс чести гласит, что бросающий вызов должен отойти от цели на приличных десять шагов, но блондинка в плохом настроении, и хорошо, что я обороняюсь и готов увернуться, потому что она уже наготове, желает вонзить меч мне в грудь или в живот прямо здесь.

Она быстра, безжалостна и совершенно незаинтересованна в соблюдении правил – это хорошо, потому что у моего собственного экзистенциального гнева наконец есть выход и объект приложения. Ярость, охватившая меня после операции, ненависть к военным преступникам, которые заставляли меня злиться и подвергли живого человека, которым я был, обширному стиранию памяти – даже не помню, какого я пола и роста, – наконец обрели цель: блондинку с мечом, лучащуюся сосредоточенностью и зеркальным отражением моего неистовства.

Эта часть ремилитаризованной зоны выполнена в виде полуразрушенного города древней Земли – постъядерная бетонная пустыня с руинами и странной растительностью, которая пробилась поверх памятников завоевателям и сгоревших остовов колесных авто. Мы, вполне возможно, единственные разумные существа здесь – брошенные на планету, где ни одна

живая душа не обитает. И в этом одиночестве нам суждено преодолевать горе и ярость, что остались после операции.

Блондинка явно хочет решить все быстро. Я осторожно обороняюсь, пытаясь найти у нее слабые места. Она предпочитает колющие и рассекающие накрест удары, и я никак не соображу, как ее вырубить.

– Ну давай, умирай уже! – рычит она.

– Дамы, вперед! – Я отбиваю атаку и пытаюсь вывести ее из равновесия целой серией наскоков. Рядом с воротами, через которые мы вошли, валяется рухнувшая башня, со всех сторон окруженная грудами обломков выше человеческого роста. Индикатор на воротах мигает красным, сигнализируя о невозможности прохода до тех пор, пока один из нас не умрет. Эти груды дают мне преимущество, так что я снова отбиваю удар, затем делаю шаг назад – и подставляюсь.

Блондинка пользуется этим, и мне с трудом удается блокировать атаку, потому что она быстрая. Но ума ей недостает, и она определенно не ожидала ножа в моей левой руке, ранее покоившегося в набедренных ножнах. Пытаясь избежать лезвия, теперь уже она подставляется – и я вонзаю свой меч ей в живот.

Она падает на колени. Да и я тяжко опускаюсь на четвереньки – *почти* падаю. Блин, когда она успела рубануть меня по ноге? Наверное, не стоило так полагаться на свои рефлексы.

– Ну что, хватит? – молю я, внезапно чувствуя слабость.

– Я… – Она выглядит странно, обеими руками сжимает рукоять меча, который из нее торчит. – Э… – Пытается сглотнуть. – Кто…

– Я Робин, – беспечно говорю я, глазея на нее с интересом. Не думаю, что когда-либо видел, чтобы кто-то умирал с мечом в животе. Ну что ж, много крови и отвратительный запах вспоротых кишок. Я думал, она будет извиваться и кричать, но, может, у нее есть какой-то регулятор болевых порогов. Так или иначе, я и сам сейчас цепляюсь за рану на ноге. Мы – товарищи по боли и страданиям.

– А ты?..

– Гвин. – Она сглатывает кровь. Накал ненависти утихает, обнажая что-то, до поры скрытое. Удивление?

– Когда ты в последний раз выполняла резервное копирование?

Она прищуривается:

– Э-э-э. Час. Тому назад.

– Хорошо. Могу я покончить с тобой?

Нам нужно мгновение, чтобы встретиться глазами. Она

кивает.

– А ты? Когда?

Я наклоняюсь, скривив губы, и беру ее меч.

– Когда я сделал резервную копию? В смысле – после операции на памяти?

Она кивает, или, может, вздрагивает. Я поднимаю лезвие и хмуро смотрю на ее шею. Это расходует всю мою энергию.

– Хороший вопрос…

Перерезаю ей горло. Кровь брызжет во все стороны.

– Никогда.

Я хромаю к выходу – воротам А – и прошу восстановить ногу, прежде чем вернуться в бар. Ворота отключают меня, и через субъективный момент я просыпаюсь в кабинке туалета в задней части паба – тело как новое. Смотрю в зеркало, чувствуя себя опустошенным, но вполне в ладах с собой. Может, скоро буду готов к бекапу? Сгибаю правую ногу. Ассемблер ее прилично канонизировал, исправленная мышца работает, как надо. Надо впредь избегать Гвин, по крайней мере, до тех пор, пока она не уймет бессмысленный гонор, что, вероятно, займет некоторое время, если она продолжит приставать к более сильным и опытным бойцам. Я возвращаюсь к столу.

Кей, как ни странно, все еще там. Я ожидал, что она ушла. А-ворота работают быстро, но все же требуется минимум тысяча секунд, чтобы сломать человеческое тело и снова его собрать: в нем много битов и атомов, которыми непросто манипулировать.

Я опускаюсь в кресло. Да она еще и купила мне новую выпивку!

– Прошу прощения, – брякаю на автоматизме.

– К такому привыкаешь. Тебе получше?

Я задумываюсь над вопросом. На мгновение мысленно возвращаюсь в бетонную пустошь, к горячей боли в ноге и чистой ненависти, высвобождающейся в удар по горлу Гвин острой железкой.

– Что было, то прошло, – говорю я наконец, смотрю на свой бокал и опрокидываю залпом.

– Так как дела? – спрашивает Кей, глядя на меня. – Ну, если ты хочешь поговорить об этом, – поспешно добавляет она. Теперь я понимаю, что Кей напугана и обеспокоена. Мое кольцо условно-досрочника все время шлет пульсирующие волны тепла.

– Ясное дело, – отвечаю я с улыбкой, вероятно, усталой. Ставлю перед собой бокал. – Кажется, я все еще в диссоциативной фазе. Перед тем как отправиться в город сегодня вечером, я сидел один в своей комнате и рисовал скальпелем красивые линии на руках. Мне было интересно, следует ли мне порезать себе вены и

положить конец всему этому. Я был зол. На себя. Но все прошло.

– Бывает. Что изменилось?

Я хмурюсь. Мне мало помогает знание того, что это частый эффект реинтеграции.

– Я поступил как придурок. Когда вернусь домой, мне понадобится резервная копия.

– Резервная? – Глаза Кей расширяются. – Ты весь вечер ходишь с мечом и повязкой дуэлянта, и у тебя нет запасника? – Ее голос переходит на писк. – Чем ты думаешь?

– Знание о том, что у тебя есть бекап, притупляет чувства. Я, повторю, был жутко на себя зол. – Перестаю хмуриться, когда смотрю на нее. – Но нельзя постоянно так злиться.

В частности, перспектива узнать, кто я или кем был, внезапно стала ужасно, всецело пугать меня. Что это значит, почему я вдруг почувствовал чужие эмоции – сразу после того, как выпотрошил кого-то мечом? Во мраке Средневековья это было бы трагедией, но даже здесь смерть – не то, к чему люди относятся небрежно. В один ужасный момент мне хочется сбежать в город, найти Гвин и извиниться перед ней. Только это ерунда. Она ничего не вспомнит и будет в том же настроении, что раньше. Наверное, вызовет меня еще на одну дуэль и благодаря своей неизменной бессмысленной ярости порвет в клочья.

– Думаю, я прихожу в норму помаленьку, – говорю я. – Знаешь какое-нибудь место побезопаснее, где эти гребаные берсерки не ходят толпами?

– Хм. – Она смотрит на меня критически. – Если избавишься от меча и повязки, не будешь особенно выделяться в зоне для пациентов во второй фазе. Это в нескольких шагах отсюда. Я знаю место, где готовят действительно хороший стейк из кенгуру. Ты как, голоден?

Сразу после дуэли вместо жажды насилия у меня разыгрался аппетит. Кей ведет меня на прекрасную площадку из алмазного волокна с низкой плотностью, засаженную бонсай-секвойей, где старомодные паровые роботы жарят сочное мясо на мангале. Мы болтаем, и мне ясно, что она сильно заинтригована тем, как я у нее на глазах оправляюсь от эмоциональных эффектов хирургии памяти. Я пытаюсь вытащить из нее подробности жизни среди ледяных упырей, она расспрашивает меня об академии фехтования Невидимой Республики. У нее извращенное чувство юмора, и, когда с едой покончено, она предлагает «сходить развлечься».

«Развлечься» – значит поучаствовать в довольно непринужденной групповухе с переменным составом в одном из зданий клиники. Когда мы приходим, собирается всего человек

шесть – почти все на большой круглой кровати, угощают друг друга кальяном и лениво мастурбируют. Кей прислоняет меня к стене рядом с входом, целует и тремя руками делает что-то возбуждающее мою промежность и яички. Затем исчезает в ванной, чтобы воспользоваться ассемблером. Я жду ее и тяжело дышу. Когда она возвращается, я почти не узнаю ее: волосы стали синего цвета, две руки отсутствуют, а кожа – цвета кофе и молока. Она идет прямо ко мне, снова меня целует, и я узнаю ее по вкусу рта. Несу к кровати, и после первого быстрого совокупления мы присоединяемся к кальянщикам, исследуем тела (свои и соседские) до тех пор, пока не начинает клонить в сон.

Я лежу рядом с ней, почти лицом к лицу, а она шепчет:

– Это было здорово.

– Здорово, – эхом повторяю я. – Много воды утекло с тех пор, как я… – И тут же когнитивные функции мне изменяют.

– Я здесь ошиваюсь регулярно, – говорит она. – А тебе хотелось бы?

– Я вот что хочу сказать…

– Что?

– Я не помню, когда в последний раз трахался.

Она кладет одну руку мне между бедер.

– Действительно?

– Ну да, не помню. – Я хмурюсь. – Забыл, выходит.

– Забы-ы-ыл? – Она выглядит удивленной. – Может, у тебя был плохой опыт по части отношений? Может, поэтому ты и согласился на операцию?

– Нет-нет. Я… – Прикусываю язык, пока чего не случилось. Будь все так, уверен, в письме от моей прошлой личности что-то такое упоминалось бы, хотя бы вскользь. – Нет, я просто не помню. Обычно так не бывает, да?

– Не бывает. – Кей льнет ко мне и гладит мою шею сзади. Я удивляюсь, отмечая, что ее прикосновения вновь пробуждают эрекцию, провожу пальцами по краям ее сосков – и ее дыхание становится прерывистым. Наверное, так это работает. Без какого-либо внешнего влияния – фиг возбудишься, не так ли?

– Ты – отличная кандидатура для эксперимента Юрдона.

– Для чего?..

Кей прижимает меня к груди, и я послушно переворачиваюсь на спину, позволяя ей оседлать себя. Вокруг кровати – множество прибамбасов, взывающих к использованию, но она, кажется, предпочитает традиционный секс, когда все, что у любовников есть, – их тела. Она, вероятно, видит в этом своего рода возвращение к естественной человечности. С моих губ рвется

стон, когда я хватаю ее за ягодицы и прижимаю к себе.

– Для эксперимента. Юрдон ищет тяжелые случаи амнезии и вознаграждает тех, кто их находит. Я расскажу тебе позже… – Мы перестаем говорить, речь мешает общению тел. Здесь и сейчас Кей – все, чего я хочу.

В конце концов, я направляюсь домой по проспектам, выстланным мягкой живой травой, укорененной в глыбах зеленого мрамора, вырезанных из литосферы планеты, крутящейся в сотнях терасекунд отсюда. Я наедине со своими мыслями, модем [2] отключен от карты маршрута, обещая пятикилометровую прогулку в обход. Я взял меч, но не чувствую, что кто-то бросит мне вызов. Нужно время подумать – терапевт будет ждать меня, когда я вернусь домой, и, прежде чем начну с ним разговаривать, я должен четко представлять себе, кем, по собственному мнению, становлюсь.

Вот я, живой и бодрствующий – кто бы я ни был. Я – Робин, верно? У меня туманных воспоминаний – до хрена, но это лишь мыльные разводы после большой уборки, которые превращают прошлое в брызги с кисти импрессиониста. Сразу после пробуждения мне пришлось проверить свой возраст. Оказалось – почти семь миллиардов секунд, хотя у меня эмоциональная устойчивость человека в десять раз моложе. Как возможно, что я такой старый, а чувствую себя молодым и неопытным?

В моей жизни есть огромные загадочные дыры. У меня, должно быть, раньше был секс, хотя я ничего не помню. Я, похоже, дрался – рефлексы и подсознательные навыки быстро помогли сладить с Гвин, – но я не помню ни тренировок, ни убийств, за исключением таинственных вспышек, которые с тем же успехом могли быть остатками воспоминаний из каких-то развлекательных программ. В письме от предыдущего «я» говорилось, что я был ученым, военным историком, специализировавшимся на религиозной мании, спящих сектах и Темных веках. Если все так, я ничего из этого не помню. Может, это сидит где-то глубоко и протечет, когда понадобится, а может, исчезло навсегда. Степень резекции памяти, которую возжелало мое прежнее «я», судя по всему, опасно приблизилась к тому, чтобы меня прежнего полностью стерло.

И что же осталось?

Все фойе моего картезианского театра усеяно осколками воспоминаний, которые только и ждут, что я поскользнусь и поранюсь. У меня ортодоксальное мужское тело, ортодоксальный продукт естественного отбора. Его форма мне вполне подходит, хотя у меня такое ощущение, что когда-то я сидел в чем-то гораздо более странном – почему-то приходит в голову, что я был

танком (может, слишком закопался в военную историю, и она прилипла ко мне и уцелела – в то время как более важные воспоминания утратились). Это ощущение безграничного расширения, холода, контролируемого насилия… да, может, я и был танком. Если так, однажды я патрулировал важный сетевой шлюз. Переход между системами, а также внутри системы шел через Т-ворота – червоточину, соединяющую две удаленные точки. Т-ворота не фильтруют – через них может пройти что угодно. Хоть это и не проблема в пределах системы, все становится серьезнее, когда граница сети защищается от атак других систем. Отсюда и потребность в брандмауэрах. Моя работа пограничника заключалась в следующем: я следил за тем, чтобы все прибывающие путешественники приземлялись прямо у выхода А – там группы сборщиков разбирали их, загружали, анализировали на наличие угроз, а затем поочередно отправляли данные на выход внутри демилитаризованной зоны. Обычно людей пропускают через А-ворота только для таможенного сканирования или сериализации, но тогда мы были в состоянии войны, и все без исключения находились под контролем.

Войны? О да. Самый конец Войны Правок. Не помню, в чем суть, но я определенно охранял какие-то приграничные, окраинные Т-ворота одного из отколовшихся государств, созданных на развалинах Насущной Республики, когда во всех ее ассемблерах поселился редакционный вирус-червь.

А что потом… Да поди вспомни. Одно время я был кошкой Лайнбарджера [3]. Или на этих кошек только работал? Но тогда получается, что я не был танком! А был чем-то совсем другим!

Я выхожу из Т-ворот в конце затхлого коридора, который ведет через каменное сердце руин собора. С двух сторон в черное небо вздымаются могучие столбы, а по ажурным деревянным перегородкам меж ними вьется плющ. Эти столбы являются нужной иллюзией – сигнализируют о границе тоннельного поля, удерживающего здесь атмосферу; эта планета, за пределами готического ландшафтного парка, обледенелая и безвоздушная, прикованная приливной силой к коричневому карлику где-то далеко за гранью Солнечной системы, в нескольких сотнях триллионов километров от легендарной вымершей *Zemly*. Я шагаю мимо гниющих алых и бирюзовых шерстяных гобеленов, на которых изображены орточеловеческие фигуры в доспехах или длинных одеждах, сражающиеся насмерть или занимающиеся любовью по ту сторону такой огромной пропасти секунд, что мое личное прошлое для них ничегошеньки не значит.

Вот я, брошенный на другой стороне времени, в реабилитационном центре, которым управляют хирурги-

храмовники Невидимой Республики, хожу по пустынным пассажам живописной имитации руин, воздвигнутой на поверхности мертвой планеты, тщусь заново собрать воедино мою грубую личность. Я даже не помню, как сюда попал. О чем мне следует поговорить с терапевтами?

Я следую за мигающим курсором карты, загруженной в модем, в центральный двор, затем поворачиваю налево к нефу и иду мимо каменных алтарей, увенчанных резными скелетами гигантов. Неф сразу заканчивается прямоугольным отверстием в пространстве – еще одними Т-воротами. Пройдя через них, я чувствую внезапную легкость – гравитация более не хочет меня удерживать, а кажущаяся сила Кориолиса тянет влево. Свет становится ярче, а пол представляет собой озеро голубой жидкости с таким большим поверхностным натяжением, что я могу скользить по нему – ноги едва оставляют вмятины на глади. На уровне воды дверей нет, только в стенах прорезаны выемки и неровные проемы. В воздухе висит слабый запах йода. Рискну сказать, что я иду через один из загадочных роутеров, вращающихся вокруг множества коричневых карликов в этой части галактики.

В конце коридора пролетаю несколько облаков тумана размером с человека – этой анонимизирующей мглы напустили спецом, чтобы прохожие в роутере не замечали друг друга, – и попадаю в другую залу с кольцом Т-ворот и А-воротами у стены. Иду в указанную дверь и перемещаюсь в уже знакомый мне коридор, обшитый живым деревом с обеих сторон. В дальнем конце двора – декоративный фонтанчик. Здесь тихо и приятно, все освещено теплым сиянием желтой звезды. У нас здесь есть апартаменты – у меня и еще у нескольких пациентов, проходящих реабилитацию. Сюда мы можем приехать и безопасно провести время среди людей, находящихся на той же стадии реабилитации, что и мы. И вот я прихожу к своему терапевту.

Сегодняшний терапевт – вовсе не гуманоид, не эльф и не епископ. Пикколо-47 – мезоморфный робот, окологрушевидной формы, с большим количеством разных, странно выглядящих механических конечностей, некоторые из которых даже физически не связаны с его телом. Нет ничего похожего на лицо. Я считаю, что это некультурно (механизм распознавания эмоциональных состояний по выражению лица у людей очень бестолковый, и появление на публике без лица считается серьезным оскорблением), но держу эту мысль при себе. Вероятно, он делает так специально, хочет проверить мою устойчивость – если я не могу иметь дело с кем-то, у кого нет лица, как поведу себя на публике? Как бы то ни было, ссора с

терапевтом – не средство от моей эмоциональной нестабильности.

– Вы дрались сегодня на дуэли, – говорит Пикколо-47.– Расскажите своими словами, что привело к этому происшествию.

Я усаживаюсь на каменных ступенях у фонтанчика, откидываюсь назад, пока не чувствую капли холодной воды на шее, и пытаюсь напомнить себе, что разговариваю, по сути, с бытовым прибором. Это помогает. Рассказ худо-бедно клеится – из событий дня, по крайней мере, из *публичных* событий.

– Как думаете, Гвин злонамеренно вас спровоцировала? – спрашивает терапевт.

– Гм. – Я мгновение обдумываю ответ. – Может, я ее спровоцировал? – В этом есть резон – я на нее пялился, а мог бы отвести взгляд. Мог бы, если бы хотел. Признание делает меня виноватым, но лишь чуть-чуть. Гвин сейчас где-то ходит-бродит сама по себе и даже не помнит, что ей распороли брюхо. Она потеряла меньше часа жизни. А вот моя нога до сих пор напоминает об этой суке судорогами, и вообще я серьезно рисковал без бэкапа…

– Вы сказали, что не сделали резервную копию. Это немного безрассудно?

– Да-да, конечно, – отвечаю я. – Сделаю, как только мы закончим наш разговор.

– Очень рад за вас.

Я слегка вздрагиваю и с тревогой смотрю на Пикколо-47. Обычно во время сеанса терапевты не выражают ни положительных, ни отрицательных эмоций; иллюзия, что здесь никого нет, только что разрушилась, и я чувствую, как бежит холодок по коже, когда смотрю на его гладкую броню.

– Проверка вашего общественного статуса показывает, что вы добиваетесь успехов. Я призываю вас продолжить изучение сектора реабилитации и воспользоваться группами поддержки пациентов.

– Эм. – Я таращу на Пикколо-47 глаза. – Я думал, вам нельзя влиять…

– Воздействие противопоказано на ранних стадиях выздоровления пациентам с очень тяжелой психопатологической диссоциацией в результате резекции памяти. Однако на более поздних стадиях, при необходимости, можно давать рекомендации тем, у кого есть признаки быстрого выздоровления. Я хотел бы задать вам один вопрос – с вашего позволения, разумеется.

– Ну? – Я не свожу глаз с робота. В основании хребта-манипулятора он изрядно смахивает на переливающуюся цветную

капусту, пульсирующую и дышащую – ну или на что-то вроде обнаженного легкого, вывернутого наизнанку, с гальваническим покрытием из титана. Это удивительно бесчеловечная макроскопическая наномашина, достаточно сложная, чтобы жить собственной иллюзорной жизнью.

– Вы сказали, что пациент Кей в беседе с вами упомянула эксперимент Юрдона. Профессор истории Юрдон – один из моих коллег, и Кей права: ваша относительно глубокая терапия означает, что вы – идеальный кандидат для этого эксперимента. Я также считаю, что участие в нем может оказаться полезным для вашего выздоровления в долгосрочной перспективе.

– Хм. – Я все еще могу понять, когда меня успокаивают, прежде чем надавить. – А нельзя ли об этом вашем эксперименте узнать побольше, а?

– Конечно. Секундочку… – Пикколо-47 явно отправляет кому-то сообщение в спешке, его внимание рассеивается. Периферийные сенсоры идут вразнос, перестает пульсировать основание манипулятора. – Робин, я взял на себя смелость отправить ваш общедоступный профиль в координационный офис. Эксперимент Юрдона – междисциплинарный проект отделов археологии, истории, психологии и социальной инженерии Схоластии. Профессор Юрдон – генеральный координатор. Если вы станете волонтером, копия вашей следующей резервной копии – или оригинала, если выберете полное погружение, – будет воплощена как отдельная сущность в экспериментальном сообществе, где она будет жить от 30 до 100 мегасекунд вместе с сотней других добровольцев. Сообщество задумано как опыт, позволяющий исследовать определенные психологические ограничения, связанные с жизнью до Войны Правок. Другими словами, попытка реконструировать культуру, о которой мы потеряли большую часть информации.

– Экспериментальное общество?

– Да. У нас на руках – лишь ограниченная информация о многих периодах истории. С начала эры эмоциональных машин темные века стали появляться слишком часто. Иногда это совпадение – самый темный век, на заре эмоционального века, был результатом непонимания информационной экономики того времени и последующего принятия многих несовместимых форматов представления данных. Но иногда их провоцируют – как в случае с Войной Правок. В целом эффект состоит в том, что из-за значительных периодов отчетного времени очень малое количество информации остается незапятнанным некой… *предвзятостью наблюдателя*. Проблемы с пропагандой, развлечениями, представлениями слипаются в один снежный ком,

лишая нас точных описаний явлений, а древность и нужда в периодическом форматировании воспоминаний лишают нас субъективного опыта.

– А, кажись, сообразил. – Я прислоняюсь к фонтану. Голос Пикколо-47 бередит душу. Почти уверен, что он одновременно испускает феромоны, повышающие настроение, но, если я прав в своих догадках, ему никогда не приходило в голову, что я могу испытывать сознательные неудобства и все равно оставаться бдительным. Крошечные ледяные капельки, стучащие по шее, являются отличным фиксатором внимания. – Так что мне придется прожить в этом сообществе где-то десять мегасекунд? А потом? Что я буду там делать?

– Я не могу сказать точно, – признается Пикколо-47 примирительным и мягким тоном. – Это отрицательно сказалось бы на последовательности эксперимента. Чтобы он имел эмпирическую валидность, все его цели и функции должны быть неизвестны тестовым объектам, поскольку им надлежит создать там валидное, настоящее общество. Но я могу сказать, что вы сможете уйти, как только эксперимент достигнет окончательной фазы, которую определит наблюдатель или комитет по этике, либо ходатайствовать о его досрочном для вас завершении. В рамках эксперимента вы будете подвергаться некоторым ограничениям на передвижение, доступ к медицинской информации и процедурам, а также доступность артефактов и услуг. Время от времени контролер будет присылать участникам информацию, которая позволит им понять, как работает общество. Перед входом нужно нотариально заверить соответствующее согласие. Однако мы уверяем вас, что все ваши права и человеческое достоинство будут сохранены.

– Что это значит для меня? – прямо спрашиваю я.

– Хорошую плату за участие в эксперименте. – Голос Пикколо-47 почти застенчив. – Еще у нас есть бонусная программа для участников, которые будут активно способствовать успеху предприятия.

– Я понимаю, – ухмыляюсь я терапевту. Но мое подмасленное состояние – блеф. Если этот робот думает, что мне нужны деньги, он сильно ошибается. Не знаю, на кого я раньше работал – на кошек Лайнбарджера или на какую-то другую, более скрытную и гораздо более ужасающую Силу, – но одно можно сказать наверняка: в черном теле меня не держали.

– Есть и терапевтический аспект, – говорит Пикколо-47.– У вас имеются симптомы дисфории целеполагания. Это связано с почти полным стиранием центров вознаграждения и мотивации в вашем дельта-блоке и памяти о вашей прежней профессии; вы

чувствуете себя тупым, бессмысленным и бесплодным. Смоделированное сообщество предоставит вам профессию. Там вы будете востребованы и сможете контактировать с группой индивидов в тех же начальных условиях. Вероятные побочные эффекты включают в себя возможность завести друзей и поиск смысла жизни. При этом у вас будет время развить собственные интересы и выбрать курс, соответствующий вашей новой личности, без давления бывших коллег или знакомых. И, повторяю, хорошо заплатят! – Пикколо-47 колеблется. – Вы уже встречались с одним из участников…

Вот это да.

– Знаете, я подумаю над вашим предложением, – небрежно говорю я. – Пришлите мне подробности… и я подумаю. Но сразу не скажу: да или нет. – Улыбаюсь шире, обнажая зубы. – Я не люблю, когда на меня давят.

– Понимаю-понимаю! – Пикколо-47 приподнимается и отодвигается от меня на метр назад. – Прошу прощения. Просто я очень обеспокоен успехом данного эксперимента.

– Конечно. – Я машу рукой. – А теперь, если вы не возражаете, я хотел бы немного успокоиться. Мой разум все еще спит, сами понимаете.

– Увидимся примерно через день, – говорит Пикколо-47, воспаряет выше и кружится в вираже к дыре, зрачком открывшейся на потолке. – До скорых встреч! – Он исчезает, оставляя за собой лишь слабый шлейф запаха лаванды, и меня вдруг накрывает до ужаса интенсивным воспоминанием о том, каков язык Кей на вкус, когда исследует мою ротовую полость изнутри.

2. Эксперимент

Добро пожаловать в Невидимую Республику.

Невидимая Республика – один из множества режимов, построенных на руинах Насущной Республики в результате Войны Правок, бушевавшей пять-десять гигасекунд назад. Во время этой войны сеть дальних Т-ворот, соединяющих подсети сверхдержавы, распалась, оставив после себя «рыхлые» сети, кое-где соединенные сборщиками ворот, вооруженными брандмауэрами. Каждого новичка насильно разбирали и проверяли на враждебные качества, перестраивали и только потом пускали внутрь. Сражения бушевали в безвоздушной криогенной залежи, в которой находились отдаленные врата, соединяющие воинствующие режимы, запущенные партиями Цензоров; редакционные черви прятались в программном обеспечении всех А-ворот, которые им удалось заразить.

Как почти все человеческие системы со времен Ускорения, Насущная Республика должным образом полагалась на А-ворота для производства, отправки, маршрутизации, коммутации и фильтрации пакетов и других операций, необходимых для сетевой цивилизации. То, как аккумуляторы наноассемблеров разбирали и дублировали артефакты и организмы, основанные на необработанном атомном сырье, делало их практически незаменимыми – не только для производственных и медицинских целей, но и для виртуальной транспортировки (проще одновременно втиснуть сотню шаблонов загрузки через Т-ворота, чем сотню физических тел) и брандмауэрной фильтрации на молекулярном уровне. Даже когда война поставила ворота под угрозу заражения враждебными червями, никто не хотел от них отказываться – ведь постареть, одряхлеть, стать жертвой болезни или травмы всяко хуже, чем ходить под риском искажения памяти. Те немногие параноики, которые отказывались пройти через ассемблеры, вымерли из-за преклонного возраста или накопившихся травм; а те, кто их еще использовал, уже ни в чем не могли быть уверены – неизвестно, что именно эти черви хотели скрыть и даже кто такие сами Цензоры.

Однако стресс цензуры заставил людей перестать доверять всем проходам, которые они не контролировали. Невозможно подвергнуть цензуре данные или массу через Т-ворота – те представляют собой лишь тоннель искривленного пространства-времени, соединяющий две далекие точки. Таким образом, все коммуникации даже на короткие расстояния переместились к таким воротам, и новые массовые ассемблеры стали редкостью,

потому что никто больше не доверял цензурированным А-воротам. Произошел экономический крах, за ним – разрыв коммуникаций, и целые сети Т-ворот с высокой степенью внутренней связности (при этом необязательно с пространственной близостью) начали отключаться от более широкой сети. Насущная Республика, бывшая некогда сетью торговых государств с открытой топологией, превратилась в набор милитаристских КПП – пограничных постов между виртуальными республиками под защитой брандмауэров.

Так стало однажды – так было и сейчас. Невидимая Республика (НР) являлась одним из первых режимов-преемников. Была построена внутренняя сеть Т-ворот, которая жестко защищалась от внешнего доступа, пока не создали первое поколение новых А-ворот, дотошно построенных с нуля – из больших массивов квантовых точек, литографированных вручную. Даже во время войны НР сохраняла распределенную, весьма надежную сеть – эти военно-академические корни в ней чувствуются и поныне. Схоластия рассматривает знание как силу и пытается восстановить данные, утерянные в последующие темные века. Хотя в то же время ведутся оживленные дискуссии о том, действительно ли хорошая идея – заново открыть причину Правок. Ведь почти каждый потерял часть своей жизни во время войны, и десятки миллиардов погибли полностью: воссоздание предпосылок для худшего холокоста со времен двадцать третьего века – дело не бесспорное.

Как это ни парадоксально, ныне Невидимая Республика стала местом, куда многие люди приходят забыть прошлое. Те, кто остается людьми, редакцией в А-воротах лечащими себя от старческой немощи, должны научиться забывать – если хотят существовать дальше. Время – каустическая сода: оно растворяет мотивацию, убивает любопытство и высасывает из жизни всю радость. Однако забывание – хлопотный процесс, подверженный ошибкам транскрипции и повреждению личности. Удаляешь один непотребный паттерн – ложишься в какой-то другой. Все воспоминания взаимосвязаны, и управлять ими – одно из высших медицинских искусств. Отсюда – высокий статус и ресурсная мощь хирургов-храмовников, в чьи руки я себя отдал. Они научились своему мастерству, проводя судебно-медицинский анализ ущерба, нанесенного жертвам Войны Правок. Так вчерашняя преступность пришла к сегодняшней медицине.

Немногим позже моего разговора с Пикколо-47 я опять заявился в клуб пациентов, который мне показала Кей. И вот у меня в руке бокал, я наслаждаюсь нежными галюнами, производимыми напитком в сочетании с нежной музыкой. Денек

жаркий, большинство гостей вечеринки – на улице, в бассейне. Времени даром я не терял – учился, пытался все-все узнать о конституции и правовых традициях Невидимой Республики. Но это тяжелая работа, поэтому я пришел слегка повеселиться. Свой меч и пояс дуэлянта оставил дома. Вместо них на мне черные легинсы и свободная толстовка, украшенная губкой Менгера [4] из пустых карманов, сшитых из меньших карманов, и еще меньших, почти на пределе видимости – сотканных в невесомости ордами крошечных маниакальных пауков, чьи гены, как говорят, были запрограммированы неким обсессивно-компульсивным портным топологом. Я очень доволен собой, потому что мой последний ассистент терапевта, Лют-629, отметил мои большие успехи. Наверное, поэтому я недостаточно осторожен.

Сижу один за столом, никому не мешаю, как вдруг, без предупреждения, две руки закрывают мне глаза. Я вздрагиваю и пытаюсь встать, но другая пара рук уже давит на мои плечи. Я понимаю, кто это, как раз вовремя, чтобы не вмазать ей по лицу.

– Привет, незнакомец, – шепчет она мне на ухо, явно не подозревая, как близко я был к тому, чтобы сорваться на нее.

– Привет. – В один головокружительный момент я чувствую запах ее кожи на своей щеке; мое сердце вот-вот вырвется из груди, и я обливаюсь холодным потом. Я осторожно поглаживаю ее по лицу, собираюсь сказать, что она не должна так подкрадываться ко мне, но представляю себе ее улыбку, и что-то заставляет меня говорить мягче. – А мне было интересно, появишься ли ты здесь.

– Верю. – Кей отпускает меня, я поворачиваюсь и вижу ее озорную улыбку. – Ты тут за каким-то важным делом?

– Не-а. Я много чего читал, теперь мне нужно расслабиться. – Я виновато улыбаюсь. – И я расслабился бы – не вздумай ты проверять мои рефлексы борьбы и самосохранения!

– Извини! – Мы занимаем столик, Кей прислоняется к моему плечу и щелкает по меню пальцами. Через несколько мгновений что-то появляется в высоком матовом бокале, меняя цвет от золотистого наверху до синего внизу, слегка дымясь во влажном воздухе. В дымке я вижу мелкодисперсные узоры, похожие на морских коньков. – Я до сих пор не возьму в толк, вежливо ли спрашивать людей, хотят они со мной говорить или нет. С моих времен условности полностью изменились.

– Я в этом плане не щепетилен. – Опустошив свой бокал, я позволяю столу вобрать его в себя. – Вообще-то я думал перекусить. Ты как, не голодна?

– Может, и голодна. – Кей закусывает нижнюю губу и

задумчиво смотрит на меня. – Ты говорил, что рассчитывал меня увидеть.

– Я просто немного подумал об исследовательском проекте, про который ты мне сказала. Решил узнать, кто эту музыку заказывает и нужны ли еще волонтеры.

Она хлопает глазами, меряя меня взглядом с головы до ног.

– Да у тебя, я смотрю, самоконтроль налаживается. Хочешь подать заявку? Круто!

Один из внешних сигнализаторов дергает, говоря мне, что она просматривает мои общедоступные метаданные – призрачный клубок медицинских записей, который летит за нами как рой воображаемых пчел, готовых укусить при первых признаках агрессии.

– Тебе действительно стало лучше!

– Не хочу быть пациентом вечно. – Звучит драматизированно. – Не люблю такую долгую опеку.

– Ты уже решил, что будешь делать по выздоровлении? – спросила она.

– Понятия не имею. – Я просматриваю меню. – Мне то же самое, – говорю я столу.

– Как же так? – Похоже на невинное любопытство. Может, поэтому я решаю прямо сказать ей правду.

– Я действительно не знаю, кто я. Понимаешь, мое прежнее «я» максимально стерто. Я не помню, чем занимался или даже что меня интересовало. Tabula rasa – это про меня.

– Ох, блин. – Мой напиток выскользнул из-за стола. Она смотрит на меня так, словно не знает, верить мне или нет. – У тебя есть семья? Друзья?

– Я даже этого не знаю. – Это малая ложь: у меня очень-очень туманные детские воспоминания, некоторые – стереотипно интенсивные, которые я пожелал сохранить любой ценой: две гордые матери наблюдают мои первые шаги на черном песчаном пляже. Имеется и безосновательная уверенность в том, что у меня были какие-то давние партнеры… может, целая гигасекунда семейной жизни. Некоторые смутные образы коллег, призраки кошек. К сожалению, что бы я ни делал, яснее картина не становится. И это досадно. – У меня есть кое-какие обрывки, но в целом такое ощущение, что до операции с памятью я был волком-одиночкой. Задроченным клерком, винтиком большой машины. Только я даже не помню, *что* это была за машина. – А это уже форменный *большой* обман.

– Это так грустно, – вздыхает Кей.

– А что было с тобой? – спрашиваю я. – До того, как ты стала ледяным упырем? Ты помнишь?

– Конечно! Я выросла в артистической труппе. У меня было много братьев, сестер и опекунов. Мы были фундаменталистами – скажи кому – стыдно станет! Я время от времени контактирую с кузенами, обмениваюсь впечатлениями. – Кей задумчиво улыбается. – Когда я была упырем, держалась за память о них. Ведь только она напоминала мне, что я – чужестранка.

– А среди упырей у тебя был, ну…

Ее лицо каменеет.

– Нет, не было.

Я смущенно отворачиваюсь. Собственно, с чего я решил, что являюсь единственным лжецом за этим столом?

– По поводу еды, – говорю я, быстро меняя тему разговора. – Я постоянно тестирую здесь разные закусочные. Вычисляю, какая лучше, а заодно разведываю, кто куда ходит. Хочешь – пойдем перекусим и встретимся с моими подругами, Линн и Вхорой? Не знаешь их? Они тоже на реабилитации, но подольше нашего. Линн занимается трудотерапией – ну, она методом проб и ошибок изменяет окружающую среду – как-то так. А Вхора учится играть на волынке.

– У вас есть какое-то место встреч? – Кей расслабляется, сто́ит уйти от щекотливой темы.

– Ага, есть один славный садик в Зеленом Лабиринте. Там двое парней на готовке – специализируются на исторически недостоверных блюдах индонезийской кухни. Ну, это у них развлекалово скорее – публике на потеху. Если не хочешь, можешь у них не есть. – Я поднимаю палец. – Если хочешь знать, вчера я набрел в Зеленом Лабиринте еще на одно местечко – там уже кухня народов мира. Можно заказать себе сковородку вполне сносных кальцоне – это у них называется «сет „Бульдозерист“». Суши туда тоже входят.

Кей задумчиво кивает.

– Ну… – Она секунду мнется. Затем улыбается. – Ладно, заинтриговал. Веди меня. Поедим, а потом повидаем твоих подружек.

Они не то чтобы прямо-таки подружки, скорее – люди, которые мне кивают при встрече. Но я об этом умалчиваю. Расплачиваюсь, помахав рукой перед считывателем, и мы идем через черный ход к великолепному серебряному пляжу за клубом для пациентов, а там минуем живописную арку, скрывающую ворота в Зеленый Лабиринт. По дороге Кей достает из поясного кармана – искусно замаскированного портала в частную кладовую – шаровары из батика и черный пиджак строгого кроя. Мы оба босиком, потому что, несмотря на ветерок, ласкающий кожу, и ярко светящее солнце, находимся в коконе предельно

изолированной среды обитания в бескрайнем пространстве космической тьмы – настолько «в домике», насколько это в принципе возможно для живой души.

Зеленый Лабиринт – прямолинейный коллектор. Такие штуки были на пике моды где-то четыре гигасекунды назад, то есть сразу после того, как послевоенная фрагментация достигла дна. Его каркас состоит из зеленых коридоров, прямых и гнущихся под прямым углом, соединенных ошеломляющим количеством Т-ворот. На самом деле этот Лабиринт – разреженный граф, поэтому можно выйти через дверь с одной его стороны и очутиться на другой. Или на пару этажей выше, или на два поворота с прыжком и уходом за спину. В нем много жилых комплексов, в том числе черный ход в мою квартиру, и еще больше общественных мест в стиле кубизма, игровых уголков, пабов, зон отдыха, развлекательных центров, даже пара настоящих лабиринтов из живой изгороди, дотошно имитирующих стиль, который старше этого места на пару десятков терасекунд.

Излишне говорить, что никто не может пройти Зеленый Лабиринт по памяти или координатам – некоторые ворота ежедневно меняют свою позицию, но мой модем подсказывает, куда идти, визуализируя светящийся курсор перед глазами. У нас уходит треть килосекунды на всю дорогу, проделанную во взаимном молчании. Я все думаю, могу ли доверять Кей, но уже знаю, что она мне нравится.

Индонезийский зал – одна большая комната: старинные чугунные стулья и столы на травянистой платформе, покрытые куполом и под розовым небом, испещренным облаками угарного газа, парящими над зубчатой базальтовой пустыней. Солнце очень маленькое и яркое – вздумай купол исчезнуть, мы, вероятно, околели бы до того, как атмосфера отравила бы нас. Кей смотрит на увитую плющом декоративную арку Т-ворот и выбирает столик рядом с ними.

– Что-то не так? – интересуюсь я.

– Похоже на мой дом. – Она выглядит так, будто укусила дуриан [5], сдуру решив, что перед ней манго. – Постараюсь не обращать внимания.

– Прости, я вовсе не хотел тебя…

– Я знаю, что ты не хотел. – Узкая кривая улыбка исказила лицо Кей. – Может, мне стоило вычистить побольше памяти.

– А вот я с вычисткой перестарался, – говорю я и прикусываю язык. Но тут к нам подходит Фрита, один из двух здешних владельцев – шеф-поваров – дизайнеров, и мы какое-то время восхваляем его последние творения. Разумеется, нам приходится

испробовать плоды первого производственного цикла и поделиться подробными впечатлениями о них – пока Эри, второй заправила, стоит рядом и с гордым видом насилует мандолину.

– Перестарался, значит, – говорит Кей, когда все дела сделаны.

– Да. – Я отодвигаю тарелку. – Точно неизвестно почему. Прежний «я» оставил мне длинное и довольно расплывчатое письмо. Оно закодировано таким образом, что я точно смогу его расшифровать. Он обо всем позаботился – там полно намеков на всякий мрачняк. «Слишком много знаешь», «работал на серьезных людей», «натворил бед»… вроде как даже урезать память и отправиться на реабилитацию – скорее вердикт его коллег, чем его самого. И амнезию ему организовали на славу. Понимаешь, Кей, насколько известно, я вполне мог быть военным преступником или кем-то подобным. Последняя гигасекунда у меня из памяти вытравлена напрочь, да и жизнь до нее полна лакун – не помню, кем я был и чем занимался во время Правок, не знаю ни друзей, ни семьи, ничего в этом роде.

– Это ужасно! – Кей кладет свои тонкие руки на мои и смотрит на меня поверх остатков исключительно вкусного салата из запечённых баклажанов с чесноком.

– Но это еще не всё. – Я смотрю на ее бокал, пустой, стоящий рядом с графином, наполненным вином. – Не хочешь еще выпить?

– С удовольствием.

Она наливает вино в мой бокал и подносит к моему рту, при этом напиваясь из собственного и не отпуская моих рук. Может, в этом плане тела с шестью конечностями хороши, хотя я побоялся бы сделать что-то подобное с собой; ей ведь пришлось претерпеть серьезные изменения в мозжечке, чтобы уметь координировать движения всех четырех рук и пары ног с такой непринужденной грацией.

– Продолжай.

– В письме есть намеки. – Я полощу рот вином. – Недвусмысленные такие. Старый «я» говорит, что меня будут преследовать его враги – такие, от которых простой дуэлью не отделаешься.

– И чем они тебе грозят? – Кей выглядит обеспокоенной.

– Ну, могут украсть мою личность, взломать и перезаписать резервную копию… – Я пожимаю плечами. – Или… не знаю. То есть я не помню. Прежний «я» был тем еще параноиком, ну, или впутался в реально грязные делишки и выбрал самый радикальный метод отступления. Ежели так, мне предстоит веселая жизнь. Стерто столь многое, что я сейчас не скажу, что именно мне грозит и почему. Я почитал здешнюю историю, но

этого недостаточно, согласись. – Я сглатываю застрявший в горле неприятный ком и тут понимаю, что Кей, скорее всего, после таких откровений перестанет со мной водиться. Что за дела, неужто я волнуюсь за свой имидж – впервые за долгое время? – Знаешь, думаю, раньше я был наемником или шпионом одной из отколовшихся от Ис держав.

– Ну, дела. – Она отпускает мои руки. – Робин?

– Да?..

– Вот почему ты не делал бэкап с тех пор, как пошел на реабилитацию? И поэтому ты придерживаешься общественных мест, всегда стоишь спиной к самой прочной стене?

– Уф… да, – выдохнул я. Стало легче. Понятия не имею, почему я не признался во всем раньше. – Я боюсь своего прошлого, Кей. По ходу, оно в любой момент может восстать из могилы, наплевав на всякую редактуру памяти.

Кей встает, склоняется над столом, берет меня за руки, приближает свое лицо к моему и целует меня в губы. Через некоторое время я суетливо отвечаю ей. Верхняя пара ее рук обвивает мои плечи, нижняя жамкает бока.

– Все будет в порядке, сладкий, – шепчет она успокаивающе. – Все хорошо, я с тобой.

Конечно, в порядке ничего не будет, но Кей взаправду со мной, и мой горизонт, по ощущениям, расширился вдвое. Я больше не в незримой одиночной камере, и мне есть с кем поговорить, не опасаясь допроса. Это колоссальное облегчение, гораздо более важное, чем после каких-нибудь простеньких потрахушек.

– Ладно, – говорю я, – пойдем, покажу тебе Линн и Вхору.

– Давай! – говорит она, частично отпуская меня. – Но, Робин, вот еще что. Подумай, сто́ит ли тебе записываться?

– Куда? – не сразу понимаю я. – А, ты про эксперимент!

– Ну да. При твоих-то проблемах! Неужели терапевт тебе не запретил?

Мы снова выходим в Зеленый Лабиринт, и я запрашиваю у модема еще один курсор.

– Наоборот, чуть ли не конфеткой поманил.

– Подумай сам – закрытое общество в изолированной ветви, с отключенными Т-воротами! Когда эксперимент начнется, никто не сможет просто так встать и уйти до конца представления. Данные будут обезличены и перемешаны, документы волонтеров защищены отделом этики Схоласти…

Тут меня осеняет.

– Кей, это даже хорошо! Если кто-то действительно преследует меня, то не сможет поймать, разве что тоже запишется

на эксперимент! К тому же, сидя в изолированной ветви, я стану фактически невидимкой!

Кей с довольным видом сжимает мою руку.

– Рада, что ты разобрался самостоятельно. Итак, найдем твоих подруг! Не в курсе, к ним еще не поступали предложения участвовать?

Линн и Вхору, наслаждающихся бесконечным летним днем, мы застаем в лесистой роще. Оказывается, их обеих уже спросили, не хотят ли они участвовать в эксперименте Юрдона. У Линн орточеловеческое женское тело, и она вот-вот завершит реабилитацию. Недавно она заинтересовалась историей моды – одеждой, косметикой, тату, пирсингом и далее по списку, – и сама идея пришлась ей по вкусу. Вхора – кентавр, девушка-монстр из японского комикса: огромные черные глаза, монструозные ресницы, идеальная человеческая грудь и пестрая кожа с вшитыми кевларовыми имплантами.

– У меня был сеанс с доктором Мавридесом, – говорит Линн. У нее длинные волосы орехового цвета, бледная веснушчатая кожа, зеленые глаза, вздернутый нос и эльфийские уши; доисторического кроя платье закрывает ее от шеи до пят. Оно зеленое, что идет к цвету ее глаз. А Вхора одежду не носит. Линн обнимает ее за бок, одной рукой лениво опирается на ее спину, пальцами другой отстраненно поглаживает основание рифленого рога, который растет изо лба Вхоры. – По мне, эксперимент звучит довольно интересно.

– Вообще не по мне, – замечает Вхора и вроде как улыбается, хотя наверняка сказать сложно. – История, времена до возможности морфировать тело… не… Извините, но с меня двух жизней в человеческой тушке хватит.

– Ой, Вхора, будет тебе. – Линн раздраженно вздыхает. Она надавливает ей пальцем на рог у основания, и девушка-монстр на мгновение цепенеет. – Скажи, что в этом плохого?

– А какой именно исторический период нас ждет? – осторожно спрашиваю я. Честно говоря, я сознательно игнорировал этот аспект до сей поры, пока Кей не заставила меня осознать преимущества и недостатки исчезновения в закрытой системе на несколько лет. Мне вовсе не улыбалось жить в пещере и охотиться на мамонтов с копьем – или что там Юрдон со товарищи для испытуемых приберег. Не люблю, когда меня принимают за какого-то бесхребетного типа, а у Пикколо-47 при разговоре со мной тон был покровительственный, если не сказать больше. Просто Пикколо – эталонный самодовольно-эгоцентричный эксперт-психолог, из тех, что к любому предположению о пренебрежительности своих действий

относится как к проекции со стороны пациента (а следовательно, к чему-то, на что, за милую душу, можно наплевать, – и что хочется, то и воротить дальше). По моему опыту, при общении с такими людьми лучше всего вежливо соглашаться со всем, что они говорят, а затем выкидывать их слова из головы.

– Ну, всей правды нам не говорят, – оправдывающимся тоном сообщает Линн. – Но я провела небольшое расследование. Профессора Юрдона интересует та эра на Земле, о которой я мало знаю, – первый темный век индустриализации, с середины XX по середину XXI века, по хронологии старой *Zemly*. Он работает с доктором-полковником Бойтенгом, специалистом по полиморфным обществам – кастовым системам, гендерным сегрегациям, стратификациям по рождению, астрологическим данным – все в таком духе. У него недавно вышла пара статей, где он говорит, что люди в большинстве обществ до интервальных монархий не могли действовать полностью автономно, потому что имели навязанные социальные ограничения. Кроме того, подозреваю, что Схоластия финансирует это исследование, потому что оно имеет некоторые дипломатические последствия.

Я чувствую, как Кей слегка дрожит под моей левой рукой, которая обнимает ее верхнюю пару рук. Она налегает на меня крепче, а я, в свою очередь, прижимаюсь к стволу дерева за спиной.

– Общества по типу ледяных упырей, – бормочет она.

– Упырей? – эхом повторяет Вхора.

– Малотехнологичное общество, стремящееся к развитию и еще не достигшее эры техноускорения. Ни тебе думающих машин, ни виртуальных и самовоспроизводящихся инструментов. Богоподобные сущности отсутствуют, целеполагание слабое, способности к реконструкции тел после тяжелых травм – никакой. – Она слегка вздрагивает. – Упыри – пленники собственных тел, которые разваливаются при старении. Если кто-то лишается, скажем, руки, они не в силах ее восстановить. – Она чем-то сильно недовольна, и на миг я задаюсь вопросом, сколь много ледяные упыри, с которыми она жила, значили для нее, если ей пришлось очутиться здесь, чтобы о них забыть.

– Звучит фигово, – говорит Линн. – По крайней мере, такой тип интересует доктора-полковника Бойтенга. Тип систем, в которых людям недостает самоконтроля.

– И как этот эксперимент должен работать? – спрашиваю я.

– Ну, я не знаю подробности наперечет! – Линн явно буксует. – Но, если подашь заявку, тебе подсунут стопку разных тестов. Кстати, тебя отсеют, если есть родственники или близкие

друзья. Эта канитель только для одиночек.

Кей на мгновение сжимает меня сильнее.

– В любом случае они делают резервную копию, и она просыпается внутри эксперимента. Они подготовили полную систему под эксперимент. В материалах пишут, что это более ста миллионов кубометров жилой площади и целая внутренняя сеть проходных ворот. Не совсем дикая местность, как необработанный планетарный биом или что-то в этом роде. Но есть несколько подводных камней. Ассемблеры отсутствуют, поэтому нельзя выбрать себе форму по собственному желанию. Чтобы получить еду, одежду, инструменты, что угодно, придется пользоваться услугами специальных ограниченных фабрикаторов, которые делают лишь то, что всем дозволено в рамках и при условиях эксперимента. Действует своя денежная система: тебе придется работать и платить за то, что потребляешь. Так надо для имитации экономики и дефицита в эру до Техноускорения. Но жести не будет – там не стремятся морить кого-то голодом. И вот еще что – всем назначают новое тело, ортогуманоидного типа, и особую роль в их задуманном сюжете. Во время эксперимента нужно этой роли придерживаться. Резервных копий, модемов или редакций самого себя не будет. То есть, если поранился – жди, пока само заживет. До Техноускорения не было А-ворот, смекаете? Но миллиарды людей в те эпохи вполне спокойно жили. В общем, ничего страшного – просто чуть больше осторожности, чтобы себе не навредить.

– Но в чем суть эксперимента? – в который раз задаюсь я вопросом. Что-то от меня ускользает – правда, не могу понять, что именно.

– Симуляция общества темных эпох, – говорит Линн. – Живешь там, соблюдаешь все тамошние правила, а за тобой наблюдают. Потом – конец, все свободны. Что ты еще хочешь понять?

– И какие правила нужно соблюдать?

Линн мечтательно улыбается, прижимаясь к Вхоре и лаская рог кентаврихи, который светится нежно-розовым светом и пульсирует в ритме движений ее рук.

– Они просто хотят воссоздать микрокосм полиморфного общества наших предков. Темные века – большая часть нашей истории, именно тогда произошло Техноускорение. Но мы так мало о них знаем! Похоже, эти ребята надеются, что понимание того, как работало то общество, объяснит, как мы пришли к тому, к чему пришли. Происхождение когнитивных диктатур, ранних колоний – вопрос в ту же копилку.

– Да я про правила тебя спрашиваю!

– Они действуют по своему усмотрению, – говорит Вхора. – Чтобы подтолкнуть испытуемых к сохранению роли, им назначают баллы за поведение в полном соответствии с тем, что известно об обществе темных веков. Если поведение выбивается за паттерн – баллы снимают. По окончании эксперимента баллы конвертируются в дополнительные бонусные деньги. Вот и все.

Я смотрю на кентавриху.

– А ты-то откуда знаешь?

– Прочитала сценарий. – Вхора одаряет меня озорной улыбкой. – Они хотят, чтобы люди сотрудничали и действовали слаженно, ничего не навязывая. Ведь в любом обществе люди нарушают навязанные правила, верно? А тут просто играет баланс между затратами и выгодами.

– Дебильная балльно-рейтинговая система? – уточняю я.

– Ну да. Для оценки прогресса. Или регресса.

– В любом случае звучит интересно, – бормочет Кей.

Она крепко меня обнимает. Полуденное солнце в роще светит мягко и желто. Хотя насекомые назойливо жужжат и кусаются, биом дает нам покой. Линн снова улыбается прозорливой улыбкой и поглаживает точку на макушке Вхоры. В этом жесте есть что-то от заигрывания, откровенно чувственное, но мне такая чувственность не подходит.

– Итак, мы в деле? – спрашивает меня Кей.

– Думаю, да. – Я помогаю ей встать, а она в свою очередь меня поднимает.

– Спасибо, что заглянула, – мурлычет Вхора, заметно дрожа, когда Линн вновь щекочет основание ее рога. – Может, останешься еще ненадолго?

– Спасибо за предложение, но нет, – мягко пасует Кей. – У меня скоро сеанс терапии. Может, в другой раз?

– Ладно, увидимся позже, – отвечает Линн.

Когда мы уходим, Вхора одной рукой расшнуровывает лиф платья своей подружки.

– Я думал, мы вместе потусуемся. А у тебя, оказывается, терапия, – говорю я, когда мы отходим на достаточное расстояние. Я протягиваю руку, и Кей крепко сжимает ее.

– Какая еще терапия?

– Ну, ты же сказала…

– Ох! Ну ты и балбес. Я наврала с три короба. Ты что, думал, я поделюсь тобой с этой хвостатой цыпочкой?

Я оборачиваюсь, прислоняю ее к стене – и внезапно ее тело наступает со всех сторон: алчные руки загребают меня, поглаживают, сжимают во всех местах, а мой рот наполняют ее непередаваемые, экзотически-пряные вкусы.

* * *

Некоторое время спустя мы оказываемся в скромной беседке в гостиной, ранее нам неизвестной, где-то в Зеленом Лабиринте; потные, голые, усталые и счастливые. Раньше я занимался этим делом только с ее ортоформой, но сейчас – иной расклад. Своими четырьмя ловкими руками она проделывает такое, отчего я готов прямо-таки голосить от восторга. Жаль, не могу ответить ей чем-то в этом роде. Может, однажды, когда я соберусь достаточно, чтобы осмелиться переключиться на ксеноморфное тело… Я редко задумываюсь о таких вещах, но Кей хорошо умеет снимать мои запреты.

После всего она отрывается от меня и обнимает.

– В эксперимент не берут пары, – тихо говорит она.

– Но ты сказала, что мне нужно поучаствовать.

– Так и есть. – Она довольно спокойно относится к этому. А я не спрашивал, было у нас все всерьез или мимолетно.

– Почему? Я вовсе не обязан…

– Если тебе угрожает опасность, я хочу, чтобы ты был там, где безопаснее.

Я кладу руку ей на грудь – и Кей вздрагивает.

– Они дадут нам другие тела, – шепчет она. – Мы, наверное, даже узнать друг друга не сможем.

– Тебя это не смутит? – обеспокоенно спрашиваю я. – Если ты стесняешься…

– Я могу притвориться, что это тщательно продуманная маскировка. Я ведь так уже делала – забыл?

Вот оно что.

– Значит, придется солгать. – Слова срываются с губ почти против моей воли.

– Почему? – спрашивает она. – Мы же не пара. – Мое сердце на мгновение замирает. – Ну, *пока что*.

– Ты моногамна или полигамна?

– Я могу по-всякому. – Соски под моими пальцами напрягаются. – Хотя, скажу тебе, с одним партнером легче поддерживать эмоциональное равновесие. – Я чувствую, как ее спина слегка напрягается. – А ты у нас – ревнивая натура?

Я предельно серьезно обдумываю вопрос.

– Вряд ли. Хотя… не уверен. Я слишком мало помню. Когда Линн предложила тебе с ней задержаться, я не ревновал особо. Наверное, в кругу друзей не стал бы.

– Ну и славно. – Она придвигается ко мне, затем поднимается на все четыре руки и карабкается вверх, покуда не нависает надо мной как богиня-паучиха мирского блаженства. – Так что, строго

говоря, мы не соврем, если скажем, что не состоим в длительной связи. Но ты обещаешь поискать меня там? Или после того, как все закончится? Ну, или… если вдруг кого-то из нас не возьмут?

Я смотрю ей в глаза на расстоянии в несколько миллиметров и вижу в них отражение – похоти, голода и беспокойства.

– Обещаю, Кей.

Богиня-паучиха довольно кивает и принимается ублажать меня, работая четырьмя руками, ртом, всеми доступными ей способами и конечностями. А я, самец-паучок, гадаю, в последний ли раз мы с ней видимся.

* * *

Когда после нашего свидания я иду домой один, кто-то пытается меня убить.

Несмотря на то, что я сказал Пикколо-47, до сих пор не сделал резервную копию. Этот шаг кажется мне безотзывным, как если бы означал принятие моего нового состояния. Резервное копирование собственной личности добавляет багажа, а стирание памяти лишает его. Но в моем случае мне действительно сто́ит сделать резервную копию, как только я вернусь в свою комнату. Кей, вероятно, было бы больно, если бы я умер сейчас и вернулся в состояние, в котором пребывал до нашей встречи. И теперь мне важно не обидеть ее.

Может, поэтому я и пережил ту атаку.

Выйдя из парка отдыха, мы разделились, застенчиво помахав друг другу, напоследок переглянувшись. Кей идет к терапевту, мне тоже лучше придерживаться своего режима чтения и учебы, который требует, чтобы я тратил на него не менее десяти килосекунд в день. Мы расстаемся нехотя, уязвленные новой чувствительностью. Я все еще не уверен, что чувствую, и меня беспокоит идея перехода в экспериментальную систему. Узнает ли она меня там? А я – ее? Заинтересуем ли мы друг друга в новых телах, в новых идейных координатах? В конце концов, мы оба – взрослые люди. Нужно вести собственную и полностью независимую жизнь. Надо будет прощаться – попрощаемся.

Мне сейчас не нужна ничья компания (кроме Кей), поэтому, идя домой через граф Т-ворот, соединяющий Зеленый Лабиринт, я врубаю на модеме режим инкогнито. Теперь для моего зрения люди – этакие столбы тумана, перемещающиеся в величественной тишине, а сетевые фильтры в их модемах точно так же «затуманивают» мою персону.

Однако не узнавать людей – не то же самое, что не знать о

чьем-то присутствии. Примерно на полпути я замечаю, что один из столбов тумана следует за мной на небольшом расстоянии. *Интересненько*, отмечаю я про себя на сугубо рефлекторном уровне, о каком и не гадал до настоящего момента. Я велю модему пометить преследователя ярко-алой меткой и сообщать моим позиционным чувствам о его местоположении. Такую операцию можно провернуть, оставаясь в поле анонимности – приемчик старый, с историей. Так что я продолжаю идти, стараясь не показывать, что заметил хвост.

Вместо того чтобы вернуться тем же путем, каким прибыл, я иду через Зеленый лабиринт прямо в проход к своей квартире. Столб тумана преследует меня, и я небрежно сую левую руку в большой набедренный карман куртки, ища проход в рыхлой круговерти Т-ворот. Наступает момент, когда вокруг – никого, и мой преследователь решается атаковать. Он бросается на меня, думая, что я пребываю в блаженном неведении, да вот маркер моего модема выдает его. В левом глазу у меня есть фиксатор расстояний, и, как только он начинает сигнализировать о перемещении враждебного объекта в мою сторону, я сбрасываю режим инкогнито, разворачиваюсь и вооружаюсь.

Противник – невысокий и неприметный мужчина: кожа кофейного цвета, телосложение скорее жилистое, килт и черная жилетка на голое тело. На самом деле единственная примечательность в нем – его меч, не дуэльный, а из мономолекулярных нитей. Такой даже через алмазную броню пройдет как через мыльный пузырь. Разумеется, эта штука невидима глазу – если не считать красной бусины на острие, более чем в двух метрах над правой рукой убийцы.

Я напрягаюсь мимолетно, разряжая свой бластер, затем опускаю его и смаргиваю из глаз ужасные остаточные изображения в пурпурной гамме. Жуткий грохот, неприятный запах озона и подгоревшего мяса, отдача посылает болезненное ощущение вверх по руке. Лезвие упавшего меча высекает искры из каменного пола, и я спешу уйти с его пути – мне не хочется по глупости остаться без ноги. Я оглядываюсь в поисках других враждебно настроенных личностей.

– Подонок, – сплевываю я в сторону мистера Копченого. Я чувствую себя странно равнодушным к тому, что только что сделал, хотя мне хотелось бы, чтобы остаточные изображения исчезли быстрее – из бластера палят лишь в очках, защищающих от ярких вспышек, а у меня не было времени их нацепить. Бластер – простое оружие, маленькие Т-ворота, соединенные (через другую пару Т-ворот по принципу клапана) с конечной точкой в фотосфере изолированной нейтронной звезды. Грязная

примочка для ближнего боя – ей под силу уничтожить все, кроме полной боевой брони, и, поскольку это, по сути, лишь пара червоточин, связанных вместе суперструной, она никогда не дает осечки. Но есть и минусы. Например, сейчас у меня дикий звон в ушах. Да и кожа на лице зудит от свеженьких радиационных ожогов. Для дуэлянтов считается дурным тоном использовать бластеры или вообще что-либо, не являющееся холодным оружием. Вероятно, поэтому нападавший не ждал такого исхода.

– Никогда не ввязывайся в войнушку-пострелушку, если при себе только нож, – учу я уму-разуму мистера Копченого, отворачиваясь от останков. Его правая рука висит на стене пару секунд, раздумывая над советом, а потом отваливается и шлепается на пол.

Остальная часть моего пути домой проходит без происшествий, но, к тому времени как я добираюсь туда, меня трясет, а зубы стучат. Я закрываю дверь и приказываю ей слиться со стенами, затем опускаюсь на единственный стул, который стоит посреди комнаты, когда кровать не раздвинута. Знал ли он, что я не записал резервную копию? Понимал ли он, что мое прежнее «я» не стерло все мои защитные рефлексы или что я знал, где достать бластер в Невидимой Республике? Понятия не имею. Что я точно знаю – так это то, что кто-то только что пытался убить меня тайком, без свидетелей – и без обычного воскрешения после дуэли. Это говорит о том, что кто-то хочет вывести меня из игры и самостоятельно покопаться в моих резервных копиях. Кража такой информации – серьезное преступление против личности, которое в большинстве государств оценивается на несколько степеней тяжелее убийства.

Что ж, кажется, дело решенное – придется сделать резервную копию, а затем искать убежища у Юрдона. Будучи изолированным государством, отключенным от коллектора на время выполнения исследовательского проекта, его экспериментальный полигон должен быть настолько безопасным, насколько это вообще возможно.

Если только никто из моих врагов не зарегистрируется там вслед за мной.

3. Нуклеарность

Выполнить резервное копирование предельно просто, но трудно справиться с его последствиями.

Вам нужно найти А-ворота, которые могут построить резервную копию (что просто означает, что их кабина должна быть достаточно большой, чтобы в ней мог разместиться человек, и что они не проходят как ворота специального назначения – военные, скажем). Такие можно найти в каждой квартире реабилитационного комплекса; они используются для фабрикации мебели и провизии, а также разложения людей на атомы и их дальнейшего объединения в прежнее целое. Займите кабину и попросите модем произвести резервное копирование – просто как апельсин. На это уйдет некоторое время – все-таки не чудеса червоточин, а разборка и копирование на наноуровне. Однако неприятных ощущений, связанных с тем, что вас погружают в синюю слизь-фабрикатор, пожирают, оцифровывают и снова исторгают наружу, не будет – модем «отключит» вас, едва начнет загружать в буфер данные вашего вектора состояния нейронов.

Меня беспокоит именно этот временной промежуток. Я не люблю «выпадать» даже на некоторое время, особенно когда неизвестный враг хочет украсть мою личность. С другой стороны, было бы безрассудно отказываться от резервной копии при таких подозрениях. Если кому-то все же удастся грохнуть меня, я хочу, чтобы наследующая меня копия знала, что происходит, – и помнила о Кей. Однако я принимаю некоторые меры предосторожности. Перед тем как войти в кабину, приказываю фабрикатору кое-что изготовить – невинные с виду вещички, превращающиеся в очень коварные и жестокие ловушки. Найдя им место, я делаю глубокий вдох… стою неподвижно долю килосекунды, глядя на зовущее нутро кабины. Ничего серьезного – просто надо унять мандраж.

И вот я захожу.

– Резервное копирование, – даю голосовую команду.

Появляется сиденье, я устраиваюсь на нем, дверь закрывается, мигает табличка с надписью «ЗАНЯТО». Я успеваю увидеть только молочно-голубую жидкость, выступающую из трещин в полу – потом все вокруг сереет, а мозг чувствует себя донельзя уставшим.

Теперь о последствиях. Через мгновение вы должны проснуться ошеломленными и немного потными. Дверь открывается, и вы идете в душ, чтобы смыть гель, оставшийся от

ворот. Вы потратили, может, тысячу секунд на то, чтобы мембрана, покрытая несколькими тысячами триллионов автоматических демонтирующих головок, размером с белковое соединение – каждая, пережевывала вас нанометр за нанометром, возвращая к форме молекулярного сырья, при этом фоновым процессом сохраняя ваш вектор состояния для загрузки в новую копию. Однако вы этого не замечаете – все это время ваш мозг, условно говоря, мертв. Ну а потом А-ворота открываются, и вы можете продолжать жить дальше – как жили до резервного копирования. Конечно, есть некоторый дискомфорт, да и тело на первых порах кажется совершенно…

Чужим.

Я пытаюсь встать слишком быстро, и у меня подгибаются колени. Кружится голова, я падаю на стену кабины, но, ударяясь о нее, понимаю, что слишком низок. На данном этапе я все еще только чувствую, а не осознаю. Другое дело: снова сажусь, но кабина неприятно узкая, а у меня слишком широкие бедра и чересчур короткое туловище. И это не всё. Руки странные: человеческие, но совсем другие. Я поднимаю руку, кладу ее себе на колени; мои бедра кажутся слишком толстыми, но есть еще кое-что. О, понимаю я, просовывая руку между ног. Да я ведь уже не парень. Я – женщина. Поднимаю вторую руку и нащупываю грудь. Самка, ортогуманоид.

Ну, раньше-то я и был… *была* ортоформой. Понятия не имею, когда и как долго, и это вряд ли моя предпочтительная форма существования, но жить можно. А потом в голову влетает очевидный вывод из всего этого безобразия, и я в ужасе вскакиваю на ноги – тут же в глазах темнеет, пол и стены норовят врезать мне по лицу. Кто-то саботировал мою резервную копию! И вот – вторая запоздалая мысль: я – дубль. Моя первая копия умерла за ненадобностью.

– Эх, – выдыхаю я, привалившись спиной к белой дверце кабины. Мой голос жутко странный – выше на октаву, писклявый какой-то. – Охренеть и назад не выхренеть…

Я не могу торчать тут вечно и уже точно не увижу ничего хорошего, когда открою дверь. Преодолевая нарастающий ужас, я нажимаю замок. И примерно в этот момент понимаю, что на мне ничего нет. Это неудивительно – моя куртка была сделана из Т-ворот, а это одна из вещей, которые не могут сделать фабрикаторы. Штаны тоже исчезли, а они были из простой ткани. Кто-то меня хорошенько и основательно взломал, осознаю я с нарастающим страхом. Дверь открывается, впуская воздух, охлаждающий влажную кожу. Я моргаю и оглядываюсь. Как и в моей квартире, на низком столике рядом со стулом есть только

планшет, а ловушек и двери в стене уже нет. Присмотревшись, я вижу, что все другого цвета, да и стул не такой, как раньше.

Смотрю планшет. Вверху мигает красный текст: *К ознакомлению – немедленно*.

– Ага, подождете. – Я смотрю на дверь, вздрагиваю и иду в ванную. Тот, кто хакнул меня, явно не торопился. Я тоже не буду. Вот соберу свои мысли в кучку, а потом переговорим с глазу на глаз.

Ванные комнаты в комнатах пациентов однотипные: белое керамическое яйцо с водяными и воздушными форсунками, освещенное рассеянным светом и укомплектованное датчиками движения. Делаю воду погорячее, пускаю мощную струю. Стою под ней, дрожа от страха, пока моя кожа не делается румяной и скрипуче-чистой.

Кто-то взломал меня, и я ничего не могу с этим поделать. Все, что мне остается, – преодолеть препятствия, уготованные мне. И надеяться на легкую смерть в случае чего. Сопротивление, как говорится, бесполезно. Если уровень доступа к моим резервным данным таков, что кожаный меч перековали на живородящее орало, злоумышленники могут делать со мной все, что угодно, хоть в крендель гнуть. Редактирование памяти? Легко. Создание нескольких независимых копий? За здорово живешь. Можно вообще зомби из меня сделать и управлять, как каким-нибудь сраным игровым персонажем. А потом шантажировать тем, что я натворил в зомби-состоянии. Раз меня разбудили у А-ворот в другой комнате – значит, и мой статус-вектор скомпрометирован. Я могу убегать тысячу раз, подвергнуться тысячекратным пыткам, и все равно меня в конце концов снова бросят в эту каморку. Как в тюрьму.

Кража личных данных – ужасное преступление.

Прежде чем выйти из ванной, я внимательно изучаю свое новое тело. В конце концов, я вижу его впервые, и у меня неприятное предчувствие, что оно мне что-то скажет об ожиданиях моих похитителей.

Итак, я обладаю характеристиками ортогуманоидной женщины: рост снизился сантиметров на пятнадцать, тело осесимметричное, кожа и волосы – просто загляденье. Тело хорошее, крепкое, не сексуализированное сверх меры – на куклу для потрахушек я не похожа. У меня широкие бедра, узкая талия, грудь больше, чем я бы выбрал, высокие скулы и полные губы; кожа бледнее, чем мне хотелось бы. Новый лоб гладкий и высокий, морщин над голубыми европеоидными глазами не видать. Каштановые волосы падают на плечи. На фига такие длинные? А ногти на руках и ногах короткие – что-то не бьется,

это непрактично с точки зрения самообороны. Я вытягиваю руки над головой и чувствую шок. Я слабачка – на верхней части тела почти нет тренированных мышц.

Итак, подведем итог: я невысокая, слабая и безоружная, но симпатичная – в ретростиле, по-старомодному…

– Отличный, мать вашу, подгон, – рычу я отражению в зеркале. Затем я возвращаюсь в спальню, сажусь и смотрю на планшет.

К ознакомлению – немедленно, – все так же настаивает он.

– Ну, погнали, родимый. – Я нажимаю на надпись, и по экрану бегут строчки:

Уважаемый Участник!

Благодарим за согласие участвовать в экспериментальном режиме Юрдона—Фиоре—Хант (если вы не помните, что давали свое согласие, нажмите ЗДЕСЬ, чтобы прочитать заявление, которое вы подписали перед последним резервным копированием). Надеемся, что вам понравится в нашем эксперименте. Мы подготовили для вас вводный курс доктора Фиоре. Первая лекция начнется через 1294 секунды. В интересах надлежащего погружения в роль советуем вам уже сейчас надеть полагающуюся Вам по роли ретроодежду (см. ящик под стулом).

После лекции состоится приветственный фуршет, где у Вас будет возможность встретиться с другими участниками эксперимента, задействованными на данный момент.

Я моргаю. Перечитываю сообщение, стремясь найти хоть какую-нибудь зацепку или двусмысленность. Ни хрена я не подписывала! Или… подписывала? Похоже, все-таки подписывала – или это последствия взлома. Я жму на ссылку – всё чин чином: мой уникальный 16-значный идентификатор и отпечаток пальца в придачу, распознаваемые модемом как легитимная подпись. Я подписала контракт, где говорится, что я обязалась жить в экспериментальной подсети под вымышленным именем Рив в течение следующих… ста мегасекунд? *Три года?* И пока я там, мои гражданские права регулируются двусторонним соглашением: я не отказываюсь от основных прав разумного существа, меня нельзя пытать и подвергать промывке мозгов, но и сложить обязанности испытуемого я не могу, если на то не даст добро вышестоящее руководство проекта.

Я ловлю себя на том, что учащенно дышу, колеблясь между облегчением оттого, что не стала жертвой кражи личных данных, и опасением из-за масштабов того, на что я подписалась. У них есть право в одностороннем порядке изгнать меня (это

нормально – если захочу выйти из игры, надо просто всех достать) и диктовать мне, в каком теле жить. Расклад максимально хреновый: в ряде прочих драконовских положений я с огромным неудовольствием нахожу согласие на контроль моих действий путем непрекращающегося и повсеместного наблюдения. Мой тематический раздел – «Паноптикум Темных Веков». Интересно, что меня вообще туда толкнуло? Мелким шрифтом в соглашении набран пункт «Компенсационные льготы».

Ага.

Во-первых, сама Схоластия гарантирует участникам эксперимента все компенсации и готова ответить на любые претензии. Так что, если мои права будут ущемлять, я могу на них подать в суд – а глубина карманов у ребят, я так понимаю, приближается к бесконечной.

Во-вторых, вознаграждение крайне удовлетворительное. Произвожу краткие подсчеты и выясняю, что за три года пребывания в клетке для хомячков мне сулят сумму, коей хватит на безбедное существование на свободе на срок, минимум в три раза больший.

Успокаиваюсь понемногу. Никакого взлома – я пошла на это добровольно, и у затеи даже есть плюсы. Мое второе «я» не рехнулось – уже плюс. Мне приходит на ум, что плохим парням, кем бы они ни являлись, будет очень трудно добраться до меня внутри экспериментального государства, доступ к которому возможен только через единственные Т-ворота, охраняемые брандмауэром и лучшими силами Схоластии.

Предполагается, что я играю роль персонажа исторического периода, в который мы якобы живем: ношу тело, которое не похоже на мое; использую псевдоним и фальшивую личность и не обсуждаю внешний мир ни с кем в исследовании. Это значит, что любой враг, явившийся по мою душу, столкнется с колоссальной болью в заднице – не зная, как я выгляжу, не имея права расспросить тех, кто знает, в нужном ему контексте, да и без толкового оружия он едва ли меня прищучит. В общем, если пан, я буду на коне, а если пропал – может, что-то прояснится с моей личностью. Вероятно, мне даже позволят сохранить полезные воспоминания.

Я достаю обещанный ящик с одеждой и морщу нос. Барахлишко не воняет – оно просто *странное*, зато исторически точное, как планшет и обещал. В комплекте – странная черная туника, предельно просто скроенная, оставляющая руки и голени голыми (верх непрактичности) и черная куртка, которую можно одеть поверх. Обувь – пара черных лакированных лодочек, функциональных лишь в зоне сильной гравитации, но с

причудливыми заостренными носками и каблуками, сужающимися к острию длиной в три-четыре сантиметра. Нижнее белье довольно простое, но требуется время, чтобы понять, что ноги нужно просунуть в фигню из растягивающегося нейлона. Ноги, кстати, без плотного волосяного покрова – таковой у меня только на голове. Да, это ортотело со всеми вытекающими последствиями, но не такое пропащее, если подумать. Я качаю головой.

Страннее всего то, что ткань предельно тупая – и грязь не отталкивает, и кожные бактерии не жрет, уже не говоря о том, чтобы реагировать на обновление стиля или настрой того, кто ее носит. Никаких вместительных карманов: Т-ворота нигде не предусмотрены – ни в рукавах, ни в подкладке куртки. Когда их изобрели-то? Может, на мой век перепадет нормальная интеллектуальная одежда. Я полностью облачаюсь, оглядываю себя в зеркале в ванной. С волосами такой длины меня ждет много проблем, но никаких средств для их нормальной организации, кроме эластичного каучукового кольца, мне не дали. Ладно, пока и так сойдет – потом обрежу до разумных пределов.

Что ж, теперь мне ничего не остается, как пойти на ознакомительную лекцию и «приветственный фуршет». Так что я беру свой планшет и через дверь покидаю комнату.

* * *

По ту сторону двери – длинная узкая зала. Я только что вышла из одной из дюжины дверей на трех стенах, выкрашенных в стерильный белый цвет. Пол выложен плиткой из черного и белого мрамора. Четвертая стена напротив моей двери покрыта чем-то, в чем я через некоторое время различаю листы дерева – настоящего мертвого дерева, срубленного и расколотого на щепки, – с двумя проходами по обе стороны. Видимо, где-то там и будет лекция. Хотя я не понимаю, почему бы не провести ее онлайн. Я иду к ближайшей открытой двери. Меня раздражают мои туфли – они издают неприятное цоканье при каждом шаге.

В центре большого зала уже сидят семь или восемь человек на выставленных в несколько рядов и, казалось бы, неудобных стульях, обращенных к подиуму на фоне выкрашенной в белый цвет стены. Мы – нужно привыкнуть к тому, что я вызвалась добровольцем, хотя сейчас я себя так не чувствую, – все тут более-менее одинаковые мужчины и женщины в глупых ретрокостюмах. Кажется, они руководствуются неким сложным набором правил,

определяющих, кому какую одежду разрешено носить, и все мы носим удивительно много тряпок, хоть и находимся в среде обитания с контролируемой атмосферой. У женщин – цельные платья или юбки до колен в сочетании с блузками, закрывающими верхнюю часть туловища. Мужчины носят подходящие по цвету комплекты брюк и курток с рубашками под ними; пояса и воротники выглядят до ужаса неудобными. По большей части одежда – черно-белая или серо-белая, невероятно бесцветная.

Помимо исторических костюмов, наблюдается ряд других аномалий. Насколько я могу судить, ни у кого из мужчин нет длинных волос, а у женщин – коротких. Несколько голов поворачиваются, когда я вхожу, но я не чувствую себя не к месту, хоть и собрала свои лохмы в хвост. Просто еще одна обезличенная фигура в ретроприкиде.

– Лекция здесь будет проходить? – спрашиваю я ближнего ко мне мужчину. Он среднего роста – точно не выше, чем я была раньше, но теперь я смотрю на него снизу вверх. У него черные волосы и аккуратно подстриженная растительность на лице.

– Думаю, да, – медленно говорит он, пожимая плечами, прежде чем неуверенная мина искажает черты его лица. Ну, в таком глухом наряде еще не так скривишься. – А вы, получается, только-только пришли? Я после последнего сохранения нашел у себя планшет, прочел вот…

– Ага, я тоже, – отвечаю ему. Я сжимаю планшет под мышкой и улыбаюсь ему, чуть наклонив голову. Я могу распознать нервозность по голосу, и этому большому парню так же неудобно, как и мне. – Не помните, как подписывались на эту канитель, да?

– Что, выходит, я не один? – По его лицу расплывается облегчение. – Я проходил реабилитацию, – поспешно объясняет он. – Как раз оправлялся от последствий стирания памяти. И вот я здесь…

– Аналогично, – говорю я, теряя интерес. – Так когда тут все начнется?

Дверь, которую я не заметила, открывается в белой стене за нашими спинами, и входит толстый мужчина, ортогуманоид. На нем – длинный белый плащ, застегнутый спереди на архаичные пуговицы; двигаясь, он раскачивается из стороны в сторону, как раздутая самодовольная амфибия. Черные волосы редкими жирными прядями ниспадают по обе стороны от его лица – они длиннее, чем у всех мужчин здесь. Он подходит к трибуне и мерзко кряхтит, чтобы привлечь внимание.

– Привет всем. Я рад, что вы согласились прийти на мою небольшую вводную речь. Хочу извиниться за то, что заставил вас

прийти лично, но наш исследовательский проект выполняется в условиях строгой согласованности, поэтому мы сообразили, что не должны выходить за рамки функциональных параметров смоделированного общества. В нем бы всё устроили именно как личную встречу, так что… не могли бы вы сесть?

Чтобы занять все места, нужно время. Я приземляюсь в первом ряду между Большим Парнем и женщиной с бледной веснушчатой кожей и рыжими волосами, совсем как у Линн, но в кремовой блузке, темно-сером жакете и юбке. Я не понимаю стиля – он вертикально несбалансированный и, честно говоря, слегка чудаковатый. Однако мало чем отличается от того, что мне дали надеть, поэтому, наверное, соответствует реалиям эпохи. Неужели так сильно изменилось наше чувство эстетики, задаюсь я вопросом.

– Я доктор-майор Фиоре, – начинает речь тип на трибуне. – Вместе с профессором-полковником Юрдоном я разработал протокол нашего эксперимента и нахожусь здесь, чтобы объяснить вам, чего мы пытаемся достичь, хотя не ждите от меня разъяснений по вопросам, которые могут повлиять на ваше поведение в экспериментальной среде. Рассчитываю на понимание. – Он улыбается, будто только что пошутил. – Итак, первые темные века. – Когда он собирается изречь что-то, кажущееся ему важным, выпячивает грудь и делает глубокий вдох. – Первые темные века длились около трех гигасекунд, по сравнению с семью гигасекундами, ушедшими на Войну Правок. Но в перспективе они заняли почти половину эры Техноускорения, так называемый конец двадцатого – начало двадцать первого века по исторической хроношкале. Если мы проследим исторические записи от дотехнологической эры до первого темного века, то обнаружим, что наблюдаем за людьми, которые жили как обезьяны с технологической поддержкой. Этакие нетипично умные приматы со сложными механическими инструментами, но в основном не изменившиеся с момента появления вида. Затем, когда мы смотрим на тех, кто вышел из первого темного века, обнаруживаем, что наблюдаем за людьми, похожими на нас, поскольку мы живем в современную эпоху – эру эмоциональных машин, как назвал ее один шаман темного века. В исторических записях есть пробел, который переходит прямо от угольных чернил на спрессованных из древесины листах к алмазным процессорам, и где-то в этом промежутке затерялся генезис постчеловеческого состояния.

Большой Парень что-то бормочет себе под нос. Мне требуется мгновение, чтобы прочесть по губам: *экий напыщенный болван.* Я подавляю смешок – все-таки болван, может, и напыщенный, но

следующую десятую долю гигасекунды мое будущее окажется в его руках. Сто́ит послушать, что он там говорит.

– Мы знаем, почему наступил темный век, – продолжает Фиоре. – Наши предки позволили своим архитектурам хранения и обработки данных бесконтрольно распространяться, а они, как правило, выбрасывали старые технологии вместо того, чтобы их виртуализировать. По соображениям коммерческой выгоды некоторые из крупнейших компаний намеренно создали несовместимые информационные форматы и заперли в них огромное количество полезного материала, так что, когда новые архитектуры заменили старые, данные стали недоступны. Это особенно сильно сказалось на нашей осведомленности о домашнем укладе второй половины темного века. На ранних стадиях у нас в достатке видеоинформации, заснятой любителями и энтузиастами. Они использовали штуку, называемую кинокамерой, которая снимала изображения на фотохимической среде и делала их доступными невооруженному глазу. Но потом появился новый носитель – магнитная лента, подверженная легкой порче, а далее они перешли на цифровое хранение, что не сыграло нам на руку, ибо по в высшей степени неясной причине все эти данные наглухо зашифрованы. То же – с аудиозаписями и текстовыми сообщениями. По иронии судьбы, мы знаем гораздо больше об их культуре в начале темного века, примерно в 1950 году по старому стилю, чем о конце темного века, который пришелся ориентировочно на 2040 год.

Фиоре делает паузу. Несколько человек позади меня тихо бормочут. Он выглядит немного раздраженным из-за того, что люди не ловят жадно каждое его слово. Что до меня, я им очарована, но ведь я когда-то была историком, хотя и изучала совсем другое.

– Вы дадите мне закончить? – резко спрашивает Фиоре, таращась на женщину в ряду позади меня.

– Только если ты скажешь, какое это имеет к нам отношение, – нагло отвечает она.

– О, я скажу. – Фиоре снова набирает полную грудь воздуха и расправляет плечи. – Вам предстоит жить в темные века – смоделированной американо-европейской культуре, подобной той, что существовала в период с 1950 по 2040 год, – выплевывает он. – Я пытаюсь донести до вас, что вы все будете погружены в нашу лучшую реконструкцию среды по доступным источникам. Эксперимент имеет социологическую и психологическую направленность – то есть мы будем наблюдать за тем, как вы друг с другом уживаетесь и взаимодействуете. Вы получаете очки за жизнь в роли, что означает подчинение основным правилам

общества, и теряете их за выход из роли. Ваш индивидуальный результат влияет на успех всей группы – круговая порука в чистом виде. Ваша группа числом в десять человек – одна из двадцати, которые интегрируются в среду в ближайшее время, – будет встречаться на собраниях раз в интервал – по так называемым воскресеньям, в районном центре, называемом Церковью Назарета, – и обсуждать то, что выучили. Чтобы симуляция работала лучше, в ней много неписей [6] – просто устроенных зомби, контролируемых свыше. Вы будете чаще контактировать с ними, чем с другими реальными участниками эксперимента. Вся окружающая среда размещена в серии жилых сегментов, соединенных воротами, и создает иллюзию географической непрерывности, как на поверхности традиционной планеты. – Он немного успокаивается. – Есть вопросы?

– Каковы основные правила сообщества? – спрашивает темнокожий мужчина в светлом костюме из задних рядов. Похоже, он озадачен.

– Вы их сразу узнаете. Они в значительной степени обусловлены экологическими ограничениями. Если потребуются разъяснения, мы все сообщим вам через сетевой канал или одного из зомби. – Теперь голос Фиоре звучит еще более самодовольно.

– И что мы там будем делать? – спрашивает рыжеволосая штучка, сидящая в одном ряду со мной. Голос у нее слегка настороженный – или мне так кажется. – Не только же правила соблюдать, верно? Вы нас туда надолго отправляете, как ни крути.

– Нет, соблюдения правил вполне достаточно. – Фиоре натянуто улыбается. – Среда, в которой вы вот-вот заживете, – формальное, подчиненное строгим ритуалам общество, с большим вниманием к личным отношениям и социальному статусу, где определяющим фактором зачастую может выступать чистейшая генетическая лотерея. Ключевой ячейкой в этом обществе является так называемая нуклеарная семья. Это гетероморфная структура, основанная на мужчине и женщине, живущих в тесном помещении. Обычно один из них занимается полуритуальным трудом, чтобы добыть деньги, а другой выполняет социальные и домашние дела, воспитывает детей. Ожидается, что вы будете вписываться в данный тип общества, хотя воспитание детей, очевидно, не является принудительным. Мы заинтересованы в изучении стабильности таких отношений. В ваших планшетах вы найдете копии нескольких книг, переживших темные века.

– Хорошо. Итак, мы формируем эти, э-э-э, нуклеарные

семьи, – обращается к Фиоре дама с заднего ряда. – И что дальше?

Фиоре пожимает плечами.

– Ничего особенного. – Его вдруг явно посещает какое-то прозрение. – Вообще-то вру – особенность есть. Вы будете учиться жить с медицинскими ограничениями темных веков! Зарубите это на носу! Вы можете погибнуть в ходе несчастного случая. Или, что еще хуже, получить травму, делающую вас недееспособным. Вы не сможете получить доступ к ассемблерам во время эксперимента, поэтому не сто́ит пытаться модифицировать свое тело, так как существовавшие в то время медицинские технологии – лютый примитив. С этого момента вы также не сможете получить доступ к своим модемам.

Я пытаюсь проверить его слова на вшивость. Модем не отвечает, и я нервно задаюсь вопросом, не оглохла ли, а потом понимаю, что Фиоре ни словом не лжет! Здесь нет сети.

– Теперь они нужны только для сообщения вам социального рейтинга и ни для каких других целей. Здесь есть в наличии примитивная диалоговая сеть между проводными терминалами, но от вас не ждут, что вы будете ее использовать. – Фиоре довольно разводит руками. – А теперь – обещанный фуршет. Предлагаю вам познакомиться, затем каждый выберет себе партнера и войдет в эту дверь, – он указывает на дверь по другую сторону белой стены, – которая приведет вас в ваше основное место жительства. Не забудьте взять свои планшеты и прочесть краткое руководство по обществу темных веков. – Он быстро оглядывает комнату. – Если больше нет вопросов, я пойду.

Сзади поднимается пара рук, но, прежде чем кто-нибудь успевает окликнуть его, он поворачивается и ныряет в дверь, из которой вначале вышел. Я смотрю на рыжую в одном ряду со мной.

– Быстренько отбарабанил, – говорит она. – Что теперь?

Я бросаю взгляд на Большого Парня.

– Что думаешь по этому поводу?

Он встает.

– Я думаю, мы должны сделать так, как он сказал, и поесть, – медленно говорит он. – И поговорить. Я Сэм. Как тебя зовут?

– Я Р-Рив, – говорю я, запинаясь на имени, которое, если верить планшету, должна использовать. – А ты, – добавляю я, глядя на рыжую, – ты у нас?..

– Ты можешь звать меня Алисой. – Она встает. – Пошли. Давайте посмотрим, кто еще здесь есть, и познакомимся с ними поближе.

* * *

Во второй комнате есть два длинных стола, заваленных тарелками с холодными закусками, фруктами, сыром – сильно пахнущей застывшей субстанцией, сделанной из чего-то сброженного, что я не узнаю, – и уставленных бокалами вина. Нас десять человек, пять мужчин и пять женщин. Мы разбились на группы по обе стороны комнаты. Помимо рыжеволосой Алисы, есть Энджи (темная кожа, вьющиеся волосы), Джен (пухлое розовое лицо и светлые волосы, даже более пышные, чем у меня) и Касс (прямые черные волосы, бледная донельзя кожа, мрачное выражение глаз). Все мы чувствуем себя слегка неуютно, наши движения нервные и прерывистые; все ерзаем в своих новых телах в некрасивой одежде. На мужской половине – Сэм (его я уже встречала), Крис (черный с задних рядов), Эл, Фэр и Майк. Я пытаюсь отличить их по цвету костюмов и галстуков, но это трудно сделать – короткие волосы придают им вид однотипных дронов. *Должно быть, Фиоре изучает предельно конформистскую эпоху*, подумала я.

– Итак. – Алиса оглядывает нашу маленькую группу и улыбается, затем берет кусок сыра с тарелки из целлюлозы и задумчиво его грызет. – Что мы делаем?

Энджи достает планшет из небольшой сумки, висящей на плече. Если нечто похожее и было в моей комнате, я не заметила. Так, нужно быть внимательнее.

– Вот список для чтения, – говорит она, осторожно постукивая пальцем по экрану. Я смотрю через ее плечо на скользящие изображения страниц древних документов. – О, и еще тут странное словечко «жена». Что такое «жена»?

– Думаю, я знаю, – говорит Касс. – Это что-то связанное с этой, как ее, семьей. Когда партнеров всего двое и они связаны морфологически, женщина является женой, а мужчина – мужем. Половая традиция как у ледяных упырей.

– Нельзя говорить о внешнем мире, – обеспокоенно замечает Джен.

– Но тогда у нас не будет эталонной меры для всего, что мы попытаемся понять о мире эксперимента, верно? – говорю я, не глядя на Касс.

Кей, ты ли это? Возможно, просто совпадение – то, что она знает о ледяных упырях. Около двух гигасекунд назад, когда только-только открылся факт их существования, они произвели нехилый фурор. Но возможен и другой расклад: враги узнали про Кей и послали за мной охотника за головами, в качестве наживок вооруженного всеми знаниями, какие можно было достать из ее

головы…

– Интересно, откуда у них эти книги, – говорю я. – Здесь есть только даты выпуска и примерный тираж. Можно заключить, что они были более-менее популярными. Но точно ли в них описана социальная система – другой вопрос.

– Какая разница? – небрежно бросает Джен. Подхватывая бокал, она плещет в него вином соломенного цвета из стеклянного графина. – Дайте мне мужа, а уж в детальках я сама разберусь. – Усмехнувшись, она залпом выпивает вино.

– Смотрите-ка, – Касс хмурится, – у них за один день считается двадцать четыре часа, а не двадцать семь. Вот лентяи. И еще у дней есть названия – сегодня, получается, у нас четверг – четвертый по счету. О, недели оговорены! Неделя – это семь дней, мы должны встретиться в первый из них, то есть через 250 килосеку… гм, дней от сегодняшней даты.

– И что? – Джен наливает себе вина.

Касс задумывается.

– Если мы будем играть семьями, то, наверное, нужно разбиться на пары и разойтись по квартирам, которые нам дали. Немного узнать друг друга и выяснить, что мы на самом деле должны здесь делать. Кроме того, надо посмотреть, есть ли толк от наших мужчин, а то ведь всякое бывает…

– Никто тебя за язык не тянул. – Ухмыльнувшись, Джен уходит с бокалом в руке к группе представителей противоположного пола, собравшейся в другом конце комнаты. Энджи крутит-вертит планшет и выглядит самой неуверенной. Алиса уплетает сыр. А меня тошнит от одного взгляда на эту фигню – вкус у нее отвратный.

– Я… не привык…ла с кем-то жить, – медленно выговариваю я.

– В этом нет ничего плохого. – Касс кивает. – Я тоже думаю, что способ объединения в пары очень уж форсированный и отдает произволом.

Алиса кладет руку ей на плечо, успокаивая.

– У отношений полов в правилах нет четких рамок, – говорит она. – Если ты выбрала мужа и не поладила с ним, можешь махнуться на другого на этом церковном собрании.

– Наверное, это хорошо. – Касс отступает в сторонку и нервно разглядывает толпу мужчин и Джен, громко смеющуюся, когда сразу двое пытаются налить ей в бокал еще вина. – Наверное.

Алиса выглядит недовольной.

– Хочу узнать, что у них там за сговор. – Она идет за Джен, а я остаюсь с Касс и с Энджи. Последняя, погрузившись в себя, поспешно пролистывает какой-то текст на своем планшете.

Первая чем-то явно встревожена.

– Расслабься. Думаю, у них все должно быть сносно, – машинально говорю я.

Чуть вздрагивая, Касс обнимает себя за плечи.

– А что, может быть иначе? – спрашивает она с опаской.

– Да не, не думаю. – Я тщательно выбираю слова. – Эксперимент-то контролируемый, если прочтешь согласие, узнаешь, что в основных правах нам никто не отказывает. Если что-то пойдет по наклонной, дирекция обязана вмешаться.

– Фу, ну и хорошо, – выдыхает Касс.

Я внимательно смотрю на нее.

– Слушайте, нам каждой надо выбрать мужа, – указывает Энджи. – У последней не останется выбора – придется забирать всеми отвергнутого… по какой бы то ни было причине. – Она настороженно переводит взгляд с меня на Касс. – Я пошла.

Я отворачиваюсь от нее и смотрю на Касс.

– Ты говорила про ледяных упырей…

– Забудь. – Она прерывает меня резким жестом. – Может, Джен и права. – Ее голос отчего-то звучит подавленно.

– Знаешь еще кого-нибудь из участников? – наугад спрашиваю я, а потом жалею, что у меня сорвалось это с языка.

Касс хмуро смотрит на меня.

– Очевидно, что нет, иначе они не допустили бы меня к участию. – Затем она отводит взгляд, медленно и многозначительно. Я прослеживаю за его направлением. В одном углу из потолка проступает незаметная черная полусфера. Она расправляет плечи. – Так что всем нам придется знакомиться с нуля.

– Если ты беспокоишься о последствиях парных отношений, я не понимаю, почему бы мы не могли пожить в одной квартире пару дней, – предлагаю я. Сердце колотится, а ладони становятся липкими. *Ты действительно Кей, Касс?* Я почти уверена, что так и есть, но она скупа на слова, осторожничает. Если я начну задавать слишком наводящие вопросы, рискую засветить свою личность врагу, охотнику – если таковой здесь взаправду есть.

– Не думаю, что это дозволено правилами, – осторожно говорит она, кротко кивает в мою сторону, затем – на остальных, к этому моменту весьма оживленно болтающих. – Может, пойдем и посмотрим, с кем они нас свели?

На другом конце комнаты выясняется, что Джен худо-бедно растопила лед, устроив всем мужчинам минисоревнование в демонстрации своих достоинств: они поочередно наливали вино в бокал и как можно более элегантно подавали ей. Излишне говорить, что она – вонючая пьяница, но хотя бы веселая. Похоже,

ее выбор – Крис-с-заднего-ряда; жертва немного смущена ее выходками, но Алиса и Энджи отрезали пути к отступлению, плотно занявшись остальными. Большой Парень Сэм напряженно стоит, прислонившись спиной к стене, и выглядит почти таким же встревоженным, как и Касс. Оглядываю его, мысленно пожимаю плечами и подхожу, минуя самоорганизовавшуюся свиту Джен.

– Она – тусовщица, – сообщаю я.

– Э-э-э… да – так и есть. – Он держит пустой бокал и чуть покачивается. Может, ноги болят. Трудно прочесть, что написано на его лице: черная грива вокруг рта прячет от взгляда важную часть мимических мышц. Но счастливым этот здоровяк точно не выглядит. Готова спорить, если пол разверзнется под ногами и поглотит его, Сэм напоследок улыбнется с облегчением.

– Послушай. – Я касаюсь его руки. Как и ожидалось, он напрягается. – Пошли. Давай сюда, в сторонку. Ненадолго. Ну, пожалуйста.

Он позволяет мне увести себя от роя ортогуманоидов, силящихся прорваться через социальный пояс астероидов.

– Что думаешь про эксперимент? – тихо спрашиваю я.

– Он меня в дрожь вгоняет – вот что. – Сэм смотрит сначала на дверь, потом на меня. Ну, тут все ясно.

– Мне, если что, не лучше. Да и на Касс – взгляни на нее. Думаю, и Джен просто… рисуется. – Я киваю на группу в другом конце комнаты.

– Я прочел часть наших вводных. – Он качает головой. – Совсем не то, чего я ждал.

– Что ж. – У меня пересохли губы. Я делаю глоток и смотрю на Сэма, прикидывая. Он больше меня. Я физически слаба (но погодите – вот доберусь до приколиста, который прописал мне такие параметры…), зато он, насколько я понимаю, хорошо воспитан. – Мы можем подстроить правила под себя по максимуму. Ожидается, что мы поселимся в одном жилье с кем-то другого пола. Обустроимся, почитаем инструктажи, выполним предписания – и в воскресенье пойдем в церковь, чтобы посмотреть, как дела у остальных. Думаешь, справимся, если будем относиться ко всему как к профессиональной проформе?

Сэм с педантичной аккуратностью ставит пустой бокал на стол, достает планшет.

– Звучит славно, но здесь отмечено, что «нуклеарная семья» – не только соглашение экономического характера, но и сексуальная связь. – Он на мгновение замолкает. – А я вот, если хочешь знать, не силен в вопросах интима. Особенно с абсолютно незнакомыми мне людьми.

Так вот почему он так напряжен?

– Это что, проблема? Слушай. – Я стреляю глазами на полусферу-соглядатая – Касс, спасибо, что заметила и показала. – Уверена, все это – формальности. Они официально оставляют нам шанс исправить все ошибки на церковных собраниях. По… воскресеньям, так ведь? А пока, – поднимаю на него глаза, – я не возражаю против твоих предпочтений. Нам необязательно заниматься сексом, если мы оба этого не хотим. Тебя расклад устраивает?

Какое-то время он смотрит на меня сверху вниз.

– Может сработать, – тихо говорит он.

Я понимаю, что только что выбрала мужа. Надеюсь, он – не подсадной охотник.

То, что происходит дальше, вызывает разочарование. Кто-то, вероятно, наблюдал за групповой динамикой через ту потолочную полусферу, потому что еще через пару килосекунд наши планшеты звенят, привлекая внимание. Нам приказано пройти через дверной проем в задней части лекционного зала парами, с интервалом не менее двух секунд. Мы уже в реальности эксперимента, в административной подсети, за воротами дальнего следования, соединяющими нас с Невидимой Республикой, и за этой дверью есть некая система Т-ворот ближнего действия, готовая доставить нас, куда надо. Я беру Сэма за руку – она огромная, но держится за мою вяло, нехотя; кожа немного липкая – и веду к двери

– Готов? – уточняю на всякий случай.

Он кивает с несчастным видом.

– Да, пошли уже. Покончим со всем этим.

Мы делаем шаг.

– А ты не слишком торопишься покончить, красавчик?

Еще шаг.

– Пройдет почти три года, прежде чем все закончится!

Шаг – еще один, последний…

…и вот мы уже стоим в крохотной комнатульке напротив другой двери, окруженные невообразимым хламом. Сэм отпускает мою руку, поворачивается ко мне.

– Что, уже? – спрашиваю я, и голос мой срывается на недостойный писк.

4. Покупки

Рив и Сэм Брауны – такие у нас теперь имена, – пара из среднего класса, живущая где-то в промежутке с 1990 по 2010 год, то есть в самый разгар темных веков. Они – так называемые супруги, что означает: эти двое живут вместе и состоят в моногамных отношениях, официально одобренных правительством, идеологией и религией; уважаемая ячейка общества.

В интересах эксперимента Брауны в настоящее время безработные, но неплохая финансовая подушка позволяет им с комфортом жить около месяца – за этот отрезок времени они должны попытаться найти себе оплачиваемые места. Недавно они переехали в пригород, в коттедж с мансардой и собственным садом, со всех сторон окруженный живой изгородью из рослых деревьев и таким образом отделенный от других, очень похожих друг на друга домов. Жилище стоит вблизи от дороги – транспортного коридора без стен, по которому ездят легковые автомобили (знакомое понятие, где-то уже попадалось) и некие грузовики (это еще что за хрень). На этом симуляция заканчивается – вся окружающая среда хоть и должна имитировать поверхность целой планеты, небо – все равно растяжка, висящая в десяти метрах над нашими головами, а дорога через двести метров в каждую сторону исчезает в тоннелях, скрывающих входы в Т-ворота. Повсюду – искусственные барьеры из тернистой с виду растительности, не позволяющие нам натыкаться на стены. Это довольно хорошая симуляция, учитывая, что, согласно данным планшета, она на самом деле заключена в рое обитаемых цилиндров (каковые, в свою очередь, тихо-мирно вращаются в поясах обломков трех-четырех коричневых карликов, разделенных сотней триллионов километров вакуума). И все ж ничего настоящего тут нет.

Наш дом…

Я выхожу из шкафа, в котором материализовались мы с Сэмом, и оглядываюсь. Шкаф стоит в каком-то сарае, с грубым полом, выложенным керамической плиткой, и тонкими прозрачными стеновыми панелями (по словам Сэма, называемыми «окнами»). Здесь повсюду всякая всячина – горшки с мелкими пестрыми растениями, расположенные на прибитых к стенам полочках; дверь из деревянных планок и листа стекла… – всего не перечислишь. Перед дверью лежит какой-то мат, похожий на плетеный коврик, чье назначение неясно. Я толкаю дверь, и то, что за ней, сбивает с толку еще больше.

– Я-то думала, у нас будет квартира, – замечаю я.

– Спецами по уединению эти люди не были. – Сэм оглядывается, словно пытаясь определить, какие здешние артефакты эпохи ему хоть что-то говорят. – Им не была дана анонимность в публичных пространствах, поэтому зона комфорта стянута в одном месте. Это называется «здание», в нем много комнат. А мы сейчас просто в тамбур запёрлись.

– Ну, как скажешь. – Чувствую себя идиоткой. Внутри дома я оказываюсь в коридоре. Есть двери с трех сторон. Я брожу из комнаты в комнату не веря своим глазам.

У древних были ковры. Предоставленный нам – достаточно толстый, чтобы заглушить раздражающий *тук-тук-тук* обуви. Стены покрыты каким-то тканевым принтом, абсолютно статичным, но не неприятным на вид. Окна передней комнаты выходят на горб земли, засаженный яркими цветами, а сзади – на простор стриженой травы. Все комнаты заставлены мебелью – массивной и тяжелой, сделанной из резных кусков дерева и металла, то есть из абсолютно глупой и не располагающей к полиморфным модификациям материи. Сплошь прямые линии, все кривое – либо миниатюрное, либо механическое. В задней части дома имеется комнатка с множеством металлических поверхностей и чем-то вроде резервуара для воды с открытым верхом, а над верхушками шкафов разбросаны странные машины. Под лестницей – еще одно помещеньице, где стоит узнаваемый, но, как и всё вокруг, примитивно-неинтеллектуальный унитаз.

Я пускаюсь в обход по коридору наверху, распахивая двери одну за другой и ломая голову над назначением то одной, то другой комнаты. Все они разделены по функциям, но не строго, а с совмещениями, насколько я понимаю. Меня порядком озадачивает шкаф с продольной перекладиной от стенки к стенке, на которую рядком навешаны загогулины неприятного вида – вроде пыточных инструментов. Да, есть чему поучиться. Я сажусь на кровать, вытаскиваю планшет. Невольно спрашиваю себя – что теперь, в какую сторону двинуться дальше.

На планшете, будто в ответ на мысль, появились кнопка, стрелка и надпись:

ДЛЯ ВЫЗОВА СПРАВКИ
ПОДНЕСИТЕ К ВЫЗЫВАЮЩЕМУ
КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС ОБЪЕКТУ

«Ага, справочная система!» – думаю я облегченно, поднося гаджет к загадочному шкафу и нажимая на стрелку.

Это ГАРДЕРОБ: шкаф для хранения чистой одежды. Примечание: грязную одежду можно привести в кондицию в ПРАЧЕЧНОЙ на цокольном этаже посредством обработки в СТИРАЛЬНОЙ МАШИНЕ. У новичков в эксперименте имеется только один комплект одежды. Предлагаемое задание на завтра – купить новую одежду в городе.

У меня чешутся ноги. Я импульсивно сбрасываю туфли, радуясь, что избавилась от надоевших каблуков. Стягиваю с плеч черную куртку без карманов, вешаю ее на одну из тех неприятных загогулин и убираю в шкаф. Накатывает внезапное чувство покинутости – очень странное, просто донельзя, как и всё здесь. Как там Сэм, интересно? Я удивляюсь своему беспокойству за него – он ведь и на вводной лекции мандражировал, а если для него вся эта новая обстановка такая же стрессовая, как для меня…

Я жду, пока у меня перестанет кружиться голова, прежде чем вернуться вниз. По пути меня посещает мысль: должна ли я носить в своем доме ту же одежду, что и на публике? У этих людей ярко выраженная дихотомия персонального/общественного – у них, вероятно, разные костюмы для формальных и неформальных мероприятий. В итоге куртку я оставляю в шкафу, а туфли, к большому сожалению, снова надеваю.

Я нахожу Сэма сгорбившимся в углу огромного дивана в гостиной, перед массивной черной коробкой с изогнутой линзой, показывающей красочные, но плоские изображения и производящей много невнятного шума.

– Ты что делаешь? – спрашиваю я, и он чуть из кожи вон не выпрыгивает.

– Смотрю игру ноги и мяча – футбол, – поясняет он. – Это называется телевидение.

– Вот как. – Я обхожу диван и сажусь на него примерно посередине, на расстоянии протянутой руки от Сэма, и вместе с тем – на почтительной дистанции, каковая, вероятно, нужна ему при общении со мной. Всматриваюсь в картинки. Поначалу кажется, что на экране – механоиды, но потом я понимаю, что это ортогуманоиды из плоти и крови, просто в однообразной одежде двух разных расцветок, красной и белой. Вот один из «красных» размашистым ударом ноги отправляет в столпотворение «белых» что-то напоминающее круглую штурмовую мину. «Белые» начинают пасовать ее друг другу. Действо – или ритуал, или игра – напоминает ожесточенную классовую борьбу. Зрители, соответственно, орут, жестикулируют и запрыгивают на выстроенные рядами сиденья.

– Почему ты это смотришь? – спрашиваю я удивленно.

– Похоже, это популярное развлечение. – Сэм качает головой. – Я подумал, если посмотрю, лучше пойму их общество…

– А что самое важное нам сейчас нужно понять? – спрашиваю я, наклоняясь к нему. – Суть эксперимента или жилищные условия?

Он вздыхает, берет черный узловатый прямоугольник, наводит его на коробку и ждет, пока изображение станет черным.

– Планшет посоветовал мне этот вид досуга, – признается он.

– А мой сказал, что завтра надо купить себе одежду. У нас есть лишь то, что в данный момент надето, и, видимо, оно быстро становится грязным и вонючим. Данный вид тканей неэкономно утилизировать, так что нужно иметь смену, которую придется найти в городе. – Тут мне приходит в голову мысль: – А как быть, когда мы проголодаемся?

– Есть кухня. – Он кивает на дверь в комнату, уставленную техникой, которая меня озадачила. – Но, если не знаешь, как всем тамошним пользоваться, можно заказать еду по телефону. Телефон – это сетевой терминал исключительно для голосовой связи.

– В каком смысле *если* не знаешь? – уточняю я, приподняв бровь.

– Я просто повторяю то, что выдал мне планшет, – открещивается Сэм.

– Дай-ка его мне.

Он слушается, и я быстро прочитываю все, что ему насоветовали. Параграф про домашние обязанности сообщал, что в темные века люди делили работу по принадлежности к тому или иному полу. У мужчин обязанность – добывать деньги, у женщин – убираться на вверенной жилплощади и вести домашнее хозяйство: покупать и готовить еду, стирать одежду, управляться с домашней техникой, пока мужчина на работе.

– Что за дерьмо, – выдыхаю я.

– Думаешь, плохой расклад? – Сэм странно смотрит на меня.

– Ужасный, примитивнее некуда. Ни одно развитое общество не ожидает, что половина его рабочей силы остается дома, разделяя таким образом труд. Не знаю, кто им так в головы нагадил, но подход смехотворен. Такое впечатление, будто кто-то перепутал радикальную предписывающую документацию с описательной. – Постукиваю пальцем по его планшету. – Хотела бы я ознакомиться с серьезными исследованиями местных социальных условий, прежде чем принимать подобную чепуху на веру. В любом случае мы не должны жить так, даже если

директива распространяется на большинство здешних зомби. Это ведь просто наставления рекомендательного характера. А так – любой уклад содержит исключения.

Сэм о чем-то задумывается:

– То есть ты думаешь, что они ошиблись.

– Ну, я не собираюсь утверждать наверняка, пока не изучу их первоисточники и не попытаюсь выявить какую-либо предвзятость, но в любом случае не жди, что я тут буду все в одиночку драить. – Я расплываюсь в ухмылке, желая слегка смягчить посыл. – Что ты там говорил про еду, которую можно заказать по телефону?

…На ужин у нас – круглая, запеченная, похожая на хлеб вещь, называемая здесь пиццей. В блюде наличествуют сыр, томатная паста и другие вещи, усиливающие вкус. Она горячая и жирная, приходит к нам через ворота короткой дальности в тамбуре – ее не доставляют на грузовике, что меня несколько разочаровывает. Ладно, значит, знакомство с примитивными технологиями откладывается до завтрашнего дня.

Сэм впадает в дрему после ужина. Я снимаю туфли и чулки и убеждаю его, что он будет чувствовать себя лучше без пиджака и галстука. Долго уговаривать не пришлось.

– Не знаю, почему они это носили, – жалуется он.

– Я изучу вопрос позже. – Мы все еще сидим на диване с открытыми коробками из-под пиццы, балансирующими на коленях, и жирными пальцами отправляем горячие куски блюда в рот. – Сэм, почему ты вызвался участвовать в эксперименте Юрдона?

– Почему? – Он впадает в мимолетную панику.

– Ты застенчивый, не умеешь общаться. В правилах же четко прописано – придется жить в темные века и взаимодействовать со средой десятую долю гигасекунды, без всяких отвлечений. Тебе не кажется, что ты малость сглупил?

– Это очень личное дело. – Он скрещивает руки на груди.

– Твоя правда. – Я замолкаю и смотрю на него. На мгновение он кажется мне таким грустным и подавленным – жаль, не могу взять свои слова обратно.

– Мне понадобилось сбежать, – бурчит он себе под нос.

– От чего? – Я откладываю коробку и по ковру ползу к большому деревянному ларю с ящиками и отделениями, полными бутылок со спиртным. Беру пару стакашек, открываю бутылку, нюхаю содержимое – никогда не узнаешь, пока не попробуешь, – и наливаю. Несу их назад к дивану и передаю ему один стакан.

– Когда я вышел из реабилитационного центра… – Он таращится на телевизор, что странно – аппарат выключен. Под

ботинками у него короткие, из толстой ткани чулки. Его пальцы беспокойно дергаются. – …Слишком много людей узнали меня. И это меня испугало. Это, конечно, и моя вина, но, если бы я задержался там – боюсь, кто-нибудь причинил бы мне боль.

– Боль?.. – Сэм – далеко не тщедушный малый, у него почти львиная грива, но он часто кажется неуклюжим и каким-то… уязвимым, что ли. Может, это и хорошо – в нуклеарных отношениях велик потенциал для злоупотреблений разного рода, но этот малый такой застенчивый и замкнутый, что едва ли у меня с ним будут проблемы.

– Я немного слетел с катушек, – признается он. – Знаешь же диссоциативную фазу психоза, через какую проходят некоторые пациенты после глубокого редактирования их памяти? Да, «немного» – мягко сказано. Я плевать хотел на резервное копирование, дрался все время, и людям часто приходилось убивать меня просто из самообороны. Честно сказать, я выставил себя настоящим дураком. Когда фаза отступила… – Он качает головой. – Честное слово, иногда лучший выход – найти укромный уголок и спрятаться. Вот я и нашел убежище. Вероятно, даже слишком укромное.

Что-то он темнит, думаю я, разглядывая его. Нет, братец, не верю.

– Все мы время от времени выставляем себя дураками, – говорю я, пытаясь подшить к наблюдению некий утешительный посыл. – Вот, попробуй. – Я поднимаю свой стакан. – Там написано, что это водка.

– За амнезию. – Сэм поднял стакан. – И за завтрашний день.

Я просыпаюсь одна в чужой комнате, лежа на платформе для сна, под тканевым мешком, набитым какими-то волокнами. В течение нескольких панических мгновений я не помню, где нахожусь. У меня болит голова и будто кто-то насыпал мне песку в глаза. Если такой будет моя жизнь в темные века, я прогадала. *По крайней мере, сейчас никто не хочет меня убить*, говорю я себе, пытаясь найти светлые стороны. Встаю с кровати, потягиваюсь и иду в ванную.

По пути я по рассеянности сталкиваюсь с Сэмом. Он голый, его глаза опухшие, выглядит сонным, и я натурально расплющиваюсь лицом по его груди.

– Ой, – вырывается у меня.

– Ты в порядке? – спрашивает он сразу.

– Думаю, да. – Отталкиваю его на несколько сантиметров, поднимаю голову, смотрю ему в лицо. – Прости. А ты?

У него встревоженный вид.

– Мы должны сейчас быть в городе, покупать себе одежду и всякое прочее.

– Что, правда?

Я с внезапной нервозностью понимаю, что мы оба голые, что он больше меня и весь волосатый. Да и он сам глядит на меня так, будто никогда не видел раньше. Момент очень щекотливый, но в итоге Сэм снимает напряжение первым, устало мотая головой.

– Правда. – Он зевает. – Можно я первый в ванную?

– Конечно. – Я отступаю в сторонку, и он проходит мимо меня. Я провожаю его зад взглядом. Не знаю, как относиться к этому – жизни в одном доме с незнакомцем, который сильнее и крупнее меня. У которого, по собственному признанию, совсем недавно срывало крышу от вмешательства в память. Но… мне ли чего-то бояться? Не успел я толком сознаться с Кей, как мы уже поучаствовали в оргии и натрахались до одурения – если это не импульсивное поведение, то что еще? И потом, Сэм последователен в своем воздержании – и, скорее всего, прав. Секс в этом мире является неприятным осложнением, особенно до того, как мы узнаем, каковы правила. Если они еще есть – эти правила. Смутные воспоминания пытаются всплыть на поверхность: у меня такое чувство, что я заводила отношения как с мужчинами, так и с женщинами – до того, как память отредактировали. Я бисексуальна и полиаморфна, или это другое? Точно уже не вспомнишь. Разочарованно трясу головой и возвращаюсь к себе в комнату, переодеться.

Планшет, попавшийся по пути в руки, велит мне заглянуть в шкаф в тамбуре. Сбегаю вниз, ныряю в склепный холод – тут что, неравномерное отопление? В шкафу, где вчера находились миниатюрные Т-ворота, теперь – пара продольных полок. На одной из них – две сумочки; как стоило ожидать, из неинтеллектуальной ткани. У них много карманов, и, когда я открываю один, обнаруживаю, что тот полон пластиковых прямоугольников с именами и номерами. Мой планшет сообщает, что это кредитные карты и мы можем использовать их для получения наличных или оплаты товаров и услуг. Сам способ кажется грубым и топорным, но я все равно прибираю к рукам кошельки; отворачиваюсь от полок. И тут мой забитый отсутствием связи модем реагирует.

– А?.. – Я оглядываюсь. Опускаю взгляд на кошельки в руке – над ними загорается ярко-синий курсор, и модем сообщает: ПЛЮС ДВА ПУНКТА.

– Что за… – Я замираю как вкопанная. Планшет тихо тренькает.

Обучающее руководство

Очки СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГА прибавляются и вычитаются за поведение, либо соответствующее принятым в эксперименте общественным нормам, либо нарушающее данные нормы. Также на показатель влияет общая успеваемость вашей тест-группы. По итогам эксперимента при выведении из симуляции все участники получат платеж-бонус, пропорциональный количеству заработанных в эксперименте очков социального рейтинга. Группа, набравшая наибольшее их количество, сможет полноценно удвоить финансовое вознаграждение.

– Принято! – Я спешу назад в дом, вручить Сэму его кошель. А он как раз идет вниз по лестнице, навстречу мне.

– Вот, – говорю я, протягивая ему одну из сумочек. – Твой кошелек. Можешь убрать в карман. А мне пока некуда убрать. Надеюсь разжиться сумкой, какая была у Энджи.

– Давай. – Он забирает у меня кошелек. – Ты читала учебник?

– Начала. Отличное средство от бессонницы. Так как нам попасть в город?

– Я вызвал такси, оно скоро приедет.

– Класс. – Я смотрю на него сверху вниз. Он снова в костюме. И все равно неловко выглядит. От нетерпения я начинаю еле заметно переминаться с ноги на ногу. – Начнем с одежды. Для нас двоих. Куда пойдем? Ты разобрался, как продаются эти вещи?

– В городе есть что-то называемое «универмагом» – учебник советует перво-наперво идти туда. Там можно много всего найти.

– Хм. – Я раздумываю над кое-чем. – Я голодная. Ты решил, где будем есть?

– Думаю… да.

Снаружи, у самых дверей, появляется что-то большое и желтое.

– Это за нами? – уточняю я.

– Кто знает? – Сэм выглядит встревоженно. – Пойдем посмотрим.

Да, перед нами такси – вид транспортного малогабаритного средства. Его можно как бы зафрахтовать, взять напрокат вместе с пилотом, чтобы тебя переместили в пространстве. Пилот размещается в салоне впереди, а сзади – мягкое двух- или трехместное сиденье. Сэм и я усаживаемся и просим отвезти нас в ближайший универмаг; наш «таксист» кивает.

– Ближе всех «Мейси», в самом центре города. С вас пять долларов. – Он протягивает руку, и я замечаю, что его кожа совершенно гладкая, на пальцах нет ногтей. Непись, что ли –

один из зомби? Сэм передает свою кредитную карту, и таксист проводит ею между пальцами, затем возвращает обратно. Мы трогаемся с места.

Такси издает разные звуки такой громкости, что я боюсь, не приключится ли вот-вот у него сбой в работе систем. Что-то довольно громко рокочет под нами, настойчиво воет впереди, но мы без эксцессов катим по дороге, ныряем в черное приближающееся жерло дорожного тоннеля и через краткий период темноты попадаем в какое-то другое место, где много выстроенных парными короткими рядами домов с серыми фасадами. Такси встает у одного выделяющегося видом здания, и дверь около Сэма с щелчком открывается.

– Ваша остановочка, – говорит пилот, – центр города.

Сэм хмуро сверяется со своим планшетом, затем выпрямляет спину.

– Сюда, – указывает он. Прежде чем я успеваю спросить, почему туда, он уверенным шагом направляется к одному из ближайших зданий, в котором есть ряд дверей. Я следую за ним.

В магазине я, увы, быстро теряюсь. Повсюду валяются вещи, сваленные в кучи и сложенные в ящики для хранения, и вокруг бродит множество людей. Те, что в странной униформе, – продавцы магазинов, которые должны помогать вам находить вещи и забирать деньги. Нет ни фабрикаторов, ни каталогов, и я заключаю, что они могут продавать лишь то, что выставлено на обозрение, – вот почему оно повсюду. Спрашиваю у одной из сотрудниц, где мне найти одежду, а она говорит: «На третьем этаже, мэм». В центральной комнате с высоким потолком есть движущиеся лестницы, по одной из них я направляюсь на третий уровень здания и осматриваюсь.

Одежда. Много одежды. Больше одежды, чем я когда-либо могла себе представить в одном месте – вся она сделана из дурацкой неинтеллектуальной ткани, и нет никакого очевидного способа найти то, что хочешь, и подогнать под нужный размер! Как они вообще понимают, что им нужно? Какая-то сумасшедшая система, просто размещающая все товары в одном большом доме и треплющая отечески по щеке – давай как-нибудь сам. Еще есть люди, которые ходят и перебирают товар, но, когда я подхожу к ним, они оказываются зомби, играющими роль реальных людей. Никого из прочих участников эксперимента здесь нет. Похоже, мы явились слишком рано.

Брожу по лесу стеллажей, увешанных куртками, пока не натыкаюсь на продавщицу.

– Ты, – указываю я на нее пальцем. – Что я могу надеть?

Она выглядит как человеческая ортосамка: в синей юбке,

жакетике и туфлях на неудобном каблуке. Одаряет меня бездумной улыбкой.

– Что бы вы хотели приобрести? – спрашивает она.

– Мне нужно… – Тут я тушуюсь. – Мне нужно нижнее белье, – говорю я. Так, вещи здесь не очищаются сами, значит… – Недельный запас. Еще несколько пар чулок. – Свои я порвала на левой ноге. – И еще один наряд – такой, как на мне сейчас. И еще один комплект обуви. – Тут мне в голову кое-что приходит. – А можно мне еще нормальные брюки?

– Пожалуйста, подождите. – Продавщица замирает, словно обрабатывающий запрос бот – по сути, она им и является. – Так, давайте сперва пройдем сюда. – Она подводит меня к постаменту, где выстроились в ряд полимерные статуи в тонких длинных мантиях, и вскоре другая сотрудница появляется из двери в стене со стопкой пакетов. – Пожалуйста, всё, что вы просили. А вот брюк в нашем отделе нет. Но если дадите мерки, мы сошьем для вас одежду нужного размера.

– Ого. – Я оглядываюсь. – А во-о-он там я могу что-нибудь выбрать?

– Да, конечно.

Пару килосекунд я провожу, выискивая себе нормальный низ. Как ни странно, здесь продают преступно мало штанов, и все они выглядят поврежденными – из тяжелой синей ткани, истрепавшейся и порванной в районе колен. В конце концов, я оказываюсь в другом отделе магазина, где вижу брюки на вешалках. Они были бы в самый раз – прямые, черные, без дырок.

– Одни моего размера, пожалуйста, – говорю я ближайшему продавцу-мужчине.

– Но ведь это – мужские, мэм. – Он ошарашенно смотрит на меня.

– Я понимаю. Здорово. – Я чешу в затылке. – Перекроить их сможешь?

– Увы, мэм, мы таким не занимаемся. – Тут снова оживает мой модем с урезанным функционалом: над вешалкой с брюками появляется красная надпись НАРУШЕНИЕ СОЦ. НОРМЫ.

– Гм. – Значит, есть ограничения на то, что мне можно продать? Раздражает уже! – Хорошо… Давайте так. Мне нужны брюки для мужчины такого же роста, как у меня.

– Хорошо, мэм. – Лицо продавца-неписи прямо-таки озаряется. – Минутку.

Я жду, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. В конце концов из неприметной двери в стене магазина появляется еще один мужчина, неся сверток.

– Ваш товар, мэм.

– Ага. – Я беру штаны, подавляю ухмылку и думаю о том, как будет славно и от раздражающих туфель избавиться. – Так, покажите мне обувной отдел. Нужны ботинки для мужчины с моим размером стопы.

Когда я расплачиваюсь за все с помощью «кредитной карты», получаю еще пару очков социального рейтинга. Пока у меня их набрано пять.

Я встречаюсь с Сэмом в мебельном отделе через долю килосекунды. Мы оба сильно перегружены сумками, но Сэм купил переносной контейнер под названием «чемодан», и мы запихиваем туда бóльшую часть наших покупок. Я разжилась сумкой через плечо и парой ботильонов на мягкой подошве, которые не гремят при ходьбе, – теперь ходить куда удобнее. Впрочем, от старой обувки я решила не избавляться и убрала ее в сумку. Вдруг понадобится.

– Пойдем найдем, где поесть, – предлагает Сэм.

– Погнали. – На другой стороне от «Мейси» есть закусочная, и она мало чем отлична от настоящей, за исключением того, что еду к столу доставляют из местных кухонь люди – то есть неписи, обслуживающий персонал. К счастью, это симуляция, иначе мне было бы совсем плохо. В пору Войн Правок было распространено учение о том, как проводить синтез пищи из биологических отходов или мертвых товарищей по оружию – тут подобным рационализмом не пахнет. Эрзац-цивилизация, иначе не скажешь. Мы заказываем себе еду по меню, отпечатанному на листе белой пленки, и садимся ее ждать.

– Как прибарахлился? – спрашиваю я у Сэма.

– Неплохо, – осторожно отвечает он. – Купил нижнее белье, несколько пар брюк, еще рубашки… Планшет говорит, что здесь существует множество социальных условностей, связанных с одеждой. Что-то носить можно, что-то нельзя – поди в этом всем разберись. Я вот пока не уверен, что понял все.

– Расскажи, что понял. – Я делюсь с ним своими трудностями поиска брюк без дырок на коленях.

– Так, там написано… – Он снова хватается за планшет. – Ага. Обычай роскоши. Он не закреплен законодательно, но в ранние темные века женщинам лучше не носить брюки, а мужчинам – юбки. – Он хмурится. – Также говорится, что этот обычай смягчился где-то в середине временного периода.

– Ты собираешься во всем сверяться с этой штукой? – спрашиваю я, когда подходит непись и ставит бокал бледно-желтой жидкости, называемой пивом.

– Ну, нас могут оштрафовать, – говорит Сэм, пожимая плечами. – Хотя, думаю, ты права. Мы не должны делать ничего,

что нам не понравится.

– Правильно. – Я поднимаю правую ногу и ставлю ступню на стол. – Зацени.

– Обувь. Не женская…

– Ага, из мужской секции. Но мне ее продали-таки, когда я сказала, что это подарок мужчине моих габаритов.

– Умно.

Я понимаю, что показываю ему ногу с порванным чулком, и прячу ее назад под стол.

– Свобода хитрости у нас точно есть, осталось выяснить ее границы. И если выясним, заживем здесь по-своему, так?

Приносят тарелки с едой: синтетические стейки и искусственные овощи, выглядящие так, будто они выросли в грязном уголке дикой биосферы; еще чашки с яркими приправами. Некоторое время я вожусь в своей тарелке. Я действительно голодна, и еда вкусная, хотя бесхитростная. По крайней мере, мы не собираемся здесь голодать. Я насыщаюсь довольно быстро.

– Не знаю, получится ли такое, – бубнит Сэм с набитым ртом. – Система рейтинга…

– …не мешает нам делать что-либо, – заканчиваю я за него, отодвигая тарелку. – Все, что от нас требуется, – договориться игнорировать тот или иной запрет, тогда системе ничего не останется, как прогнуться под нас.

– Наверное. – Он отправляет в рот еще кусок стейка.

– В любом случае мы понятия не имеем, что они считают нарушением норм. Я имею в виду, что я должна учудить, чтобы потерять очко рейтинга? Или чтобы получить, раз на то пошло? Фиоре сказал только «соблюдайте правила, копите баллы». – Я взмахиваю вилкой, и нацепленный на нее маленький овощ летит куда-то мне за голову. – В планшетах есть только справочная информация – замшелая чепуха о том, что общество у нас генетически детерминистское, с уймой глупых обычаев, но не прояснено, что будет с нами, если мы начнем подстраивать его под себя. Все общества обладают определенной степенью гибкости, а эти ребята-экспериментаторы лишь взяли первую встречную узконормативную интерпретацию. По мне, попахивает пофигизмом.

– А что подумают остальные? – заволновался Сэм.

– А что они подумают? – Я гляжу на него с иронией. – Мы здесь проторчим столько времени, что свихнуться недолго. Ты действительно думаешь, что бонус в конце будет для наших настолько важен, что три года ходьбы в туфлях с дурацкими каблуками, от которых адски болят ноги, покажутся чепухой?

– Как знать. – Сэм кладет нож. – Зависит от того, каков баланс между ущербом собственным интересам и будущим возможным богатством. Интересный, кстати, выбор…

– Ладно. – Я встаю со стула. – Давай проверим систему на прочность. – Я сбрасываю куртку и кладу на спинку. Пара поглощающих еду зомби оглядывается.

– Дамы и господа, внимание! – кричу я, расстегиваю платье и спускаю его на уровень лодыжек. У Сэма отвисает челюсть. Я наблюдаю за его реакцией, расстегивая на спине один предмет одежды под названием «лифчик» и сбрасывая его, затем вскакиваю на стул и даю своим половым признакам свободу от предмета одежды под названием «трусы». – Как вам мой вид, а? А вот еще…

Тут все мое поле зрения перекрывает алая вспышка. Модем громко звонит, рождая звук, похожий на сигнал, предупреждающий о разгерметизации, – мы все научаемся бояться его еще до того, как осваиваем ходьбу.

МИНУС 10 ОЧКОВ РЕЙТИНГА ЗА ПУБЛИЧНОЕ ОБНАЖЕНИЕ!!!

Этот «прилет» настолько резкий и неожиданный, что я падаю с избранного трибуной стула спиной назад и сбиваю со стола тарелку. Овощи рассыпаются у меня по груди. Когда зрение кое-как проясняется, первое, что я вижу, – официантов, спешащих мне навстречу: кто с полотенцем, кто с фартуком, с чем угодно, лишь бы скрыть ужасное зрелище. Сэм на все это таращится с благим ужасом. Я поднимаюсь с пола, и трое-четверо зомби – все мужчины, крупнее и сильнее меня, – хватают меня под руки. После короткой схватки меня силком запихивают в женский туалет. Мгновение спустя, когда я все еще пытаюсь отдышаться, дверь приоткрывается, и в маленький зазор кто-то пропихивает разбросанную мною одежду.

СОВЕРШЕН ОБЩЕСТВЕННО НАКАЗУЕМЫЙ ПРОСТУПОК, припечатывает ко всему прочему модем. ПОЛИЦИЯ УЖЕ В ПУТИ. СОВЕТУЕМ ВАМ ИСПРАВИТЬ ВАШЕ НАРУШЕНИЕ ДРЕСС-КОДА И НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО УДАЛИТЬСЯ.

Вот дерьмо.

Через голову я неуклюже натягиваю платье, застегиваю куртку. Трусы-лифчики могут подождать – не знаю, что у них тут за «полиция», но инстинкт говорит, что добра от нее не жди.

Я распахиваю дверь и выглядываю за угол, но вокруг – никого, а передо мной – короткий коридор с дверью, ведущей в ресторан, и еще одной, на которой зелеными буквами написано: АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД. Я толкаю ее и обнаруживаю, что стою на

узкой дороге, заставленной множеством контейнеров на колесиках. Пахнет разлагающейся органикой. Слегка трясясь, я иду до конца, затем поворачиваю налево и еще раз налево.

Вернувшись на улицу, я натыкаюсь на Сэма.

– Ну как, удалась проверочка? – шипит он мне на ухо. – Меня чуть не арестовали!

– Арестовали? Это как, это что?

– Полиция – люди, которые могут забрать тебя и посадить в клетку. У них это называется «задержанием». – Он все еще пунцовый, взвинченный до предела. – Ты могла пострадать, в конце концов.

Я дрожу.

– Пошли домой.

– Я вызову такси, – угрюмо замечает он. – Хватит с тебя штрафов на сегодня.

Сэм купил вещь под названием сотовый телефон – карманную замену блочному сетевому терминалу, вмонтированному в стену. Он держит его в кармане. Какое-то время говорит в него, и довольно быстро подъезжает такси. Вскоре мы оказываемся дома, и Сэм топает в гостиную, оставив чемодан в прихожей, и включает телевизор. Я хожу на цыпочках некоторое время, прежде чем заглянуть к нему и обнаружить, что он поглощен футболом; на его лице – слегка озадаченное выражение.

Я провожу некоторое время в своей спальне, читая с собственного планшета. В нем много советов о том, как люди жили в темные века, ни один из которых не имеет особого смысла: бóльшая часть того, что они делали, звучит отфонарно и глупо, если отделять это от окружающего социального контекста и истории, объясняющей, как развивались их обычаи. То, что моя идиотская выходка в ресторане повлекла за собой неприятности, до сих пор жжет изнутри, но как может хождение без одежды быть настолько преступным в любом мало-мальски рациональном социальном контексте? Через некоторое время я осознаю, что этим утром, расхаживая по дому голой, я не словила предупреждение.

Я снимаю всю новую одежду, обувь и спускаюсь вниз в таком виде. Вытряхиваю покупки из чемодана, несу их в свою комнату и прячу в шкаф. В шкафу места достаточно для объема вещей, десятикратно превосходящего мой текущий. Это немного озадачивает. Сейчас мне неохота возиться с примеркой – чувствую себя слишком плохо. Сэм меня демонстративно игнорирует (защитная реакция, наверное). Мы живем в сумасшедшей экспериментальной реальности, не имеющей смысла, и у меня даже не будет шанса узнать, думают ли все

остальные, что это сумасшествие, пока не наступит послезавтра.

Я сажусь читать объяснения на планшете о том, как специализация согласовывалась с реальной работой в обществе темных веков, то и дело недоуменно морщась. Вдруг от низенького столика рядом с моей кроватью доносится трезвон. Я недоуменно озираюсь, а мой планшет выдает сообщение: «ОТВЕТЬТЕ НА ЗВОНОК».

Ого, а я не знала, что у меня есть персональный телефон. Некоторое время я шарю вокруг себя, потом нахожу-таки коренастый гаджет на шнуре, который следует держать у лица.

– Да-да? – спрашиваю я у динамика.

– Р-рив! Это… ты!

– Касс? Кей? – спрашиваю я, на мгновение забыв правило имен.

– Рив! Ты должна мне помочь! Он просто чокнутый!

– А?..

– Если я останусь – уверена, он снова меня изобьет. Надо куда-то уйти!

Мне уже приходилось слышать, как звучит паника, и это – она самая. Касс (или Кей – я никак не могу отделаться от мысли, что это она) в отчаянии. Но почему?

– Где ты? – спрашиваю я. – Что происходит? Успокойся и расскажи мне все.

– Мне нужно уйти отсюда, – настаивает она, ее голос надламывается. – Он сошел с ума! Прочитал инструкции и прямо помешался на этих бонусах. Говорит, не даст мне спуску, а то я буду правила нарушать. Сегодня утром он ушел, запер меня и забрал мой бумажник – он все еще у него! – а когда вернулся, пригрозил, что побьет меня, если я не приготовлю ему еду. Говорит, что для получения максимального количества баллов самка должна подчиняться самцу, а если я не сделаю то, что сказано в инструкциях, он мне всыплет… а-а-а, он идет сюда!

Гудки.

Я остаюсь с трубкой в руках и с ужасом смотрю на стену за кроватью. Бросаю трубку и бегу вниз, в гостиную.

– Сэм! Мы должны что-то сделать!

Сэм отрывается от своего планшета.

– Что такое?..

– Это Ке… Касс! Только что звонила. Ей нужна помощь! Она не может себя защитить!

Сэм откладывает планшет.

– Ты уверена? – тихо спрашивает он.

– Ну да! Так она мне сказала! – От ярости меня всю трясет. Если я когда-нибудь отловлю шутника, который лишил меня всей

силы верхней части тела, клянусь, пришью его голову к телу ленивца и заставлю пробежать трек на выносливость. – Мы должны что-то сделать!

– Например?

Я тушуюсь.

– Не… не уверена. Она хочет уйти. Но…

– Ты проверяла совокупный рейтинг команды?

– А… нет. При чем тут рейтинг?

– А ты проверь, – загадочно бросает Сэм.

– Ладно, секунду. – Я обращаюсь к модему, запрашиваю показатели. Результат меня слегка озадачивает. – Эй, у нас все… как-то слишком… хорошо. Даже после того, как я… – Тут я запинаюсь.

– Ну да, если посмотреть промежуточный итог – выходит, мы получаем уйму очков рейтинга за формирование «стабильных нормированных отношений». – Его щека слегка подергивается. – У Касс и этого ее… Майка… хороший вклад.

– Но если он причиняет ей боль…

– Итак, давай поверим ей на слово. Но что мы можем сделать? Если изолируем их друг от друга, командный счет упадет на 100 очков. Рив, может, ты не обратила внимание, но все заметили твое маленькое чудачество в ресторане. Оно вписано в статистику красной циферкой. Вызвало настоящий переполох. Если будем делать то, что сто́ит участникам эксперимента стабильных отношений, некоторые из них – не я, а те, что одержимы итоговыми бонусами, – начнут нас ненавидеть. И, как ты указала ранее, мы застряли здесь на следующие три раза по триста мегасекунд.

– Вот холера! – Я смотрю на Сэма. – А ты?

Он с бесстрастным видом уточняет со своего дивана:

– Что я?

– Ты бы тоже стал меня ненавидеть? – тихо спрашиваю я.

Он на мгновение задумывается.

– Нет. Не стал бы. – Пауза. – Однако я желал бы видеть чуть больше осмотрительности с твоей стороны. Действуй спокойно, сперва обдумывая; сделай вид, что ты, по крайней мере, пытаешься адаптироваться к местным укладам.

– Конечно. Но что я должна думать о Касс? Если этот ублюдок Майк использует на ней свою большую физическую силу…

– Рив. – Сэм снова колеблется. – Я с тобой вообще-то согласен. Но сначала нам нужно понять, что делать. Может ли она отвязаться от него без нашей помощи? Если так, сделает все сама, и это будет ее выбор. Если нет, что мы можем с этим

поделать? Первые ошибки давно аукаются нам. Если Касс не находится в непосредственной опасности, лучше всего заставить действовать всю команду, а не единоличничать.

– Но в данный момент мы должны помешать ему сделать что-нибудь с ней. Разве нет? – Не знаю, что на меня нашло. Я чувствую себя беспомощной и ненавижу себя за это. Я должна пробраться в дом этого подонка, выбить дверь и организовать ему полное брюхо холодного свинца. Или, если это не удастся – спланировать хитрый двойной набег, увести жертву в безопасное место, заминировать ванную врага или хотя бы насыпать ему зудопорошок в постель. Между тем я просто покричала, впала в истерику и вылила все это на Сэма. Мне не хватает обычной сети ресурсов и навыков, к тому же окружение навязывает мне свои решения проблем. Среда создана, чтобы навязать нам несправедливые гендерные роли, так что я… просто качаю головой.

– Чего мы точно не хотим – так это чтобы кто-то подумал, будто битье членов команды – отличный способ набрать очки, – задумчиво говорит Сэм. – Ты представляешь, как нам организоваться?

Я призадумываюсь.

– Позвони ему, – выпаливаю я прежде, чем идея полностью созрела в голове. – Да, просто… позвони ему. – Я смотрю в сад. – Скажи, что мы увидим его и Касс в церкви послезавтра. Незачем распаляться. В планшете сказано, что туда надо элегантно одеваться и красиво выглядеть. Такой обычай. Скажи ему, что мы потеряем очки, если Касс будет плохо выглядеть. Ведь мы – разные люди, а рейтинг общий. – Я поворачиваюсь к Сэму. – Как думаешь, этого хватит, чтобы Майка проняло?

– Если он не законченный самодур, должно хватить. – Сэм кивает и встает с дивана. – Иду звонить, прямо сейчас. – Он умолкает вдруг: – Рив?

– Да?

– Не могла бы ты… ты меня нервируешь, когда так улыбаешься.

– Извини. – Я тоже выдерживаю паузу. – Сэм?

– Что?

Я молчу какое-то время, пытаясь понять, сколь многое я могу спокойно ему рассказать. Но потом мысленно пожимаю плечами и говорю все сразу. Я не думаю, что Сэм – хладнокровный убийца, за чьи услуги платят враги моего прежнего «я».

– Я знала Касс. Вне эксперимента, до того, как мы, э-э-э, вызвались в него добровольцами. Если этот гребаный тряпка-мужик что-то сделает с ней, я… в этом теле… я не смогу вонзить

зубы достаточно глубоко в его глотку, чтоб ему весь остаток жизни пришлось кушать задницей, но… я придумаю что-нибудь другое. Что-нибудь с фитильком. И знаешь, как оно со мной бывает, Сэм?

– Как?

– Я могу проявлять чудеса изобретательности, когда дело доходит до насилия.

5. Церковь

Сэм берет трубку в холле и просит оператора соединить его с домом Майка. Сидя на верхней ступеньке лестницы, я готовлюсь подслушать их диалог.

Но никакого диалога, собственно, не выходит – какое-то время Сэм пытается, судя по всему, не выйти из себя, а потом просто раздосадованно грохает трубку на рожки и возвращается в гостиную. Остаток вечера я стараюсь избегать его, погружаясь в черную депрессию, размышляя снова и снова, не усугубила ли я положение Касс, втянув в ее дело Сэма.

Балльно-рейтинговая система. Коллективная ответственность. Стабильные пары. Групповое давление. И так – пока голова не закружится. По общему признанию, я привыкла к тому, что в повседневной жизни есть правила – по крайней мере, в мирное время, – но кажется совершенно неприличным, что они настолько *буквальны*. Общества построены на тихом понимании, подталкивании локтем, подмигивании и – чрезвычайно редко – проверке правовой базы. Я привыкла постоянно разбираться в том, что работает, поэтому нынешний опыт – лобовое столкновение с полностью сформированным набором правил – стал для меня сильным шоком.

Я могла справиться с ним получше, если бы меня не заключили в тело, которое явно не подходит. Обычно я не осознаю собственный рост или силу и меня не интересуют мезоморфные модификации, но я также не стала бы сознательно делать себя маленькой и хрупкой. А еще мой организм балансирует на грани недоедания. Когда я смотрю в зеркало в ванной, почти вижу ребра под подкожным слоем жира. Я не привыкла чувствовать себя такой худой – надо потолковать по душам с тем, кто это со мной вытворил… Ха-ха, но я не смогу с ним ничего сделать, верно?

– Какие придурки, – мрачно бормочу я, затем иду на кухню посмотреть, есть ли там что-нибудь с высоким содержанием белка.

Позже я захожу в подвал. Там стоят какие-то машинки. На планшете написано, что они для домашнего обслуживания. Я размышляю над устройством для чистки одежды. В нем есть что-то примитивное и механическое – жесткая форма, заданная раз и навсегда. Это ведь даже не настоящая *машина* – пластичная, вариативная, адаптирующаяся к хозяйским потребностям. Она не реагирует, когда я говорю ей начать стирку одежды. Безнадежно глупая вещь.

В глубине подвала нахожу еще кое-что – скамейку с прикрепленными рычагами, для кропотливого наращивания мышечной массы верхних конечностей. Я немного скептически отношусь к ней, но на планшете отмечено, что люди темных веков должны были развивать свои мышцы с помощью регулярных подъемов тяжестей и других упражнений. Я нахожу руководство к этой машине, и через несколько секунд мне удается превратить собственное тело в дрожащее, насквозь пропитанное потом желе. Этакая психологическая пытка – наглядный урок того, как я слаба.

Поднимаюсь наверх, принимаю душ, засыпаю беспокойным сном: меня преследуют сновидения, в которых я тону, и видения Кей, тянущейся ко мне всеми своими руками с мольбой о чем-то непонятном. Уже не говоря об отголосках чего-то ужасного: иммигранты размахивают оружием, кричат и просят, чтобы их протолкнули через врата ада. Я резко просыпаюсь и полчаса лежу в темноте, дрожа от холода. Что со мной творится?

Я – пленник другого мира. Правду говорят: чужое прошлое – потемки. Правда, обычно имеют в виду совсем другое.

* * *

Когда я стою утром на кухне и пытаюсь расшифровать инструкцию к кофемашине, звонит телефон. Терминал находится в вестибюле, поэтому я иду туда и отвечаю на звонок, гадая, что случилось.

– Входящий вызов для Сэма, – жужжит искусственный голос. – Сэма Брауна просим к телефону.

Я один миг смотрю на трубку, затем – в сторону лестницы.

– Это тебя! – кричу я.

– Уже иду. – Сэм спускается, минуя разом по две ступеньки.

Я передаю ему трубку.

– Да? – Он прислушивается. – Не понимаю. Можете повторить? А-а-а. Да-да, могу.

Когда слушаешь разговор по одному из этих старых телефонов, возникает жуткое ощущение. Они, эти телефоны, существуют в странном пространстве – полудуплексной информационной среде, лишенной должной конфиденциальности.

Сэм слушает инструкции – сначала удивленный, потом раздраженный. Наконец он вешает трубку.

– Ну, чего ты возишься! – говорит он покровительственно.

– Пытаюсь сварить кофе, – парирую я. – Подойди сюда и

покажи мне, что к чему.

– За мной выслали такси. У меня полчаса – это примерно две килосекунды, да?

– Кто выслал? – спрашиваю я. В кишках все сжимается от беспокойства.

– Меня устроили на временную работу, – объясняет Сэм. – Отправляют на тренинг. Я должен узнать, как здесь устроена система труда. Позже мне, вероятно, поручат что-то конкретное.

– Хм. – Поворачиваюсь к кофемашине, чтобы он не заметил, как я хмурюсь. Если это бак гидроокиси, где-то обязательно должен быть инжектор Вентури… Собранные металлические детали этой штуки мне так же непонятны, как и разобранные. – Я должна что-то сделать? Меня тоже позовут?

– Не думаю. – Сэм колеблется. – Ты можешь попросить работу, но никто этого не ждет. И в моем… мануале написано, что это отправная точка. – Он не выглядит как человек с переизбытком счастья на душе. – Нам платят коллективно, – добавляет он через несколько секунд.

– Что? Хочешь сказать, тебя заставляют работать, а мне будет просто так причитаться половина оплаты?

– Да.

Я качаю головой и снова обращаюсь к кофемашине. Через некоторое время довожу ее до того, что она издает булькающе-скулящие звуки и начинает подтекать коричневатой жидкостью. Я смотрю в изумлении. А чашку сначала сделать?

Вот я тупица – здесь же нет ассемблеров. Торопливо роюсь в шкафах, нахожу пару чашек и ставлю одну из них под носик.

– Тупица, тупица, – приговариваю я, не зная, подразумеваю себя или конструктора этой машины, давным-давно умершего.

Вскоре подъезжает такси, и Сэм отправляется на свой тренинг. Я недолго брожу по дому и пытаюсь узнать, что в нем для чего служит. Оказывается, стиральная машина имеет физические переключатели, которые нужно настроить, чтобы она правильно работала. Это сугубо для воды, а еще нужно добавить к одежде так называемый «порошок», вместо того чтобы выставить нужную настройку на ткань. О тканях, *созданных для жизни*, я уже прочла на планшете, и меня немного мутит после этого – есть что-то потустороннее в ношении одежды из мертвых животных. Существует штука под названием «шелк», которая, по сути, представляет собой рвоту насекомых; от одной мысли о ней у меня мурашек по коже бежит еще больше. В общем, здесь нужно носить только искусственное.

Вскоре мне становится скучно. Дом совершенно некоммуникативный (в реальной жизни я бы назвала его

аутичным), а развлекательные ресурсы, мягко говоря, примитивны. Я пытаюсь позвонить, думая, что свяжусь с Касс и посмотрю, как она себя чувствует. Это безопасно – Майк, скорее всего, тоже отбыл на тренинг. Но телефон отвечает лишь идиотским «пип-пип» пару долгих минут (я пытаюсь привыкнуть к странным древним единицам времени). Может, она спит или пошла по магазинам? Или вообще мертва? На мгновение я задумываюсь: вдруг после того, как Сэм позвонил, Майк саданул ее головой о тренажер и разрезал на куски в подвале. Или задушил во сне.

Почему меня преследуют эти ужасные фантазии? Со мной что-то серьезно не так. Во многом потому, что я чувствую себя в ловушке. Изолирована, заперта в загородном доме, а мой муж ушел на работу. Нет, неправда: на самом деле меня ищет злоумышленник или убийца, потому что… что? То, что произошло до операции с памятью? Я застряла в изоляции и борюсь с собственным невежеством – просто смех.

Я должна убраться отсюда.

Через десять минут я стою на крыльце в ботинках и брюках, не соответствующих здешнему дресс-коду. На плече у меня сумка, в которой лежат бумажник и самый острый нож, какой я нашла на кухне. Смехотворное оружие, учитывая состояние мускулов моих рук (они болели так, будто я разрабатывала их молотком), но пока у меня нет ничего лучше. Если повезет, преследователи окажутся в такой же ситуации и я получу время для подготовки, прежде чем они решат сделать свой ход.

Правило первое в списке хорошо подготовленных беглецов – знай отходные пути.

Я не вызываю такси. Вместо этого иду на обочину дороги и оглядываюсь. Район тихий и немного странный. С обеих сторон растут огромные лиственные деревья, а прямо за садом, прилегающим к дому, растительность становится дикой и неухоженной. Незримые беспозвоночные стрекочут там как сломанные механизмы. Силюсь вспомнить, в каком направлении нас увозило такси. Вон в том. Я поворачиваю налево и иду по обочине дороги, готовая отпрыгнуть, если вдруг появится машина.

Вдоль дороги есть другие дома. Они примерно того же размера, что и наш – группы прямоугольных ящиков с отверстиями, закрытыми стеклом в рамах, и странно изогнутыми крышами. Они выкрашены в самые разные цвета, но все равно выглядят блеклыми и дикими, как сброшенные гигантскими моллюсками раковины. Ни в одном из них не наблюдается никаких признаков жизни, так что, думаю, их роль сугубо

декоративна. Я понятия не имею, где живет Касс, – досадно. Я могла бы пойти к ней в гости. Может, от меня до нее – рукой подать. К сожалению, каталогизатор – лишь одна из служб, которую убрали из моего модема, и Сэм был однозначно прав, упомянув дикую «территориальность» древних. Если они вызывали стражей порядка лишь за то, что кто-то плохо одет на публике, что у них полагается за вторжение на чужие владения?

Пройдя несколько сотен метров, я достигаю возвышенности. Дорога продолжает идти горизонтально, входит в крутой ров и наконец ныряет в темный тоннель на склоне горы. Взглянув в сторону, я вижу, что с деревьями что-то не так. Вот он, похоже, – край нашей симуляции. С трудом представляю, что у меня под ногами – сложная техника, заключенная в оболочку из строительного алмаза; цилиндр длиной в милю, вращающийся в пустоте, ледяной тьме космоса. Пустота следующие несколько десятков миллионов километров, затем – коричневый карлик, немногим больше газового гиганта, далее – десятки триллионов километров до ближайшей звездной системы. Масштаб – мой первый враг.

Я вхожу в тоннель и вижу перед собой поворот, после которого становится очень темно. Это тревожно: я не заметила несуразности с ним, хотя чутко отслеживала все, что хоть как-то выбивалось. Двигаю правой рукой по изгибу стены тоннеля, ввинчивающегося в темноту; иду медленно; метров через пятьдесят он начинает уходить в другую сторону. Прохожу еще один поворот, уже видя свет в конце, и вскоре бреду по дороге, по обеим сторонам от которой стоят здания, отличающиеся по форме и размеру. Передо мной – табличка со словами ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ДЕРЕВНЮ (деревня – это маленький городок, а центр – деревенский район с магазинами – по крайней мере, я так себе это представляю).

Я много чего успела прочитать как примерная гражданка и знаю: есть несколько магазинов, в которые мне нужно наведаться. Для начала – строительный. Дело в том, что древние люди не могли просто попросить какой-то нужный шаблон у ассемблера, а должны были сами создавать объекты из простых компонентов. Это означает необходимость инструментов для работы. Солидный набор инструментов на удивление легко превратить в хороший арсенал. Пока не раскрою свою личность, вероятно, здесь я в безопасности, но «вероятно» недостаточно, когда альтернатива – смерть. В любом случае я все равно не сплю по ночам, потому что боюсь этого.

В хозяйственном магазине я провожу около получаса, обнаруживая, что продавцы-неписи не запрограммированы

запрещать женщинам покупать топоры, ломы, катушки со стальной проволокой, аппараты для дуговой сварки, вспомогательное оборудование для механической обработки и любой другой инструмент, который находится в поле зрения. Набор, который я покупаю, сто́ит дорого, он огромный и очень тяжелый, но мне говорят, что все это привезут сами и установят в нашем гараже – вспомогательном здании, доступном снаружи, где я еще не была. Я благодарю персонал и добавляю к заказу несколько кусков необработанного металла да пару отрезков пружинной стали.

Когда я выхожу из магазина с заказанным для дома основным инструментом и топором, спрятанным под пальто, ближайшее будущее выглядит гораздо более оптимистичным. Утро ясное и теплое: из лиственных деревьев между зданиями доносятся крики маленьких пернатых динозавров. Впервые с тех пор, как я сюда попала, чувствую себя хозяйкой собственной судьбы.

И именно в этот момент я сталкиваюсь с Джен и Энджи, идущими рука об руку по тротуару к деревенскому зданию с вывеской над дверью «РЕТРОКАФЕ».

– О, Рив, привет! – Джен спешит навстречу, широко раскинув руки, чтобы обнять меня, а Энджи с тонкой улыбочкой ловит ее сзади за руку и осаживает.

Крепко обнимаю ее, надеясь, что топор она не почувствует, но – увы.

– Что на тебе надето? И… что это там у тебя?..

– Я ходила в строительный магазин, – объясняю я, принужденно-вежливо улыбаясь. – Раньше я покупала Сэму разные инструменты для этого, как его… для сада, и они не помещались в мою сумочку, поэтому пришлось сунуть топор в чехол, а чехол – за пояс, вот. – Определенно, надо попрактиковаться во вранье. – А что у вас?

– У нас все здорово! – довольно сообщает Джен, отпуская меня.

– Хотели зайти, по кофейку пропустить, – добавляет Энджи. – Пойдешь с нами?

– Конечно, – соглашаюсь я. Нет культурного способа сказать им «нет». Кроме того, я не контактировала ни с одним человеком, кроме Сэма, в течение ста килосекунд и хотела бы узнать, что у них на уме. Поэтому я иду за ними в «Ретрокафе», где мы сидим в боксе, выложенном блестящим красным винилом, за белоснежным полимерным столом, а официанты то и дело спрашивают, чего мы желаем.

– Как идет адаптация? – спрашивает Энджи. – Мы слышали, у тебя вчера были проблемы.

– Слышали-слышали, милая. – Джен улыбается, кивая. На ней – ярко-желтое платье и шляпа на голове, чем-то напоминающая баллистический шаттл. Она нанесла на лицо порошковую краску, чтобы улучшить цвет губ (красные) и ресниц (черные), и на ее коже распылено что-то, пахнущее как взрыв в цветнике. – Больше не повторится?

– Нет, конечно, – фыркая, отвечает за меня Энджи. – Такое бывает лишь поначалу. Пару раз, наверное, со всеми случалось, я ж права? – Она искоса смотрит на официанта. – Мне двойной шоколадный латте со льдом, из натуральных бобов, со взбитыми сливками и без сахара.

– Мне то же самое, – успеваю сказать я, прежде чем Джен начинает перечислять все пункты прейскуранта над прилавком, меняя каждое предложение три раза. Она долго не умолкает, а я тем временем смотрю на Энджи. На ней – пиджак с юбкой. Здесь такая комбинация зовется «костюмом», хотя женский костюм отличается от мужских. Энджи смотрится серьезнее, чем Джен, но блестящие куски металла, прикрепленные к мочкам ее ушей, смазывают впечатление. Полагаю, это должны быть украшения, хотя выглядят эти чужеродные вставки довольно болезненно.

– Что это в ушах? – спрашиваю я.

– Называется «серьги», – объясняет Энджи. – Тут есть салон, где протыкают уши, а потом в них можно вешать разные украшения. Как только дыры заживают, – добавляет она, слегка морщась. – Они пока немного болят.

– Погоди, ты хочешь сказать, что оно не приклеено к коже… и материя уха не наращена поверх него? И еще оно… из металла, да?

– Да, – говорит она, бросая на меня странный взгляд. Я не знаю, что на это ответить, но, к счастью, отвечать не нужно: Джен разбирается со своим многоступенчатым заказом и поворачивается, сосредотачивая все внимание на нас.

– Я так рада, что мы встретили тебя сегодня, дорогая! – щебечет она, подаваясь ко мне вперед. – Я навела кое-какие справки – так вот, мы здесь – далеко не единственная группа испытуемых. Их шесть, и все они завтра соберутся в церкви. Нам не хотелось бы, чтобы кое-кто нас подвел!

– Ты на что намекаешь? – спрашиваю я ошеломленно.

– Она говорит, что придется соблюдать приличия, – сообщает Энджи, одаряя меня еще одним выразительным взглядом, не поддающимся толкованию.

– Не понимаю.

Джен чуть хмурит брови.

– Дело не только в том, что случилось вчера, – подчеркивает

она. – Каждый имеет право на маленькую промашку. Но, оказывается, в дополнение к усреднению баллов в группе, каждая группа в приходе может рассказать о том, чего достигла за прошедшую неделю. Другие группы будут оценивать чужие успехи и голосовать за начисление и списание бонусных очков.

– Рекуррентный сценарий дилеммы заключенного с прикрученной коллективной ответственностью, – добавляет Энджи, как раз когда непись-официант крутит кран у одного из полированных стальных резервуаров за барной стойкой, рождая шипение гидравлики. – По мне, весьма элегантное решение.

Дерьмовое, так и вертится на языке, но я лишь сдержанно киваю и говорю:

– О да, оно и видно.

– Придется защищать ваше вчерашнее поведение, а другие группы могут или накинуть нам очков, или вычесть их – в зависимости от того, считают ли они, что мы этого заслуживаем. И от того, думают ли они, что мы затаим обиду, когда наступит их очередь на обсуждение.

– Коварненько.

– О да.

– Именно поэтому, дорогая, – вновь берет слово Джен, – ты не станешь появляться на людях, нарушая дресс-код, и положительно раскаешься во вчерашней глупой ошибке – можно без грязных подробностей. И мы, само собой, внесем свою лепту, поддержав тебя и постаравшись похоронить дело так глубоко, как сможем, под грудой грехов остальных групп. Не так ли? – Она смотрит на Энджи. – Мы – новая группа, и нас, как чую, будут подначивать. Одна Касс уже порядочно набедокурила.

– А что не так с Касс? – настораживаюсь я.

– Она не приживается, – говорит Джен.

Энджи явно хочет что-то добавить, но Джен еле заметным жестом пресекает ее.

– Если она будет тебе названивать и нести чушь – просто игнорируй. Она делает это лишь для того, чтобы привлечь внимание, и скоро прекратит.

– Она сказала мне, что Майк угрожает ей, – говорю я, глядя Джен в глаза. Непись-официант тем временем приносит нам первую кофейную чашку.

– Вот как? – Джен отвечает прямым суровым взглядом, и на ее лице ясно проступает стальная жестокость. – Какое нам до этого дело? Группа пострадает из-за их размолвок. И это еще фигня в плане последствий.

– А что еще не так?

– Социальный рейтинг повышается за занятие сексом, –

говорит Энджи застенчиво-нейтральным голосом. – Ты еще не поняла?

– За секс, говоришь. – Я, наверное, кажусь возмущенной или шокированной, или что-то в этом роде, поскольку сталь исчезла из мины Джен, уступив место тупой веселости.

– Только с твоим мужем, дорогая. – Она отпивает кофе и оценивающе смотрит на меня. – Мы заметили еще кое-что. Я не хочу вас с Сэмом торопить, но…

– Кого я трахаю – не твое дело, – прямо говорю я. Мне приносят кофе, но сейчас я не чувствую жажды. Мой рот такой сухой и едкий на вкус, будто я только что прожевала полкило сырых кофейных зерен. – Я подобающе оденусь на церковное собрание и скажу всем присутствующим, что клянусь исполнять правила и следовать обычаю. Но… – Я стучу ладонью по столу перед кофейной чашкой Джен – в опасной близости. – Никто и никогда не станет указывать мне, чем я должна заниматься за опущенными шторками. Идет? Я постараюсь не стоить вам слишком больших штрафов, ребятушки, но и только.

Повисает ледяная пауза. Я делаю неосмотрительно большой глоток горячего кофе и обжигаю нёбо.

– Ну, я понятно выразилась? – уточняю на всякий случай.

– Кристально ясно, дорогая. – Глаза Джен блестят неподдельной злобой.

Я заставляю себя ответить ей улыбкой:

– А теперь, может, найдем, о чем цивилизованно поговорить, пока будем пить кофе и есть пироженки?

– Хорошая идея, – блеет Энджи. Она выглядит слегка потрясенной. – После обеда как насчет того, чтобы купить тебе что-нибудь подходящее для похода в церковь? На всякий случай. Между тем я хотела узнать, пользовались ли вы с Сэмом своей стиральной машиной? У нее есть некоторые интересные особенности… – И вот она уже как ни в чем не бывало обсуждает методы подсчета очков в женском мире, генерируемых теорией игр и контролируемых нелепой групповой порукой.

Когда ланч подходит к концу, мне кажется, я раскусила обеих. Энджи хочет добра, но слишком расчетливо переживает за собственное благо. Боится выйти за рамки, не хочет рисковать рейтингом и беспокоится о том, что о ней подумают люди. Такие черты делают ее легкой мишенью для Джен, которая внешне яркая и агрессивно экстравертная, но внутри скрывает дикую потребность в одобрении, заставляющую ее запугивать людей, покуда те не подстроятся под нее. Джен – такая же безжалостная, как и все, с кем я встречалась после операции на памяти, – таких хирурги-храмовники открыто используют в своих целях. Что еще

тревожнее – бледные призраки воспоминаний указывают на то, что я знала подобных людей раньше, но подробностей не дают. Кто они были, что значили для меня – все кануло в бездну амнезии.

Эти цыпы, по молчаливому обоюдному согласию, назначают себя моими личными помощницами в походе по магазинам на послеобеденное время. Они не грубы, но очень уж настойчивы и не скрывают желания скорректировать мое поведение, заправить его в рукав дозволенного, чья длина отмерена кем-то другим – не ими.

После кофе и пирожных (за которые платит Энджи) меня сопровождают в вояже по ряду заведений. В первом из них я подвергаюсь вниманию парикмахера. Энджи сидит со мной и бесконечно болтает о кухонных приборах, в то время как Джен уходит по каким-то своим делам, а здешняя непись хлопочет над моей головной растительностью с помощью устрашающего арсенала лезвийных станков, ножниц, расчесок и химических реактивов. Когда мне разрешают встать с кресла, мои волосы – все еще длинные, но на несколько тонов светлее, и всякий раз, когда я трясу головой, остаются в установленной конфигурации – точно какой-нибудь пенопласт.

– Теперь пошли выбирать одежду на завтра, – говорит Джен, широко улыбаясь. Это явно не предложение, а форменный приказ. Меня таскают по бутикам, услужливые неписи под чутким руководством Джен вносят и выносят один элемент гардероба за другим, под конец процедур раболепствуя перед моей картой-кредиткой. В итоге я становлюсь до одури похожа на своих спутниц – Женщин, Вышедших-в-Люди.

– Почти готово, – говорит Джен с выражением на лице, близким к одобрению. – Осталось лишь *стать покладистой.*

– Чего-чего?

– *Напомадиться*, говорю! Макияж навести.

Они в открытую издеваются надо мной. Играют в «не расслышал – недосказал». Но оно, может, и хорошо, потому что, если бы мне сказали прямо, что будет происходить далее, я бы, наверное, сбежала. И я все время напоминаю себе (с растущим страхом), что в моем распоряжении по-прежнему почти тысяча мегасекунд (три *года*), чтобы сожалеть об ошибках, совершенных сегодня.

* * *

Небо симуляции алеет и низко опускается, к тому времени

как такси, куда мы трое набились, останавливается у моего дома. Я открываю дверь.

– Давай, – говорит Энджи, пихая меня легонько. – Пойди удиви его. У него тоже был долгий день – пускай расслабится. – Она использует обезличенное «он» – ей все равно, кто это. Все, что ее и Джен волнует, – он мой «муж», и мы можем заработать группе баллы.

– Ладно, иду-иду, – говорю я смущенно. Беру сумку и, когда отворачиваюсь, что-то легонько колет меня в ногу. – Эй! – Я оглядываюсь, но такси уже отъезжает. – Что за хрень, – бормочу я. Икроножная мышца пульсирует – наклоняюсь и чувствую, что из нее что-то торчит. Вытаскиваю эту штуку – похожа на дротик или шприц. – Вот дерьмо.

Я ковыляю по тропинке в новых туфлях, которые они мне выбрали, – каблуки даже выше и менее удобны, чем у первой пары, – и захожу в дом. Выбрасываю пакеты, иду в гостиную, где включен телевизор. Сэм лежит перед ним с закрытыми глазами, узел галстука ослаблен. Мне жаль его. Я чувствую боль в месте укола – холодное напоминание о каком-то непотребстве, только что учиненном со мной.

– Сэм! Вставай! – Я дергаю его за руку. – Помоги мне!

– Что тако… ой. – Он открывает глаза, смотрит на меня. – Рив? – Он морщится, и это неудивительно, ведь от меня дико несет дрянью, которой меня зачем-то обрызгала из маленького флакончика Джен.

– Помоги. – Я сажусь рядом с ним и задираю юбку, показывая ему укол на моем бедре. – Смотри. – Я показываю ему ампулу. – Мне вхерачили вот это. Что это за хрень?

Моя промежность вдруг делается неестественно чувствительной, голова кружится. Я вся как-то расслабляюсь, и пресловутое учиненное непотребство уже не так волнует меня. Это очень тревожный симптом.

– Хм. – Сэм моргает. – Я не знаю. Кто это с тобой сделал?

– Джен и Энджи. Они высаживали меня из такси, и, я думаю, эта сучка уколола меня в последний момент. – Я облизываю губы. Что-то мне нехорошо. – Как думаешь, это яд?

– Не совсем, – говорит он, глядя на меня. Берет планшет, выстукивает на нем мини-ритм пальцами. – Охо-хо, – говорит он, показывая мне экран. – Они думают, это смешно?

Держась руками за живот и сжимая дрожащие ноги, я смотрю. Буквы пляшут перед глазами.

– Вот же… суки! – Меня переполняет ярость. – Шлюхины дочери!

Сэм качает головой.

– У меня был очень утомительный день, – говорит он. – А ты, я смотрю, отделалась легко. Приходишь домой в таком наряде, и твои подруги вкалывают тебе… возбудитель сексуального влечения? – Он приподнимает бровь. – Как думаешь, ради чего?

Этот тип способен оставаться спокойным и рассудительным в самых неожиданных ситуациях. Хотела бы я иметь хоть половину его самообладания в наших условиях!

– Рив, о чем все это? Неужели давление группы настолько велико? – В его голосе звучит тревога и сочувствие.

– О да. – Я сжимаю зубы изо всех сил. Он сидит слишком близко ко мне, но я не рискую двигаться. Афродизиак окутывает меня теплыми щекочущими волнами – боюсь, на кушетке останется влажное пятно. – Они навязывают правила п-поведения. У них там такие м-механизмы п-принуждения, о которых м-мы не зна-знали. Д-Джен и Энджи мне намекнули, н-но я… а-а-а-а, на фиг! Короче. Можно зарабатывать социальный рейтинг всякими разными социальными а-ах… активностями.

– Какими еще активностями? – мягко спрашивает он.

– Догадайся! – выплевываю я, нахожу в себе силы подняться и дую в ванную.

* * *

Сэм робко стучит в дверь, пока я сижу в полубессознательном от вожделения состоянии в углу душевой кабины, штормуясь – хотя, откуда мне знать, какие штормы здесь, на планете *Zemlya*? Пытаюсь очиститься от навязанного мне сексуального морока, и вроде даже получается; чередую горячую воду с холодной. Думаю, Джен с Энджи – не ищущие меня охотники, а просто две бестактные дуры, но не могу не фантазировать о них под струями – о миллионах мстительных рекуррентных пыток, которые я им устраиваю. Я понимаю, что здесь это лишь фантазии – в симуляции нельзя убить кого-то больше одного раза, а уже убитый недосягаем для дальнейших измывательств. Но что-то во мне так хочет причинить двум сучкам боль, что потолок прогрызть хочется, и причина тому – не только неуклюжее сводничество с моим пентюхом-экстравертом мужем. Я выползаю из душа и довожу себя до изнеможения на силовом тренажере в подвале, а потом укладываюсь спать – одна, с головой, звенящей от тревог.

Рассвет воскресенья – яркий и жаркий. Я неохотно натянула платье, которое Джен и Энджи заставили меня купить, и пошла встречать Сэма внизу. У платья нет карманов. Я не знаю, можно

ли мне носить сумку, и чувствую себя очень некомфортно, не имея при себе хотя бы простого канцелярского ножа. Сэм одет в черные брюки и пиджак, кипенно-белую рубашку; на шее повязан черный галстук. Он монохромен до ужаса, но при этом выглядит достаточно представительно. Впрочем, судя по его лицу, чувствует себя так же неуверенно, как и я.

– Готов? – спрашиваю я его.

Он кивает.

– Тогда я вызываю такси.

Приходская церковь представляет собой большое каменное здание, в некотором отдалении от того места, где мы живем. На одном его конце есть башня, такая же острая и осесимметричная, как релятивистский ударник (если бы боевые корабли были сделаны из камня и в их спинной части просверлили отверстия с огромными параболическими курантами, висящими внутри). Громко звонят колокола, автостоянка заполняется такси и мужчинами и женщинами, одетыми в старинные костюмы, когда мы прибываем. Я вижу несколько знакомых лиц, среди них – Джен. Но большинство людей в толпе – незнакомцы, и, пока мы ждем снаружи, я цепляюсь за руку Сэма, опасаясь потерять его.

Внутри церковь состоит из единственного помещения с платформой на одном конце и рядами скамеек, вырезанных из мертвых деревьев, – на другом. На ней есть алтарь с длинным обнаженным лезвием, лежащим рядом с большой золотой чашей. Мы регистрируемся и садимся. Играет тихая музыка, процессия шествует по проходу от задней части здания. В ней трое мужчин, физически состарившихся, но еще не умирающих, одетых в отличительные одежды, расшитые золоченой нитью. Они взбираются на платформу и занимают какие-то, явно заранее оговоренные позиции. Далее слово берет тот, что впереди справа. Вскоре я с удивлением понимаю, что передо мной доктор-майор Фиоре.

– Дорогие прихожане! Мы собрались здесь сегодня, чтобы вспомнить тех, кто ушел до нас. Застывшие лица, высеченные в камне, скорбные лики множества людей. – Он делает паузу, и все вокруг повторяют сказанные им слова. Низкое рокочущее эхо гуляет туда-сюда в проходах.

Фиоре продолжает произносить тарабарщину зловещим голосом во все возрастающем темпе. Каждое предложение или два он останавливается, и прихожане вторят ему. Я *надеюсь*, что это тарабарщина – некоторые выпады не только сбивают с толку, но и смутно угрожают, ссылаясь на суд после нашей смерти, наказания за грехи и награды за послушание. Я смотрю в сторону, но быстро понимаю, что остальные глазеют на него. Произношу

слова вслед за ним, но чувствую себя жутко неловко. Кто-то прямо-таки втянулся в действо, разрумянившись и зримо разнервничавшись.

Затем непись, сидящий в алькове, заводит напыщенную мелодию на примитивной музыкальной машине, и Фиоре велит нам открыть лежащие перед нами бумажные книги на заданной странице. Люди начинают петь отпечатанные там слова и хлопать в такт – это тоже не имеет никакого смысла. Имя «христианин» упоминается неоднократно, но не в каком-либо понятном мне контексте. Посыл песен откровенно зловещий – кратко суммируя, нечто вроде «подчиняйся, соответствуй, по делам твоим да накажут тебя»: нехитрая, по сути, система обратной связи. У меня, похоже, в наличии глубоко укоренившийся рефлекс, который не позволяет некритически воспринимать пропаганду: я заканчиваю читать книгу с кислой миной.

Примерно через полчаса Фиоре дает отмашку неписи, чтобы тот прекратил играть.

– Мои дорогие, – обращается он к нам.

В голове я добавляю к его словам саркастический комментарий: «Слишком дорогие для тебя, дружище».

– Сегодня я хотел бы, чтобы вы тепло поприветствовали новых участников – шестую когорту. Наша вера гостеприимна, наше обязательство… – Да, именно так он и сказал – *обязательство!* – …заключить их в крепкие объятия и принять в семью. – Фиоре одаривает нас странной улыбкой и, крепко сжав края кафедры, налегает на нее всем телом с тихим «о-о-ох». Выглядит это донельзя странно – будто где-то за кафедрой его кто-то орально ублажает. – Пожалуйста, поприветствуйте новых участников – Криса, Эла, Сэма, Фэра и Майка, а также их жен – Джен, Энджи, Рив, Алису и Касс.

Все вокруг – за исключением Сэма, который сбит с толку, как и я, – внезапно начинают хлопать ладонью о ладонь перед Фиоре. Думаю, это своего рода приветственный ритуал; звук получается на удивление громкий. Сэм смотрит мне в глаза и тоже начинает нерешительно хлопать, но затем Фиоре поднимает руку, и все останавливаются.

– Мои дети, – говорит он, нежно глядя на нас, – наши новые собратья здесь всего три дня. За это время им пришлось многому научиться, много увидеть и сделать, поэтому некоторые из них допускали ошибки. Ошибаться – очень человеческое деяние, равно как и прощать. Например, простим миссис Алису Шелдон из шестой когорты за трудности с водопроводом. И миссис Рив Браун, оттуда же, за ее неудачное обнажение на публике. И…

Смех заглушает его слова. Я оглядываюсь и вижу, что все

смеются и указывают на меня пальцами. Чувствую волну смущения и гнева. Как он смеет? Однако в этом есть что-то устрашающее. Здесь, наверное, человек пятьдесят, и некоторые из них сейчас смотрят на меня так, будто пытаются представить, как я выгляжу без одежды. Если бы я была *самим собой*, в моем прежнем мужском теле, я бы бросила вызов за секунду, но теперь я – женщина. Так работает групповое давление, верно? В этом дело. Экспериментаторы не могут рассчитывать на создание функционального общества темных веков всего за три года, просто забросив в симуляцию компашку пациентов в гуманоидных телах, и дать им неупорядоченно ее осваивать. Нужен некий социальный механизм, чтобы они заставляли друг друга подчиняться надуманным правилам, в идеале – чтобы они сами наказывали своих девиантов…

– …простим же и Касс ее склонность поздно ложиться спать – сегодня, как видно, она не смогла прийти в церковь…

Они больше не смотрят на меня, но что-то бормочут – кругом распространяется злая волна неодобрения. Я смотрю в глаза Сэму: тот выглядит напуганным. Он кладет ладонь на мою руку, хватаясь за нее словно утопающий, держит крепко.

– Я прошу вас всех пожалеть Майка, ее мужа, которому приходится содержать столь ленивую женщину, и помочь ей осознать ошибку в общении при личной встрече…

Теперь я – за компанию со всеми остальными – могу поглазеть на этого субъекта. Он невысокий, жилистый, с большим острым носом и темными угрюмыми глазами. Выглядит так, будто вот-вот на кого-нибудь сорвется; поза чисто оборонительная – и в этом нет ничего удивительного. Тяжкая санкция в пять очков социального рейтинга оставила и у меня слабость в коленях и страх, а ее, оказывается, можно схлопотать и за то, что твоя жена не может утром пойти в церковь. Меня так и подмывает крикнуть Фиоре: *Это лишь повод, идиот, чтобы не появляться на виду у твоего сброда!*

Фиоре переходит к обсуждению других людей, других когорт – тех вещей, которые сейчас для меня бессмысленны. Мой модем оживает и просит меня проголосовать за список грехов и успехов, отмеченных за каждым именем, – кому отсыпать крошек, у кого их забрать. Я ни за кого не голосую. Наконец на нас единодушно нападают избиратели остальных пяти когорт. Все мы теряем по несколько очков, и мрачный звон чугунного колокола, висящего под аркой в задней части церкви, возвещает близкий конец децимации. Фиоре призывает непися налечь на музыкальную машину, и тот исполняет еще один бессмысленный гимн. На этом месса заканчивается.

Но я пока не могу убежать и спрятаться, потому что после децимации по распорядку – вечеринка в честь новой когорты. Поэтому мы натягиваем хмурые улыбки на рожи и едим бутерброды под магнолиями, пока остальные ухмыляются нам.

Столы установлены в декоративном саду позади церкви, называемом «кладбищем». Их накрыли белыми скатертями и уставили бокалами с вином. На вечеринке мы более-менее предоставлены сами себе.

И оказывается, во время воскресной службы такси не ходят.

Я обнаруживаю, что стою неподвижно, прислонившись спиной к церковной стене, с бокалом вина в одной руке и ладонью Сэма – в другой. У меня болят ноги в туфлях, и мое лицо, кажется, постоянно искажает гримаса.

– Рив! И Сэм! – Это Джен. Она тащит за собой Энджи и обоих мужей – своего Криса и подружкиного Эла. Она выглядит немного менее кипучей, чем вчера, и я могу догадаться почему.

– Мы не очень хорошо справились, – хмыкает Эл. Он бросает на меня долгий взгляд, который поражает как удар под дых. Это действительно жутко. Я точно знаю, о чем он думает, но не знаю *почему*. Потому ли, что я стоила ему очков рейтинга, или просто он пытается представить меня голой?

– Могло быть и хуже, – резко и сухо бросает Джен. Она мертвой хваткой вцепилась в свою сумочку.

– Снаружи, – я глубоко вздыхаю, – я бы бросила вызов Фиоре, начни он нести подобную муть на публике.

– Но ты не снаружи, дорогуша, – ядовито замечает Джен. Она улыбается Сэму. – Он у тебя и дома такой пришибленный или только на публике?

Я в секунде от того, чтобы швырнуть ей полный бокал в лицо и начать проверять, так ли самоуверенна эта рожица, если по ней хорошенько потоптаться. Но тут мое внимание привлекает фигура, крадущаяся у Джен за спиной. Это Майк. Между глупостью и безумием я выбираю второе и решительно подхожу к нему.

– Привет, Майк, – бодро говорю я.

Он едва не подскакивает и поворачивается ко мне. Все его тело напряжено как взведенная пружина.

– А? Что тебе нужно? – лает он.

– Ой, извини, ничего-ничего. – Я улыбаюсь и испытующе смотрю на него. – Я просто хотела выразить соболезнования по поводу твоей жены. Не хочет в церковь ходить – вот ведь беда какая… Она придет на следующей неделе?

– Придет. – Майк скрипит зубами. Он крепко держит руки по швам, сжав кулаки.

– О, это здорово! Действительно, здорово. Слушай, если ты не возражаешь, я свяжусь с ней сегодня днем? Как насчет этого? Нам есть о чем поговорить, и я подумала…

– Возражаю. Эта сука тебя в гости не ждет. Ни сегодня, ни завтра, вообще никогда. Пошла прочь! Драная шлюха!

Я не уверена, что означает последнее слово, но общую картину поняла.

– Ладно-ладно, ухожу-ухожу, – напряженно отвечаю я. Будь у меня еще несколько дней с жимом лежа и силовыми упражнениями, я бы попробовала потягаться с ним. Но не сейчас. Еще рано.

Я поворачиваюсь и иду к Сэму. Он не разговаривает, когда я его обнимаю – может, это и хорошо, потому что я не доверяю своему такту, особенно когда мы находимся в общественном месте и сбежать некуда. Мое сердце колотится, меня тошнит от подавленного гнева и стыда. Муж обращается с Касс как с пленницей. Меня публично высмеивают, и я наживаю себе врагов лишь за то, что пытаюсь сохранить какое-никакое чувство собственной идентичности. Вся эта социальная среда настроена так, чтобы в ней друг рано или поздно предал друга… а за ее пределами рыщут те, кто хочет меня убить. Возможно, не только за ее пределами; в самой среде – тоже. И если я не буду вести себя терпеливо и сдержанно, рано или поздно они меня сцапают.

6. Меч

После церкви мы идем домой. В воскресенье Сэму не нужно работать, так что он садится смотреть телевизор. Я хочу повозиться в гараже. Это шаткое строение, примыкающее к дому с одной стороны, с большими воротами спереди. Внутри есть верстак, и неписи из хозяйственного магазина установили здесь все оборудование, которое я приобрела вчера. Я повозилась со стойкой для дрели, почитала руководство по сварке. Затем спустилась вниз и протестировала стиральную машину, злорадно воображая, что это пыточное устройство, в которое запихнули Джен и Энджи. Мысленный образ огромной окровавленной фрикадельки из их орточеловеческих оболочек бодрит, и я чувствую себя готовой к более трудным вызовам.

Итак, пора проведать Сэма.

Он в гостиной, тупо смотрит на экран телевизора с выключенным звуком. Я сажусь рядом с ним, а он почти ничего не замечает.

– Что случилось? – дознаюсь я.

– Да вот… – Сэм качает головой, безгласный и несчастный.

Я тянусь к его руке, но он отдергивает ее.

– Проблема во мне? – прямо спрашиваю я.

– Нет.

Я снова тянусь к его руке, хватаю ее и держу. На этот раз он не отстраняется, но все еще кажется донельзя напряженным.

– А в чем тогда?

Какое-то время кажется, что он не собирается отвечать, но потом, когда я открываю рот, чтобы повторить вопрос, вздыхает и выдает:

– Не в тебе, а во мне.

– В тебе… что?

– Проблема. Во мне. Меня здесь быть не должно.

– Где? – Я оглядываюсь. – В гостиной?

– Нет, в этом эксперименте. – Теперь я понимаю, что им владеет не гнев, а депрессия. Когда Сэма прессуют, он замыкается в себе, вместо того чтобы вымещать фрустрацию на окружении.

– Так, объясни-ка подробнее, в чем дело.

– Не выйдет, прости.

– Ты даже не пытаешься! – Я придвигаюсь к нему ближе, все еще держа за руку. – Представь, что я – кто-то из экспериментаторов, а ты пытаешься выбить у меня досрочный уход из этой симуляции.

– Гм. – Он странно смотрит на меня. – Вообще-то мы не

должны говорить о том, кем были до эксперимента. Это не способствует проникновению в древнюю культуру и, вероятно, мешает…

– Мне можешь рассказать, – говорю я с расстановками, выделяя голосом каждое слово. – Я никому не выболтаю. – Смотрю Сэму прямо в глаза. – Наши отношения должны строиться на доверии. В этом обществе нет игр с отрицательной суммой в парах, не так ли?

– Я не знаю. – Он втягивает носом воздух. – Ты можешь выдать меня.

– Кому?

– Своей подруге Касс.

– Чушь! – Я слегка ударяю его по руке. – Давай я пообещаю, что никому не скажу

Сэм задумчиво разглядывает меня.

– Обещай.

– Обещаю! – Я делаю паузу. – Так что случилось?

Сэм сутулится.

– Я недавно перенес операцию на памяти, – медленно говорит он. – Сдается мне, что бóльшая часть добровольцев Фиоре и Юрдона – тоже. Клиника амнезии – отличное место, чтобы найти здоровых подопытных, забывших бóльшую часть того, что они знали. Тех, кто отошел на обочину жизни с минимальными социальными связями. Люди, обремененные активными социальными связями, обычно не редактируют себе память, верно?

– Думаю, да. Ну, или идут на такое редко, – говорю я, и во мне пробуждается какое-то новое подавленное воспоминание. На военную тему. Неприятности из прежней жизни – спешные решения в ответ на непредвиденные маневры врага.

– Если только они не пытаются что-то скрыть от самих себя.

– Думаю, это маловероятно. – Я выдавливаю смешок. – А что, это твой случай?

– Да, похоже. У меня довольно узкие эмоциональные каналы. Узкие, но глубокие. У меня была семья. И в какой-то момент ее не стало – сейчас уже не скажу почему, но есть вероятность, что я сам этому поспособствовал. Или нет. Я мало помню, и воспоминания, по большей части имплантированные, сфабрикованные – заменяющие то, что я пожелал заменить. Я не рисуюсь – после всего, что произошло, правда перешел грань. Если бы не редактура памяти, покончил бы с собой как пить дать. Я склонен к депрессии сам по себе, а тут еще потерял все, что было для меня важно в жизни.

Я держу его за руку, не смея дрогнуть и гадая, как за винно-

сырным фуршетом я не углядела, что человек, теперь сидящий рядом со мной и названный моим мужем, омут неведомых страстей, настоящая эмоциональная бомба замедленного действия.

Сэм вздыхает еще раз.

– Что было, то прошло. Даже памяти не осталось. Мне провели редактуру без щадящих смазанных эффектов – такую, чтобы я натурально начал новую жизнь. – Сэм смотрит на меня. – Тебе это знакомо?

«Знакомо? Что?» – подумала я и сперва запаниковала, а потом поняла, в чем его вопрос.

– Да, у меня была операция на памяти, – медленно отвечаю я. – И даже не одна, как мне кажется. Очень глубокое вмешательство. Мне… – Я запинаюсь. – Мне пришлось читать объяснительную записку от своей прошлой личности. – *Вот только было ли в той записке хоть слово правды, или прежнее «я» сплело красивый узор из лжи для кого-то, кем оно собиралось стать – по сути, еще незнакомого?* – У меня вроде были с кем-то длительные отношения. Трое партнеров, шестеро детей, длились более гигасекунды. – Я содрогаюсь, обдумывая то, что хочу сказать следом. – Я не помню их лиц. Ни у кого.

Я вообще ничего не помню. С таким же успехом это могло случиться с кем-то другим – только и оставалось, что верить посланию от себя к себе на слово. Закончилось все более четырех гигасекунд назад – век и его пятая доля. Сразу после этого у меня был первый сброс памяти, а недавно – еще один, гораздо более точный. Более тридцати лет эти три партнера и шестеро детей были для меня всем, а теперь – лишь подробность моей жизни, сухие факты, сфабрикованная для шпиона безвестного режима полевая легенда.

Сэм наконец отвечает на мое рукосжатие.

– Амнезией я избавил себя от сильных страданий, – говорит он. – Но потом оказалось, что я поспешил. Мне это не требовалось. Боль и страдания – стимул, сигнал к тому, что организм должен предпринять какие-то меры, верно? Я имею в виду хроническую боль – не сиюминутную. Мои эмоциональные страдания как раз хроническими и являлись. С ними нужно было как-то разобраться, а не закрывать на всё глаза. Когда их для меня заглушили, я столкнулся с ужасной пустотой. Чувствовал себя так, будто я – не вполне человек. Кроме того, лишился уверенности в том, кто я такой.

Я глажу Сэма по руке.

– Диссоциативное расстройство? – спрашиваю я. – Или что-то посерьезнее?

– Посерьезнее. – Я слышу растерянность в его голосе. – Пустота так давила, что я… совершил ошибку. Снова влюбился. Слишком рано, но в личность заметную, блестящую, остроумную… и, боюсь, абсолютно чокнутую. Мы заговорили об этом эксперименте в очень сложный для меня период. Мне хотелось тогда выяснить – я реально влюбился или просто обманывал себя. Мы обсудили эксперимент, и не думаю, что были в восторге от этой идеи. Но для меня в итоге дело приняло наисерьезнейший оборот: я зарегистрировался, застраховался и очнулся здесь. – Сэм несчастно смотрит на меня. – Я совершил ошибку.

– Какую? – Я смотрю на него, не зная, чем помочь.

– Дело не в неприятии половых отношений, – виновато говорит он. – Просто у меня уже есть человек, которого я люблю. И я не увижу его, пока… – Сэм качает головой. – Так, ладно. Наверняка ты уже решила, что я – стопроцентный дебил.

– Неправда. – Я думаю о том, как спасти Касс от рук говнюка, что запер ее у себя дома. – Никакой ты не дебил. – Я наклоняюсь и дружески целую его в щеку. Сэм вздрагивает, но не пытается меня оттолкнуть. – Но жаль, конечно, что мы оба попали впросак.

– А мне-то как жаль, – серьезно вторит он.

Я обнимаю его на мгновение, потому что слова кажутся лишними. А потом я чувствую дискомфорт оттого, что его тело слишком близко к моему, встаю и иду обратно в гараж. Еще светло, и у меня в голове есть несколько идей, над которыми я хотела бы поработать. Если при спасении Касс из лап Майка последний окажет сопротивление, мне понадобится кое-какое оборудование.

* * *

В понедельник Сэм идет на работу. И на следующий день, и через два дня – каждый день, кроме воскресенья. Его учат на консультанта по правовым вопросам, что звучит интереснее, чем есть на самом деле, хотя он знакомится с законами и обычаями древних – некоторые большие юридические базы данных пережили темные века практически без последствий, и городской управе приходится обрабатывать множество документов. Один из побочных эффектов работы – обязанность носить одни и те же темные костюмы каждый день, за исключением дома, где дозволены джинсы и рубашки с открытым воротом.

Я начинаю привыкать к тому, что он уходит почти каждый день, и к рутине. Утром встаю и делаю кофе для нас обоих. Затем

Сэм идет на работу, а я спускаюсь в подвал и тренирую тело до тех пор, покуда не покроюсь по́том, до звона в мышцах. Потом пью еще кофе, выхожу на улицу и несколько раз пробегаю всю дорогу между двумя тоннелями – сначала делаю шесть длин, полкилометра, а после вторника иду на увеличение норматива. Когда начинаю шататься от изнеможения – возвращаюсь домой, принимаю душ, выпиваю еще одну чашку кофе и либо надеваю что-нибудь приличное, если еду в центр города, либо что-то неприличное, если собираюсь работать в гараже.

Попутно вскрываются все новые невзгоды. Примерно через две недели после проживания я просыпаюсь среди ночи от неприятной судороги в животе. На следующее утро с отвращением обнаруживаю, что истекаю кровью. Я, конечно, знаю о менструации, но никогда бы не подумала, что компашка Юрдон—Фиоре—Хант настолько двинутая, что и это явление станет реконструировать. Большинство самок млекопитающих просто реабсорбируют свою слизистую оболочку, так почему в темный век должно быть иначе? Я подмываюсь несколько раз и обнаруживаю, что с меня все равно капает. Дело – дряннее некуда; в какой-то момент мне это надоедает, и я звоню Энджи – спросить, можно ли с этим что-нибудь сделать. Энджи рекомендует мне сходить в аптеку и поискать средства гигиены для женщин.

Провизию я беру в магазинах в центре города. Хожу туда пару раз в неделю. Еду́ поставляют в предварительно упакованных контейнерах или в виде сырых, требующих готовки ингредиентов, но я – паршивый повар и медленно учусь, поэтому стараюсь избегать товаров второго типа. На этой неделе я очень тороплюсь с распорядком, потому что «меры гигиены» означают, что в аптеке следует купить прокладки, которые нужно носить вместе с нижним бельем. Отвратительная хрень. Что они с нами дальше сделают – дустом посыплют? Стиснув зубы, решаю прикупить побольше нижнего белья – и обезболивающее, поставляемое в форме маленьких дисков с горьким вкусом. Их нужно глотать, и они не особо хорошо действуют.

С одеждой я более-менее разобралась. Я привыкла брать с собой Энджи, а иногда и Алису, чтобы покупать наряды для общественных мероприятий. Они предостерегают меня от неправильного выбора и попадания в чей-нибудь черный список. Джен заявляет, что я ни хрена не смыслю в моде – это обвинение могло бы иметь некоторый вес, поступи оно от реального обывателя древности, а не от тупой выскочки из одного со мной хроноотрезка, для которой искусственно воссоздали линейку одежды, «модной» лишь по чьим-то крайне спекулятивным

оценкам.

Одним из моих любимых мест становится магазин хозтоваров. Сэм, наверное, думает, что я спускаю все заработанные им средства на макияж, прически или что-нибудь столь же легкомысленное. На самом деле я обустраиваю себе условия выживания. Если (и когда) подосланные убийцы вычислят меня, просто так я не сдамся. Не думаю, что Сэм хоть раз заглядывал в гараж с тех пор, как мы заселились. А если бы заглянул, увидел бы и мой сверлильный станок, и сварочный аппарат, и обрезки металла и дерева, и заваленный всякой всячиной, от гвоздей до столярного клея, верстак. А еще – мои печатные руководства. Например, «Арбалет, средневековый и современный, военный и спортивный: история его создания и применения». Забавно, что такие реликты имеют столь долгую жизнь.

В настоящее время я читаю большой толстый том под названием «Оруженосец». В моем безумии есть система.

Хоть у меня нет очевидного способа заполучить бластер или другое современное оружие и я не настолько склонна к суициду, чтобы возиться со взрывчаткой в герметичном жилище, не зная его физической топологии, мне приходит в голову, что я все еще способна навести шороху с помощью некоторых по-настоящему древних вещичек-приспособлений. Основная проблема, с которой я сталкиваюсь при создании арбалета, – конструктивные особенности, требующие учета оси вращения стрелы в полете и компенсации кориолисовых сил при прицеливании. Здесь мне пригодились бы отвес и лазерный дальномер.

На публике я изо всех сил стараюсь быть другой. Не хочу, чтобы кто-нибудь понял, что я создаю себе арсенал.

Дамы из нашей когорты – Джен, Энджи, я и Алиса (без Касс, ее муж до сих пор никуда не выпускает) – встречаются за обедом три раза в неделю. Я не спрашиваю о Касс, так как не в моих интересах, чтобы Джен заметила мою заинтересованность; сразу ведь решит, что это проявление слабости, и начнет думать, что из этого можно выкрутить в свою пользу. Не хочу, чтобы эта особа хоть как-то цеплялась ко мне, поэтому просто хожу, вся из себя нарядная, на встречи в кафе и рестораны, улыбаюсь и вежливо слушаю сплетенки об их мужьях и соседях. Девять других домов на моей стороне улицы пустуют, ожидая следующей когорты испытуемых, но это необычно: я понимаю, что остальные живут рядом с людьми из других когорт, то и дело омываемые волнами всяких известий и интрижек.

– Знаете, девочки, а мы, похоже, имеем шанс как-нибудь подгадить третьей когорте, – замечает Джен однажды, уминая

испанский омлет с паприкой. В ее исполнении эти слова ничем хорошим не пахнут.

– Правда? – заинтригованная, спрашивает Энджи.

– Ага. – Джен выглядит жутко довольной собой.

– Выкладывай, что к чему, не тяни. – Алиса кладет вилку на остатки салата, названного мужским именем Цезарь. Она пытается напустить на себя любопытный вид, но от меня не укрывается ее явное притворство.

Джен бросает на нее острый взгляд, затем режет омлет.

– Мы живем на одном конце Лейксайд-Вью, а Эстер и Мэл – на другом. Как-то утром я заметила, что Эстер наблюдает за мной из сада. Я вызвала такси и сделала вид, что уехала в город, но сказала водителю, чтобы он проехал круг и высадил меня в тоннеле на другой стороне. Не поверишь, кого я с ней видела. – Джен улыбается, показывая идеальные острые зубы хищницы.

– И кого же? – спрашивает Алиса, продолжая отыгрывать заинтересованность.

– Фила! Он приезжает к ней на такси и звонит в дверь. Эстер его впускает, а часа через два он отчаливает.

Энджи неодобрительно цокает языком. Алиса выглядит так, будто не все понимает.

– Да чего ты тормозишь? – спрашивает у нее Джен. – Никто об этом пока не знает, кроме меня, – значит, у нас в руках рычаг воздействия! – Она нанизывает на вилку капусту-брокколи и стачивает зеленый стебелек зубами до основания. – Для того, чем Эстер с Филом занимаются, есть термин – прелюбодеяние. Обычно отрицательная оценка не следует, пока никто не в курсе. Но если вдруг эта тема всплывает…

– Понятно, – морщится Энджи. – И?..

– Мы не входим в третью когорту, а Эстер, Мэл и Фил – входят. Если мы настучим на них, они потеряют уйму очков рейтинга!

– Ой, девочки, что-то мне нехорошо, – говорю я, откладывая нож и отодвигаясь от стола. – Нужно воздушком свежим дыхнуть.

– Я что-то не то сказала? – небрежно и как бы между делом спрашивает Джен.

Лучше я солгу ей максимально невозмутимо. Не питаю иллюзий насчет всех своих прежних попыток так делать, но, проведя чересчур много времени с Джен, я экстерном осваиваю завиральные науки.

– Нет-нет, не в тебе дело. По-моему, я съела что-то не то, – извиняюсь я, вставая.

Я стараюсь не выделяться, не обижать Джен и прочих, не выглядеть эксцентрично на публике – но есть пределы тому, с чем

готова мириться. Стать безгласной участницей шантажистского заговора – это перебор. Завтра-послезавтра придется снова как ни в чем не бывало улыбаться этим ведьмам, но сейчас я хочу побыть одна. Выхожу на улицу, где дует легкий ветерок, иду до конца квартала и перебегаю дорогу. Машин очень мало, и их никто из нас, настоящих людей, не водит – это слишком опасно. Неписи же настроены таким образом, чтобы уступать пешеходам дорогу. Вскоре я оказываюсь в парке.

Парк в данном случае – это наполовину приспособленный под городскую среду биом. Трава аккуратно подстрижена, большие лиственные растения ухожены, небольшой ручеек укрощен и пересечен многочисленными пешеходными мостиками. Большое преимущество парка в том, что в это время дня он почти пуст – за исключением неписи-садовника и пары женушек, которым нечем себя занять. Я шагаю по каменной дорожке, ведущей с окраины квартала в центре города к небольшой роще на берегу озера, где можно кататься на лодках.

Я мало-помалу успокаиваюсь – тем сильнее, чем ближе берег озера. Среда усердно имитирует солнечный день с небольшой облачностью и ленивым бризом, лишь в порывах набирающим скорость, достаточную для того, чтобы охладить мою кожу через костюм. Если не зацикливаться на непрестанном машинном щебетании миниатюрных тероподов, живущих в древесных кронах, здесь довольно мирно. Почти получается забыть кипучую неприязнь, которую по отношению к себе успешно культивирует Джен. Как ни стараюсь, не могу соотнести эту даму с собой или даже поставить себя на место остальных женщин в ее окружении; будто они не понимают, что можно уходить от правил системы, занижая ценность выписываемых ею штрафов и поощрений. Все бессознательно решили принять установку по части гендерного разделения и не будут довольны, если остальные не подчинятся и не начнут соревноваться за те же награды. Придерживались ли настоящие женщины темных веков этих же правил? Если да, то мне повезло – они были жертвами генетической дифференциации и устоявшегося уклада, а мне тут всего три года чалиться.

Быть женой – дело одинокое. Сэм и я ведем в значительной степени независимые жизни. Он идет на работу утром, и я вижу его только по вечерам, когда он устал, или в воскресенье. По воскресеньям мы ходим в церковь, связанные общим страхом попасться на каком-то просчете, а потом вместе идем домой и пытаемся напомнить друг другу, что подстилки, рабски гоняющиеся за каждым полунамеком на правильное поведение, который бросает Фиоре, – не самые умные-разумные люди. Временами бывает тяжело.

Жаль, что Сэм – мужчина, и обидно, что внутренняя динамика этого изолированного сообщества возвела между нами искусственный барьер. У меня есть ощущение, что, если бы мы не находились под таким сильным внешним давлением, он мог бы мне понравиться.

А еще есть Касс, которая была в церкви прошлым воскресеньем.

Мы живем в маленьком, жестко ограниченном и контролируемом синтетическом мире, и некоторые аспекты его организации делают его искусственность очевидной. Например, у нас нет моды в смысле спонтанного дизайнерского творчества, порождающего волны подражания и обновления. Но креативность – ресурс дефицитный и в лучшие эпохи, а поскольку нас здесь пока еле-еле набирается сотня, все дело в простой нехватке умов. Что у нас есть – так это странно лихорадочная эрзац-индустрия моды, собранная из того, что есть в магазинах. Где-то сохранился каталог стилей темных веков, вероятно составленный по музейным данным, и магазины регулярно меняют ассортимент, вынуждая нас покупать новые вещи, устаревающие каждые несколько циклов. Такова еще одна мера поощрения конформизма: забудете обновить содержимое своего гардероба – станете мишенью для критики. В этом месяце в моде нелепые шляпы с широкими полями и сетчатыми вуалями, которые затемняют лицо. Я худо-бедно могу ужиться со шляпами, хотя мне не нравятся ни поля, ни вуали – они ухудшают обзор, и я постоянно во что-то врезаюсь.

Но что-то я отвлеклась от Касс и от своих надежд и тревог, связанных с ней.

Я стою рядом с Сэмом, как обычно, держу книгу гимнов и двигаю губами, позволяя своему взгляду блуждать по другой стороне прохода. На прошлой неделе прибыла новая когорта, и церковь переполнена – скоро придется ее расширять. Пытаюсь угадать новичков, потому что не хочу, чтобы они болтались с когортами старожилов. Может, на меня повлиял расчетливый цинизм Джен, но я учусь угадывать чью-то степень отчуждения по тому, как долго они здесь находятся. У меня сложилось впечатление, что я найду союзников среди новичков, если дифференцирую их в самом начале цикла – до того, как система очков социального рейтинга затмит для них весь мир.

Почему-то Майк на этой неделе стоит поближе к новым людям. Я уже по привычке рассматриваю женщину слева от него. Смотрю снова, не веря своим глазам. На ней – синее платье с длинными рукавами и высоким воротником, а на голове красуется шляпа с черной вуалью, закрывающей лицо. Кожа

вокруг глаз густо затенена косметикой. Рот – красная рана, щеки бесцветные. Должно быть, это Касс, и она смотрит в книгу гимнов так, будто видит ее впервые.

«Ты ли это, Кей?» – гадаю я, мучимая ее присутствием. Я держусь за обещание, которое она вытянула из меня: «Ты поищешь меня там?» Касс знает про ледяных упырей. Если бы Майку не сорвало крышу чувство собственничества и он дозволял ей хоть иногда появляться на публике, если бы…

Сэм осторожно толкает меня под ребра. Люди закрывают свои песенники и садятся. Я делаю то же самое, поспешая – не хочу, чтобы кто-то заметил мою заминку; как я уже говорила, лишнее внимание – ни к чему.

– Мои возлюбленные, – возвещает Фиоре, – наша церковь полна любви, и сегодня мы тепло приветствуем новую когорту: Эдди, Пэт, Джона… – Он перечисляет имена семи новых жертв. – Уверен, вы хорошо их примете. Возьмите их под свою опеку, скорее сдружитесь и сблизьтесь. Поприветствуем и нашу спящую красавицу Касс, что все же почтила нас сегодня своим присутствием…

Некоторое время он распинается в том же духе, выводя сладкоречивую проповедь о послушании, изредка иллюстрируемую анекдотами о разного рода грехах. Верн пил без просыху, его вырвало прямо на главной площади. Эрика и Кейт подрались, да так, что их обеих пришлось госпитализировать – вместе с Грегом и Бруком, пытавшимися их разнять. Кого-то даже посадили в карцер, на хлеб и воду… По рядам верующих проносится ропот неодобрения. Я смотрю на Касс краем глаза, стараясь делать это незаметно. Я не вижу ее лица – вуаль полностью закрывает его, но я почти уверена, что если бы могла, то узрела бы страх. Ее плечи поникли, даже покосились. Она старается держаться подальше от Майка.

Когда все выходят на свежий воздух, я беру себе бокал вина и осушаю его, держась рядом с Сэмом. Он смотрит на меня нервно.

– Что-то не так?

– Да. Нет. Не уверена, вообще-то.

В моем животе порхают бабочки. Касс – самая изолированная из жен в четвертой когорте, ее никуда не выпускают. Мог бы Сэм остановить меня, если бы я захотела переломить эту неправильную ситуацию? Майк – это яд: не изящный социальный токсин Джен, а прямолинейная отрава жалящего насекомого.

– Есть кое-что, что я хочу проверить. Я вернусь через несколько минут, хорошо?

– Рив, береги себя!

Встречаюсь с Сэмом взглядом и понимаю: *он за меня*

переживает! Смущенно ему киваю и бочком проскальзываю к главному входу в церковь.

Майк разговаривает с небольшой группой суровых на вид мужчин – жилистых, короткостриженых. Этих парней я видела с лопатами или верхом на невероятно шумных машинах, снимающих с дорог покрытие и по новой наносящих его. Майк оживленно, дико жестикулирует. Пара служителей церкви стоит рядом, а в дверях ждут несколько женщин. Я захожу внутрь. Церковь опустела, там остался всего один человек, слоняющийся возле заднего ряда скамеек.

– Кей? Касс? – окликаю я.

Она поворачивается ко мне:

– Рив?..

Под сводами здания темно, и я не могу ничего сказать наверняка, но вид ее густых теней для век наводит на мысли о синяках. Ее платье вполне эффективно скрывало бы следы насилия, если Майк бил ее.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

Глаза Касс обращаются к выходу.

– Нет, – шепчет она. – Слушай, лучше не вмешивайся, о'кей? Мне не нужна помощь. Держись от меня подальше. Ради своего же блага. – Ее голос – тонкий и дрожит от страха.

– Я пообещала найти тебя здесь, – говорю я.

– Нет. – Она качает головой. – Он убьет меня, понимаешь? Если решит, что я с кем-то разговаривала…

– Но мы можем тебя защитить! Просто скажи – и мы отберем тебя у него и проходу ему не дадим!

С таким же успехом я могла не заговаривать с ней: Касс качает головой, пятится к двери, ее туфли стучат по каменному полу. За вуалью лицо не просто испуганное, а переполнено ужасом. И белой пудры на ее щеках недостаточно, чтобы скрыть застарелые пятна цвета слоновой кости – кровоподтеки.

Майк ждет снаружи. Если он увидит, как я говорю с Касс, наверняка взбесится. И я уже сомневаюсь, права ли на ее счет – когда назвала ее Кей, она не выказала признаков узнавания. Но должна ли она? В конце концов, Кей – лишь псевдоним, и ей скорректировали память. Да и я, проведя десяток дней в симуляции, не сразу сообразила бы, что ко мне обращаются, назови меня кто-то не Рив, а *Робин*.

Я разочарованно оглядываюсь, задаваясь вопросом, есть ли тут запасной выход. Я одна в церковном нефе. Местечко к себе не располагает, но сейчас ему не хватает того, почти осязаемого чувства враждебности, которое оно источало, когда мы все собрались вместе в наших лучших выходных костюмах, вопрошая,

кто станет жертвой сегодня. Дожидаясь, пока Майк закончит дела и уйдет, я хожу по передней части большой церковной залы, пытаясь по-новому взглянуть на вещи.

Мне еще никогда не доводилось стоять перед скамейками. «Что Фиоре держит на кафедре?» – удивляюсь про себя, ближе подходя к алтарю. Кафедра, если зайти за нее, с виду – одно разочарование: простая плита из резного дерева, с прикрученной сверху полкой. На полке – пара бумажных книг, но ни следа автоматического орального ублажателя, на который можно было бы возложить вину за своеобразные манеры Фиоре.

Алтарь тоже довольно скучный: конструкция из гладко отполированного камня, исполненная аккуратных прямых линий. Символы веры – меч и кубок – закреплены на металлической стойке. Ткань фиолетового цвета скрывает каменную столешницу. Тут я присматриваюсь, заинтригованная видом меча. Он довольно странный – лезвие у него прямое, толщиной около сантиметра, с прямоугольным острием. Не будучи заточенной, эта штука походила бы скорее на отполированную до зеркального блеска стальную заготовку, чем на холодное оружие. У меча – корзинчатая гарда и серый шероховатый эфес – дизайн скорее функциональный, нежели декоративный. Вид оружия заставляет память саднить – фантомный обрубок воспоминания чешется там, где было ампутировано настоящее. Надо думать, я видела такой меч раньше. На внешней поверхности гарды видны едва заметные прямоугольные бороздки, будто что-то от нее отсоединили. И плоское «лезвие» меча не такое-то простое – оно блестит, как полагается тонкой стали, но над ним наблюдается некая слабо-радужная аура света, еле заметная дифракция.

Меня прошибает холодный пот. Выпрямляюсь и спешу к маленькой дверце, которая виднеется с этой стороны скамьи органиста. Не хочу, чтобы меня застукали здесь и сейчас. Кто-то играет с нами, и мне становится тяжело на сердце при мысли, что это может быть Фиоре или его босс, епископ Юрдон. Они нами *манипулируют* – и вот оно, доказательство, прямее некуда. Кому я могу про это рассказать? Большинство людей, находящихся здесь, меня просто не поймет, и даже если кто-то что-то понял – у нас нет отсюда выхода, разве что экспериментаторы согласятся освободить нас досрочно.

Мне нужно выбраться отсюда – вот что яснее ясного. Я действительно уже видела подобное оружие. Это «ворпальный меч» [7]; не знаю, откуда пошло его название. Этот явно списан, но как он сюда попал? Убойная сила таких штук – не в лезвии или острие, они не предназначены для резки. Но… кому же, кому? Ломаю голову, пытаясь найти источник ужасной

убежденности в том, что я нахожусь в присутствии чего-то крайне злого, что не может быть соотнесено с невинным экспериментом в области реконструкции истории – ни при каком раскладе. Предательски вычищенная память вновь подводит меня, и, когда я бьюсь головой в запертые ворота собственной былой жизни, осознания, права ли я, не прибавляется.

Права ли я, что Касс – это Кей?

Права ли я, считая Майка агрессором?

Права ли касательно меча и кубка?

Права ли насчет того, кем/чем являюсь сама?

7. Сны

Время ползет с черепашьей скоростью. Я не рассказываю Сэму ни о происшествиях в церкви, ни о синяке под глазом Касс, ни о ворпальном мече на алтаре. С ним хорошо жить, он охотно слушает мои депрессивные разговоры о мире женщин, хотя червь тревоги постоянно точит меня изнутри. Ему точно можно доверять? Я хочу довериться, но все еще не уверена, что он – не один из моих преследователей. Ужасная дилемма. По этой причине я не говорю Сэму, что делаю в гараже или на тренажере. Да и сам он что-то не особо делится тем, чем занимается на своей «работе». Кое-кто из нашей когорты поговаривает об «организации званого ужина», но, если бы мы ввязались в их круг общения, пришлось бы отвечать взаимностью и в какой-то момент пригласить чужаков к себе. Думаю, и для меня, и для Сэма это будет чревато бессмысленным стрессом – нас пока вполне устраивает жизнь на социальном отшибе.

Но я все еще тревожусь о Касс.

Когда мы вернулись домой после напряженного церковного собрания, я проверила статистику нашей когорты. Джен лидирует по показателю «социальные связи», на втором месте – Алиса, ее помощь с выбором одежды высоко оценивается. Я, разумеется, в нижней части рейтинга. Можно посмотреть диаграмму распределения поощряемых активностей – похоже, все остальные зарабатывают на сексе со своими партнерами. Таков самый легкий путь набить рейтинг. Я смотрю диаграммы Касс – у нее с Майком весьма стабильно протекающие половые отношения.

Мне этот факт кажется необъяснимо удручающим. Остальные явно ждут, что и мы с Сэмом подключимся, но я не хочу делать ничего, что могло бы подсластить пилюлю (хоть бы капельку) Джен. Возможно, это инфантильная позиция, но мне почему-то тяжело осознавать, что мой рейтинг постоянно проверяют. Все ждут, что я сдамся и позволю Сэму взять то, что, по их мнению, он непременно должен хотеть. Жаль, что они так мало знают о нас.

Примерно две недели спустя мое состояние доходит до точки кипения. На дворе – знойный утомительный вечер вторника. Я провела утро, тренируясь на свежем воздухе – соседей по-прежнему нет, хотя через пару недель прибудет еще одна группа и пара семей неподалеку все же нарисуется. После тренировки я на весь день заперлась в гараже. Учусь сварке с грехом пополам – удивительно, что пока обошлось без ожогов и ударов током. У меня есть смутные воспоминания о том, что давным-давно я

уже занималась этим делом – но пропасть минувшего, очевидно, велика, да и я забыла почти все, что знала. Что-то не так здесь и с качеством материалов – куски пружинной стали, которые я пытаюсь спаять в одно целое, становятся хрупкими у сварного шва. Когда я пытаюсь согнуть свое детище, стоившее часа работы, в тисках, оно лопается по всей длине и разлетается по сторонам маленькими фрагментами, один из которых, стой я чуть левее, мог залепиться мне прямо в глаз.

В неприятном шоке от произошедшего я возвращаюсь в дом – разобраться с ужином. Если оставить Сэма после работы наедине с собой, он плюхнется в кресло перед телевизором и забудет обо всем – в первую очередь, о какой-то пустячной готовке еды для двоих.

И вот я на кухне одна, копошусь в замороженных полуфабрикатах и в какой-то момент умудряюсь уронить одну из упаковок на пол с высоты своего роста. Та лопается, и содержимое обильно рассыпается по полу. Наступает один из тех эпизодов, когда кажется, будто вся Вселенная навалилась на тебя совокупным весом и все вокруг смеется над твоим незавидным положением. «Какого хрена я тут делаю?» – задаюсь я вопросом и через мгновение начинаю рыдать.

Я заперта в совершенно *неадекватном* теле и у меня остались обрывочные воспоминания о том, кем я была, что подталкивают меня к поискам лучшей жизни. Я попала в ловушку зеркального отражения исторического общества, где все были сумасшедшими по умолчанию, сведенными с ума иррациональными законами и бестолковыми обычаями. Вот я думаю, что помню, как была в реабилитационном центре, читаю письмо, написанное для себя более ранней версией, – и как я узнаю, что взаправду писала письмо самой себе? Я даже не помню, чтобы я это делала! Вполне возможно, это шутка. Конфабуляция. Моя собственная глупая попытка привнести немного волнения в жизнь, полностью лишенную интереса. Разглагольствования о могущественных преследователях, желающих мне смерти, с каждым днем кажутся все более неправдоподобными, и я списала бы их в невероятные, если бы не тот чернокожий тип, что напал на меня перед самым заселением в симуляцию.

Я не могу вспомнить решительно никаких причин, по которым кто-то мог желать мне смерти. Во всяком случае, на данный момент даже умеренно компетентный новичок наймит сочтет это тривиальной задачей – я даже не могу поставить замороженную стряпню в микроволновку, предварительно не поваляв по полу. Я подолгу торчу в гараже, мастеря арбалет – и планирую вдобавок на раз-два выковать меч, – в то время как

враги, если они и впрямь существуют, организуют паноптикум, общество абсолютной слежки, и располагают оружием вроде той штуки, что лежала на церковном алтаре. Лезвия, сделанные из лазерного суперконденсата, волноводы генераторов червоточин. Ножи, рассекающие пространство-время. Убийцы придут за мной средь бела дня, при поддержке целой свиты редакторов памяти и экзистенциальных программистов. Мне некуда бежать – отсюда нет выхода, кроме как через Т-ворота, контролируемые экспериментаторами. Следовательно, нет и входа. И я даже не знаю, потеряла ли Кей – вполне возможно, я потеряла ее из-за того, что приняла Касс за Кей, – и почему вообще позволила Пикколо-47 уговорить себя сунуться сюда. Все, что у меня есть, – собственная память, но даже на нее я не могу полагаться.

Ощущаю себя беспомощной, потерянной, ужасно незначительной. Образ кухни расплывается перед глазами – его застилает пелена слез. Щелкает замок входной двери, из прихожей слышны шаги, и это больше, чем я могу вынести.

Сэм находит меня на кухне, рыдающей и шарящей в поисках совка.

– Что…

– А… да я… – Мне удается выкинуть коробку в мусорное ведро и бросить совок поверх нее. – Ничего особенного.

– Видно же, что не «ничего», – настаивает он.

Логично.

– Не хочу об этом говорить. – Я шмыгаю носом и вытираю глаза рукавом, смущенная и ненавидящая себя за проявление слабости. – Не важно.

– Ну, скажи. – Его рука утешительно ложится мне на плечи. – Так, пошли за мной.

– Пошли.

Он ведет меня из кухни в гостиную, к большим стеклянным окнам. Я смотрю, толком не понимая, как он открывает одно из них. От пола до потолка окно само по себе образует дверь, дверь в сад за домом.

– Идем, – говорит он, выходя на лужайку.

Я следую за ним на улицу. Трава успела подрасти и стать длиннее, чем прежде. «Что тебе от меня нужно?» – думаю я.

– Садись, – говорит Сэм. Я моргаю и смотрю на скамейку.

– Ладно. – Снова шмыгаю носом.

– Жди здесь, – велит он и возвращается в дом, оставив меня наедине с моим глупым и отупляющим чувством неадекватности. Я смотрю на траву. Влажно (у нас в обеденное время спрогнозированы осадки, вода мягко моросила из миллиона крошечных форсунок, воткнутых в небо), и улитка с трудом

пробирается вверх по стеблю прямо у моих ног. Вон еще одна – неподалеку. Хорошее время для самодостаточных моллюсков, что всюду носят на горбу собственный микрокосм. Чувствую мимолетный укол зависти. Вот она, я, внутри самой большой раковины, какую только можно представить – но ее стенки легко просматриваются. Каждый шаг, жест – все уходит на мониторы и датчики наших соглядатаев-экспериментаторов. Глупая гордыня заставляет думать, что я действительно могу переползти из одной скорлупы в другую, скрыться в недрах самой себя…

Сэм что-то протягивает мне.

– На, выпей.

Я беру стакан. Он отлит из голубого стекла и имеет тяжелое основание, покрытое узором. Прозрачная жидкость заполняет его наполовину. Я вдыхаю горьковато-лимонный аромат.

– Давай, не отравишься.

Я поднимаю стакан и делаю глоток. Джин-тоник, подсказывает глубоко укоренившийся фантом памяти.

– Спасибо. – Я всхлипываю.

Он тоже наливает себе.

– Прости.

– За что? – спрашивает Сэм, садясь рядом со мной. Он снял пиджак и галстук, его движения – это движения уставшего человека, будто груз моих проблем лег и на его плечи.

– Я бесполезна, – пожимаю я плечами. – И мне все тут надоело.

– И вовсе ты не бесполезна.

Я смотрю на него, потом снова шмыгаю носом. Хотела бы я откалибровать пазухи.

– Еще как бесполезна. Я полностью завишу от тебя – что бы мы делали, если бы ты не ходил на работу? Да и вообще… и вообще…

Сэм делает еще один глоток.

– От тебя. Смотри, – говорит он, указывая на сад. – Ты можешь сидеть тут весь день. А я? – Он качает головой. – Я сижу в офисе, полном неписей, и провожу время, вычитывая какую-то тарабарщину. И мне раз за разом подкидывают все больше работы – выцеплять ошибки в текстах. – Он смотрит на меня настороженным, странным взглядом, который заставляет меня задуматься о том, что он видит. – И что бы ты ни делала в гараже…

– Я…

– …я не намерен подглядывать, – завершает он, застенчиво отводя взгляд.

– Это никакой не секрет! – поспешно заверяю я, отпивая из

стакана еще немного. – Я мастерю вещи. – Почти добавляю: «Хобби у меня такое», но это было бы ложью. А Сэм – единственный человек, которому я пока не говорила неправды. У меня такое чувство, что, если я сейчас начну и ему врать, перейду черту невозврата. Имея лишь саму себя в качестве опоры и зная, насколько ошибочны мои воспоминания, я не смогу отличить правду от вымысла.

– Мастеришь? – Он крутит стакан в своих сильных пальцах. – Может, хочешь пойти на работу? – спросил он.

– На работу? – Если честно, он застает меня врасплох. – А зачем?

Сэм пожимает плечами.

– Чтобы повидаться с людьми, не засиживаться дома. Познакомиться с кем-то, кроме Джен и Энджи. Они ведь у тебя уже в печенках сидят, не так ли?

Я молча киваю.

– Неудивительно.

Сэм тактично молчит, пока я допиваю свою порцию джина. К моему удивлению, самочувствие несколько налаживается. Устроиться на работу? Почему бы и нет!

– Как мне найти работу? – спрашиваю я. – Если учесть, что я не мужчина.

– Звонишь на биржу труда и просишь. – Сэм ставит свой стакан на землю. Я смотрю на него и вижу через стекло двух улиток, карабкающихся по противоположным сторонам одной травинки, оставляя за собой радужные следы слизи. – Да, здесь все так просто. За тобой пришлют машину, потом отвезут куда-нибудь, где есть вакансия. А когда будешь на месте, проведут вводный курс. Мой был очень простой. Не знаю, что они для тебя подберут, какую денежную ставку назначат – насколько я знаю, в темные века больше платили мужчинам, – но, если дело покажется слишком скучным, всегда можешь им перезвонить и попросить что-нибудь другое.

– Дело… – говорю я, подбирая более осмысленные слова. На самом деле, при всех моих вводных, затея отдает безумием – но не больше чем ситуация в целом. – А я и не знала, что тоже могу ее получить.

Сэм пожимает плечами.

– Ничего противозаконного в этом нет. – Он бросает косой взгляд. – Просто такую настройку не прописали по умолчанию. Видимо, предполагается, что до этого мы додумаемся сами – если хватит ума.

– И я буду видеться с людьми?

– Зависит от того, где будешь работать. – Сэм на мгновение

теряет уверенный тон. – Большинство рабочих мест забито неписями, но они стараются разбавлять этот рой хотя бы парой живых человек да подселить. И, опять же, вероятно, у тебя будут посетители или клиентура… – словом, те, кто делегирует тебе некие полномочия. Обычно – скучные. Не знаю, как тебе это все понравится…

– Что угодно лучше для ума, чем сидеть здесь. – Я стискиваю кулаки.

– Я бы на твоем месте не горячился. – Сэм качает головой. – Работа в темные века часто была бессмысленной, неприятной, а иногда и откровенно опасной.

– Не так опасно для моего рассудка, как бездействие.

– Узнаю прежнюю Рив. – Сэм улыбается. Таким, подсвеченным изнутри, я нечасто его вижу. И вдруг становится предельно ясно, что я завидую той счастливой женщине, что осталась у него за барьером экспериментальной симуляции. – Я приготовлю нам еще выпить, а ты разогреешь что-нибудь поесть? И да, как насчет поесть здесь, а не в доме? Хотя бы раз, для разнообразия.

– Прекрасная идея! – горячо выпаливаю я. – Хотя бы раз – сойдет!

* * *

Ранним утром меня будит один из моих повторяющихся кошмаров.

У меня их несколько. Этот отличается качеством визуализации. Я неоморф, снова мужчина, с более-менее ортогуманоидным телом, хотя и с многочисленными улучшениями – автоматизированными подсистемами, работающими на уровне отдельных клеток. Вместо кишечника – миниатюрный ядерный реактор. Три сердца, перекачивающие разные жидкие среды тела, кожа упрочнена сеткой из алмазного волокна – я могу часами выживать в безвоздушном пространстве. Все это благодаря моей роли солдата на службе у Кошек Лайнбарджера. Я – гордость их танковой дивизии.

Но, разумеется, не это делает сон кошмаром.

Кампания длится уже 1,1 мегасекунды, и хотя мы – мое подразделение, в смысле – обычно не спим, все находимся под воздействием яда усталости от почти двенадцати последовательных суток высокоскоростных маневров. Военные действия начались, как только Верховное командование установило орбитальные элементы на одном из своих самых

выгодных ИРЛ-узлов сети, а Шестиперстое Зеленое Королевство проявило особую настойчивость в попытке удержать скомпрометированные А-врата, все еще зараженные цензорботами Короля в Желтом – и заражающие всех, кто через них проходит. ШЗК – один из последних оплотов проигравшей стороны; они еще долго держались после того, как иные редуты Цензоров поддались нашим маневрам благодаря фанатично-мракобесной топологии сети и хитроумному распределению внутренних брандмауэров. Мы определили местоположение в реальном пространстве одного из их основных коммутаторов, и это значит, что у нас есть узел с огромным разветвлением, который можно использовать, как только мы подключим к нему наших людей. Мое подразделение – на взводе.

Вектор атаки – один конец Т-ворот с радиусом десять метров, который ускоряется примерно до тридцати процентов скорости света и свободно падает в ледяной периферии облака космического мусора, вращающегося вокруг коричневого карлика Эпсилон Инди Б. ЭИБ немногим больше газового гиганта – температура поверхности не превышает тысячу градусов Кельвина; за несколько световых минут до вхождения в ореол звезда становится почти невидимой. Вокруг нее, в морозной изоляции, вращаются кометные тела, холодные как глубины межзвездного пространства.

Наши штурмовые ворота отключены, поэтому их не засечь. Секунды уходят у нас на то, чтобы инфильтроваться в защитное поле по периметру орбиты ШЗК и пронестись мимо огромного цилиндра на расстоянии менее пятидесяти километров – близость опасная, но поди нас заметь. А когда цилиндр проносится мимо, несколько взводов – в том числе мой – совершают экспресс-посадку через дальний конец тоннеля. С точки зрения стражи, мы появляемся на пороге из ниоткуда. А с нашей точки зрения, это смертельная ловушка.

Чтобы преодолеть пятьдесят километров до обитаемой зоны, требуется пятьдесят секунд. Мы лежим распластанные в ускорительных клетках, постоянно теряя скорость, и наши костюмы делают финты, уклонения, рывки через срабатывающие ловушки и лучи гамма-лазеров. За эти пятьдесят секунд мы теряем восемьдесят процентов личного состава из-за огневой мощи защитников орбиты. Это бойня, но нам все равно повезло – мы выживаем лишь потому, что работаем на Кошек Лайнбарджера, а они специализируются на прикладном безумии. Всем известно, что только сумасшедший может атаковать из открытого космоса, поэтому ШЗК сосредоточили 90 % огневой мощи внутри орбиты, с прицелом на выходы своих дальних Т-

ворот, а не за пределы маршрутизатора, в пустоту космоса.

Я нахожусь без сознания в течение большей части атаки; все сенсорные впечатления фиксируются датчиками на костюме и сохраняются в буфере мгновенного запоминания. Но вот меня рывком вбрасывает в тело, и я беру его под контроль. Секунда – я еще лежу, весь закованный в броню, другая – стою в руинах замка на орбите ШЗК, и воспоминания о том побоище, что имело здесь место, оживают в моей голове с запозданием. Я вытаскиваю свой меч, подключаю бластерные системы наведения к глазным трекерам, выпускаю еще больше абляционной пены [8] и направляюсь в жилую зону.

Перемотка вперед:

Иметь дело с гражданскими, как только мы захватим тут власть, будет очень сложно, потому что все они подверглись действию Короля в Желтом – его исходной версии, несущей цензурную нагрузку, а не более позднему хакнутому инструментарию разных религиозных полиций и когнитивных диктатур. Цензурная нагрузка Короля не только стирает запретные воспоминания – она имеет тенденцию оставлять споры в мозгах своих жертв и бэкдор-загрузчик в их модемах, и, если те загружаются в уязвимые А-ворота, эта дрянь может активироваться и заразить воротную прошивку. Так что мы должны собрать всех в этом жилом комплексе, который только что расстреляли из бластеров и порезали на ремни мечами, и переправить через наши собственные грубые дезактивационные ворота.

Здесь вступает в игру логика сна: их ворота – технически продвинутые, элегантные продукты зрелой технической мысли. А наши сляпаны как и из чего попало, на очень скорую руку, с опорой на жалкие крупицы чудом уцелевших знаний. Мы собирали их в дикой спешке и едва поняли, как далеко забрался вирус – а он охватил все А-врата Насущной Республики, – так что они неэффективны и медлительны. Да, работают – но с просто чудовищной задержкой. Сейчас они пашут в одностороннем режиме, разбирая и каталогизируя граждан, чтобы потом проверить их на вирусы и перевоплотить. Поскольку мы не защитили все подходы и другие узлы Шестиперстого Зеленого Королевства сопротивляются нам в яростном отчаянии, нужно действовать быстро.

Примерно через пять тысяч секунд сбора сопротивляющихся гражданских лиц и подачи их к воротам группа майора Нордака посылает мне новый приказ. *Тела замедляют процесс, говорится в нем. Просто соберите головы. Мы воскресим всех, как только возьмем ситуацию под контроль.*

На палубе J, куда мы всех согнали, находится огромная толпа мирных жителей: все – в замешательстве и страхе. Мы вдвоем тащим их по одному через дверь, говоря, что проводим обработку. Кто-то упирается, но с человеком-танком при полной экипировке спорить нет смысла, поэтому, нравится или нет, они идут с нами; ушибы и переломы – цена, которую платят упрямцы, вот и все. Мы проводим их через внутренний проход, который не отворяется, пока внешние проходы не закрыты наглухо. А когда на другой стороне глазам гражданских предстает гора обезглавленных трупов у штурмовых ворот и Лорал с мечом в тяжелой руке, начинается дикое яростное сопротивление.

Грязную работу мы выполняем по очереди – иначе никак, ибо она напряженная, да и просто морально тяжкая. Я хватаю трепыхающуюся жертву – всякие попадаются: то толстая женщина-орточеловек; то старик, которому замена тела не помешала бы. Многие из них запустили себя, одряхлели, отказываясь обновляться в А-воротах из страха перед Королем в Желтом, – обезглавливаю, а тело укладываю на скользкий от крови пол зала. Они кричат, иногда обделываются от страха, когда Лорал вгоняет ворпальный меч им в загривки – между позвонками C7 и T1. Щелчок кнопки активации, и кровь плещет по сторонам; ее так много – никогда не подумаешь, что жидкость из человека *может* бить фонтанами. И крики обрываются. Лорал опускает меч, я – тело и подбираю с пола голову, скользкую от крови, с дергающимися от постампутационного шока веками. Головы бросаю в А-ворота – так быстро, как получается, – и те проглатывают их, считывают содержимое черепа и, надеюсь, успевают выгрузить их до того, как все когнитивные связи рушит осмотический стресс-индуцированный апоптоз. Затем Лорал хватает выброшенное тело и швыряет его в угол, в общую кучу, которую один из наших товарищей по спецназу время от времени увозит на погрузчике для поддонов, пока я с помощью турбонасоса безуспешно пытаюсь осушить море крови, что плещется у наших ног.

Это отвратительная и неприятная работа, и хотя мы вошли в раж и работаем на предельных скоростях – убиваем в среднем всего одного гражданского каждые пятьдесят секунд. Мы работаем уже сто килосекунд – одна из восьми бригад, брошенных на задание; обрабатываем, может, шестнадцать тысяч человек в день. И это просто мое горькое невезение, что, когда двери открываются и парни с другой стороны швыряют в нас следующее тело, отбрыкивающееся и кричащее во всю глотку, моя очередь браться за меч. Лорал удерживает жертву, я поднимаю клинок и смотрю в испуганное лицо. В зависимости от того, какая

это вариация кошмара, я вижу, что оно – мое собственное или, что много хуже, принадлежит…

– *Кей —*

Я вскакиваю, захлебываясь криком, и кто-то баюкает меня в своих объятиях. Я вся в холодном поту и неудержимо дрожу. Я медленно осознаю, что нахожусь в постели и только что сбросила одеяло. За окном – лунный свет, я нахожусь в симуляции Юрдона—Фиоре—Хант, и неважно, насколько плохи дела днем, – они не могут сравниться с тем, насколько плохи дела в моих снах. Изнутри рвется жалкий скулеж побитой собаки.

– Все в порядке, ты проснулась! Никто тебе не навредит! – приговаривает Сэм, гладя меня по плечам. Я прислоняюсь к нему и умудряюсь превратить всхлип во вздох. Мое сердце колотится, словно жало отбойника, снимающего дорожное покрытие, кожа становится липкой. Рука Сэма крепче обнимает меня.

– Может, расскажешь, что тебя так мучает? – тихо спрашивает он.

– Да все этот… *ужасный*… повторяющийся сон. Память… думаю, не удаленная до конца… из прошлой жизни. Я хотела избавиться от нее… а она возвращается… преследует. – Я говорю сбивчиво, во рту кисло, и я не до конца проснулась – вуаль теней минувшего еще застилает глаза. – Что… как ты тут оказался?

– Услышал, как ты мечешься и визжишь во сне, – пояснил Сэм. – Подумал, что у тебя какой-то припадок.

Справедливо. Это не такая редкость даже в мои годы. Я приподнимаюсь на руке, но не отстраняюсь от Сэма. Вместо этого вытаскиваю другую руку из-под одеяла и крепко его обнимаю.

– Амнезия многое забрала у меня, – медленно выговариваю я. – И если то, что мне снится – настоящая часть моей прошлой жизни… хотела бы я, чтобы она так и осталась забытой.

– Сон ушел, – успокаивающе приговаривает Сэм, и я крепко его обнимаю.

Он большой, серьезный и солидный. Большой Серьезный Сэм. Я прижимаюсь лицом к впадине на его шее и вдыхаю запах его тела. Рука на моих плечах сильная, крепкая. О да, как и весь Сэм. Мои ребра дрожат, я сдерживаю нервный смех.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

– Нормально, – мурлычу я ему в шею.

Я достаточно проснулась, чтобы заметить, что я не единственная, кто спит голышом в этом доме. Меня это не волнует – я верю, что он не возьмет меня силой и не сделает того, чего я не хочу. Он каким-то образом перешел порог между неуверенным незнакомцем и другом, а я даже не заметила, когда

это произошло. Теперь я не хочу быть одна, и обнять его – самая естественная вещь в мире, как и провести рукой по его спине, прижаться лицом к шее и вдохнуть его естественный аромат.

– Ты останешься? Я не хочу быть одна.

Он слегка напрягается, но потом я чувствую, как его рука скользит по моей спине, одаряя нерешительной лаской. Я обмякаю в его объятиях. Он такой восхитительно *живой* – яркая противоположность всему, что происходило в моем кровавом сне. Я сплю одна уже почти месяц, ни к кому не прикасаюсь, уже не говоря о том, чтобы заниматься с кем-то любовью, – поэтому не дивлюсь своему возбуждению. Меня тянет продолжить этот контакт, ощутить его кожу своей, перевести эту ласку в нечто большее. Я вожу языком по коже Сэма у основания шеи, просовываю руку ему между ног. Там он тоже тверд – и в этом нет ничего удивительного, ведь он тоже блюдет аскезу все проведенное здесь время.

– Не надо, – бормочет он, но я не слушаю. Ну и что, что у него где-то во внешнем мире осталась какая-то возлюбленная. Он, конечно, молодец, но эти его принципы выводят из себя. Да, мы, наверное, пожалеем об этом потом, но сейчас я опьянена его близостью. Я тащу его к себе за напряженное мужское естество, направляю – дальше он и сам поймет.

– Нет, Рив. – А не так-то и просто его подтащить, оказывается.

– Давай же. – Я сдавливаю пальцы сильнее… и тут он вырывается.

– Остановись. – Теперь в его голосе – глухая злоба. Мне нужно время, чтобы все переварить. Сэм отползает на дальний край кровати, спиной ко мне – его плечи опущены.

– Эй, я… – Теперь кисло не только во рту, но и на душе. – Я просто хочу взбодрить тебя немного. Да что с тобой не так, а?

– А с тобой, Рив? – Все-таки он не злится, а просто смущен. И защищается – будто я сделала ему что-то плохое. Ну вот, а я уже решила прогнуться под здешнюю систему и, по крайней мере, бросить это согласие экспериментаторам в лицо как перчатку. – Я-то думал, мы с тобой раньше обо всем… договорились. – Он скатывается с кровати и юркает за дверь, избегая моего взгляда – прежде, чем я успеваю придумать ответ. Через пару минут до моих ушей долетает шум воды – Сэм включил душ. Почти наверняка – холодный.

Я уже не сплю. Натягиваю халат, чтобы спуститься вниз и приготовить себе чашку кофе. У меня все еще при себе некоторая гордость… но не похоже, что я смогу сейчас на него полноценно злиться. Спасибо, самообладание. Он… просто хвастается верностью своей фантастической возлюбленной, которую

встретил снаружи. И разве пристало мне, *женщине* хотя бы в данный промежуток времени, осуждать его за это?

Сижу на кухне, пока остывает кофе, жду, когда стихнет душ и погаснет свет наверху. Потом на цыпочках возвращаюсь в постель. Я лежу и думаю почти до рассвета, гадая, что на меня нашло. В конце концов я решаю больше не предлагать ему интима, пока у меня не будет возможности плюнуть в лицо его воображаемой возлюбленной, сидящей рядом с ним.

Потом я наконец засыпаю.

* * *

На следующий день я не поднимаюсь с кровати, пока Сэм не уходит на работу. Как только встаю, первым делом звоню на биржу труда. Непись, который отвечает на мой звонок, звучит не очень похоже на разумное существо, но соглашается послать за мной такси на следующее утро. Я выхожу на улицу и бегаю взад-вперед по дороге, пока не вымотаюсь – что теперь занимает гораздо больше времени, – затем принимаю душ. Остаток дня провожу в гараже, пытаясь починить арбалет, но у меня не особо получается. Интересно, зачем я вообще заморачиваюсь – ведь не собираюсь никого пристрелить из этой штуки?

Я оставляю Сэму наполовину размороженную пиццу и записку, объясняющую, как довести ее до кондиции на кухне. К тому времени, когда вхожу в дом, уже темно. Сэм прячется в гостиной с включенным телевизором, и я без проблем пробираюсь к себе наверх, ложусь спать, не видя его. Это легко устроить теперь, когда мы оба избегаем друг друга.

Мне снова снится кошмар. На этот раз – другой, гораздо менее выразительный, чем та бойня, но в некотором смысле даже более тревожный. Представьте, что вы – детектив или какой-нибудь следователь. И ищете дурных, плохих людей, которые прячутся в тени. Они совершили ужасные преступления, но переписали воспоминания всему миру, чтобы никто не вспомнил, что они сделали и кто они. Вы также не знаете, что они сделали и кто они такие, но ваша задача – найти их и привлечь к ответственности, чтобы не они, не кто-либо другой никогда не забыл, что произошло и каковы были последствия случившегося. Итак, вы – детектив и шарите по темным углам, злачным местам в поиске улик, но сами не знаете, кто вы и почему вам поручили именно это задание. С тем же успехом вы сами могли быть из числа тех преступников. Если они вынудили всех забыть о том, кто они и что сделали, устроить такое для них – пара пустяков,

верно? Вы можете быть виновны в преступлении настолько ужасном, что оно не имеет названия и всеми давно забыто, но неумолимая логика расследования вынуждает вас арестовать себя и предать суду. Итак, вас ждет наказание за преступление, которого вы не понимаете и даже не помните, и наказание это – тоже выше человеческого понимания. Оно заставит вас блуждать по темным углам и злачным местам, словно призрак, лишенный большинства воспоминаний, кроме несводимого клейма исходного греха. В рамках искупления старой вины вас заставляют искать других, гораздо более опасных преступников. Вы находите зацепку, однажды лично встречаетесь с тем, кого ищете, и, когда протягиваете руку, чтобы схватить негодяя, внезапно обнаруживаете, что смотрите на самого себя… *истинного*?

Я просыпаюсь в испарине, чувствуя себя ужасно больной. Сердце прыгает в груди, а Сэма рядом нет. И я уже спешу всерьез обидеться на его отсутствие, а потом думаю – *что я сделала со своим единственным здешним другом?* До рассвета заливаю подушку горькими слезами.

А на следующий день – приступаю к своей новой работе.

8. Дети

Такси, которое отвезет меня на биржу труда, прибывает через полчаса после отъезда Сэма. Я готова и жду его, но сама идея заставляет меня нервничать. В некотором смысле это необходимость – обретение независимости от Сэма, дополнительный источник дохода, встречи с другими сокамерниками, выход из одинокой колеи безработной жены, – хотя в остальном решение сомнительное. Я понятия не имею, что здесь подберут для меня, это займет много времени и, вероятно, будет скучно и бессмысленно. Пусть я встречу новых людей, но, вероятно, и возненавижу их с первого взгляда. То, что поначалу казалось отличной идеей, теперь вызывает у меня ужасное напряжение.

Таксист не в силах облегчить мою участь – он молчит всю дорогу.

– Приехали, – наконец бросает он коротко. – Выходите, пожалуйста.

Я выхожу и направляюсь к внушительному зданию по правую руку от себя, с вращающимися дверями из дерева и латуни, надеясь, что моя неуверенность незаметна. Подхожу к секретарю.

– Я Рив Браун. У меня назначена встреча в… эм… в десять часов с мистером Харшоу.

– Проходите, – отвечает непись, указывая на дверь с матовым стеклом и золочеными буквами наверху.

Простучав каблуками по каменному полу, я подхожу к двери и открываю ее.

– Мистер Харшоу? – спрашиваю я.

В комнате почти все место занимает широкий деревянный стол, поверх него брошена дубленая окрашенная шкура какого-то крупного травоядного. Стены обшиты деревом и все увешаны сертификатами и групповыми зернистыми фотоснимками неких мужчин в темных костюмах, пожимающих друг другу руки. За столом восседает стареющий мужчина в точно таком же темном костюме, с почти безволосой головой и широкой талией.

Он слегка приподнимается, когда я вхожу, и протягивает мне руку.

«А он точно непись?» – сомневаюсь я.

– Приветствую, Рив. – Его голос звучит расслабленно и уверенно. – Не присядете?

– Конечно. Спасибо. – Я сажусь на стул по другую сторону стола и скрещиваю ноги, изучая его лицо. Он проявляет ко мне многовато интереса – оценивающий взгляд скользит вниз по телу,

вновь поднимается к глазам. Не непись, выходит – окружающие нас дурики на подобные выходки не запрограммированы.

– Почему я не видела вас в церкви? – с подозрением осведомляюсь я.

– Я штатный сотрудник, – отвечает Харшоу уклончиво. – Сигарету? – Он указывает на одну из деревянных коробочек на своем столе.

– Спасибо, не курю, – отвечаю слегка натянуто. Мне ненавистен уже сам запах сигаретного дыма, но вреда от него не особенно много, верно?

– Умница. – Харшоу берет одну никотиновую палочку, зажигает, задумчиво сопит дымом. – Вчера вы спрашивали о вакансиях, Рив. Так получилось, что прямо сейчас у нас имеется одна должность, которая, вероятно, вам подойдет – я взял на себя смелость глянуть ваше досье, – но она исключает курение. Так что, считайте, вам крупно повезло!

– Вот как? – Я приподнимаю бровь. Честно говоря, я ожидала задушевную беседу с тупым ботом, подключенным к базе данных вакансий, так что, можно сказать, меня снова застали врасплох. – И где мне предстоит трудиться?

– В городской библиотеке. У вас будут заняты три дня в неделю – смены по одиннадцать часов. Плюсы: стажировка с ментором. Минусы: не очень высокая зарплата.

– А что мне предстоит делать? – спрашиваю я.

– Заниматься обычными библиотечными делами. – Харшоу пожимает плечами. – Расставлять книги по полкам, регистрировать выдачу, отправлять напоминания должникам, взимать штрафы. Добавлять новые карточки в картотеку по мере поступления новинок. Вашим ментором будет Яна из первой когорты – она на этой должности с самого начала. Ей придется взять отпуск, и нужно подготовить кого-то, кто сможет заменить ее на посту.

– Отпуск? – Я удивленно уставилась на Харшоу. – Зачем?

– У нее будет ребенок, – говорит он, выпуская идеальное кольцо дыма к потолку.

Сначала я не понимаю, о чем толкует этот тип, – сами понятия мне чужды.

– Но почему она должна брать отпуск, чтобы…

Теперь, в свою очередь, он удивленно смотрит на меня:

– Потому что она *беременна*.

На мгновение мир ускоряет свой ход. В ушах звенит, коленки становятся ватными. К счастью, я сижу. Начиная увязывать все услышанное воедино, наконец понимаю, что у нас за тема разговора. Яна беременна – плод растет в ней, как

инцистированная опухоль. Именно так вынашивали человеческих детенышей в темные века. Ее, должно быть, сумел оплодотворить во время соития муж – то есть она фертильна.

– Э, то есть… – говорю я и прикрываю рот. Фертильность!

– Да, она и ее супруг Норман оба очень счастливы, – с энтузиазмом сообщает мистер Харшоу, будто сам получает от этого некое удовлетворение. – Мы все очень счастливы за нее, пусть даже нам и приходится искать библиотекаря на замену.

– Ну, я бы с удовольствием посмотрела, то бишь попробовала, – начинаю я мямлить, про себя недоумевая. Эта Яна сознательно попросила медиков сделать ее плодородной? *Или*, подкрадывается ко мне страшное подозрение, *мы все УЖЕ фертильны по умолчанию?* Я знаю, что менструация – своего рода метаболическое тому доказательство, характерное для доисторических женщин, но пока не собрала единую картину. Рождение детей – процесс ужасно непростой и тяжелый, надо обращаться за медицинской помощью; но еще тяжелее проходит период, когда плод растет внутри тела. Мысль о том, что тела ортогуманоидного типа, в которые нас поместили, настолько правдоподобные, что с их помощью мы можем автономно генерировать случайные человеческие особи, занимаясь сексом, ужасна. Не думаю, что у медиков в ту эпоху есть инкубаторы, и, если я вдруг забеременею, мне, без шуток, придется осваивать живорождение. Если бы Сэм меня в ту ночь не отвадил, кто знает, что…

– Извините, а где здесь туалет? – спрашиваю я.

– Вторая дверь слева. – Мистер Харшоу улыбается, когда я вылетаю за дверь.

Когда я возвращаюсь через пять минут, он все еще улыбается, заставляя и меня нацепить маску самообладания и свести на нет тошнотворные спазмы в животе, которые и погнали меня из его кабинета.

– У вас все хорошо? – спрашивает Харшоу.

– Теперь – *да*, – серьезно отвечаю я. – Наверное, съела что-то не то.

– А, пустяки, со всяким бывает. Пройдете со мной? Покажу вам библиотеку и сведу с Яной – посмотрим, как вы с ней поладите.

Я киваю, и мы идем брать такси. Думаю, я неплохо веду себя для человека, которого только что вывернуло.

Сколько времени потребуется тут новорожденному, чтобы вырасти, около половины гигасекунды? В таком случае эксперимент Юрдона со товарищи предстает в совершенно новом свете. И я, будучи в своем уме, на такое подписалась? Наверняка

в договоре было ввернуто мелким шрифтом что-то, что можно интерпретировать как согласие на то, чтобы стать фертильной особью и, если необходимо, забеременеть и родить ребенка в процессе исследования. Почему-то кажется, что Фиоре и его компашка с легкостью пойдут на такой грязный трюк.

Через несколько минут до меня доходит простая истина. Крайний сценарий: все женщины беременеют и рожают – в этом случае экспериментаторы должны быть готовы нести ответственность и примерно за сотней младенцев, ни один из которых не давал согласия на воспитание в смоделированной среде темных веков, без доступа к приличному медицинскому обслуживанию, образованию или социализации. Да любой ответственный комитет по надзору за этикой завернул бы эксперимент еще на стадии питчинга. Так что, сдается мне, юрдоновские блюстители этики сами не особо этичны – или никакой комитет не надзирает за ходом этой авантюры в принципе.

Я думаю об этом, когда мистер Харшоу приказывает водителю-неписи отвезти нас в городскую библиотеку. Она в районе, где я раньше не была, в том же квартале, что ратуша и полицейский участок.

– Тут есть полицейский участок? – переспрашиваю я безучастно.

– Ну да. Управление органов правопорядка. – Харшоу смотрит на меня так, будто я слегка не в себе.

– А я-то думала, уровень преступности здесь слишком низок, чтобы была нужна настоящая полиция, – замечаю я.

– Пока действительно так, – отвечает он с улыбкой, которую я не могу понять. – Но все может измениться.

Библиотека представляет собой низкое кирпичное здание со стеклянным фасадом, выходящим на приемную, и турникетами, ведущими в пару больших комнат, заполненных полками. На всех полках стоят книги – переплетенные пачки немой бумаги, и полок тут *много*. На самом деле никогда в жизни я не видела столько книг. По иронии, мой модем, работай он в неограниченном режиме, мог бы загрузить меня в миллион раз большей информацией. Но в информационно бедном обществе, которым мы ограничены, эти ряды мертвых деревьев представляют собой все богатство доступных человеческих знаний. Статические, грубые, поддающиеся легкому разрушению носители информации – все, что нам дозволено.

– Кто имеет сюда доступ? – спрашиваю я.

– Это вам объяснит Яна, – говорит Харшоу, оглаживая ладонью свою блестящую лысину. – Вообще, любой может взять

книги в библиотеке. Немного иначе обстоит дело с читальным залом, еще есть и частная коллекция. – Он прочищает горло. – Эти материалы являются секретными, и вы не должны передавать их кому-либо без разрешения. Звучит драматично, но особой загадки в этом нет. Просто, чтобы не нарушать протокол и не вводить здесь современные устройства управления знаниями, мы храним документацию по нашему проекту на бумаге и, когда ее не используем, должна же она где-то лежать. Давайте найдем Яну, идет? – Харшоу придерживает для меня дверь. – А потом пообедаем и за этим делом обсудим, хотите ли вы здесь работать. Если вас все устроит, расскажу о зарплате и условиях. Далее, если вы с ними согласитесь, обговорим, когда начнется ваше обучение.

* * *

Яна – худая блондинка изможденного вида и с вечно озабоченным выражением лица. У нее длинные костлявые руки, которые порхают как пойманные птицы, когда она что-то мне объясняет. После махинаций Джен – глоток свежего воздуха. В первый день я рано прихожу на работу, но она уже ждет меня, отводит в маленькую темную комнату в глубине за одной из полок. Во время вчерашнего визита я не заметила ничего подобного.

– Я так рад, что ты пришла, – говорит она, хлопая в ладоши. – Чай? Или, может, кофе? У нас есть и то и другое. – Она включает электрический чайник в углу. – Но скоро кто-то должен будет пойти в магазин за молоком. – Она вздыхает. – Это комната для персонала. Здесь можно расслабиться, когда нет посетителей или во время обеденного перерыва между двенадцатью и часом. Потом мы ее закрываем – чтобы компьютером никто не злоупотреблял. – Она указывает на коробчатое устройство, похожее на детский телевизор, соединенное спиральным кабелем с панелью, усеянной кнопками.

– В библиотеке есть компьютер? – заинтригованно спрашиваю я. – Разве я не могу просто воспользоваться своим модемом?

Яна вся заливается краской.

– Боюсь, что нет, – извиняется она. – Они заставляют нас использовать эти девайсы так же, как ими пользовались древние люди – через клавиатуру и дисплей.

– Но я думала, что ни одна из древних мыслящих машин не выжила, кроме как в эмуляции. Откуда известно, как выглядело ее физическое воплощение?

– Наверняка не скажу. – Яна задумывается. – Знаешь, а я

раньше не задавалась таким вопросом – понятия не имею, как они до такого додумались! Вероятно, это где-то разъяснено в протоколах эксперимента – все, что не является секретом, находится в компьютере, ищи и найдешь. Но знаешь что? Сейчас на это нет времени.

Вода в чайнике закипает, и Яна наливает ее в две чашки, полные растворимого кофе. Когда она стоит ко мне спиной, я осторожно наблюдаю за ней. Беременность все еще не очень заметна – хотя я, кажется, вижу небольшую выпуклость вокруг талии. Впрочем, ее платье настолько странно скроено, что трудно что-либо заключить.

– Во-первых, смотри, чем мы занимаемся на выдаче. Мы должны следить за тем, кто какие книги взял и когда их должны вернуть. Это самое простое, с чего можно начать. Итак. – Она протягивает мне кофейную кружку. – Ты вообще что-нибудь знаешь о библиотечной работе?

За это утро я узнаю, что «библиотечная работа» охватывает настолько огромную область управления информацией, что еще в темные века, до того, как библиотеки стали самоорганизующимися системами, люди посвящали всю свою (правда, недолгую) жизнь изучению теории, как лучше ими управлять. Ни Яна, ни я и отдаленно не квалифицированны, чтобы быть настоящим библиотекарем темной эры, с их эзотерическим мастерством каталожных систем и дополняемых словарей классификации информации, но можем управлять небольшой муниципальной библиотекой и справочным отделом, немного повозившись и заручившись терпением. Кажется, у меня есть некоторые исторические навыки в этом направлении, и, в отличие от моего опыта дуговой сварки, я не лишилась их всех в ходе чистки памяти. Могу с ходу понять метод десятичной классификации и то, что у каждой книги есть «паспорт» в конверте внутри передней обложки, который нужно забрать, когда ее выдают во временное пользование. Для меня все это определенно имеет смысл.

Лишь во второй половине дня, когда мы получили в общей сложности пятнадцать возвратов и зарегистрировали посетителя, который позаимствовал две книги (о культуре ацтеков и о кормлении хищных растений), я начала задаваться вопросом, зачем вообще в симуляции экспериментальной реальности что-то столь экзотическое, как постоянная должность библиотекаря.

– Понятия не имею, – признается Яна за очередной чашкой кофе в комнате отдыха, вытянув ноги под шатким деревянным столом, выкрашенным в белый цвет. – Иногда у нас очень небольшой приток посетителей. Но после шести, когда все

возвращаются с работы, бывает хлопотно. Так-то во мне нет особой необходимости – непись спокойно бы со всем тут управился. Я подозреваю, что это больше завязано на поиск работы для людей, которые в ней нуждаются. Один из недостатков эксперимента. Мы не живем в замкнутой экономике, и если людей постоянно не обеспечивать работой, все развалится. Так что у нас ситуация, когда дирекция эксперимента делает вид, что платит нам, а мы делаем вид, что работаем. По крайней мере, пока не будут объединены все приходы.

– Ты про группы испытуемых? Что, сюда еще кого-то закинут?

– Я так слышала. – Яна пожимает плечами. – Они запускают нас малыми группками, чтобы мы лучше узнали соседей, прежде чем сообщество будет собрано – и все тут развалится.

– Немного пессимистично, а? – спрашиваю я.

– Может, и так. – Яна щерится в неуверенной улыбке. – Ну, зато реалистично.

Полагаю, Яна мне понравится, пусть даже чувство юмора у нее странное. Рядом с ней я чувствую себя комфортно. Да, мы точно славно сработаемся.

– Так, а как быть со всем остальным? С секретным архивом, компьютером?

Яна отмахивается.

– Просто имей в виду, что Фиоре приходит сюда раз в неделю и ты должна будешь открыть ему ту комнатушку и оставить его там на час или два. Если он хочет взять какие-либо бумаги, запиши, что он берет, а затем напомни ему вернуть это.

– Кто-нибудь еще?

– Ну… если епископ появится, дашь ему доступ во все помещения. – Она кривится. – И не спрашивай меня о компьютере. Мне никто не рассказывал, как им пользоваться, и я не очень понимаю эту штуку, но, если хочешь возиться с ним от нечего делать – валяй. Только помни, что все твои действия на нем сохраняются в логах. – Яна ловит мой взгляд. – Да, реально – все, – выделяет она голосом.

Мой пульс учащается.

– На компьютере? Или… вообще в этих стенах?

– Возможно, отмечается даже то, на каких страницах люди открывают книги, – тихо проговаривает она. – Ты заметила, что все они – в твердых обложках? Ты удивишься, но и в темные века технология позволяла создать миниатюрные устройства слежки. Их можно прятать в корешках книг и определять, на какой странице читатель находится. И все это – без нарушения протокола.

– Но ведь протокол… – Я осекаюсь.

Технически телевизор не кажется слишком сложным устройством, но так ли это на самом деле? Из чего он реально состоит? В нем должны быть либо камеры, либо очень сложная система визуализации…

– Темные века были не только темными, но и *быстрыми*. Речь о периоде, когда наши предки разви́лись от уровня счетных палочек до уровня создания первых эмоциональных машин. Они прошли путь от знахарей с ядохимикатами, которые не могли приладить на место даже чисто отрезанную конечность, до регенерации тканей, полного контроля над протеомом и геномом и выращивания частей тела на заказ. От использования ракет для вывода на орбиту до первых многоразовых ракетных ступеней. На все про все – девяносто лет по древнему летосчислению, или примерно три гигасекунды. – Яна берет паузу, чтобы отпить чая. – Проще простого нам, современным людям, недооценивать ортогуманоидов минувших эпох. Но от этой привычки избавляешься, пожив здесь некоторое время. И следует отдать им должное, духовенство – экспериментаторы – находятся здесь дольше, чем все мы. Даже Харшоу, а он работает напрямую на них. – Она произносит его имя с отвращением, и мне интересно, чем он ее обидел.

– Думаешь, они разбираются в этом больше, чем мы? – спрашиваю я заинтригованно.

– *Чертовски* больше. – Яна явно прониклась духом симуляции – говорит на древнем сленге, которым за ее пределами щеголяют лишь реальные старожилы. – Думаю, у нас здесь происходит нечто более серьезное, чем может показаться на первый взгляд. И гораздо больше, чем можно было бы ждать всего лишь за пять мегасекунд времени, прогресс в регуляции этого общества *уже* достигнут. – Ее глаза резко мечутся в угол комнаты прямо над дверью, и я слежу за направлением ее взгляда. – Отчасти потому, что экспериментаторы видят все, слышат все, включая наш с тобой разговор… но только отчасти.

– Но, конечно, это еще не все?

Яна загадочно улыбается мне.

– Перерыв закончился, душка. Пора приступать к работе.

* * *

Я возвращаюсь домой поздно, устав от оформления книг и многочасового стояния на абонементе. Когда я вхожу в дверь, меня грызет чувство страха. В гостиной горит свет, слышен звук телевизора. Сначала я направляюсь на кухню, чтобы перекусить, и

именно там меня застает Сэм.

– Где ты была? – спрашивает он.

– На работе. – Я устало нападаю на банку овощного супа, помогая себе ломтем хлеба.

– О. – Пауза. – И что тебе назначили? Чем занимаешься?

Он зачем-то положил масло в холодильник, и оно стало твердым как камень. Ну что за идиот.

– Тренируюсь, чтобы стать новым городским библиотекарем. Занятость – всего три дня в неделю, зато каждый рабочий день – одиннадцатичасовой.

– Гм. – Сэм наклоняется, чтобы вложить грязную тарелку в посудомоечную машину. Я успеваю остановить его как раз вовремя – она полна чистых вещей.

– Погоди, сначала нужно ее разгрузить, смекаешь?

– А, ну да. – Он смотрит с досадой. – Значит, городу нужен новый библиотекарь?

– Да. – Я не должна ему ничего объяснять, верно? Или все же сто́ит объясниться?

– Ты знаешь Яну?

– Яну? – Он задумывается. – Нет. Я даже не знал, что у нас есть библиотека.

– Она уходит через пару месяцев, и им нужен кто-то на ее место.

Он начинает вынимать тарелки из нижнего лотка посудомоечной машины и складывать их на столешницу.

– Ей не нравится работа? Если она такая плохая, почему ты на нее соглашаешься?

– Дело не в этом. – Я наконец заканчиваю вываливать суп из банки и ставлю кастрюлю на раскаленную конфорку. – Она уходит, потому что беременна. – Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Он сосредоточен на посудомоечной машине, игнорирует меня. Все еще дуется, я подозреваю.

– Беременна? Ого. – Голос Сэма звучит немного удивленно. – Почему кто-то захотел завести ребенка здесь, интересно.

– Наши тела фертильны, Сэм.

Я успеваю поймать тарелки, которые он выгружал, как раз вовремя. Выпрямляюсь в полуметре от его носа – и он слишком взволнован, чтобы избежать моего взгляда.

– Мы *фертильны?*

– Так говорит Яна, и, судя по ее положению, ей можно довериться. – Я хмуро смотрю на Сэма, затем поворачиваюсь к кастрюле с супом. – Дашь мне тарелку?

– Да, конечно. – Бедный парень выглядит искренне потрясенным. Я не виню его – у меня было несколько часов, чтобы

подумать об этом, и я все еще привыкаю к этой идее. – Что… что за ерунда.

– Сам подумай, мы подписались бы на участие в эксперименте, который продлится, скажем, сто мегасекунд? Забавная штука – эти их библиотеки – там можно найти любую информацию. Срок созревания человеческого новорожденного в ортогуманоидной утробе составляет двадцать семь, порой – двадцать восемь мегасекунд. Тем временем все мы здесь фертильны, и нам сказали, что мы можем заработать очки в счет бонусов по окончании эксперимента, занимаясь сексом. Исторический коэффициент зачатия у занимающихся сексом в период фертильности здоровых ортогуманоидов составляет примерно тридцать процентов за менструальный цикл. Как тебе это нравится?

– Ты хоть понимаешь, что чуть не… – Сэм держит тарелку с супом перед собой, будто это щит, с помощью которого он пытается удержать меня на расстоянии.

Я смотрю на него.

– Не говори этого.

– Я… – Его кадык дергается. – Вот, возьми.

Я беру тарелку.

– Мне кажется, я знаю, что ты подумала. Да, я именно это хотел сказать, и я беру свои слова обратно, хотя и слова не проронил. Хорошо? – Он произносит это очень быстро, глотая слова, будто нервничает.

– Да, ты ведь ничего не говорил.

Я очень осторожно ставлю тарелку на стол, потому что нет необходимости бросать ее Сэму в голову. А также потому, что, немного успокоившись, я понимаю: по сути, он прав, и он не сообщил, что, если бы я добилась своего той ночью и забеременела, была бы сама виновата. Сэм у нас не только Серьезный, он еще и Благоразумный.

– Сэм, чтобы обижаться на кого-то, нужен повод. – Я облизываю губы. – И я дала его тебе той ночью, о чем очень сожалею. – Чем дальше в лес, тем труднее выдавливать из себя слова. – Мне не следовало пользоваться тобой. У меня были плохие времена… но это ведь не оправдание. Я не… я никогда не была особенно хороша в самоограничениях, но больше, клянусь, такое не повторится. – *А если случится, таких извинений второй раз ты не получишь, это точно.* – Как бы ты мне ни нравился, ты не очень любишь полиамурные отношения, и я это понимаю, хоть это фигово. – Мои плечи дрожат.

– Тебе не нужно извиняться, – говорит он и делает шаг вперед. Прежде чем я успеваю понять, что происходит, он

обнимает меня… и мне действительно приятно чувствовать его руки на себе. – Это моя вина тоже. Мне следовало больше контролировать ситуацию – я ведь знал, что все это время ты интересовалась мной, и не должен был ставить тебя в такое положение – ну, когда ты могла подумать, что…

– *Бляха*! – кричу я, отпускаю его и закладываю полный поворот вокруг оси.

Суп выкипает, от кастрюли поднимается неприятный запах. Вырубаю печку, через полотенце хватаюсь за нагревшуюся ручку и переношу емкость в безопасное место. Тем же полотенцем затираю суп на плите. Пока я этим занимаюсь, Сэм, будто непись с дотошно прописанной директивой, методично разгружает посудомоечную машину – по одной тарелке в шкаф. В конце концов я выливаю в миску остатки супа и выкладываю на стол ломтики хлеба, удивляясь про себя, чего сразу не догадалась использовать микроволновку.

– К тому времени как я сяду за стол, все остынет, – сетую я.

– Прости, это я виноват. – Сэм выглядит убитым.

– Хватит уже оправдываться за каждый пущенный ветерок – что с нами не так? Слушай, у меня к тебе вопрос. Не помнишь, был ли в контракте, который ты подписывал, оговорен *максимальный* срок участия?

– Гм? – Я его явно ошеломила. – Ну да, там что-то значилось… э-э-э… *минимум* сто мегасекунд. А почему ты спрашиваешь?

– Все ясно. – Я забираю тарелку и миску с остатками еды и направляюсь в гостиную. – Человеческим младенцам, рожденным в дикой природе в примитивных условиях, требуется не менее половины гигасекунды, чтобы достичь зрелости.

– Ты… – Сэм следует за мной, – …ты думаешь о том же, о чем и я?

Я ставлю миску и тарелку на стол у дивана, сажусь на боковой подлокотник, потому что чувствую – если сяду прямо на диван, не поднимусь с него.

– Тогда почему бы тебе не сказать мне, что ты думаешь?

– Я не знаю. – Значит, не хочет говорить. Сэм садится на другом конце дивана и глядит на меня широко раскрытыми глазами. – Они следят за нами, не так ли? Все время. Думаешь, о таком безопасно говорить?

Я дую на суп, чтобы он быстрее остыл.

– Нет, но впадать в паранойю нет смысла. Здесь нас как минимум сотня. Числом мы раз в двадцать превосходим экспериментаторов – ну, насколько я знаю. Не хочешь же ты мне сказать, что они собираются отслеживать в реальном времени все,

что мы говорим друг другу, еще и прямо в тот момент, когда говорим? Я думаю, у модема есть программа, заточенная под конкретные сценарии. Кто-то трахает жену – модем регистрирует, чтобы выписать очки рейтинга. Группа неписей видит, как кто-то портит имущество или снимает одежду в общественном месте, – модем регистрирует проступок. Такой расклад отнюдь не подразумевает, что кто-то сидит в режиме коммутатора и все время просеивает инфопоток. Я же правильно рассуждаю?

Вероятно, я ошибаюсь, и, если нашей тюрьмой-оранжереей управляют настоящие теневые структуры, а не придурковатые ученые, отслеживается каждый шаг. Но я не хочу давать им знать, что знаю – или хотя бы предполагаю, – что они существуют. Нет, спасибо. Тем более я не знаю, откуда мне на голову свалилась такая идея.

– Но если за нами чутко следят…

– Слушай. – Я положила свою ложку. – Мы здесь *минимум* три года, максимальный срок не указан, и мы *плодовиты*. По-моему, дело обстоит так – кто-то задумал разводить настоящих граждан темных веков. Если ты забыл, это не просто симуляция, а, по существу, вложенный канал реальности – то есть у него есть защищаемый пограничный ассемблер, он и создал тела, в которые нас запихнули. А ассемблеры не просто создают вещи, они их еще и фильтруют. Они – брандмауэры. Системы вроде нашей симуляции де-факто являются независимыми сетями, плотно соединенными Т-воротами и ограниченными межсетевыми экранами, защищающими свои границы от всего, что хочет проникнуть через межсетевые ворота. Через их границы, другими словами. Но может существовать и система, в которой нет Т-ворот. В этом случае она определяется не внутренностью, а как раз границей. Мы здесь функционируем по правилам Юрдона—Фиоре—Хант. Разве это не значит, что любой, кто родится в этом месте, тоже будет подчиняться тем же правилам?

– А как насчет свободы передвижения? – Сэм выглядит нервным. – Конечно, они не смогут остановить новых людей, если те захотят эмигрировать отсюда?

– Смогут – если эти «новые люди» не знают в принципе, что существует внешняя вселенная, куда можно эмигрировать, – мрачно говорю я. Беру ложку супа и морщусь, обжигая нёбо. – Нам не рекомендовано говорить о прежних жизнях. А что, если Фиоре со товарищи немного ужесточат систему социального рейтинга? Скажем, упоминание мира снаружи в присутствии детей будет жесточайше караться? Как тогда бедные нубы местного кустарного разлива выяснят, что существует что-то, помимо симуляции?

– Безумие какое-то. – Сэм потрясенно покачивает головой. – Зачем кому-то делать так? Я могу понять первоначальную цель эксперимента – исследовать социальные условия темных веков с помощью иммерсивной археологии. Но пытаться создать целую популяцию ортогуманоидов, застрявших в безумном слепке темных веков и даже не знающих, что это лишь историческая реконструкция, а не реальная вселенная?..

– Я пока не уверена, – устало говорю я. – Пока не уверена, что все именно так у нас обстоит. Но в этом и проблема. Мы упускаем некие важные данные.

– Точно. – Сэм страдальчески закатывает глаза. – А не поэтому ли они набирали себе в испытуемые людей сразу после операции редакции памяти?

– Да, наверняка это часть их плана. – Я бросаю на него взгляд через Рубикон дивана. – Но лишь часть. – Мне хочется прямо сказать ему что-то в духе «пора отсюда, на хрен, валить», но это явный перегиб. И несмотря на все, что я высказала вслух, остаются вещи, о которых я не собираюсь говорить. Например, у меня есть мысль, что никто нас в принципе выпускать не собирается. Никогда, ни при каких условиях. И если моя догадка о детях правдива, устроители этого цирка могут быть готовы держать нас здесь неопределенно долгое время. А ведь всегда есть варианты похуже. И это я пока не заморачиваюсь главным вопросом – зачем? И почему именно мы?

* * *

Я выхожу на работу на следующий день, и еще раз – послезавтра. К концу этого третьего дня я совершенно измотана, прямо-таки разбита как стеклянный гоблин. Работа в библиотеке не кажется тяжелой, но, когда ты батрачишь одиннадцать часов, а перерыв всего один – обеденный, и длится он всего час… что и говорить, эта херня выматывает. Днем почти пусто, но каждый вечер, около шести часов, наплыв посетителей феноменальный, и мне приходится бегать туда-сюда в поисках билетов, оформлять возвращенные книги, собирать штрафы и наводить порядок. Следующим утром я разъезжаю с набитой книгами тележкой и возвращаю их на свои позиции на полках. Если остается свободное время – вытираю пыль с полок: чистота здесь должна соблюдаться неукоснительно.

– Почему ты думаешь, что здешние книги отмечают, когда их читают? – спрашиваю я у Яны в середине второго рабочего дня. – Вот, смотри – ничего подозрительного. – Я беру в руку большую

пачку бумаги в матерчатом зеленом переплете с надписью «Как обустроить теплицу» и поднимаю, чтобы Яна могла видеть.

– Смотри. – Она берет у меня том и разгибает его так, чтобы перемычка корешка встала дыбом. – Погляди сюда.

– Ага… – В маленьком зазоре я вижу что-то вроде раздавленной мушки: два тонких усика торчат из шитого переплета. – И что это?

– Волоконная оптика. Ну, я так думаю. – Яна хмыкает про себя, закрывая книгу и бросая ее обратно в тележку. – Не думаю, что через эти штуки можно вести полноценную прослушку – только узнать, на какой странице открыта книга, и проследить за движениями глаз читателя. Экспериментаторы постарались придать всем нам разные лица, и у всех нас по два работающих глаза. Это не случайно. Не у всех древних было так. Если хочешь что-то почитать тайком, обзаведись зеркальными очками и таймером, чтобы переворачивать страницы через одинаковые промежутки времени.

– Откуда такие познания? – спрашиваю я восхищенно. – Говоришь как профессионал… – Слово «шпион» просится на язык, но я проглатываю его с легкой дрожью.

– До того как обратиться в клинику коррекции памяти, я работала детективом. – Яна меряет меня долгим взглядом. – Сопутствующий набор навыков я попросила не удалять. Подумала – вдруг это пригодится мне в новой жизни.

– Тогда что ты… – Я останавливаю себя как раз вовремя. – А, ладно, забудь.

Яна сухо, понимающе усмехается.

– Слушай, мне сказали, что нормальная практика – лечь в больницу за неделю или две до родов и оставаться там еще пару недель после. Могу я… – Тут ее голос звучит неуверенно. – Можно попросить тебя об одолжении?

– Что? Конечно, – на автомате отвечаю я.

– Похоже, большую часть времени мне предстоит лежать в постели, и будет скучно до одури. Телевизор приедается… Норм работает, так что составить мне компанию, увы, не сможет. Не могла бы ты хотя бы раз навестить меня – принести несколько библиотечных книг? Чтобы я там совсем не закисла?

– С удовольствием! – Я говорю это совершенно искренне, серьезно. Если *я* когда-нибудь окажусь в какой-нибудь больнице темных веков и застряну там, – конечно, захочу, чтобы ко мне приходили посетители. – Расскажи заранее о предпочтениях, хорошо?

– Да, конечно. Спасибо. – Яна благодарно выдыхает. – Подвинешь лесенку? Мне на верхнюю полку нужно, а я не могу

дотягиваться так высоко, как ты…

* * *

На третий день я должна встретиться с Джен, Энджи и Алисой за ужином. Подружки выбрали кафе «Доминион», и я иду туда от библиотеки, тихо насвистывая. Чувствую безотчетное самодовольство – я нашла себе новое занятие, получила собственный источник дохода и узнала вещи, о которых мои «сестры» по когорте не имеют ни малейшего понятия. Не проводи я половину своего бодрствования в страхе перед будущим и желании выбраться из этой западни и снова встретиться с Кей, была бы вполне счастлива.

Кафе внутри такое же помпезное, как и название. Я чувствую себя слегка не в своей тарелке, когда метрдотель подводит меня к кабинке, где сидит Джен. На мне ведь простые юбка и свитер, а Джен обрядилась во что-то абсолютно невообразимое и явно по три-четыре часа в день тратит на макияж и прическу. Энджи не столько пытается подражать ей, сколько стремится к тому же качеству, а Алисе явно слегка неуютно в их компании. Но какое мне дело? Они – навязанное экспериментом окружение. Увы, пока не удается их полностью игнорировать. Наверное, именно так древние относились к своим семьям.

– Всем привет, – говорю я, отодвигая стул. – Как у вас дела сегодня?

Джен машет рукой на металлическое ведро на подставке, поверх которого накинута какая-то ткань.

– Сегодня гуляем! – объявляет она. – Девочки, по бокальчику за Рив. «Шато Лафит» пятьдесят девятого года! – Она смахнула ткань с ведра, и я увидела, что оно полно льда. И между ледышками как-то втиснута бутылка из зеленого стекла.

– Шампанское, – говорит Алиса таким тоном, будто извиняется. – Шипучее вино.

– Я бы не отказалась. – Энджи протягивает рифленый бокал, Джен подхватывает бутылку и наливает.

– А что, есть повод для праздника? – Джен и Энджи обычно не пьют до захода солнца, так что, надо полагать, предлог имеется. И еще какой.

– Ну… – Глаза Джен лукаво блестят. – Было бы, конечно, неплохо, если бы мы сейчас праздновали выполнение кое-кем социальных обязательств… Но увы.

Я чувствую, как мое лицо пылает. Вот сука.

– Просто это последняя выпивка для Алисы на ближайшее

время.

– В смысле? – спрашиваю я, не вполне понимая, о чем она.

– Осталось где-то восемь месяцев, – говорит Алиса, утирая губы салфеткой. Ее взгляд перебегает с меня на Джен и обратно, словно беззвучно запрашивая какую-то помощь.

– Э… – Тут до меня доходит. – Ты что, беременна?

– Ага. – Алиса кивает. Она не выглядит счастливой. Джен, напротив, сама не своя от радости.

– Выпьем за Алису и ее ребеночка! – Она поднимает бокал с шипучкой, и я повторяю жест – чисто из вежливости. Но, отпивая сладкую гадость, ловлю Алисин взгляд, и меня будто статическим разрядом прошибает. Совершенно очевидно, о чем она думает.

– За твое крепкое здоровье, – цежу я через край своего бокала – уверена, впрочем, что она поняла смысл сказанного, судя по поникшим плечам. Я перевожу взгляд на Джен. – Ну, а ты? – спрашиваю я, прежде чем успеваю притормозить свой слишком быстрый язык.

– Наверное, скоро, – спокойно говорит Джен. – Тогда и мне шампанского купишь, а?

Мне удается напустить на лицо призрак улыбки.

– Смотрю, ты очень хочешь завести ребенка.

– Конечно. И даже не одного! – Она сочувственно мне улыбается. – Я слышала, ты устроилась на работу, бедняжка. Тебе, должно быть, очень тяжело…

– Не так, как кажется, – выдыхаю я и припадаю к бокалу. *Манда тупая.* – Знаешь, Яна из первой когорты тоже беременна. – *Конечно, как тебе и не разнюхать такое.* – Я прохожу обучение ей на замену. Кто-то же должен работать…

– Ой, уверена, недолго тебе там копошиться, – говорит Джен непринужденно, с такой безапелляционной уверенностью, что мороз дерет по коже. – Ты будешь смотреть на вещи по-другому, когда у тебя появится собственный ребеночек. Официант! Эй, официант, меню, пожалуйста!..

9. Секрет

Время проходит быстро, в основном, потому, что вторую половину дня я провожу, уткнувшись носом в энциклопедию и пытаясь компенсировать свое отчаянное невежество в области репродуктивной политики темных веков.

Что, как я чувствую, ставит меня в опасное положение.

Следующий день – первый из четырех выходных. Я сплю до тех пор, пока Сэм не уходит в офис. Затем спускаюсь вниз и занимаюсь спортом. Из девяти других домов на нашем участке дороги один сейчас занимают Ники и Вульф. У Вульфа есть работа, а Ники, ленивая до невозможности, спит до полудня. Так у меня выдается хорошая часовая пробежка, к концу которой я пропотеваю, но уже не задыхаюсь и не ощущаю боль. В нашем биоме сейчас весна, воздух полон семенной пыли, которой сорит здешняя гермафродитная растительность – цветы и деревья. Пыль щекочет мне нос, заставляя чихать, но некоторые из сопровождающих ее разброс запахов – привлекательные для насекомых – приятны.

После тренировки я принимаю душ, одеваюсь в приличную одежду и отправляюсь в центр города в хозяйственный магазин, чтобы потратить немного своих денег. Я чувствую себя лучше, когда трачу их, зная, что это не деньги Сэма, хотя понимаю, что это глупо: деньги – просто бессмысленные бумажки, выпущенные для поддержания работы эксперимента, а не настоящая валюта. Я ухожу из магазина с паяльной горелкой, канифолью, припоем, большим количеством медной проволоки и некоторыми другими мелочами. Затем иду в магазин за бытовыми товарами.

Первым делом я отправилась в аптеку, вооружившись списком покупок, где были вещи, о которых не слышала до вчерашнего дня, – те, что в энциклопедии значились в разделе «Сексуальное здоровье». К сожалению, просто знать, что спрашивать, не значит уметь это купить, и постепенно я понимаю, что лакуны складываются в единую картину. Я могу понять отсутствие в широкой продаже средств на основе прогестогенов. Но почему нет «спиралей»? Или каучуковых чехлов для пениса, о которых я читала? Где-то через полчаса поисков я пришла к выводу, что аптека мне – не помощник. Я наткнулась на довольно шокирующую статью о религиозных представлениях о сексе и репродукции. Похоже, наша аптека укомплектована как раз на основе рекомендаций некоторых особо рьяных религиозных фанатиков.

Что-то подсказывает мне, что отсутствие противозачаточных

средств – отнюдь не случайность. Удивительно, но я еще не слышала, чтобы народ возмущался по этому поводу.

В универмаге у меня дела идут лучше – там я покупаю новую микроволновую печь, несколько накладных светильников и еще кое-какие мелочи. Затем ищу магазин товаров для хобби. Нужно время, чтобы найти штучку, которую я ищу, и в конце концов я обнаруживаю то, что нужно, в углу магазина, внутри картонной коробки из целлюлозы, – небольшой деревянный станок, пригодный для ткачества. Я покупаю его вместе с охапкой шерстяных ниток, просто чтобы не навлекать подозрения. Затем ловлю такси до дома и устанавливаю свою добычу в гараже, вместе с незаконченным арбалетом и другими проектами.

Пора начинать действовать. И перестать обманывать себя, что я смогу выбраться отсюда или что меня отпустят с миром через – сверимся с календарем – девяносто четыре мегасекунды. Передо мной стоит суровый выбор. Я могу слиться с большинством, стать «своей» в созданной карманной вселенной, остепениться и внести свою лепту в создание поколения несмышленышей, которые и не подозревают о существовании другой жизни. Кто знает, вспомню ли я сама гигасекунду спустя, что у меня был когда-то иной быт? Не похоже, чтобы мое дооперационное «я» оставило хоть соломинку, за которую я могла бы уцепиться…

Или я могу попытаться выяснить, что происходит на самом деле. Фиоре и его теневой босс, епископ Юрдон, мутят здесь воду – это ясно. Симуляция вовсе не простая экспериментальная археологическая коммуна. При внимательном рассмотрении слишком многие ее аспекты оказываются неправильными. Если я смогу понять, что они тут задумали, возможно, сумею найти выход.

Вот почему я провожу личное время, кропотливо снимая изоляцию с катушки за катушкой медного провода и мотая ее на ткацкий станок. Первый шаг в выяснении того, что происходит, – обеспечить себе уединение. Мне потребуется сумка через плечо, обшитая тканой медной сеткой, чтобы переносить сделанный на основе микроволновки «гаситель жучков», но я не могу заказать клетку Фарадея в магазине не подняв тревоги.

Мне требуется почти две недели, чтобы сплести квадратный метр широкой ткани из медной проволоки, работая в темноте на ощупь. Это очень хлопотный материал для работы. Нити постоянно ломаются или гнутся, на снятие изоляции уходит целая вечность, а кроме того, у меня есть и другие обязанности.

Яна жалуется на небольшие боли в спине и проводит много времени в туалете каждое утро, выходя оттуда бледной. Она все меньше шутит и подтрунивает надо мной – за ней просто

печально наблюдать. И еще начала полнеть в области талии. Она вовсю храбрится, но, думаю, перспективы будят в ней один ужас. Рожать как животное, со всеми рисками и сопутствующей ужасной болью – прогноз, напугавший бы любого, и без дополнительного фактора страха – застрять в симуляции навечно, вынужденно сотрудничая с ее хозяевами и беря в заложники продукт своей боли и слез. Поэтому хотелось бы знать, почему здесь пока нет сопротивления? Ясное дело, в оранжерейных условиях любой, кто дерзнет организовать протестное движение, должен быть либо очень скрытным, либо преступно наивным. Но я все еще удивляюсь, почему нигде не проявился даже слабый намек на неприятие создаваемой ситуации.

Я читала устав эксперимента в библиотеке – он выложен на кафедре у самого входа, чтобы все могли ознакомиться, – и то, что в нем отсутствует, так же важно, как и то, что есть. Существует Билль о правах, в котором прямо упоминается «право на жизнь» (что, если вы читаете историю темных веков, не означает того же, что могло бы взбрести в голову наивному современному читателю). Он лишает нас всякой надежды на неприкосновенность частной жизни, что означает навязывание его мне против воли. Это само по себе до жути несправедливо.

Устав – спецификация публичного протокола, определяющая параметры, в рамках которых работает правовая система симуляции Юрдона—Фиоре—Хант. До моего принятия на работу не подворачивался шанс покопаться в этом документе, но теперь он меня пугает. И я заметила, что в нем ни слова не говорится о свободе передвижения. А ведь это аксиома практически всех человеческих государств с тех пор, как по завершении Войн Правок были вычищены последние очаги Короля в Желтом и меметических диктатур. Но на полках не найти никаких источников по этому поводу – в библиотеке история заканчивается 2050 годом. Кроме того, все, что после 2005 года, доступно только с компьютерных терминалов, где приходится иметь дело с замысловатым текст-диалоговым интерфейсом, который я неуклюже пытаюсь освоить.

За это время я относительно мало вижу Сэма. После нашей ссоры, и вообще с тех пор, как мы вяло помирились, он отдалился от меня. Может, всему виной шок оттого, что я узнала о его репродуктивной компетентности. Так или иначе, он очень отстранен. До того как я все испортила между нами, я обнимала его, когда он приходил домой с работы. Мы вместе смеялись или болтали, и – уверена в этом! – становились ближе. Но после той ночи и нашей ссоры мы даже не прикасались друг к другу. Я чувствую себя отрешенной и слегка напуганной – наш

физический контакт чреват последствиями. Будем честны: у меня в наличии – активное сексуальное влечение, но мысль забеременеть здесь пугает до оторопи. И хотя есть другие вещи, которые мы могли бы вместе делать, раз склонны к близости, я нахожу, что сложившаяся ситуация – очень эффективный способ отвлечься. Я не могу винить Сэма за то, что он избегает меня так сильно, как может. Чем скорее он выберется отсюда, тем скорее бросится на поиски своей романтической любви – при условии, что эта стерва не бросила его и не ушла на поиски полинуклеарного союза, с коим можно беззаботно обмениваться биологическими жидкостями, уже через пять секунд после того, как он присоединился к этому проклятому эксперименту. Сэм – парень вдумчивый, но, зная его удачу, почти наверняка втюрился в кого-то, кому я не спровадила бы и грана внимания.

Что ж, жизнь – не сахар.

* * *

После четырех недель на моей новой работе, за двенадцать недель до того, как Яна уйдет в декретный отпуск, я снова просыпаюсь от кошмарного сна с криком.

В этот раз все по-другому. Во-первых, Сэма нет рядом, и никто не обнимет меня, когда я вскочу. Во-вторых, я с холодной уверенностью знаю, что это правдивый сон. Не просто отвратительный фантом разума, а то, что *действительно* произошло со мной.

Что-то, что не сумели изъять из памяти в клинике.

Я сижу за столом в тесной прямоугольной комнате без дверей и окон. Стены цвета старого золота, тусклые, но переливающиеся; радуга дифракции отражается от них, когда я смотрю в сторону от стола. Я нахожусь в мужском теле ортогуманоида – уже не киборг-танк из предыдущего кошмара. На мне – простой наряд, что-то вроде туники, которую, как я смутно осознаю, выдают пациентам в клинике хирургов-храмовников.

На столе передо мной – стопка грубых бумажных листов, переплетенных вручную, с потрепанными краями. Я сам сделал этот носитель давным-давно, и все записанные на него доносы трижды утратили актуальность. В левой руке я сжимаю простую чернильную ручку в корпусе из кости, которую вырезал из ребра моего последнего тела – небольшой жест сумасбродного тщеславия. На дальнем конце стола стоит пузырек с чернилами, и я вспоминаю, что добыча этих чернил стоила удивительно много времени и денег. У них нет истории, плавающие в них взвесью

крупицы углеродной сажи – сплошь святой изотопный рандом. Не выйдет даже сказать, из какого региона галактики они привезены. Анонимные чернила для ядовитой ручки. Как подходяще…

Я пишу письмо тому, кого пока не существует. Этот человек будет одинок, растерян, скорее всего – безумно перепуган. Я испытываю ужасное сочувствие к нему, его одиночеству и страху, потому что сам через них проходил и знаю, что ему предстоит. Но я буду рядом с ним, и мы переживем каждый момент этого ужаса вместе. *(Что-то не так. Письмо, которое мне дали в период реабилитации, – три жалкие странички, а эта стопка намного толще. Что за дела?)*

Я склоняюсь над столешницей, сжимая ручку так сильно, что на суставе среднего пальца образуется болезненная борозда, и старательно строчу по волокнистой бумаге. Как только я вспоминаю это чувство в своих пальцах, свою соматическую память о письме – у меня возникает ужасное чувство уверенности, глубокая внутренняя убежденность в том, что я действительно послал себе письмо из прошлого на двадцати листах, содержащее все сведения, в которых я отчаянно нуждался. Но мне разрешили увидеть лишь три страницы из него.

Дорогой «я».

Тебе, думаю, интересно, кто ты сейчас. Предполагаю, ты уже преодолел резкие перепады настроения и способен понимать эмоциональное состояние других людей. Если нет, предлагаю тебе немедленно прекратить чтение и сохранить это письмо на потом. Здесь есть вещи, которые тебя расстроят. Преждевременный доступ к этой информации может привести к твоей смерти.

Кто ты? И кто я?

Собственно, ты – это я, а я – это ты, но у тебя отсутствуют некоторые ключевые воспоминания – самое главное, все, что имело для меня значение около двух с половиной гигасекунд назад. Это большой промежуток времени. До Техноускорения жизни многих людей длились меньше. Тебе, наверное, интересно, почему я – твое прежнее «я» – захотел стереть все эти переживания. Неужто они взаправду настолько нестерпимы и страшны до умопомрачения? Нет. Отнюдь. Увы.

На самом деле, если бы я не проходил через глубокую очистку памяти пару раз до этого – пребывал бы в ужасе. Здесь, в моей голове, есть вещи, которые я не хочу потерять. Забыть один миг своей жизни – иной раз большая потеря, а забыть семьдесят земных лет жизни в один миг – практически смерть.

К счастью, забвение, как и смерть, в наши дни обратимо. Ступай в Дом Ришелье Исключительного, что в блоке «54-

Медовый-Сентябрь» в Политии [9] *Нефритового Рассвета, и, предъявив предложенный образец ткани, попроси поговорить с Джорданом. Джордан объяснит тебе, как распаковать мой последний бэкап из принадлежащей мне депозитной ячейки и имплантировать тебе в мозг. Процесс сложный, но речь идет о том, что делает тебя собой – и что некогда приносило тебе немало счастья. Именно наличие этого кусочка пазла в общей картине определяет, кем ты являешься по отношению ко мне. Кстати, там же найдешь воспоминание о том, как получить доступ к трастовому фонду, за которым числится четверть миллиона экю.*

(Да, я та еще мразь-манипулятор – хочу, чтобы ты снова сделался мной, рано или поздно. Не волнуйся, мы с тобой одной породы – иначе и быть не может, если ты жив и читаешь это письмо.)

Теперь перейдем к основам.

Ты восстанавливаешься после глубокой операции по стиранию памяти. Вероятно, думаешь, что после выздоровления отправишься в обычное странствие в поисках работы, найдешь жилье, встретишь друзей и любовь – словом, устроишь жизнь. Так вот, ты ошибаешься. Тебе сделали эту операцию, потому что люди, на которых ты работал, обнаружили тревожную закономерность в событиях, в центре которых стояла Клиника Благословенной Сингулярности, управляемая хирургами-храмовниками, в районе Дарк-Сити в Невидимой Республике. Людям, выздоравливающим после операции, предлагают принять участие в психоисторическом исследовательском проекте, направленном на изучение функционирования общества ранних темных веков с помощью ролевой игры. У некоторых из этих людей очень подозрительное прошлое: по факту, многие из них на самом деле – беглые военные преступники. Твоя миссия (от которой ты, увы, не сможешь отказаться по не зависящим от тебя причинам) будет заключаться в том, чтобы интегрироваться в экспериментальную реальность, собрать информацию о происходящем там, а затем вернуться с ней сюда. Звучит просто, правда?

Но есть одна загвоздка. Экспериментальное общество было организовано в бывшей военной тюрьме, которую после Войны Правок использовали преимущественно как центр перепрограммирования и реабилитации. В то время было широко распространено мнение, что сбежать из этого места невозможно – и это, безусловно, очень защищенный объект. Другие агенты уже побывали там. Один твой очень опытный коллега пропал с концами – уже двадцать мегасекунд не выходил на связь. Другой появился с задержкой в одиннадцать мегасекунд, прибыл на

заранее условленный узел коммутации, после чего привел в действие скрытое устройство из антиматерии, убив встречавшего его кадрового офицера.

Полагаю, оба наших агента были скомпрометированы, потому что их ввели в эксперимент, проведя обширный предварительный инструктаж и дотошную подготовку. Мы понятия не имеем, что нас ждет по ту сторону ворот дальнего следования, которые открываются в реальность Юрдона—Фиоре—Хант, но о своей безопасности эти люди пекутся жесточайшим образом. Скорее всего, сто́ит ожидать пограничных брандмауэров и жесткой контрразведывательной защиты, подкрепленной системами тюремного наблюдения за опасными преступниками. Твой вектор состояния, скорее всего, будет исследован до того, как тебя примут в эксперимент; предыстория тоже будет изучена. Вот почему я собираюсь подвергнуть тебя – и подвергнуться сам – глубокому стиранию памяти. Причина проста: то, чего ты не знаешь, тебя не скомпрометирует.

Кстати, если тебе снятся яркие сны об этих вещах, значит, ты просрочил выход на связь. Это второй экстренный брифинг. Перед тем как отправиться в клинику в городской зоне Дарк-Сити, я собираюсь частично удалить данное воспоминание. То есть все выводящие на него ассоциации будут стерты, а оно само – нет. Со временем что-то должно снова проклюнуться – надеюсь, так и случится, даже после того, как хирурги-храмовники займутся другими воспоминаниями, которые я попрошу их отредактировать. Если я не знаю, что о чем-то забыл, они не смогут это удалить.

Какова предыстория твоей миссии?

Я, увы, не смогу рассказать тебе много. Наши записи ужасно неполны и в основном состоят из результатов поиска по мусорным данным, где внезапно упоминаются имена Юрдона, Фиоре и Хант – в одних и тех же местах.

Во время Войны Правок Король в Желтом заразил практически все А-ворота, что имелись в Насущной Республике. Мы не знаем, кто и зачем выпустил его. Похоже, он был создан с единственной целью – стирать все воспоминания и данные, относящиеся к какому-то неустановленному явлению или человеку в прошлом. Проникнув в ассемблеры, Король в Желтом сделал так, что каждый нуждающийся в медицинской помощи, еде, материальном обеспечении или просто в любой вещи первой необходимости вынужденно подвергался цензурированию. Нет смысла говорить, сколько нашлось людей, не согласных с таким положением дел, – и последующая гражданская война, в результате которой Насущная Республика распалась на нынешнюю систему государств, отгороженных друг от друга брандмауэрами, привела к

значительной потере данных по некоторым важным областям и дисциплинам. Также были нарушены ключевые услуги, предоставляемые по всей Республике, – единые временные рамки и возможность свободной аутентификации личности. Ситуация осложнилась тем, что Король в Желтом обзавелся «свитой»: администраторы отдельно взятых осколков Республики умело воспользовались программным обеспечением червя, чтобы насадить собственные пагубные идеологии и властные структуры. В возникшем хаосе потерялось еще больше критических сведений.

Среди вещей, о которых мы очень мало знаем – например, бэкграунд ряда военных, которых Король в Желтом нанял в качестве спящих агентов, когда осознал, что подвергся нападению диссидентов, вооруженных чистыми, построенными на скорую руку А-воротами. То же относится к опасным оппортунистам, которые воспользовались возможностями Короля, чтобы создать собственные карманные империи. Юрдон, Фиоре и Хант попали в поле нашего зрения в связи с организацией психологической войны для минимум восемнадцати местечковых когнитивных диктатур. Это чрезвычайно опасные люди, но в настоящее время они недосягаемы для нас, поскольку, говоря прямо, оказывают какие-то услуги военным структурам Невидимой Республики.

О «спящих ячейках» мы знаем следующее. В последние несколько мегасекунд войны, до того, как Альянсу удалось разрушить, а затем обезвредить последние оставшиеся сети Короля в Желтом, высокопоставленным людям из некоторых диктатур пришлось скрыться в подполье. С момента окончания войны прошли почти две гигасекунды, и большинство людей теперь отвергают концепцию реваншистов Короля как фантазию. Однако я не буду игнорировать возможную угрозу лишь потому, что она звучит надуманно. Если Король в Желтом взаправду создал «спящие ячейки», вторичные очаги инфекции, предназначенные для повторного заражения спустя долгое время после подавления первоначальной волны, то наша коллективная неспособность выявлять их – катастрофический фактор. И я особенно обеспокоен из-за того, что некоторые аспекты устава эксперимента Юрдона—Фиоре—Хант в том виде, в котором он был опубликован, звучат тревожно и слишком явно наводят на мысли как раз о той зловредной подрывной деятельности, которую мы силимся остановить.

Главная причина, по которой я хочу, чтобы ты подвергся глубокой чистке памяти перед инфильтрацией в эксперимент, заключается в следующем – я подозреваю, что, когда новоприбывшие подопытные получают новые тела, они проходят через А-врата, зараженные «живой», исправно функционирующей

копией Короля в Желтом. Поэтому упреждающее редактирование воспоминаний – единственный надежный способ обойти защиту зараженных врат: они попросту не идентифицируют тебя как угрозу, которую их владельцы должны устранить.

Я вижу себя, пишущего это письмо самому себе. Я читаю его так ясно, словно оно выгравировано на моей собственной плоти. Но я не вижу никаких следов на бумаге, потому что мое прежнее «я» забыло обмакнуть перо в чернила и давно опустилось до того, что царапает невидимые бороздки на грубых листах. Мне кажется, я стою у него за плечом, хотя его головы нет в поле моего зрения, и пытаюсь крикнуть ему: *«Нет! Нет! Так нельзя!»* Но ничего не выходит, потому что это сон, и, когда я пытаюсь схватить ручку, моя рука проходит прямо через его запястье, а он продолжает писать на моем обнаженном мозге своими чернилами из крови и нейротрансмиттеров.

Я начинаю паниковать, потому что пребывание в этой камере вместе с ним вызвало наплыв воспоминаний, которые он хитроумно подавлял, чтобы не дать Королю в Желтом меня обработать и отцензурить. Это передвижное шоу ужасов, полотно жизни, сочащееся исступлением и паранойей. Его слишком тяжело вынести, удар по памяти дико тяжелый, и теперь я вспоминаю остаток моего предыдущего сна о мечах, доспехах и резне на борту условно-освобожденной жилой зоны. Я помню, как наши А-ворота дали сбой и отказали в конце спасательной операции, когда мы собирались бросить последнюю из отрубленных голов в их пасть, и как Лорал повернулся ко мне и сказал *«Ну и звиздец»* голосом, полным усталости от жизни и отвращения; и как я ушел, понимая, что надо очистить память от всего этого *звиздеца*, потому что, если я этого не сделаю, – о здоровом сне можно будет надолго забыть…

…потом я проснулась. И даже успела добежать до туалета как раз вовремя, прежде чем мой желудок конвульсивно сжался и опорожнился через рот.

Я не могла поверить, что когда-то была *такой*. Что совершала все эти преступления. Но резня стояла перед глазами – будто произошла вчера. И если эти воспоминания ложные, то истинна ли остальная часть меня?

Не по случайному совпадению на следующий день я впервые бегу с сумкой через плечо. Сумка начинала свою жизнь как прямоугольная зеленая виниловая вещица. Теперь у нее черная нейлоновая подкладка, которую я сшила с большим количеством ругательств и сосанием оттопыренных кончиков пальцев, чтобы

скрыть блестящее медное плетение, приклеенное к ее внутренней стороне. Она выглядит как сумка для покупок, пока я не откину внутренний клапан. В данный момент в ней лежит коробка очень крепкого молотого эспрессо, рожок для фильтра и несколько мелких предметов, которые по отдельности безобидны, но в совокупности, если вы знаете, на что смотрите, могут стать сущим проклятием. Хорошо, что сумка такая неброская, потому что, если у меня нет галлюцинаций, следующая вещица, которая перекочует с работы ко мне домой в этой таре, будет гораздо менее безобидной, чем кофе.

Я прихожу на работу в обычный ранний час и застаю Яну в комнате для персонала – на ней лица нет.

– Утренняя тошнота? – спрашиваю я.

Она кивает.

– Сочувствую. Может, посидишь здесь? А я пока разберусь с возвратами. Вытяни ноги, отдохни. Если возникнет проблема, которая мне не по плечу, я тебя позову.

– Спасибо. Так и сделаю. – Она приваливается спиной к стене. – Меня бы здесь не было, если бы сегодня не приходил Фиоре…

– Оставь его мне, – говорю я, стараясь не выглядеть удивленной. Не ожидала, что он нагрянет так рано. С другой стороны, у меня есть чудо-сумка, так что…

– Ты уверена? – спрашивает Яна.

– Да. – Я ободряюще улыбаюсь. – Не беспокойся обо мне. Просто запущу его и дам спокойно заниматься своими делами.

– Хорошо, – говорит она с благодарностью, и я приступаю к работе.

Сначала складываю на тележку вчерашние возвраты и распихиваю их по полкам, подбивая колодки так быстро, как могу. Это занимает у меня всего несколько минут. Большинство заключенных здесь не понимают, что чтение – развлечение, а регулярно берет книги не так много народу. А возложенную на меня сегодня уборку грязи и пыли я пропускаю. Вместо этого беру сумку из-за стойки администратора, бросаю ее на дно тележки и направляюсь к полкам в справочном отделе рядом с комнатой, где хранятся документы экспериментаторов.

Энциклопедия сексуальных табу, доступная только в читальном зале, лежит в сумке; по какой-то причудливой интерпретации обычаев темного века, библиотекам не разрешается выдавать такие вещи. Это мое прикрытие на случай неудачи, если меня на горячем поймают – что-то непристойное, но достаточно тривиальное. Паркуя тележку в одном месте, я кидаю сумку на нижнюю полку одного из стеллажей, где она не

бросается в глаза. Возвращаюсь к стойке регистрации с потными ладошками. Фиоре должен посетить архив – значит, планы придется корректировать по ходу дела. Яна с ним всегда управлялась, но ее состояние ухудшается… Ладно, нет смысла увиливать от неизбежного. В любом случае у меня готовы все отговорки. В последнее время я почти не могу заснуть из-за того, что репетирую их в голове.

Около полудня подъезжает черная машина и паркуется перед главным входом библиотеки. Я откладываю книгу, которую читаю, и встаю, чтобы подождать за стойкой. Зомби в ливрее выходит из машины и открывает заднюю дверь, стоя с одной стороны, пока из нее вылезает пухлый мужчина. Темные жирные волосы Фиоре блестят в дневном свете. Белая полоса его канцелярского воротничка придает лицу оторванный вид, будто оно не принадлежит к тому же миру, что и тело. Фиоре поднимается по ступенькам к входной двери, толкает ее и открывает, затем подходит к столу.

– Специальный справочный отдел, – говорит он резко. Затем смотрит на мое лицо. – О, Рив. Раньше я вас здесь не видел.

Мне удается выдавить улыбку.

– Я библиотекарь-стажер. Яна сегодня утром плохо себя чувствует, так что я за нее.

– Плохо чувствует? – Он щурится на совиный манер. Я щурюсь в ответ. Фиоре выбрал себе тело физически внушительное, но уже подползшее к Рубикону дряхлости, в состоянии, которое древние люди называли «средний возраст». Он тучен до степени ожирения, приземист, широк и едва ли выше меня. Его бурдюк-подбородок ходит ходуном, когда он говорит, а капилляры на носу очень заметны. Сейчас его ноздри раздуваются, он подозрительно нюхает воздух, а его кустистые брови сходятся, когда он осматривает меня. От него пахнет чем-то затхлым и органическим, будто он слишком долго пролежал в компостной куче.

– Да, у нее утренняя тошнота, – бесхитростно говорю я, надеясь, что он не спросит, где она.

– А, женское недомогание – понимаю, понимаю. – Угрюмость мигом улетучивается из его взгляда. – Жаль, что всем нам порой тяжело. – Его голос так и сочится скользким сочувствием. – Я уверен, вы понимаете ее, как никто другой. Просто отведите меня в хранилище, и я вам больше ничем не помешаю, дорогая.

– Конечно. – Я направляюсь к воротам со стороны станции. – Следуйте за мной, прошу вас. – Он точно знает, куда нужно идти, старая жаба, но любит игру в приличия. Я веду его к закрытой двери читального зала. Фиоре вытаскивает связку ключей и, что-

то бормоча, открывает замок.

– Как насчет кофе или чая? – неуверенно спрашиваю.

Он останавливается и снова смотрит на меня взглядом мертвой рыбы.

– Это не против правил? – уточняет он.

– Вообще-то да, но вы будете не в самой библиотеке, – щебечу я, – а в архивах, к тому же вы тут главный, вот я и подумала…

– Пусть будет кофе. С молоком, без сахара. – Фиоре исчезает внутри, оставляя ключи в замке.

Мое сердце бьется быстрее. Я иду в комнату отдыха. Яна дремлет, когда я открываю дверь. Она вскакивает, испуганная и бледная.

– Рив…

– Ничего-ничего, – говорю я, подходя к чайнику и наполняя его водой. – Пришел Фиоре, и я его впустила. Слушай, почему бы тебе не пойти домой? Ты плохо себя чувствуешь, к чему оставаться здесь?

– Да я сама подумывала… – Яна качает головой. – Я порылась в карманах в поисках бумажного фильтра для заваривания кофе и поставила на подносик самую вместительную кружку, какую смогла найти. Зачерпываю кофе в бумагу с диким усердием, останавливаясь, лишь когда понимаю, что сделать его слишком крепким для Фиоре так же плохо, как и не заставить его выпить весь.

– Тебе не следует слишком много думать, Рив. Это только вредит.

– О, да неужели? – абстрактно спрашиваю я, сдирая фольгу с маленькой шоколадной таблетки, купленной в аптеке, и кроша половину в кофейную гущу, когда чайник начинает шипеть. Сворачиваю фольгу в тугой шарик и выбрасываю в мусорную корзину.

– Да, если ты думаешь о том, как выбраться *отсюда*, – говорит Яна.

– Я вызову тебе такси…

– Я имею в виду – отсюда. – Я оборачиваюсь и вижу, что она смотрит на меня с видом загнанного в ловушку зверя. Это один из тех моментов экзистенциальной мрачности, когда кокон лжи, который мы плетем вокруг себя, чтобы замазать трещины в реальности, крошится, и нам остается смотреть на всё неприглядное, что он скрывал. Яну, оказывается, мучает ровно то же, что и меня, – но в ее случае всё еще хуже. – Я устала это терпеть. Меня собираются положить в больницу и вытащить череп нового человека из моей дырки, хотя туда с трудом помещается не самый крупный член. А потом наверняка произойдет

«несчастный случай», я истеку кровью, и они отдадут меня доктору Хант, чтобы та заразила меня своим прирученным цензурным червем. Я выйду из больницы улыбчивая – как Ивонна и Патриция, – и не останется никакой *меня* – только штука, которая *думает, что* это я, и…

Я хватаю Яну.

– Заткнись, – шиплю ей на ухо, – этому не бывать.

Она всхлипывает, внутри нее поднимается страшный вой. Если она выпустит его наружу, я в полной заднице, потому что Фиоре услышит нас.

– У меня есть план.

– У тебя… что?

Чайник закипает. Я мягко отталкиваю Яну в сторону и тянусь выключить его.

– Послушай. Иди домой. Прямо сейчас, сию минуту. Предоставь Фиоре мне. Главное – перестань, мать твою, паниковать. Чем более изолированными мы себя считаем, тем более изолированными становимся. Я не позволю им морочить тебе голову. – Я ободряюще улыбаюсь ей. – Поверь мне.

– Знаешь что? – Яна громко фыркает, затем отпускает меня и достает из коробки на столе носовой платок. – Ты… в любом случае не говори мне ничего. – Она сморкается и глубоко вздыхает. Снова смотрит на меня – продолжительным оценивающим взглядом. – Ты уже обо всем догадалась… и не собираешься сдаваться?

– Если мне есть что противопоставить – конечно, нет. – Я беру чайник и осторожно наливаю кипяток в бумажную воронку, где он увлажняет кофейный порошок, высвобождая из него ксантин и растворяя половину скрытой в нем таблетки слабительного, поднимая антрахиноны и мочегонный кофеин в чашку. Дымящийся вкусный кофе. Если повезет, Фиоре просидит в туалете десять минут после того, как выпьет. – Не волнуйся. Я, наверное, через несколько дней скажу, все ли идет по плану.

– Значит, у тебя есть план. – Она опять сморкается. – И ты хочешь, чтобы я пошла домой?

– Да. Прямо сейчас. Не попадайся Фиоре на глаза. Я сказала ему, что ты себя плохо чувствуешь.

– По рукам. – Ей удается слабо улыбнуться.

Я наливаю молоко в чашку и поднимаю ее.

– Сейчас принесу преподобному кофе, – говорю я.

– Принесешь… – Глаза Яны расширяются. – О, я, кажется, поняла. – Она снимает куртку с вешалки на двери. – На самом деле, мне лучше не беспокоить вас. Уйду черным ходом. – Яна ухмыляется. – Удачи!

И она удаляется, освобождая мне пространство для маневров. Я беру кружку с кофе и еще кое-что, лежавшее до поры в раковине, и иду к Фиоре.

* * *

Самые простые планы зачастую оказываются самыми лучшими.

Все, что я делаю на библиотечном компьютере, отслеживается. Как только я найду что-то интересное, все, кому нужно, об этом прознают. Вероятно, здесь имеет место быть своего рода приманка – соблазн для чрезмерно любопытных и закоренелых параноиков. И даже если дела обстоят иначе, я наверняка не найду ничего полезного – здешние старые диалоговые интерфейсы не только заумны в эксплуатации, но и слабоумны по сути.

Чтобы преодолеть эту профессиональную паранойю, нужны талант, смекалка и нестандартное мышление. И если Фиоре, епископ Юрдон и их приятели имеют слабое место, то это верность духу эксперимента. Они не станут прибегать к современным, но устаревшим методам мониторинга, когда достаточно неинвазивных методов, доступных на местном уровне развития. Таким образом, они не будут использовать информационные метаструктуры, доступные через модем, там, где можно обойтись бумажными документами и их администрированием. Или то, что доверяется бумаге, настолько секретно, что они не станут доверять компьютерным системам из-за страха быть взломанными.

Их сверхзащищенный репозиторий в библиотеке – простая комната, где стоят стеллажи, забитые папками с бумажками. Без окон и с дверью на обычном замке. А что еще нужно? Они заперли нас в оранжерее, в сети анонимных секторов орбитальной среды обитания под всепроникающим наблюдением, в неизведанных антресолях межзвездного пространства, соединенных Т-воротами, которые владельцы могут включать и выключать по желанию. Ворота дальнего следования, доступные извне, тоже под строгим контролем.

И это еще не всё. Кажется, больницей руководит мятежный хирург-храмовник. Это снимает вопрос об охранной сигнализации.

Постучав в дверь и передав Фиоре его кофе, я возвращаюсь в справочный отдел и провожу несколько минут, листая энциклопедию, чтобы скоротать время. Древние имели весьма

странные представления о нейроанатомии и особенно о пластичности развития. Думаю, это объясняет некоторые их представления о гендерной сегрегации.

Так получилось, что мне не пришлось долго ждать. Епископ врывается в кабинет, затравленно оглядывается.

– Э-гх-м… где у вас тут уборная? – требовательно спрашивает он, с тревогой вертя головой по сторонам. Его лоб влажно сияет в свете люминесцентных ламп.

– Конечно. Через общую комнату во-о-от туда. – Я неторопливо вышагиваю по комнате персонала.

Фиоре короткими шажками следует за мной, тяжело дыша.

– Нельзя ли побыстрее? – ворчит он. Я отхожу в сторону и жестом указываю ему на нужную дверь. – Спасибо, – добавляет он. Через мгновение я слышу, как он там возится с засовом, затем под его внушительной тушей жалобно скрипит сиденье унитаза.

Превосходно. Если повезет, он будет заниматься своими делами до того, как начнет искать туалетную бумагу. Которой нет, потому что я ее надежно спрятала.

Я возвращаюсь к двери в хранилище документов ограниченного доступа. Фиоре оставил свой ключ в замке, а дверь приоткрыта. *О-хо-хо*. Я достаю брусок мыла, острый нож и пачку туалетной бумаги, которую оставила в сумке на нижней полке тележки. *Какая досадная оплошность!*

Придерживаю дверь, чтобы она не захлопнулась, вытаскиваю ключ и вдавливаю его в брусок мыла с обеих сторон, стараясь получить четкий отпечаток. Это занимает всего несколько секунд, затем я использую часть бумаги, чтобы вытереть ключ и завернуть брусок, который снова прячу в сумке. Ключ – обычный металлический инструмент. Хотя есть вероятность, что в него встроено устройство слежения на случай потери, он *не* потерялся – сдвинулся едва ли на десять сантиметров, пока Фиоре облегчался. И я совершенно уверена, что в нем нет никаких криптографических датчиков проверки подлинности – если так, зачем маскироваться под старомодный ключ от врезного замка? Механические врезные замки удивительно надежны, когда нужна защита от злоумышленников, которые привыкли иметь дело с программируемыми замками. Если и существует место, не находящееся под визуальным наблюдением, это хранилище документов Фиоре с высокой степенью защиты – в те моменты, когда он внутри. Вот цепочка предположений, на которую я поставила свою жизнь.

Я убеждаюсь, что моя сумка хорошо спрятана на дне тележки, прежде чем медленно идти обратно в комнату персонала. И я жду целую минуту, прежде чем позволяю себе услышать, как Фиоре

жалобно блеет, прося туалетную бумагу.

Без Яны, как объекта для оттачивания моего остроумия, остаток дня протекает медленно. Фиоре уходит через час, бормоча себе под нос и жалуясь на желудок. Я переношу брусок мыла в дребезжащий маленький холодильник в комнате персонала, где мы храним молоко. Не хочу рисковать тем, что он растает или деформируется.

Вечером я все закрываю и иду домой на взводе. Пот приклеивает ткань блузки к спине. Это так глупо с моей стороны – знаю. Навлекать на себя разоблачение, ставить жизнь под угрозу. Но если я продолжу бездействовать, то, что произойдет со мной в долгосрочной перспективе, будет хуже, чем все, что мне устроят, если поймают с книгой, украденной из библиотечного фонда, и слепком ключа в бруске мыла. Не мне одной придется несладко. Яна знает о Короле в Желтом и боится слежки. Я не в курсе, почему и откуда, но это зловещий знак. Кто она?

Вернувшись домой, я первым делом направляюсь в гараж. Пришло время впервые опробовать уничтожитель жучков. По сути, это дешевая микроволновая печь, которую я купила несколько недель назад. Я сняла крышку и немного повозилась с ее проводкой. Эта печь – простая клетка Фарадея с мощным микроволновым излучателем. Она настроена на генерацию электромагнитной энергии с длиной волны, которая сильно поглощается водой в продуктах, помещенных внутрь. Что ж, меня это не устраивает, но с помощью творческого подхода удалось эффективно испортить магнетрон. Теперь он излучает шумящий диапазон длин волн – о готовке обедов можно забыть, но электронные схемы под его воздействием запекутся будь здоров. Я открываю дверь, выкладываю внутрь содержимое своей обшитой медью сумки и вытаскиваю из нее кусок мыла. Его мне запекать ни к чему – Фиоре заподозрил бы неладное, если бы понос случался с ним всякий раз, как он приезжал к нам.

Я закрываю дверцу духовки и облучаю книгу пятнадцать секунд. Затем нажимаю кнопку на печатной плате, которую приклеила к боковой стенке духовки.

Свет не загорается. В камере смерти ничего не слышно – похоже, я эффективно уничтожила всех жучков на корешке книги. Теперь посмотрим, что будет, когда я отнесу ее обратно в библиотеку, не так ли? Если послезавтра Фиоре пропесочит меня в церкви, буду знать, что ошиблась в ожиданиях. Но украсть непотребную книжку из библиотеки на один вечерок – не то же самое, что прибрать к рукам ключи от спецхрана.

Гипс! Я мысленно даю себе пинка – почти забыла!

Дрожащими руками я засыпаю нужное количество порошка в пустую чашку из-под йогурта, затем с помощью кувшина отмеряю воду и размешиваю получившуюся массу чайной ложкой, пока смесь не становится настолько горячей, что приходится суетливо перекидывать ее из руки в руку.

Проходит десять минут, и я выстилаю противень влажной беловатой массой (гипс, гидратированный сульфат кальция). Надеясь, что та достаточно остыла, я каждой стороной несколько раз вдавливаю в нее брусок мыла. В какой-то момент беспокоюсь, что тот станет мягким и растает, поэтому делаю первый оттиск слишком рано – гипс такой мягкий и влажный, что прилипает к мылу. Но в конце концов задача худо-бедно выполнена. Накрываю тарелку марлей и иду домой. Уже почти десять часов, я голодна и измотана. У меня завтра выходной, но все равно придется идти на работу – навестить Яну и убедиться, что с ней все в порядке. Но в следующий раз, когда Фиоре посетит хранилище, я буду готова пробраться туда сразу после его ухода.

И тогда узнаю, что он там прячет.

10. Общество

Воскресный рассвет прохладен и бархатист.

Разражаюсь скрипучим стоном и натягиваю одеяло на голову. По одной из причуд расписания, вчера у меня был рабочий день, завтра – другой, и я чувствую себя измотанной перспективой двух одиннадцатичасовых смен. Мне не хочется проводить половину своего выходного дня в вынужденной близости от таких шлюх, как Джен и Энджи, но мне удается заставить себя встать с кровати и спасти воскресный наряд из кучи, растущей на стуле в углу комнаты. Нужно поскорее съездить в химчистку и провести некоторое время в подвале, стирая вещи, которые я могу стирать дома. Еще одна тягомотина в выходной. Это когда-нибудь прекратится?

Внизу застаю Сэма, который усердно мешает кукурузные хлопья в миске с молоком. Он выглядит озабоченным. Мой желудок сжимается от беспокойства, но я заставляю себя поставить на конфорку кастрюлю с водой и осторожно опустить в нее пару яиц. Нужно заставить себя поесть: аппетит у меня неважный, а при моем режиме упражнений так легко остаться без сжигаемой организмом мышечной ткани. Уделяю внимание своему почти беззвучному модему, чтобы проверить достижения когорты за неделю. Как обычно, я где-то на дне таблицы – только у Касс дела обстоят хуже, и я ощущаю знакомый укол тревоги. Уже почти уверена, что она – не Кей, но все равно не могу не сочувствовать. В конце концов, ей приходится терпеть эту свинью, Майка. Затем мой желудок делает еще одно сальто-мортале, и я вспоминаю, что должна кое-что сделать до того, как мы уедем.

– Сэм?..

Он отрывает взгляд от своей миски.

– Да?

– Сегодня… не удивляйся, если… – У меня не получается сказать то, что нужно.

Сэм кладет ложку и смотрит в окно.

– Хороший день. – Он хмурится. – Что тебя беспокоит? Поход в церковь?

Я с трудом киваю.

Его взгляд на мгновение становится остекленевшим. Я думаю, он проверяет рейтинг.

– Ты не получала штрафов?

– Нет. Но боюсь, что… – Я качаю головой, не в силах закончить.

– Что они накинутся на тебя, – спокойно говорит он.

– Точно. Просто есть нехорошее ощущение, и все.

– Ну и пусть. – Он выглядит сердитым. На мгновение я чувствую страх, а потом понимаю, что дело не во мне – его просто злит церковный произвол Фиоре и то, что многие прихожане его поддерживают. – Мы просто уйдем.

– Нет, Сэм. – Вода закипает. Я проверяю часы, затем включаю тостер. Вареные яйца и поджаренный хлеб – вот как далеко продвинулись мои кулинарные способности. – Если ты это сделаешь, на тебе тоже нарисуют мишень. А если мы *оба* станем мишенями…

– Мне все равно. – Он встречает мой взгляд ровно и уже без той робости, что была его проклятием весь последний месяц. – Я принял решение. Не собираюсь стоять в сторонке и запудривать нас по человеку зараз. И за мной, и за тобой куча промахов, но ты рискуешь здесь гораздо больше. Я был несправедлив к тебе, и я, я… – Он запнулся на мгновение. – Я хотел бы, чтобы все сложилось иначе. – Он снова упирается взглядом в свою миску и бормочет что-то, но я не могу разобрать, что именно.

– Сэм? – Я сажусь рядом с ним. – Сэм, ты не можешь один воевать против всей этой *реальности*.

Он выглядит ужасно несчастным, и я не понимаю, в чем дело.

– Я знаю. – Сэм смотрит на меня. – Но чувствую себя таким беспомощным!

Я встаю и подхожу к конфорке, убавляю огонь. Яйца бьются о дно кастрюли. Тостер тикает.

– Нам следовало трижды подумать, прежде чем соглашаться на заключение в этой тюрьме, – говорю я. Хочется кричать. С моим сверхтяжелым стиранием памяти, которое, как я догадываюсь, превысило все ожидания моего прежнего «я» – того, кто написал мне письмо, а потом забыл о нем, – я наполовину удивлена, что вообще оказалась здесь. Если бы я знала, что Кей замешкается и отступится, я бы, конечно, предпочла – то есть я бы *предпочел*, ведь тогда я была мужчиной, – остаться с ней и хорошей жизнью в мире, где на тебя не давят. И плевать, следовали бы за мной убийцы или нет.

– Тюрьма? – Сэм горько усмехается. – Да, очень верно подмечено. Хотелось бы мне, чтобы существовал способ отсюда сбежать.

– Спроси епископа. Может, он отпустит тебя пораньше за плохое поведение. – Я беру тост, намазываю его маслом, затем достаю оба яйца из воды и кладу на тарелку. – Хотелось бы…

– Ладно, раз уж мы сегодня идем в церковь, как насчет добраться туда пешком? – предлагает Сэм без уверенности в голосе, пока я заканчиваю завтрак. – Путь – километра два.

Звучит длинновато, но…

– Мне тоже кажется, что это хорошая идея, – говорю я, прежде чем он успевает откреститься от затеи. – Надену кроссовки, а не туфли.

– Хорошо. Жду тебя здесь через десять минут. – По пути из кухни он задевает меня, и я вздрагиваю, но он, кажется, этого не замечает. Что-то происходит в голове Сэма, и то, что он не может открыться полностью, его расстраивает.

Два километра – хорошая утренняя прогулка. К тому же Сэм позволяет мне держать его за руку, пока мы гуляем по тихим аллеям под деревьями, внезапно покрывшимися буйной зеленью. Нам приходится миновать три тоннеля, чтобы попасть в район церкви. Тут нет черт видимости более полукилометра – возможно, из-за того, что в противном случае стало бы очевидно, что все местные ландшафты вырезаны из внутренних поверхностей конических сечений, а не приклеены к внешней стороне сферы под действием естественной гравитации. По пути нам не попалось ни одной живой души. Большинство людей добираются к церкви на такси, а выходить из домов на своих двоих никого не тянет.

Начало церковной службы раздражает меня – но, вероятно, не всех остальных. После того как паства исполняет «Сперва захватим мы Манхэттен» [10], Фиоре пускается в крайне пространные рассуждения о природе послушания, преступности, нашем месте в обществе и наших обязанностях друг перед другом.

– Разве не истинно то, что мы были помещены сюда, чтобы пользоваться благами цивилизации и вырастить великое общество для улучшения благ наших детей и достижения морально чистого государства? – громогласно заявляет он с кафедры, устремив неподвижный взгляд в бесконечность, скрывающуюся за задней стеной. – И для этого, не правда ли, наш общественный строй, как земное предвоплощение платоновского идеального общества, должен быть защищен? Позволю себе процитировать Вратислава [11]: «Пускай вокруг сугробы намело, но не поблекнет свежесть пышных роз, им не страшны метели и мороз, в оранжерее толстое стекло…»

«Что он несет? – задаюсь я с тревогой простым естественным вопросом. – И куда его снесет дальше?» В ряду позади меня шушукаются: не только меня мучает совесть.

– В таком случае можем ли мы принять в наше общество того, кто нарушает его основополагающие правила? Должны ли мы избегать критики этих грехов из соображений заботы о чувствах грешника? – требовательно интересуется он. – Или ради чувств

тех, кто, сам того не подозревая, живет бок о бок с олицетворением закоренелого порока?

На меня накатывает ужас. Желудок болезненно сжимается. Кажется, вот оно. Все-таки не пронесло. Плохой библиотечной книжкой тут дело явно не обошлось – у меня дикое предчувствие, что Фиоре догадался о мыльном слепке, гипсе и готовящемся дубликате его ключа в святая святых.

– Нет! – возопил Фиоре из-за кафедры. – Так не должно быть! – Он стучит кулаком по дереву. – Но мне очень жаль говорить, что это так: Эстер и Фил не только обрекают свои души на проклятие, имея отвратительные интимные контакты за спиной своих несчастных невежественных супругов, но и разрушают саму ткань общества!

Что?..

Его цель – не я! Облегчение длится недолго. Из паствы раздается громкий гневный ропот – со стороны третьей когорты, чьих участников обвиняет Фиоре. Все прочие оглядываются, я – за компанию (не повторять действия большинства сейчас наверняка опасно). В паре рядов за мной элегантно одетые прихожане поворачиваются лицом друг к другу. Испуганная женщина и смущенный мужчина-брюнет тревожно оглядываются по сторонам, не встречаясь ни с кем глазами. Фиоре продолжает свою речь, пока они ищут выход. Что-то мне подсказывает, что уже слишком поздно.

– Прежде всего, я хотел бы поблагодарить Джен за то, что она обратила внимание на этот вопиющий случай, – холодно говорит Фиоре.

Жужжащий звук в моем модеме регистрирует прибавку социального рейтинга – я столько за целый месяц не получила. Они мне перепали лишь за пребывание в одной когорте с этой стукачкой. Она сорвала большой куш с обвинением в супружеской измене.

– И я спрашиваю вас, как мы поступим с пороком в нашей среде? – Фиоре глядит на аудиторию со своего постамента. – Что нужно сделать, чтобы очистить наше общество?

Чувство ужаса вернулось с новой силой. Все будет гораздо хуже, чем я предполагала. Обычно Фиоре выделяет горстку людей для насмешек, травли – чтобы в них все тыкали пальцами и презирали. Небольшое унижение за, скажем, кражу библиотечной книги – не что-то из ряда вон. Но тут дело пахнет жареным: двое пойманы на подрыве социальных основ эксперимента. Фиоре не на шутку распален, атмосфера становится очень неприятной. С задних скамеек поднимается рев, бессвязно-гневный и дикий, и я хватаю за руку Сэма. Проверяю еще раз модем – и обомлеваю.

Все очки, прилетевшие на наш счет, забраны у третьей когорты!

– Нам лучше пойти, пока здесь что-нибудь не случилось, – бормочу я Сэму на ухо. Он кивает и крепко сжимает мою руку.

Люди встают со своих мест и дико орут. Я как можно быстрее протискиваюсь на край рядов со скамейками, при необходимости используя локти. Мимоходом мне на глаза попадается Майк – он тоже кричит; сухожилия на его шее натянуты как веревки. Касс не видать. Я иду дальше. Грядет шторм, так что сейчас не время и не место задавать вопросы.

Позади меня Фиоре что-то кричит о естественных правах, но его почти неслышно в толпе. Дверь открыта, на парковку вываливаются толпы людей. У меня перехватывает дыхание от боли, когда кто-то наступает мне на левую ногу, но я остаюсь в вертикальном положении и чувствую, а не вижу, как Сэм следует за мной. Я проталкиваюсь сквозь затор в дверях – и продолжаю идти, избегая небольших групп и потасовки. Он меня догоняет.

– Пойдем отсюда, – говорю я, хватая его за руку.

Со всех сторон вдруг набегают люди, чуть ли не берут нас в кольцо. Прямо ко мне выскакивает Джен – ну, конечно, кто же еще!

– Рив! – восклицает она.

Я не могу ее игнорировать, если хочу избежать подозрений.

– Чего тебе? – спрашиваю у нее.

– Подсоби нам. – Она широко улыбается, ее глаза сверкают от возбуждения, когда она разводит руками. На ней маленький черный шелковый куль, призванный подчеркнуть ее вторичные половые признаки. Грудь вздымается, будто она вот-вот испытает оргазм. – Погнали! – Она жестом указывает на темную массу у входа в церковь. – Не пропусти веселье!

– Чего? – спрашиваю я, глядя мимо нее. Ее муж,

Крис, как ни странно, отсутствует. Вместо этого появилась своя когорта, последователи, поклонники или что-то в этом роде: Грейс из двенадцатой когорты, Мина из девятой, Тина из седьмой. Все они из более новых когорт, чем наша – и все прямо-таки заглядывают в рот Джен. Смотрят как на лидера.

– Выполоть грех из общества! – говорит она почти игриво. – Пойдем! Только если мы объединимся, сможем держать всех в узде и заработать гораздо больше очков. Надо только заявить о себе во всеуслышание сейчас! Пошлем девиантам и извращенцам сигнал. – Она смотрит на меня с энтузиазмом. – Правда?

– Ну да, – бормочу я, отступая назад, пока не натыкаюсь на Сэма, который подошел ко мне сзади. – Ты, значит, собираешься преподать им урок, да?

Чувствую, как рука Сэма сжимается на моем плече,

предупреждая не заходить слишком далеко, но Джен не в том состоянии, чтобы улавливать такие нюансы, как сарказм в голосе.

– Точно! – выпаливает она восторженно. – Будет очень весело. Сейчас позову Криса и Майка…

Где-то позади нас раздается высокий вибрирующий крик.

– Извини, – бормочу я, – что-то чувствую себя неважно.

Сэм толкает меня вперед, и я спотыкаясь прохожу мимо Джен, все еще рассыпаясь в оправданиях, но ситуация не критическая. У Джен нет возможности тратить время на лопухов вроде нас с Сэмом – она спешит к толчее в дверях церкви, выкрикивая на бегу что-то про общественные ценности.

Мы доходим до края парковки, прежде чем я снова спотыкаюсь и хватаю за руку своего спутника.

– Мы должны их остановить, – говорю я скорее себе, чем ему. Интересно, чем эта жаба Фиоре думал, передавая столько очков от одной когорты другой – всерьез, что ли, полагал, что не развяжет этим кармодрочерам руки? Исход ведь очевиден! Вся третья когорта намерена выбить дерьмо из Фила и Эстер – и Джен выставляет это как некую «социальную чистку», чтобы набить себе цену. Какая же омерзительная реальность здесь формируется! Не хочу иметь с этим дерьмом ничего общего!

– Затея глупая. – Он качает головой, но замедляет шаг.

– Ну уж нет! – настаиваю я, полоща слюной пересохшее горло. – Они собираются линчевать Фила и Эстер, и…

– Они уже их линчуют. – В его голосе прорезается уродливая дрожащая нота.

Я упираюсь пятками и останавливаюсь. Сэм тоже, по чистой необходимости – если бы не застопорился, опрокинул бы меня наземь. Он тяжело дышит.

– Нужно что-то сделать.

– Например? Их там по меньшей мере двадцать человек – вся третья когорта и идиоты, которые вообразили, что выкажут лояльность, если примкнут к движухе. У нас нет шансов. – Он бросает взгляд через плечо и, кажется, вздрагивает, затем внезапно притягивает меня ближе и ускоряется. – Не останавливайся, не оглядывайся, – шипит он. Конечно, я замираю и оборачиваюсь, желая увидеть, что делается позади нас.

Охренеть и назад не выхренеть.

Меня шатает. Сэм подхватывает меня под руку, когда я вижу, что происходит. Криков больше нет, но это не значит, что ничего не происходит. Крики продолжаются, но уже внутри моего собственного черепа.

– Они *спланировали* это, – слышу я собственные слова, будто доносящиеся из дальнего конца очень темного тоннеля. –

Подготовились. Это не спонтанная акция.

– Да. – Сэм кивает, его лицо бледное-пребледное. Другого объяснения нет, каким бы это ни казалось безумием. – Ритуальное человеческое жертвоприношение, похоже, было одним из основных элементов культурной связи в дотехнологических обществах, – бормочет он. – Интересно, давно ли Фиоре задумал ввести такую практику?

Они накинули две веревки на ветки тополя рядом с церковью, и теперь две группы людей поднимали конвульсивно дергающиеся тела в зеленую листву. Я моргаю. Хорошо, что у меня слезятся глаза, и я не вижу абсолютно все, что сейчас вытворяет гравитация.

– Мне неважно, давно или недавно. Будь у меня пистолет, я бы пристрелила Джен прямо сейчас! Правда, пристрелила бы! – Я вдруг понимаю, что теряю сознание не от страха или ужаса, а от злости. – Эту суку *надо* убить.

– Не сработает, – говорит Сэм почти рассеянно. – Приумножение насилия приведет к нормализации убийств, и только. Конец оно им не положит. У них сейчас *вечеринка*, и все, что ты можешь сделать, – организовать им добавочное веселье.

– Может, и так, но я бы точно почувствовала себя лучше! – Джен лучше бы поставить решетки на окна и спать сегодня с бейсбольной битой под подушкой, иначе у нее будут проблемы. И она этого заслуживает, лизоблюдина.

– Я тебя понимаю.

– Сэм, так мы можем что-то сделать?

– Для жертв? – Он пожимает плечами. Крики и вопли стихли, зато глухой хор голосов паствы зловеще затянул какой-то гимн. – Нет.

Я содрогаюсь.

– Тогда пойдем домой. Прямо сейчас.

– Хорошо, – говорит он. И мы идем. Звуки гимна летят нам в спину, подгоняя. Мне кажется, если обернусь – сломаюсь. Ничего не могу поделать – чувствую себя невольной соучастницей, и это чувство мерзкое. Ну, Фиоре, погоди – рано или поздно я сделаю с тобой что-нибудь нехорошее. Хотя, конечно, пока нужно держаться тише воды ниже травы – сдается мне, он устроил этот маленький спектакль, чтобы преподать нам урок о том, как тоталитарная секта улаживает неудобные вопросы. После него все шпионы и стукачи будут держать ухо востро, во всех видя потенциальных грешников и отступников.

В километре от дороги и десяти минутах езды от жуткой раздаваловки я дергаю Сэма за руку, прося притормозить.

– Дай перевести дух, – молю я. – Бежать больше не нужно.

– Вообще, я от тебя убегал. – По виду Сэма не понять, шутит он или говорит на полном серьезе. – Думал, ты злишься на меня.

– Нет, ты что. – Я продолжаю идти, но уже гораздо медленнее.

Он берет меня за руку.

– Мы не участвовали в этом, Рив.

Я киваю молча – слов тут не нужно.

– Три четверти людей там испытывали такой же ужас, как и мы. Но мы не смогли остановить это, как только пошла реальная жара. – Он качает головой.

Я делаю глубокий вдох.

– Я злюсь на себя за то, что не успела выступить, пока было время. С толпой можно справиться, если знать, что делать. Но когда люди начинают двигаться такими группами, их очень трудно сдержать. Фиоре не нужно было провоцировать. Но он сделал это – будто подлил масла во фритюр. – И с маслом, и с фритюром я свела знакомство совсем недавно. – А после того, как баллы от третьей когорты утекли к нам… он не смог бы остановить это, даже если бы захотел.

– Говоришь так, будто думаешь, что вопрос выбора стоял на кону.

Я смотрю на Сэма боковым зрением – он редко выражается столь туманно.

– Ты всерьез думаешь, что могла бы остановить произвол? – продолжает он. – Казус, произошедший в церкви, плотно *зашит* в канву этого общества, Рив. Оно настроено так, что люди убивают ради абстракций за милую душу. Ты сама видела Джен. Неужели думаешь, что сумела бы осадить ее, вразумить – когда ее спустили с поводка?

– Такую не осаживать надо, а засаживать нож прямехонько под ребра. – На несколько секунд повисает саднящая тишина. – Да, скорее всего, я не справилась бы с ними. Ты прав. Думаешь, мне от этого легче?

Мы медленно идем по дороге, пропекаясь полуденным теплом искусственного поздневесеннего солнца в наших воскресных нарядах. Беспозвоночные скрипят в длинной желтеющей траве, а лиственные деревья шелестят на ветерке. В разогретом воздухе пахнет шалфеем и магнолией. Впереди дорога ныряет в просеку, ведущую в еще один тоннель со встроенными Т-воротами, скрывающими истинную геометрию вывернутого наизнанку мира. Сэм достает карманный фонарик и пристегивает его ремешком к запястью.

– Я видела такие линчевания раньше, – говорю я. *Если бы я могла забыть.* – У них особенная динамика. – Я чувствую себя

слабой и дрожащей, когда думаю об этом. О выражении лица Фила – я почти не знала его – и о слепой кровожадности толпы. О злобном восторге Джен. – Как только действо переходит некую грань, все, что ты можешь сделать, – быстро убежать и удостовериться, что не имеешь никакого отношения к тому, что произойдет дальше. Если бы все так делали, не было бы никакого беззакония.

– Отчасти да. – Мы вступаем в полумрак тоннеля, и голос Сэма начинает звучать приглушенно. Он включает фонарик – конус света безумно колеблется перед нами, когда проход забирает влево.

– Даже герой, сражающийся на мечах, не сможет самостоятельно отвлечь такую толпу, как только она начнет действовать, – говорю я ему. – Без боевых доспехов и тяжелого оружия – нечего ловить, потому что они будут прибывать и прибывать. Те, кто позади, не видят, что происходит впереди, а дурак, который встанет на пути толпы без поддержки, очень быстро окажется мертвым дураком, даже если перебьет уйму народу. Так или иначе, дурак с мечом против толпы не умнее любого человека в ней, без оглядки бросающегося на меч. Шанс остановить толпу есть, пока не начался кавардак. Перво-наперво надо встать перед толпой и громко сказать: «Стоп»!

Мы идем по темному изгибу тоннеля, не видя ни одного входа. Сэм вздыхает.

– Уж я-то знаю, кому такое было по плечу, – с тоской говорит он. – Не дураку, но знающему, как справиться с подобной ситуацией человеку. Тому́, в которого я так глупо влюбился.

Он что, подразумевает… мужчину? Сэм не кажется мне приверженцем однополой любви – хотя… я ведь смотрю на него с женской перспективы, которая мне, строго говоря, навязана здесь и сейчас. Так же и с ним. У меня нет возможности узнать, кем или чем Сэм был до того, как вызвался участвовать в эксперименте.

– Мало кому такое по плечу, – мягко говорю я ему.

– Я понимаю. Но на Робина в такой ситуации я бы всецело положился.

Я внезапно останавливаюсь, будто только что налетела на стену. Волоски на затылке встают дыбом, а в животе снова вяжется узел, словно меня вот-вот стошнит.

– Что случилось? – настороженно спрашивает Сэм.

– Человек снаружи, к которому ты так хочешь попасть, – осторожно говорю я. – Его зовут Робин. Так?

– Да. – Он кивает. – Не стоило говорить, эх. Познают – накажут.

Я хватаюсь за его руку будто за спасательный круг.

– Сэм… Сэм! – Идиот. Вот же идиот! Впрочем, он или я, еще надо разобраться. – Тебе не приходило в голову спросить, может… может, я *знаю* твоего Робина?

– А смысл? Какой из этого толк?

– Ты самый большой на свете… эх. – Я не знаю, что сказать. Не знаю – и все тут. *Ошеломление* – самое мягкое слово, описывающее мои чувства. – Имя, которым ты тогда назвалась… назвался Робину, было Кей, верно?

– Откуда ты…

– *Кей*! Да или нет?

Сэм напрягается и пытается отдернуть руку.

– Да, – наконец признаёт он.

– Отлично. – Такое ощущение, что мне не хватает воздуха. – Ну, Сэм, теперь мы благополучно доберемся до дома, так? Потому что люди, которыми мы были до прибытия сюда, не имеют никакого значения для нынешних нас, верно?

В темноте невозможно разобрать выражение его лица.

– Ты, должно быть, Вхора?..

Я едва не залепляю Сэму пощечину, но вместо этого прикладываю к его губам указательный палец свободной руки.

– Сначала – домой. Поговорим потом. – Про себя я все еще поражаюсь собственной глупости и слепоте. *Итак, я ввязалась в это дело* (и, кажется, только что вывихнула себе мозг). *И что теперь?*

Сэм вздыхает.

– Ладно…

Сэм все еще не зовет меня по имени.

Но он поворачивается и светит фонариком перед собой.

Вот тогда-то я вижу контур двери на противоположной стене.

* * *

Забавно, но чем дольше ты путешествуешь, тем меньше по итогу видишь. Проходя через Т-ворота, мы не наблюдаем между их узлами переходных точек. В этом нет ничего удивительного: ворота, по сути, червоточина в структуре пространства, и в самом реальном смысле промежуточных точек нет. И в автомобиле все не так уж сильно отличается. Садишься в салон, говоришь неписи, куда тебя отвезти, и он нажимает на газ. Не то чтобы под капотом было реальное древнее устройство, которое искрой взрывает жидкость, дистиллированную из древней окаменевшей биомассы, – нет, конечно, там стоит обычный шлюз-генератор и шумелка, производящая звуковые эффекты. Но ощущения от

взаимодействия с окружением те же.

Между тем за пределами автомобилей, коридоров, ворот и игр разума, которые мы отрицаем (хоть и продолжаем играть друг с другом), существует настоящая вселенная. Иногда она бьет прямо по лицу.

Как сейчас. Я все это время отвлеченно понимала, что мы живем в серии примерно прямоугольных участков местности, расположенных на изогнутой внутренней поверхности нескольких жилых гроссцилиндров, вращающихся для обеспечения центростремительного ускорения (заменителя гравитации) на орбите вокруг неких коричневых карликовых звезд. Небо – экран, ветер – кондиционер, дорожные тоннели – необходимая часть иллюзии, а если прогуляться по заросшему заднему двору, то можно найти крутой холм или утес, на который не подняться, потому что пространства ему прописали лишь на пяток метров вверх. Я не задумывалась о том, как все это сшито вместе, – лишь предполагала, что в каждом дорожном тоннеле есть Т-ворота. *Но что, если есть другой выход?*

Я сжимаю руку Сэма.

– Стой! Поверни фонарик назад. Да, вот так, прямо сюда.

– Что это? – спрашивает он удивленно.

– Давай посмотрим. – Я тяну его за собой. – Пойдем, мне нужен свет.

Стены тоннеля сделаны из плавно изогнутых бетонных плит, плотно состыкованных и образующих полую трубу диаметром около восьми метров. Дорога представляет собой плоский лист асфальта, края которого встречаются со стенками трубы чуть ниже ее середины. Если хорошенько подумать – что находится под дорожным настилом, какой-то наполнитель? Но, опять же, там может скрываться что угодно. Что я заметила, так это прямоугольный желоб в противоположной стене, на который сейчас светил Сэм. Вблизи я вижу, что он около метра в ширину и два в высоту, и сам из себя – обычная металлическая панель, утопленная в одну из стен тоннеля. Нет никаких признаков ручки или замка, лишь дыра диаметром в несколько миллиметров, просверленная на половине высоты панели, у одного из краев.

– Дай мне фонарик.

– Держи. – Он передает его без препирательств. Я подхожу к стене как можно ближе и свечу в щель между бетоном и металлом. Ничего, ни малейших признаков петель или чего-то еще. Присев, направляю луч в отверстие. Тоже ничего.

– Хм…

– Что такое? – спрашивает Сэм с тревогой.

– Это дверь. Большего сказать не могу. – Я выпрямилась. –

И сейчас мы ничего не можем с ней поделать. Идем домой, помозгуем.

– Но дома мы не сможем о ней разговаривать! – В тусклом свете фонарика его глаза кажутся белыми-белыми. – Все ведь подслушают!

– Не такие они и всемогущие, – успокаиваю я его. – Давай, пошли домой. Сегодня я хочу, чтобы ты подстриг газон.

– Но я…

– Газонокосилка в гараже, – непримиримо продолжаю я. – И не она одна.

– Но…

– Если у дома нас не повяжут, за тоннелями не следят, Сэм. Проверял свой модем? Ни одного очка рейтинга не списали. Значит, у них есть проблемы в покрытии всего и вся средствами наблюдения. Мне кажется, я знаю, где еще они за нами не шпионят, и ты должен знать, что мы – не единственные, кто хочет отсюда выбраться.

Я чувствую себя в безопасности, говоря ему об этом, хотя, если они прямо сейчас вынесут мне мозг и скормят Королю в Желтом, это уничтожит нас троих: меня, Сэма и Яну. Кей, возможно, сейчас отрицает, но она – нет, *ты должна продолжать думать о нем как о Сэме*, говорю я себе – не собирается, я думаю, продавать меня плохим парням. Я уверена, что теперь могу читать Сэма достаточно хорошо, чтобы понять, что его беспокоит. Забавно: я была влюблена в Кей, но не могла понять, доверяю ли я ей. Теперь я доверяю Сэму, но сомневаюсь, что когда-нибудь буду с ним трахаться. Жизнь – странная штука, не так ли?

– Ты ведь хочешь отсюда сбежать, не так ли? – уточняю я.

– Да. – Голос Сэма дрожит.

– Тогда придется верить мне на слово – четкого плана побега у меня пока нет. – Я сжимаю его руку. – Но работа над ним ведется.

Вместе мы идем к свету.

* * *

Днем Сэм переодевается в джинсы и футболку и стрижет газон. Я работаю в гараже в комбинезоне и защитных очках – сделала форму из гипсовых плашечек и заливаю в нее припой, отливая твердую копию ключа от тайной комнаты Фиоре. Пусть свинцовый ключ не провернется толком в замке – он подойдет в качестве матрицы для гравировального диска и небольшого бруска латуни, который я жду.

Чтобы запутать всех, кто наблюдает, я раздобыла кое-какой реквизит – деревянную доску на стене, купленную в рыболовном магазине, и табличку для гравировки с каким-то бессмысленным афоризмом. Когда я рассказала Сэму о своей задумке, он одобрительно кивнул.

– Это для женского клуба вышивки, – сказала я, беря фразочку с потолка. Такого клуба нет в помине, но *звучит* убедительно. Это все – отыгрыш для любого потенциального наблюдателя, сканирующего нас на предмет аномальных поведенческих паттернов.

Да, мы живем в оранжерее, под лампами искусственного освещения и датчиками разных калибров, но вряд ли за всем, что мы делаем, наблюдают живые люди в режиме реального времени. Нас всяко больше, чем экспериментаторов, которые в первую очередь заинтересованы в нашем освоении социума – по крайней мере, такое у них официальное прикрытие. Чтобы эффективно отслеживать разумный организм, потребуется соглядатай, обладающий, по крайней мере, теорией разума, не уступающий наблюдаемому объекту. Нас, испытуемых, на пару порядков больше, чем экспериментаторов, и я не видела признаков участия в этой операции сверхчеловеческих метаинтеллектов. Так что, думаю, шансы на моей стороне. Если мы противостоим даже слабому богоподобному ИИ, можно тушить свет. Но если нет… Любую задачу можно делегировать самообучающейся машине. Однако так вы рискуете, что она что-нибудь да упустит. *Sic transit gloria panopticon* [12], как говорится.

Церковные службы почти наверняка контролируют всеми мыслимыми способами. Но после церкви Фиоре и его друзья будут слишком заняты повторным просмотром линчевания со всех ракурсов и попытками понять социальную динамику темных веков. Они не будут пристально следить за тем, чем я занимаюсь в гараже, – разве что пробегут скучающим взглядом мою рутину, чтобы убедиться, что я не кувыркаюсь с мужем соседки и не бьюсь в истерике, забившись в угол. Поскольку они привыкли, что для добычи любых физических артефактов нужны А-врата, вероятно, видят мое занятие как хобби темных веков и считают меня малость бестолковой, но в основном самой обычной женской особью в духе времени. На прошлой неделе я даже набрала пару очков за свое ткачество. Я кропотливо плела вручную подкладку для своей сумки (по факту – клетки Фарадея) прямо у них под носом, а они отнеслись к этому как к традиционному ремеслу! В их системах наблюдения есть пробелы, а в их понимании – еще большие лакуны, и они-то станут причиной их гибели.

Сосредоточиться на изготовлении ключа и думать о том, как

сильно я начинаю их ненавидеть, для меня – хороший способ избежать осознания, что произошло сегодня утром на церковном дворе. А еще – не менее хороший способ отвлечься от мысленной стены, в которую я уперлась, двери в тоннеле и некоторых других проблемных моментов, возникших с тех пор, как я встала с постели и подумала, что это наступило еще одно скучное воскресенье.

Спустя некоторое время, примерно четыре минуты бесконечного напряжения – хотя обманчивые часы утверждают, что это заняло четыре часа, – я выхожу из гаража. Жаркое утреннее солнце превратилось в розоватое послеобеденное, под бирюзовым небом трещат насекомые. Кажется, я скучала по идиллическому летнему дню. Чувствую себя неуверенно, усталой и очень голодной. А еще – пропотевшей с головы до ног и, возможно, вонючей. Сэма не видать, так что я захожу в дом, иду в ванную, скидываю одежду и включаю душ, чтобы освежиться потоком воды.

Выйдя из душа, я роюсь в своем гардеробе, пока не нахожу сарафан, затем спускаюсь вниз со смутной мыслью, что нужно перекусить. Может, что-нибудь разогреть в печке, а потом съесть на террасе, наблюдая заход иллюзорного солнца? Планы рушатся, когда я сталкиваюсь с Сэмом, входящим через парадную дверь. Он выглядит донельзя изможденным.

– Дорогой, где ты был? – спрашиваю я. – Я хотела приготовить нам поесть.

– Я был с Мартином, Грегом и Альфом на церковном дворе. – Только теперь, взглянув повнимательнее, я замечаю, что его рубашка вся вымокла, а под ногтями грязь. – Мы их хоронили.

– Хоро… – Я не сразу понимаю, о чем он говорит, а потом все встает на свои места и голова – или мир вокруг нас – идет кругом. – Ты бы хоть сказал мне!

– Ты была занята. – Сэм пренебрежительно поводит плечами.

Я смотрю на него с беспокойством.

– Ты выглядишь усталым. Почему бы тебе не сходить в душ? Я приготовлю поесть.

– Нет, спасибо, я не голоден. – Сэм качает головой.

– Еще какой голодный! – Хватаю его за правую руку и волоку в сторону кухни. – Ты не обедал, разве что перекусил тайком, пока я не видела, а час-то поздний! – Делаю глубокий вдох. – Там… все было очень плохо, да?

– Это было… – Он останавливается и делает глубокий вдох. – Это было… – Он снова останавливается. И затем ударяется в слезы.

Я ни капли не сомневаюсь, что Сэму и прежде доводилось

сталкиваться со смертью вблизи. Его возраст – минимум три гигасекунды, он прошел через операцию по редакции памяти и испытал психопатическую диссоциацию, которая сопутствует этому; тусовался с дуэлянтами-дураками вроде меня в моей послеоперационной фазе и жил в обществе дотехнологических инопланетян, для которых насильственная смерть и болезни – обычная доля невкусного банкета жизни. Но есть огромная разница между последствиями полуформальной дуэли между взрослыми людьми по обоюдному согласию, с резервными А-вратами, делающими воскрешение незначительной головной болью, и уборкой после случайного акта бессмысленной жестокости на церковном дворе.

В любом случае, не говоря о резервных копиях, никакого второго шанса и того факта, что вы приходите домой, почесывая затылок и гадая, куда утекли последние две килосекунды вашей жизни, не будет. И под такую раздачу мог попасть любой. Потому что, если разобраться, единственное, что понятно наверняка – назови Фиоре какие-нибудь два других имени… скажем, Рив и Сэм… именно Рив и Сэм болтались бы в петлях, накинутых на деревца в церковном дворике. Но судьба распорядилась иначе. Просто так вышло.

Думаю, после всего, что он там увидел… до Сэма начало доходить.

– Грег позвонил, когда ты была в сарае, – говорит он, немного взяв себя в руки и тяжко опустившись на скамейку на веранде. – Спросил, не помогу ли я прибраться. А так как утром я сказал, что нельзя позволять им делать что-то плохое… Тогда я подумал, что, раз ничего не мог сделать тогда, вероятно, мне сто́ит сделать что-нибудь хорошее… сейчас. – Он откидывается на спинку скамейки, закрывает лицо руками и еще с минуту давится рыданиями. И вновь, оправившись, говорит мягко и ровно, с задумчивостью в голосе, будто пытаясь себе что-то объяснить: – Я взял такси до церкви. Грег сказал, что нужно достать лопату – ну, я разжился. Приехал туда, там были Мартин и Альф, еще Лиз, бывшая жена Фила. Мэл в больнице. Он пытался остановить их, его ранили. Накинулись толпой. Здесь немало порядочных людей… но они в основном слишком напуганы, чтобы даже помочь похоронить тела или утешить вдову.

Вдова – еще один термин нашей маленькой тюрьмы, вдогонку к «беременности» и «линчеванию». И «смертности», само собой. Такое же пугающее и нежелательное.

– Грег взял лестницу в церковном зале, и Мартин поднялся, чтобы срезать тела. Лиз была очень спокойна, когда мы спускали Фила, но не выдержала, когда спускали Эстер. К счастью,

появилась Зара с бутылкой виски и заняла ее. Потом Грег, Мартин, Альф и я начали копать. Хотели прямо там, во дворе, но Альф сказал, что Фиоре поручил снести их на кладбище. Пришлось идти туда. Думаю, у нас получилось сносно. Закопали достаточно глубоко. Никто из нас никогда раньше такого не делал.

Сэм долго молчит. Откидывает волосы с лица.

– Двадцать циклов, – произносит он через некоторое время.

– Семь месяцев?

– Да. Без резервных копий, – подтверждает он.

Потерять так много времени жизни – пугающая перспектива. Но больше пугает факт, что последние резервные копии Эстер и Фила заперты в брандмауэре ассемблера, изолирующего симуляцию Юрдона—Фиоре—Хант от внешнего мира, – хотя я не уверена, что он заражен Королем в Желтом, у меня есть такие подозрения. Король копирует себя через А-врата при посредничестве модемов зараженных жертв, так? Подозрительно ужатый функционал наших модемов в симуляции беспокоит меня. Возможно, в других местах нет старых копий Фила или Эстер. Если все так и если мы не сможем вылечить зараженные узлы, их личности будут утрачены навсегда.

Сэм долго молчит. Мы сидим на скамейке, пока свет алеет и тускнеет. Через некоторое время я просто кладу руку ему на плечо и смотрю на деревья в дальнем конце сада. Затем он без всякого предупреждения выдает:

– Мне было известно, кто ты, почти с самого начала.

Я снова глажу его по щеке, но ничего не говорю.

– Стало понятно через неделю. Ты часто упоминала подругу из внешнего мира – ту, которая тоже угодила сюда. Думала, это Касс.

Я глажу его не останавливаясь – тем утешаюсь и сама.

– Сначала я был в шоке. Раньше ты – ну, Робин – казался мне таким динамичным, уверенным и собранным… Это я… расклеилась, когда из меня сделали Сэма. Огромная неуклюжая туша мужского пола. Но когда Сэм… когда я увидел тебя, мне стало страшно. Сначала я думал, что ошибаюсь, – но нет. Вот почему я промолчал. На второй день я чуть не покончил с собой, а ты ничего не заметила.

Вот холера. Только и остается, что хлопать глазами.

– Я плохо справлялась со своими проблемами, – оправдываюсь я.

– Да, теперь я это понимаю. – Голос у Сэма тихий, почти безжизненный. – Но какое-то время я не мог тебя простить. Потому что, знаешь, я был здесь раньше. То есть не здесь

конкретно, а в месте с подобными вводными.

– У ледяных упырей? – спрашиваю я прежде, чем прикусить язык.

– Да. – Он замирает, потом встает. – Целая планета разумных существ, не попавших на праздник Техноускорения, – существ, которые, вероятно, не выживут без посторонней помощи. Чтобы разработать технологии с нуля, им потребуется уйма времени. И они уже почти исчерпали легкодоступное ископаемое топливо. – Сэм снова садится на скамью, но на этот раз достаточно далеко, чтобы я не дотянулась до него. – Их удел – длиться через потомство, умирать от старости… иногда вести войны, иногда умирать с голоду или гибнуть в катастрофах и эпидемиях.

– И как долго ты там пробыл? – спрашиваю я.

– Две гигасекунды. – Сэм поворачивает голову, чтобы встретиться со мной взглядом. – Я был частью… как это правильно сказать… репродуктивной единицы. Семьи. Я *родился* ледяным упырем, прошел весь путь от юности до старости. И почти упустил из виду, что мой срок подошел. Убежал в тундру, выгрузился через модем… но едва не опоздал. Я тогда был уже неизлечимо болен и близок к тому, чтобы стереться… умереть с концами. – Сэм смотрит отстраненно. – Все известные разумные расы, в своем развитии не достигшие Техноускорения, имеют репродуктивную стратегию типа К [13]. Я пережил своих партнеров, но у меня было трое детей, которые нашли себе пары и принесли в мир огромное количество внуков… – Он вздыхает.

– Тебе не тяжело о таком рассказывать? – спрашиваю я. – Всё в порядке?

– Я не знаю. – Он смотрит на меня. – Я просто хотел, чтобы ты знала, кто я и откуда. – Его взгляд упирается в гальку под ногами. – Я – не тот, кем выгляжу сейчас. Это какая-то пародия. Чувствую себя… очень глупо.

Я поднимаюсь на ноги. Думаю, выслушала достаточно.

– Ладно, давай проясним ситуацию. Ты – бывший ксенобиолог, который слишком сблизился с теми, кого изучал, и это плохо сказалось на твоей эмоциональной стабильности. У тебя тяжелый случай телесной дисфории, и ты наверняка отметил это в анкете, но Фиоре со товарищи наплевали на это с высокой колокольни. Ты хорошо умеешь отрицать – и себя, и других, – но покончить с собой тебе духу не хватило. – Я уставилась на него. – *Это всё* или я что-то упускаю? – Я хватаю его за руки и натурально срываюсь на крик: – Это всё?!

В этот момент я осознаю сразу несколько вещей. Я *очень*, очень зла на него, хотя это далеко не все, что чувствую. Злость

такого рода – не та, какую испытываешь по отношению к незнакомцу или врагу. И хотя я тренируюсь будто сумасшедшая и нахожусь в гораздо лучшей физической форме, чем была, когда прибыла сюда, Сэм тоже не лыком шит: у него перевес в тридцать килограммов и перерост в тридцать сантиметров по сравнению со мной. Просто потому, что он – мужчина и сложён как танк. Может, злиться и кричать в лицо человеку, который гораздо больше меня и который сейчас в шоке от вновь накатившего плохого опыта, – не самое мудрое решение, но мне все равно.

– […],– бормочет он.

– Что-что? – говорю я ему. – Повтори, пожалуйста.

– […],– повторяет он так тихо, что я не могу расслышать его из-за шума крови у себя в ушах. – Вот почему я не покончил с собой.

Я качаю головой.

– Мне кажется, я плохо тебя слышу.

Сэм таращится на меня.

– Кем ты была раньше? – требовательно спрашивает он.

– Ну… давным-давно я была историком. Потом началась Война Правок, и я стала солдатом. Далее сделалась таким солдатом, которому нужна подготовка историка, затем потеряла память. – Я гляжу на него в ответ. – А теперь я чокнутая неумеха домохозяйка и библиотекарь на полставки вдобавок. Что непонятного? Но вот что я тебе скажу – в один прекрасный день я *снова* заделаюсь солдатом!

– Но это все наносное! Это не *ты*. Ты мне ничего не сказала! Откуда ты родом? Была ли у тебя когда-нибудь семья? Что с ними случилось?

Он выглядит встревоженным, и вдруг я понимаю, что он боится меня.

Боится? Меня? Я делаю шаг назад. И тут вспоминаю, как, вероятно, выглядит сейчас мое лицо, и вся моя кровь словно в один миг заменяется ледяной водой. Потому что его вопрос воскресил воспоминание – надо думать, одно из тех, которые мое прежнее «я» намеренно подвергло забвению перед операцией. Потому что знало, что оно вновь всплывет – и забывать его было больно. Но знать, что оно может быть стерто грубым вмешательством докторов-храмовников, еще больнее. Я тяжело опускаюсь на скамейку и отворачиваюсь от Сэма, потому что не хочу видеть выражение сочувствия на его лице.

– Они все погибли на войне, – безжизненным голосом произношу я. – И говорить об этом нет смысла.

* * *

По ту сторону сна очередной кошмар выныривает из омута подавленной памяти и наведывается в гости. На этот раз я твердо знаю – он реален, правдив, такое действительно происходило со мной. Я не волен отвергнуть даже малейшую деталь, и это самое ужасное.

Концовка уже написана, и о хеппи-энде речь не идет.

Во сне я – изящный мужчина ортогуманоидного типа, с длинными струящимися зелеными волосами и неким качеством, которое мои партнеры описывают как «чудесный заразительный смех». Я намного моложе – живу едва ли три гигасекунды – и счастливее. По крайней мере, поначалу. Состою в стабильных семейных отношениях с тремя другими основными партнерами, плюс имею случайные связи с пятью или шестью приятелями. Мы полностью бисексуальны – либо по природе своей, либо благодаря модификации нашей лимбической системы, заимствованной у шимпанзе бонобо. В моей семье – двое детей, и я планирую завести еще парочку через половину гигасекунды или около того. Мне повезло и с призванием: я исследую историю теории разума – аспект культурной идеологии, обретший важность только после Техноускорения. Да, он то входит в моду, то вновь выходит из нее, но, по мне, – это критически важная дисциплина. Благодаря ей мы знаем, например, что в прошлом XXIII веке большая часть человечества почти на гигасекунду была превращена в полусознательные автоматоны, действующие под эгидой некоего Высшего Разума. Я с большим интересом изучаю, как все произошло и как распалась эта когнитивная диктатура. Ход исследований требует множества экскурсий в старые храмы памяти.

Один из таких исследовательских визитов – причина, по которой я не нахожусь дома с семьей, когда Король в Желтом появляется из ниоткуда и стирает большие куски истории, забирая с собой целую межзвездную цивилизацию и (словно одной беды было мало) всех моих родных.

Я посещаю Мобильный Осмотический Нанокомпьютерный Архиватор – во плоти, в полной физической ИРЛ-форме, – когда Король в Желтом наносит первый удар. МОНАрх – громоздкий звездолет, передвижной цилиндрический жилой модуль, подпитываемый плазмой, подаваемой из недр далекого сверхгиганта A0 через Т-ворота. Он передвигается на низких релятивистских скоростях между звездными системами коричневых карликов, которые в этой части галактики размещены на расстоянии менее парсека друг от друга. Во время перерывов в несколько гигасекунд между личными встречами экипаж защищает себя статическими резервными копиями, которые

ассемблеры корабля воплощают всякий раз, когда находится интересный повод. Корабль в значительной степени самодостаточен и самоподдерживается (за исключением плазмоприемника и плотно огороженных коридором брандмауэров Т-ворот, ведущих в помещения исследовательского института, который и построил корабль несколько гигасекунд назад). Все внутренние системы МОНАрха полностью независимы от каких бы то ни было сетей – он рассчитан на миссию, длящуюся вплоть до терасекунды, и с самого начала предусмотрен вариант, что цивилизация хотя бы раз придет в упадок за корабельный срок эксплуатации. Вот почему я прибыл сюда лично – взять интервью у Векена, капитана корабля, жившего вскоре после упадка когнитивной диктатуры и, возможно, помнящего некоторые ее пережитки.

Вот что любопытно: я не помню лиц тех, кто был мне дорог. Помню, что Лауро, Ямб-18 и Нойал были не просто важны для меня как любовники, но и реально определяли мое существование. Большая часть моего чувства идентичности строилась вокруг ключевой идеи о том, что я не одинок, я – часть группы. Мы коллективно скорректировали нашу нейроэндокринологию, так, что даже простое нахождение рядом давало нам легкий прилив эндорфинов – то, что раньше было случайным процессом, называемым «влюбленностью», – и сосредоточились на взаимодополняющих интересах, призваниях и умениях. Это была не столько семья, сколько борганизм – полноценный и блаженный. До вступления в него я, видимо, был грустным одиночкой, но я мало помню о том периоде – настолько он выцвел и побледнел по сравнению с обретенным в единении счастьем.

Но я не могу вспомнить их лица, и даже сейчас – спустя целую жизнь после того, как горе утихло, – это беспокоит меня.

Нойал был ловким и юрким как обезьяна, ловил лукаво-саркастический кайф от того, что своей звериной прытью заводил меня. Лауро имел безупречные манеры, но он скидывал их точно одежды, когда занимался с нами любовью. Ямб-18 был одним из тех радикальных ксеноморфов, которые могли проявляться в нескольких телах разом, если того требовала фантазия. А наши дети…

Все мертвы – и это в том числе моя вина.

Король в Желтом в силу своей природы тайно переходит между А-воротами, образуя пиринговую сеть, перечисление стеганографически закодированных команд с людьми в качестве пакетов данных. Если ему не повезло поразить вас, он установит свое ядро в ваш модем, и когда вы подойдете к А-воротам, чтобы

сделать резервную копию или куда-либо переместиться – а запрос на это, само собой, тоже модемный, – то именно Король первым попадал в воротный буфер памяти.

Считается, что управляющие узлы А-ворот спроектированы так, что не могут выполнять команды, поступившие в виде кода, но тот, кто породил Короля в Желтом, явно выискал определенные лазейки в их архитектуре. Люди, разобранные и собранные при помощи А-ворот, заражают вирусом все перевалочные узлы по ходу следования через них. Король в Желтом использовал людей как переносчиков болезни.

Первой целью вируса, поразившего Насущную Республику, было редактирование исторической информации о каком-то событии – не уверен, о каком именно, но, сдается мне, об опасности, которую представляла одна из древних когнитивных диктатур, – путем редактирования людей, проходящих через зараженные ворота. Но на полную катушку этот вирус развернулся, только когда распространился абсолютно по всей сети. Король в Желтом появился всюду с шокирующей внезапностью – после фазы тихого расползания, длившейся сотни мегасекунд.

В моем плохом сне-воспоминании я пью чай на капитанском мостике «Благодарного Преемника», временно декорированного под храм озерного бога в стиле древней Японии. Я сижу скрестив ноги, напротив Септима, куратора корабля, и жду, когда прибудет капитан Векен. Когда я просматриваю список вопросов к нему, сохраненный в автономном буфере, мой модем икает. Похоже, произошла ошибка когерентности кэша – Т-врата корабля только что отключились.

– Что происходит? – спрашиваю я куратора. – Я только что был отключен от сети.

– Такое случается. – Септим выглядит раздраженным. – Попрошу кого-нибудь прямо сейчас выяснить, в чем дело. – Он смотрит куда-то прямо сквозь меня, и я вспоминаю, что существуют еще три или четыре копии этого странного старика-архивариуса, блуждающие по концентрационным цилиндрическим отсекам корабля. Септим быстро моргает.

– Похоже, это из-за предупреждения службы безопасности. Некий злоумышленник только что попал в наш транскриптор. Если соизволите подождать немного – пойду узнаю, что стряслось. – Септим идет к двери чайханы. Насколько мне удалось реконструировать события, как раз в тот момент рой из 18 329 штурмовых роботов размером с ос вылетает из ассемблера в моем семейном доме. Мы живем в старинной усадьбе, построенной по образу и подобию здания, существовавшего на

древней *Zemlye* до Техноускорения – Дома над водопадом [14]. В нем есть двери, лестницы и окна, но нет внутренних Т-ворот, которые можно закрыть. Первой жертвой роботов становится Ямб-18, который находится на кухне рядом с ассемблером. Искусственные хищники разбирают его на атомы так быстро, что он даже не успевает вскрикнуть или послать по модему зов о помощи. Затем они разлетаются по всему дому – расползаются зловещим жужжащим туманом, сея скорую смерть. После них не остается луж крови – в лучшем случае, пара капель. А крики, если и звучат, – не длятся долго. Домашний ассемблер был взломан Королем в Желтом, все наши резервные копии умышленно стерты, чтобы освободить место для убийц-нанитов. Так моя жизнь была вмиг безжалостно лишена всего, что придавало ей смысл, – хотя я об этом тогда еще не знал.

Пожрав физические тела, наниты продуцируют вещество для самосбора новых стай, которые продолжают охоту на врагов Короля.

Я узнал об этом лишь потому, что вирус вел записи всех совершенных им убийств. Никто не знает, почему у Короля в Желтом была прописана такая функция – по одной из теорий, вирус должен был отчитаться перед своими создателями. Я столько раз смотрел голограммный реконструированный тепловой слепок с осиной бойни, унесшей жизни моих детей и родных, что зрелище намертво въелось в память. Я стал одним из очень немногих выживших среди миллионов тех, на кого Король нацелился как на соматических врагов, не подлежащих промывке, только полному уничтожению. И теперь я будто смотрю все по новой или даже как в первый раз, заново переживая ужас, который заставил меня умолять Кошек Лайнбарджера принять меня к себе на службу и превратить в танк. Но это случилось на половину гигасекунды позже, когда «Благодарный Преемник» вышел на связь с одним из изолированных оплотов сопротивления Королю.

…Я понимаю, что не сплю и на дворе еще ночь. Мои щеки чешутся от соленых потеков слез, пролитых во сне, и я свернулась калачиком в неудобной позе, близко к краю кровати. Чья-то рука обнимает меня за талию, а легкий ветерок обдувает мою шею сзади. Какое-то мгновение я не могу в этом разобраться, но потом до меня начинает доходить смысл.

– Теперь я точно проснулась, – бормочу я.

– Вот и славненько. – Голос у Сэма сонный. Как давно он здесь? Я ведь легла спать одна! Чувствую мгновенный укол паники при мысли о том, что он здесь без приглашения – но вообще-то мне не хочется быть одной. Уж точно не сейчас.

– Ты спал? – спрашиваю я.

Сэм зевает.

– Должно быть. Задремал. – Его рука напрягается, я тоже напрягаюсь и отталкиваюсь назад, к изгибу его груди и ног. – Ты стонала во сне.

– Мне снилась семья. – Я все еще не уверена, что хорошая идея – делиться с ним такими подробностями. – Моя старая семья, которую убил Король в Желтом.

– Что? Он же не убивает, а только редактирует…

– Не всегда. – Я приникаю к нему. – Многих – да, редактирует. Но некоторых по какой-то причине выслеживал и уничтожал. Думаю – тех, кто мог бы вычислить, кто за ним стоит.

– Я не знал об этом.

– Мало кто знает. Отредактированные – отредактированы, умершие – умерли. Ну а если тебе посчастливилось чудом не умереть, всю оставшуюся жизнь ты стараешься любой ценой не контактировать с внешней частью Насущной Республики. Удерживать границы микрополии. Так – гигасекунда за гигасекундой после окончания войны. Без надежды на перемены к лучшему.

– Так, но для тебя – не так.

Я чувствую напряжение Сэма через его руку, обнимающую меня.

– Послушай, я устала и не хочу возвращаться к этому. Что было – прошло – как тебе такое? – Я пытаюсь расслабиться, прижимаясь к его телу сбоку. – Стала существом одиноких привычек. Не хотела ни с кем слишком сближаться во время войны, и с тех пор у меня не было такой возможности.

Его дыхание глубокое и ровное. Может, он уже спит. Закрываю глаза, пытаюсь присоединиться к нему, но требуется много времени, чтобы заснуть. Я не могу перестать задаваться вопросом, как сильно ему, должно быть, не хватало контакта с другим живым существом, чтобы рискнуть разделить со мной постель.

11. Похороны

Понедельник – рабочий день, и на обеденный перерыв меня ждут в «обществе», но после вчерашних событий я не собираюсь преломлять хлеб с Джен. Иду на работу с латунным ключом, спрятанным в моей сумке с секретом, захожу в библиотеку и сразу начинаю складывать книги и наводить порядок. Середина утра, Яна еще не приехала.

Надеюсь, она в порядке. Не думаю, что вчера я ее видела, но если она слышала, что произошло, – я не знаю, насколько близко она знала жертв, но могу представить, через что ей пришлось пройти, реально знай они друг друга. Несколько дней назад ей стало плохо. Каково сейчас?

Я иду за стойку администратора. Кругом тишь да гладь, посетителей еще нет, ничто не мешает мне перевернуть табличку на дверях надписью «закрыто» во внешний мир. Немного покопавшись в административной документации, я нахожу домашний номер Яны. Набираю – и спустя пугающе долгий промежуток времени кто-то поднимает трубку.

– Яна?

Ее голос звучит устало, и это не искажения на телефонной линии.

– Рив, ты?

– Да. Я беспокоилась за тебя. Все хорошо?

– Я плохо себя чувствовала. И, честно говоря, мне не хочется идти сегодня. Ты же не против порулить всем одна?

Я оглядываюсь.

– Нет, здесь даже дверь не скрипит. – Я слишком поздно прикусила язык. – Знаешь что? Тебе лучше взять несколько выходных. Через пару-тройку месяцев все равно уйдешь на больничный, лезть из кожи вон нет смысла. Если хочешь, приеду к тебе в выходной, принесу книжки. Послезавтра. Что думаешь?

– Прекрасная мысль, – говорит она с благодарностью.

Мы еще немного болтаем о том о сем, потом я кладу трубку.

Сто́ит мне перевернуть табличку стороной «ОТКРЫТО», как уже знакомый длинный лимузин подруливает к обочине перед входом. Я выдыхаю – что тут делает Фиоре сегодня? – и смотрю, как из него выходит священник. Затем, что удивительно, он открывает дверь другому человеку. Кому-то в фиолетовой рясе и странном головном уборе. Я почти сразу понимаю, кто это должен быть: епископ Юрдон.

Епископ столь же костляв, худ и высок, сколь приземист и толст Фиоре. Вместе они будто аист и жаба. Его кожа необычайно

землистая, а скулы торчат как лезвия. Он носит очки в толстой прямоугольной роговой оправе, его волосы льнут к черепу редкими прядями цвета гнилой слоновой кости. Он идет вперед, размахивая руками словно скелет, и Фиоре бежит за ним, пыхтя и тяжело дыша, стараясь не отставать.

– Пожалуйста, послушайте, пожалуйста! – причитает он. – Ваше сиятельство, прошу вас прислушаться и…

Епископ толкает дверь библиотеки, открывает ее и останавливается. Его глаза очень бледные, голубые, со слегка желтоватыми белками. Взгляд – ледяной, презрительный.

– Ты уже не первый раз лажаешься по-крупному, Фиоре, – шипит он. – Мне очень хотелось бы, чтобы в будущем ты держал свои маленькие дрочильные фантазии при себе. – После этих слов он поворачивается ко мне лицом.

– Здрасте?.. – Я выдавливаю улыбку. Он смотрит на меня так, будто я – непись.

– Я епископ Юрдон. Пожалуйста, отведите меня в хранилище документов.

– Ах да, конечно. – Я поспешно выхожу из-за стола и жестом зову его за собой.

Фиоре хмыкает и тяжело дышит, ковыляя за нами, но Юрдон двигается с костлявой грацией, будто все его суставы заменены хорошо смазанными подшипниками. Что-то в нем заставляет меня содрогнуться. Взгляд, который он бросил на Фиоре… не могу припомнить, чтобы когда-либо видела такое выражение чистого презрения на человеческом лице. Веду их в комнату; Мрачный Жнец крадется за мной в сердитом молчании, сопровождаемый неуклюжей маслянистой жабой.

Я отхожу в сторону, когда мы доходим до справочной секции, и Фиоре возится со своими ключами, заметно увядая под яростным взглядом Юрдона. Он открывает дверь и врывается внутрь. Юрдон делает паузу и пронзает меня ледяным взглядом.

– Нас нельзя беспокоить, – сообщает он мне, – ни по какой причине. Это понятно?

Я энергично киваю.

– Я… я буду на стойке регистрации, если понадоблюсь. – Мои зубы едва не стучат. Что не так с этим парнем? Я и раньше встречала мизантропов, но святой отец – нечто совершенно особенное.

Фиоре и епископ тусуются в архиве, занимаясь тем, чем они там занимаются, почти три часа. Порой они говорят на повышенных тонах. Порой елейные мольбы Фиоре кроет негодующе-змеиное шипение епископа. Я сижу за письменным столом, заставляя себя не оглядываться через плечо каждые

десять секунд, и пытаюсь прочитать книгу об истории охоты на ведьм в доиндустриальной Европе и Америке. В книге есть тревожные отголоски того, что происходит здесь: сообщества расколоты на взаимно недоверчивые фракции, соревнующиеся, чтобы донести друг на друга безумным духовным авторитетам, опьяненным мирской властью. Однако мне трудно сосредоточиться, пока змея и жаба в запертой комнате издают такие звуки, будто пытаются зажалить друг друга до смерти.

Уже почти наступил мой обычный обеденный перерыв, когда появляются Фиоре и Юрдон. Фиоре выглядит обиженным и подавленным. У епископа, судя по всему, с настроением лучше – но если это его хорошее расположение духа, не хотела бы я видеть этого типа по-настоящему злым. Когда он улыбается, становится похож на череп, на который кто-то натянул кусок кожи: бесцветные губы обнажают пожелтевшие зубы в ухмылке, совершенно лишенной веселья.

– Тебе лучше вернуться к работе, – властно бросает он Фиоре, проходя мимо моего стола и даже не кивнув в мою сторону. – Надобно наверстать упущенное. – Затем он уходит через парадную дверь. Длинный черный лимузин закладывает по кварталу круг почета и увозит своего господина куда-то в типично-господинские места обитания.

Пару минут спустя Фиоре с угрюмым взглядом ковыляет мимо меня.

– Зайду завтра, – бормочет он и выходит за дверь. Низшему рангу духовенства, как оказывается, лимузин не положен – он на своих двоих, пошатываясь, уплывает в марево полуденной жары. Какое унижение!

Я наблюдаю за ним, пока он не исчезает из виду, затем подхожу и переворачиваю табличку на двери в положение «ЗАКРЫТО». Я запираю дверь и делаю глубокий вдох. Не ожидала, что все произойдет сегодня, но это слишком хорошая возможность, чтобы ее упускать. Я иду за сумкой из учительской и с ней направляюсь в хранилище.

Вот-вот наступит момент истины. Менее чем через сто секунд после того, как Фиоре покинул здание, я вставляю тщательно скопированный ключ в замок. Сердце колотится, когда я поворачиваю свою поделку. На мгновение она отказывается сдвинуться с места, но я вожу ей туда-сюда в замке – зубья не входят в сцепление со штифтами, – и что-то встает на место, слегка скрипит, поддается. Я широко распахиваю дверь и тянусь к выключателю.

Итак, я – в маленькой комнате, где нет ни окон, ни стульев, ни столов. Под потолком – лысая, без абажура, электрическая

лампочка, свисающая на проводе. У трех стен – по книжному стеллажу. В середине пола – люк.

– Что за фигня, – произношу я вслух, оглядываясь по сторонам.

На всех полках – коробки с папками, их легионы. Ни на одной нет каких-либо вразумительных словесных меток – только серийные номера. Все здесь покрыто пылью, кроме люка, который недавно открывали. Я вдыхаю и с трудом сдерживаю чих. Да, если так Фиоре ведет домашнее хозяйство, неудивительно, что святой отец на него зол.

Я смотрю на ближайшую полку и наугад достаю одну из папок. Открываю кнопку-защелку, соединяющую створки папки: внутри бумага, желтеющая, с машинописными столбцами шестнадцатеричных цифр, отбитых неинтеллектуальными чернилами на каждой стороне. Вверху каждого листа указан номер страницы. Требуется время, чтобы понять, на что я на самом деле смотрю. Это сериализованная запись данных – древние называли такую «шестнадцатеричной». Много страниц. В этой коробке их должно быть пятьсот штук. Если то же самое в других, передо мной сто тысяч страниц, на каждой где-то десять тысяч знаков. Все, что записано на этой чудовищно неэффективной среде, не очень велико – размером с геном маленького млекопитающего или около того, да и то – после того, как лишние экзоны [15] отфильтрованы. На три-четыре порядка меньше человеческого генома.

Я качаю головой и откладываю коробку в сторону. Судя по обилию пыли сверху, ее давно не трогали. Не знаю, что это за данные, но, готова спорить, не в них главный секрет Юрдона и Фиоре. Значит, они ходят сюда не за ними.

Нужно исследовать люк.

Наклонившись, я хватаюсь за медное кольцо и приподнимаю тяжелую деревянную плиту, посаженную на петли. Моим глазам предстает лестничный пролет, сбегающий вниз. Он устлан ковром, а по обе стороны от него – деревянные поручни. Итак, под библиотекой есть потайное помещение, говорю себе я, стараясь гасить рвущиеся наружу испуганные смешки на подходе. Все это время тайна была прямо у меня под ногами.

И что тут у нас?

Конечно, я спущусь туда. После того, что Фиоре сделал с Филом и Эстер, я, вероятно, буду казнена, если они застукают меня в архивах. Останавливаться поздно – значит, нужно идти до конца.

Ступеньки ведут вниз, в сумерки, но спускаются не очень далеко. Пол находится на три метра ниже люка, дальше на

поручне есть выключатель. Я щелкаю им и оглядываюсь.

Вот так новость – я больше не в темных веках.

Если бы я все еще находилась в темных веках, увидела бы затхлый подвал с кирпичными стенами и деревянным потолком, отделанный бетоном и стальными балками. В то время с конструкционными материалами было плохо – ни тебе зебрового меха, растущего из пола, ни флуоресцентных органических жил (вместо них – электрические светильники, чей век, как известно, короток). Тут стоит очень винтажно выглядящий шезлонг – в стиле, который, я уверена, вышел из моды где-то между концом эпохи колонизации облака Оорта и рассветом Зеленой Республики. Есть тут и несколько диковинных стульев из черной смолы, которые выглядят как скелеты насекомых, вымахавших до четырех метров в высоту и выработавших эндоскелеты для борьбы с гравитацией. Хм-м-м… Я оглядываюсь через плечо. Да, если бы Юрдон и Фиоре вступили в перепалку здесь, оставив при этом люк открытым… тогда я вполне могла бы слышать их и на стойке регистрации.

Другие предметы в подвале вызывают гораздо более сильное замешательство.

Для начала: тут есть полноценные военные А-ворота – в этом я уверена. Ничем иным этот усеченный цилиндр (около двух метров в высоту и примерно столько же в диаметре) быть не может. Его поверхность покрыта белой непрозрачной броней из карбонитрила. Рядом с ним, на грубом деревянном постаменте, находится бронированная станция управления – такие штуки используются в полевых условиях и при жесткой модерации материи, для производства материалов и оружия, необходимых для спасения вашей задницы. *Есть плутоний? Будет и бомбочка.* Включать эту штуку я, конечно, не стану – не испорчу, так заставлю сработать какую-нибудь шумливую сигнализацию. Но ее присутствие здесь так же неуместно, как биплан в бронзовом веке.

Вдобавок вдоль стен стоят полки с разной техникой. Тут почти наверняка есть батарея генераторов для ворпального меча – вроде того, что на алтаре в церкви. Мне ли не знать, как удобно той штукой рубить головы и проливать реки крови. К горлу подкатывает дурнота. Я делаю быстрый вдох, затем смотрю на полки в другом конце комнаты. Их много, некоторые сложены причудливыми прямоугольными кирпичиками для организации высокой плотности размещения – но бóльшая часть места отведена кольцевым переплетам, набитым бумагой. На этот раз вместо серийных номеров – старомодные, удобочитаемые названия, хотя для меня они мало значат. «Пересмотренный

протокол Стэнфордского тюремного эксперимента 4.0», «Церковная шкала моральных дельта-коэффициентов», «Расширенные критерии избирания Хозяина»… что бы все это ни значило.

Хотя последнее название вполне понятное. Беру подшивку листов с полки и начинаю читать. Через какое-то время возвращаю документ на место мелко дрожащей рукой. Я чувствую себя грязной, схватившей какую-то заразу. Хотела бы я не понимать, что там написано – но, боюсь, все донельзя ясно. И теперь мне придется выяснить, что делать с этим знанием.

Я смотрю на А-ворота, размышляя. Есть очень хороший шанс, что они не заражены Королем в Желтом – не станут же экспериментаторы цензурировать сами себя. Но толку от них, скорее всего, не будет – они отфильтруют меня еще на подходе. Но если у меня вдруг окажется некий рычаг влияния на Фиоре… если я смогу угрожать ему чем-то даже более ужасным, чем гнев Юрдона… если я вообще права насчет того, что от Юрдона следует ждать чего-то похуже, чем даже смерть…

Мне снова требуется время на раздумья – вот незадача.

Хорошо, что есть дела до завтра, когда снова нагрянет Фиоре.

* * *

В библиотеку никто не торопится. В самом прямом смысле слова – ни души. Я сижу и жду, что неписи-законники прибудут арестовать меня, но этого не происходит.

Решив сделать вылазку в запретную зону во время обеденного перерыва, я, похоже, не активировала никакие сигналы тревоги. Если задуматься, это неудивительно. Ведь если и существует место, где Фиоре, Юрдон и загадочная персона Хант не хотели бы, чтобы за ними наблюдали, это будет архив, где они хранят свои экспериментальные инструменты. Такие люди, как они, не очень хорошо себя чувствуют под надзором. Это натолкнуло меня на мысль.

В середине дня я запираю библиотеку на полчаса и торопливо направляюсь в ближайший магазин электроники за полезным гаджетом. Затем провожу час на нервах, устанавливая его в подвале. После этого я чувствую себя победительницей. Если план сработает, Юрдон и Фиоре поплатятся за самоуверенность, а заодно – за то, что сделали свою сумасшедшую симуляцию слишком реалистичной.

В библиотеку никто настолько не торопится, что я ухожу с работы на полчаса раньше положенного. Теплый летний вечер так

и зовет одолеть пешком два километра до дома. По пути мне изредка встречаются парковые рабочие, косящие траву, но это, увы, неписи. А реальных людей совсем не видать. Я что, пропустила какой-то всеобщий сбор? Неизвестно. Я шагаю себе, шагаю, покуда не выхожу на дорогу, ведущую из центра города. Спускаюсь по ней в короткий тоннель, из него снова выныриваю к дневному свету – на тихую жилую улочку, утыканную деревцами, с ленивым, почти стоячим ручейком вдоль одного края.

До меня доносятся чьи-то голоса, и я улавливаю слабый запах готовящейся снеди у одного из домов. Значит, люди остались – в оранжерее я не одна. А я уж почти поверила, что академики Схоластии поняли, что в симуляции Юрдона-Фиоре-Хант обстряпываются незаконные делишки, и, пока я торчала за библиотечной стойкой, – прибыли эвакуировать всех здешних заключенных. Такая приятная греза наяву.

Довольно скоро я подхожу к следующему автомобильному тоннелю, соединяющему жилые сегменты. На этот раз достаю фонарик, когда свет, падающий от входа, остается далеко позади. Да, как я и предполагала – в одной из стен здесь есть втопленная дверная панель. Я достаю блокнот, заношу ее в свой список – медленно вырисовывается карта взаимосвязанных сегментов. Она похожа на циклический ориентированный граф (им и является, по сути) – сеть узлов, соединенных линиями, представляющими пути-переходы с Т-воротами в середине. На этой же схеме я собираюсь отмечать и канализационные люки – после того, что повидала в архиве.

На самом деле Т-ворота как таковые увидеть нельзя: находясь в одном сегменте пространства, просто проходишь через невидимую мембрану и в следующий момент попадаешь в какой-то другой сегмент. Но расположение «дверей» в тоннелях, вероятно, что-то может сообщить – если мне хватит ума дешифровать послание. Вероятно, я сумею понять, что за граф вырисовывается – реберный, хордальный или гамильтонов. Есть не самый благоприятный вариант: никаких «ребер» или «хорд», может, нет в принципе и я имею дело с одним жилым цилиндром, разделенным герметичными перегородками под давлением. Или все сектора могут находиться в разных местах, на расстоянии парсеков друг от друга. Я стараюсь избегать слишком смелых предположений. Выискивая разгадку с закрытыми глазами, немудрено что-то упустить.

Я поспеваю домой к обычному времени, напряженная и нервная, но в то же время во власти странного облегчения. Что сделано – то сделано. Завтра Фиоре либо заметит мое вмешательство, либо нет. Или, если мне совсем повезет, он

решит, что дополнительное наблюдение – дело рук Юрдона; меж этими двумя явно нет теплых чувств, и, если правильно разыграть все карты, я смогу воспользоваться их разногласиями. В любом случае чему-то эта задумка меня научит. Нельзя сидеть сложа руки – да и знаю я уже слишком много, на полпути не остановиться. Осознай кто-то из экспериментаторов, что за мысли вызревают у меня в голове, я давно бы подверглась устранению. Никакого беспорядка и ритуального унижения перед десятком фанатиков в церкви. Быстрое кипячение мозгов – раз, и все. Так что покамест Фиоре играет с огнем.

Сэм сидит в гостиной и смотрит телевизор. Я на цыпочках крадусь наверх – очень хочу принять душ. Врываюсь в свою комнату, скидываю одежду, бегу в ванную и включаю воду, чтобы смыть сегодняшние стрессы.

Через несколько секунд я слышу шаги, затем дверь в ванную отворяется.

– Рив?

– Да, это я.

– Нужно поговорить. Срочно.

– Я домоюсь и выйду, – ворчу я. – Что, не подождать?

– Боюсь, никак…

Маленькие мучения накапливаются, уж теперь я в стопудово плохом настроении. Во что превращается жизнь, когда нельзя принять душ без тревог? Я методично намыливаюсь, затем мою волосы, стараясь втирать неэффективный гель с поверхностно-активным веществом в кожу головы. После пары минут полоскания вырубаю подачу воды и открываю дверь, где сталкиваюсь с удивленным Сэмом.

– Полотенце подай, – говорю я ему, пытаясь выглядеть непринужденно. Он сразу подчиняется. Месяцы жизни в обществе оранжерейных цветочков сотворили дивные вещи с моим ощущением тела: я чувствую себя на удивление неловко из-за того, что стою перед ним голой. Думаю, Сэм и сам смущен.

– Что за важность такая важная? – интересуюсь я, переступая бортик душа.

– Телефон звонит, – бормочет он, пытаясь отвести взгляд, но его глаза возвращаются ко мне.

– Ого. И кто это может быть?

Сэм заворачивает меня в полотенце, будто я – хрупкое сокровище, к которому лучше не прикасаться. Я вся кривлюсь и пытаюсь не зацикливаться на этом.

– Фэр и Эл услышали что-то странное от Майка – говорят, нужно это обсудить.

– Плохи дела. – Я пытаюсь сосредоточиться. Вода на моей коже внезапно становится холодной. – Но насколько плохи?

– Думаю, что-то случилось с Касс. – От этих слов я вся внутри подбираюсь. – Майк поделился с парнями какой-то сумасшедшей историей, якобы услышанной от Фиоре. Вроде священник сказал ему, что одно из здешних строгих правил – как бишь там, «плодись и размножайся». Ну, типа, можно получить гигантский бонус за то, что у тебя будут дети.

– Может, он просто слишком сильно вжился в роль? – уточняю я.

– Фэр тоже так подумал, но потом Майк сказал Элу, что получит свои бонусные очки независимо от того, согласится ли Касс на содействие. – Голос Сэма звучит встревоженно. – Эл не был уверен в том, что это значит.

Мой разум лихорадочно работает.

– Касс вчера не было в церкви, Сэм. В последний раз, когда я ее видела, она казалась испуганной – даже разговаривать нормально не могла. Знаешь, кажется, я понимаю, что к чему. И мне очень не хочется, чтобы это оказалось правдой.

– Видишь ли, Фэр позвонил мне, когда Эл сказал ему, что Майк отпустил какую-то шутку про то, что намерен навсегда пресечь попытки Касс сбежать. И, по мнению Фэра, это прозвучало как-то… неправильно. Рив, что происходит? Что мы будем делать, если окажется, что он привязывал Касс к кровати перед тем, как уйти на работу, или применял к ней физическую силу, или… что-то в этом духе?

Для человека, живущего в симуляции Темных веков, Сэм временами может быть душераздирающе наивным.

– Сэм, ты знаешь, что значит «изнасилование»?

– Я читал про это, – осторожно говорит он. – Обычно идет в связке с «нападением» и «убийством». Ты думаешь…

– Думаю, надо выяснить, что Майк учиняет над Касс, и избавить ее от него, если это что-то непотребное. Не думаю, что сто́ит рассчитывать на помощь полицейских-неписей или Фиоре, раз на то пошло. У толстячка-священника тоже не все дома – даже епископ Юрдон так думает. – Я делаю паузу. – Да, плохи дела.

Мысль о том, через что, возможно, проходила Касс, приводит меня в ужас – и не в последнюю очередь потому, что я догадываюсь, как отреагируют некоторые члены нашей когорты на попытку спасти ее от Майка. До прошлого воскресенья я, возможно, была более оптимистично настроена в отношении соседей, но теперь знаю, что лучше не ждать от них ничего, кроме обескураживающей жестокости, если они сочтут, что их драгоценные бонусы находятся под угрозой.

– Думаю, Яна могла бы нам помочь, но ей нездоровится. Алиса, возможно… Энджи запугана, но если найти к ней подход, может, и ее удастся подбить. Джен… Нет, эту лучше не подпускать на пушечный выстрел. Что думаешь про своих приятелей?

– Фэр в деле, – сразу отвечает Сэм. – Ему тоже все это не по душе. Эл – может, да, а может, нет… Думаю, если постараюсь, смогу привлечь Грега, Мартина и Альфа. Вполне себе немаленькая команда соберется. – Он странно смотрит на меня.

– Никаких убийств, – предупреждаю я.

Сэм вздрагивает.

– Нет, конечно. Ни за что. Но…

– Кто-то должен пойти и выяснить, правда ли все это, или у нашего доброго соседа Майка просто дерьмовое чувство юмора. Так?

Сэм кивает.

– Но кто?

– Кто, если не я? – развожу я руками. – И без отлагательств. Я пойду оденусь. Ты поговори с парнями по телефону. Собери их здесь. Обсудим план действий заранее, чтобы все прошло без неприятных сюрпризов. По рукам?

Сэм кивает, затем смотрит на меня со странным выражением лица.

– Что-нибудь еще?

– Ну да. – Я подаюсь вперед и быстро целую его в губы. – Поторапливайся.

Через три часа наша команда по спасению Касс набивается в пустующий дом, стоящий через дорогу от логова Майка. Сюда нас привез таксист-непись; эта улица еще на добрых три четверти не заселена. Вход в пустой дом мы взломали – подсобил Фэр: он взял с собой штуку под названием «лом». Мебели здесь немного, и все пыльное, да еще темно вдобавок: мы не зажигаем свет, чтобы ненароком не привлечь внимание Майка. Но так всё лучше, чем пару часов провести в засаде где-нибудь в кустарнике.

Нас всего пятеро – я, Сэм, Фэр, Грег и супруга Грега, Тэмми. Она настроена очень серьезно – вся клокочет от тихой злобы. Думаю, она и не осознавала, насколько все плохо, пока Сэм не позвонил ее мужу. Уже почти полночь, и мы все устали, но я еще раз репетирую план.

– Итак, снова по порядку. Я перейду через дорогу и позвоню в дверь. Попрошу его дать мне пройти к Касс. Сэм и Фэр – в зависимости от того, как Майк отреагирует, вы либо отступите, либо присоединитесь ко мне. У меня с собой свисток. Один свист значит, мне нужна ваша помощь с Касс. Два – мне нужна ваша

помощь, чтобы отбиться от Майка. Грег, Тэмми – берите чулки и натяните их на головы. Мы не хотим, чтобы Майк узнал вас, если придется присматривать за Касс.

– Надеюсь, вы все ошибаетесь на его счет, – мрачно протягивает Тэмми.

– Я тоже, поверь мне. Я тоже. – Искоса смотрю на Фэра.

– У Майка, по-моему, всегда были проблемы с головой, – бормочет он.

– Что-нибудь еще, прежде чем мы начнем? – спрашиваю я, вставая.

– Да, – говорит Фэр. – Если ты не свистнешь и не выйдешь в течение десяти минут, я все равно за тобой пойду. – Он стискивает лом в кулаке.

– Рассчитываю на тебя. – Я киваю, выхожу из двери и перехожу дорогу.

Сад Майка весь зарос сорняками, трава вымахала чуть ли не до пояса. В окнах свет не горит, но само по себе это ничего не значит. Калитка приглашающе распахнута. Прохожу через нее и смотрю на входную дверь – в нее вделан новый замок, большой и внушительный с виду. Надавливаю кнопку звонка – никто не отвечает. Звоню снова – в холле загорается свет. Я напрягаюсь, готовая к худшему, когда слышу, как поворачивается ключ сначала в одном замке, затем – в другом, и вот дверь наконец открывается.

– А, это ты. – Майк рыгает на меня, и я чувствую запах кислого вина в его дыхании. На нем грязная футболка и боксеры, в руках он сжимает откупоренную бутылку. – Чего приперлась? – Он косится на меня. – Разве я не сказал тебе не приставать?

– Я хочу увидеть Касс, – говорю я спокойно. Холл весь завален – пустыми коробками из-под еды, судя по всему, и другим мусором. Пахнет приторно-сладко. – Ее не было в воскресенье в церкви.

– Что, правда? – Майк отпивает из бутылки и смотрит на меня с прищуром. – Ну ладно, заходи.

Я переступаю порог, когда он пятится в дом. Сначала здешний коридор, надо думать, был почти как зеркальная копия того, что в нашем с Сэмом доме, но сейчас он в буквальном разорении, упадке – сплошь завален разорванными коробками из-под полуфабрикатов и остатками разлагающейся снеди. Что-то наверху протекло, и по одной стене расползается вонючее пятно.

– Она наверху, отдыхает, – говорит Майк, указывая на лестницу. – Поднимайся.

Я пристально смотрю на него.

– Думаешь, она не будет против?

– А с чего бы ей.

Когда я ступаю на лестницу, он бочком спускается вниз и закрывает дверь, затем поворачивает оба ключа в замках.

– Давай-давай, – говорит он мне посмеиваясь, – шуруй. Не о чем волноваться.

Ну уж нет.

Я дергаю за шнурок, обвитый вокруг шеи, и хорошо спрятанный под надетым на мне джемпером свисток прыгает мне в руку. Даю два сигнала – и отпрыгиваю подальше. Майк вздрагивает, затем поворачивается ко мне – на его лице замешательство, переходящее в гнев.

– Это еще зачем? – кричит он, и позади него раздается громкий треск, когда кто-то с размаху влепляется в дверь.

Я взлетаю по лестнице и в спешке оглядываюсь. Слева находится большая спальня, как и у нас. У стены – куча грязной одежды, я чувствую сладко-тошнотворный запах забитой канализации, подавляющий другие, куда менее очевидные. Бросаюсь в спальню – моя рука тянется к выключателю на стене. Слышу стоны.

Снизу доносятся треск дерева и нечленораздельный яростный рев, но я слишком занята, разглядывая кровать. Бóльшая часть мебели в комнате перевернута вверх дном и вдобавок имеет такой вид, будто ее громили секирой. Кровать – единственное исключение, но и она оголена до матраса. От нее несет экскрементами и застарелой мочой, кругом вьются мухи, но главное – кровать занята: на ней, распростертая, голышом лежит Касс. Ее руки привязаны к верхним кроватным стойкам, ноги – к нижним. Она жутко грязная, у нее на бедрах – синяки, а лицо выглядит так, словно по нему методично лупили чем-то очень тяжелым. Из съехавших набок, деформированных губ доносится не то визг, не то свист. Кажется, ее челюсть раздроблена.

– Сюда! Наверх! – кричу я в дверной проем и снова поворачиваюсь к ней. – Мы вытащим тебя отсюда, милая. – Я склоняюсь над ней и вытаскиваю перочинный нож, который захватила с собой на всякий пожарный. – Может, будет больно, но потерпи. – Я начинаю пилить веревку на ее руках, и Касс хнычет. Когда она двигается, от тела поднимается волна ужасной вони, и я понимаю, что она не просто исхудавшая, а уже на грани истощения. И на руках у нее – гниющие язвы, прямо под туго затянутыми узлами.

Снизу доносятся звуки: заварушка в разгаре, удар сыплется за ударом, кто-то дико орет. Касс всхлипывает, затем громко стонет, когда последний узел подается. Ее руки безвольно опускаются, и она снова стонет. Руки опухшие и почерневшие, у меня на их счет

очень плохое предчувствие – но нельзя терять время. Подхожу к изножью кровати и начинаю распиливать веревку вокруг ее правой лодыжки. В этот момент она кричит, и я вижу, что Майк сделал, чтобы помешать ей убежать. На веревке – кровь, потому что он перерезал ей ахиллово сухожилие: ступня безвольно болтается, и всякий раз, когда двигается, Касс пытается кричать, булькая и хрипя сквозь сломанную нижнюю челюсть.

Фиоре сказал ему: можно получить гигантский бонус за то, что у тебя будут дети.

Я кричу от ярости, и тут в дверях кто-то появляется. Поднимаю глаза и вижу, что это Сэм. На щеке – кровоточащий порез, один глаз полузакрыт. Его потрепанный вид мигом отрезвляет меня.

– Сюда, – подзываю я его звенящим от напряжения голосом. – Пожалуйста, подержи ее ногу неподвижно…

Когда мы спускаемся вниз, Грег набирает номер, которого я не знаю, и вызывает скорую помощь. Все немного потрепаны, за исключением него и Тэмми. Завтра у Сэма будет отменный синяк под глазом. Фэр получил удар под ребра, когда они с Сэмом и Грегом разбирались с Майком. Сам виновник торжества валяется на полу. Я уже жалею, что всех надоумила воздержаться от линчевания, но первоочередная задача – доставить Касс в место врачевания, где ей помогут. У нас будет достаточно времени, чтобы разобраться с Майком позже – при условии, что он не захлебнется собственной рвотой, пока будет без сознания. Такой исход значительно упростил бы ситуацию для всех нас.

– Как она? – спрашивает Тэмми. – Я бы лучше…

– Нет. – Я останавливаю ее, вставая на пути. – Поверь мне. Нам нужно отвезти ее в больницу. Такое состояние не облегчить на дому.

– Что, настолько все плохо? – не унимается Тэмми.

– В больницу, – твердо повторяю я. Не хочу, чтобы она видела, что Майк сделал с ногами Касс. Достаточно того, что это увидала я.

«Скорая помощь» прибывает через пять минут – квадратная белая машина с плюсами на боках. Пара вежливых неписей в синей униформе подходят к входной двери.

– Сюда, – говорю я, ведя их наверх. В кои-то веки я рада, что эти эрзацы есть всюду – они не станут засыпать нас неудобными вопросами, в отличие от кого-то с когнитивной автономией. Сэм – там, наверху, с Касс. Через минуту-другую неписи спускаются на первый этаж, чтобы принести для нее складную платформу на колесах.

– Кто ближайший родственник? – спрашивает один из них,

когда они уже спускаются по лестнице с Касс, лежащей на носилках.

Фэр хочет указать пальцем на Майка, но Тэмми бьет его по руке.

– Я! – говорит она. – Берите меня с собой.

– Как скажете, – пожимает плечами один из неписей. – Пройдемте с нами.

Они катят Касс к задним дверям квадратной машины, Тэмми следует за ними.

Грег мгновение наблюдает за ней, затем поворачивается, чтобы снова посмотреть на Майка.

– Что будем делать с ним? – спрашивает он.

Лицо Фэра приобретает ледяное выражение.

– Ничего, – быстро вворачиваю я, прежде чем Фэр успевает предложить что-либо морально-сомнительное. – Помните, о чем мы договаривались? Никакого линчевания. – Я делаю паузу. – Что нас ждет завтра – вот вопрос поважнее.

– Полиция что-нибудь предпримет? – спрашивает Фэр мгновение спустя.

– Не думаю, – бормочет Сэм, спускаясь к нам по лестнице. Он прижимает к глазу смоченное полотенце. – Мне не кажется, что они запрограммированы на адекватную реакцию. Если нам не повезет, придут спросить с нас за растоптанную клумбу и выбитую дверь. Но с ним они точно не управятся. – Он кивает на распростертое тело Майка.

– Пошли домой, – предлагаю я. – Как насчет встретиться завтра вечером и все обговорить?

– Я приду, – откликается Грег. Сэм кивает.

– Если Майк полезет кому-то из нас мстить, думаю, придется убить его.

– Ты так говоришь, будто есть в чем сомневаться, – бросает Фэр.

– Сомневаться? – Я выразительно гляжу в его сторону. – Да я почти готова глотку этому хмырю перерезать – здесь и сейчас! Но вспомните, что было в воскресенье. – Мой голос непроизвольно дает слабину. – Вы, ребята, вышибли из него все дерьмо – думаете, он решит вернуться за добавкой?

Грег качает головой.

– Я на это даже надеюсь, – говорит он со странной полуулыбкой на губах. Я дрожу. Всего на мгновение он напоминает мне Джен.

– Давай, пошли. – Я беру Сэма за свободную руку. – Фэр, не мог бы ты вызвать нам всем такси?

Уже почти час ночи, мы с Сэмом наконец возвращаемся

домой – грязные, усталые и в синяках.

– Ты первый заходи, – говорю ему я, останавливаясь на крыльце. – И выбрось эту рубашку в мусорное ведро.

Сэм кивает и входит внутрь, оставляя меня раздеваться в прохладном лунном свете. Я чувствую онемение и усталость, но в то же время – удовольствие от проделанной нами работы. *В основном* удовольствие. Расстегиваю молнию на брюках – действуя аккуратно на случай, если на них попало какое-нибудь дерьмо с той кровати, – и вхожу в дом.

Сэм стоит в дверях гостиной, держа в руках бутылку водки и два стакана. Он не включил свет, но снял рубашку, и лунный свет, проникающий сквозь высокие стеклянные окна, серебром очерчивает его обнаженные плечи.

– Сегодня я хочу спать без снов, – говорит он, протягивая мне бутылку.

– Я тоже. – Беру один из стаканов, иду мимо него в гостиную. Я понимаю, что устала, но меня переполняют тревога, напряжение, опасения по поводу завтрашнего дня и жгучий гнев на саму себя за участь Касс – почему я не сообразила проведать ее чуть раньше? Ненависти к Фиоре и Юрдону, безликим подонкам, которые создали этот кошмар и ожидают, что мы будем в нем жить, тоже прибавилось.

– Чего ты ждешь? – Я падаю на диван и протягиваю свой стакан. Сэм наливает в него бесцветный спирт. – Давай.

Он садится рядом со мной, наливает себе и закрывает бутылку.

– Я должен был послушать тебя раньше, – говорит он, делая глоток.

– Не будем о грустном. – Я поднимаю свой стакан. – Надеюсь, в больнице ей помогут. Этот… мудак сильно на ней отыгрался.

Повисает долгая неуютная пауза. Несколько секунд – а кажется, пролетели часы.

– Если бы я только знал…

– Да никто из нас не знал. – Так себе оправдание, поэтому я делаю еще один глоток водки, чтобы занять рот чем-нибудь, помимо пустых словес.

– Рив?.. Есть еще кое-что… я хочу, чтобы ты знала.

Я пристально смотрю на Сэма. Он тоже смотрит на меня, и я внезапно осознаю, что почти голая. На нем тоже не так много одежды – теперь я позволяю себе это заметить.

– Продолжай, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал нейтрально.

– Я… Э-э-э… – Сэм с болью смотрит в сторону. Он не знает, как это выразить. – Вчера я ляпнул кое-что… невпопад. Не

уследил за языком. Так вот, я хочу извиниться…

– Вовсе не должен – не за что, – говорю я. Мое сердце бьется болезненно быстро.

– Как же – не за что! Я наговорил ерунды, это факт. Но вот когда я сказал, что […], это было…

– Погоди-ка, погоди. – Я поднимаю руку. – То, что ты сейчас сказал… ах ты ж!.. – У меня голова идет кругом. На дворе – поздняя ночь, я через многое прошла и залила все стрессы водкой, и вот теперь Сэм говорит мне слова, которые уши отказываются нормально воспринимать. – Я не услышала, что ты сказал, но почти уверена, что ты говорил это раньше. И тогда я… по-моему… тоже не услышала.

Сэм выглядит озадаченным, почти обиженным.

– Ну, в смысле, я *расслышала*, как ты это сказал, но не поняла смысл! – Что-то меня эта ситуация напрягает. – Ты использовал ровно те же слова, верно? Такую же в точности фразу? Может, что-то не так с моими…

Сэм встает и подходит к буфету взять свой планшет, лежащий без дела какое-то время и собирающий пыль.

– Ты чего?

Он что-то набирает на нем и сует экран мне под нос.

Там светятся тусклые буквы:

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

– *Что?* – Я трясу головой. – То есть ты хотел сказать, что […], но… – Я отдаю себе отчет в том, что произношу слова… вот только я их не слышу. – Ах зараза! – Трясу головой еще раз. – Сэм! Сэм, мне так жаль. – Я встаю и обнимаю его. – Я тебя тоже […]. Просто с моим языковым модулем какие-то реальные нелады. Так вот что ты хотел мне сказать? – Я чуть отстраняюсь, чтобы лучше видеть его лицо. – Именно это?

– Да, – признает он. У него встревоженный вид. – Поверь, этими словами я никогда не разбрасывался. И да, я их тоже говорю, но не слышу. Уже решил, что с ума схожу.

– Нет, не сходишь. И уж по кому, кому, а по тебе видно, что ты такое кому попало не скажешь. Что ж… – Я прокашливаюсь. – Думаю, мы с тобой достаточно близки, чтобы я могла с полной уверенностью, к-хм, заявить… что я польщена и счастлива, и, и… – Тут я делаю паузу. Мне кажется, я знаю, на что указывает эта странная неспособность воспринять три простых, но таких важных слова. Но не могу точно вспомнить, на что именно. – Сэм, мы должны убраться отсюда.

Он кивает.

– Мне тут не нравится, – говорит он с несчастным видом, взмахом руки охватывая все, начиная своим телом и заканчивая

внешним миром. – Им стоило обратить внимание… я не очень хорошо себя чувствую в больших неповоротливых оболочках. Ты знаешь, это можно исправить со временем, но мне проще было бы раздобыть другое тело. Но они даже не дали мне… – Не заканчивая, он делает глубокий вдох.

Я чувствую прилив гнева. Не на Сэма, конечно – на Фиоре и остальных живодеров.

– У тебя в больших телах развивается дисфория, я правильно понимаю?

Сэм кивает.

– Ну конечно! – Кей провела целую жизнь как инопланетянка, верно? И продолжала менять тела, будто не могла определиться с конечной формой, в которой ей было бы комфортно. Несомненно, это можно исправить с помощью терапии, но решение проблем людей – не совсем то, чем занимаются Юрдон и его команда. – Сэм! – Я целую его в щеку. – Нужно как можно быстрее сматываться отсюда. Где твой планшет?

– Вон там.

– Хочу тебе кое-что показать. – Я отпускаю его и беру планшет, намереваясь указать Сэму на множество способов, которыми конституция государства превращает нас в жертв биологически детерминированной тирании. – Вот. – Наскоро пролистываю данные. – Эй, а этого раньше не было?

– Чего? – Он заглядывает мне через плечо.

– Списка установленных поведенческих показателей. По половому признаку – ха. – Я пялюсь на эту белиберду. – Секс с партнером впервые приносит пять очков, а затем, через некоторое время, вознаграждение падает до одного балла. Другими словами, данная оценка учитывает привыкание. За «прелюбодеяние» – ух и словечко – минус сто очков. И еще у нас тут… беременность – плюс пятьдесят, рождение ребенка – плюс еще пятьдесят. Что такое аборт? За него снимают столько же, сколько за прелюбодеяние, из-за которого Фил и Эстер… а, неважно. За маловероятные вещи предусмотрены даже более высокие штрафы. Но нет ничего про изнасилования. Семьдесят очков списывают за убийство. Какой во всем этом смысл? Нелепица! Либо у них цель – создать фобократию, либо люди в том обществе, у которого они переняли эти стандарты, были не в своем уме.

– А может, и то и другое. – Сэм зевает. – Послушай, уже поздно. Нам бы поспать. Может, подумаем обо всем этом завтра? Обсудим с остальными…

– Ты прав. – Я откладываю планшет, не упоминая, что на

завтра у меня другие планы: Фиоре снова посещает библиотеку. – Завтра будет о-о-очень интересный день.

12. Сумочка

Я долго лежу в постели без сна, фантазируя о том, что хотела бы сделать с Майком – о том, чего, по моему мнению, он заслуживает, – и наконец засыпаю после особенно отвязной фантазии. Мне снова снится сон, но на этот раз – не кошмар. Скорее, еще одно подавленное воспоминание о том, как я начала свою карьеру танка. Будь у него какая-либо эмоциональная начинка – наверное, вышел бы кошмар. Но в том виде, в каком оно осталось в моем мозгу, – это просто история, летопись, за которой интересно наблюдать сквозь мглу прошедших гигасекунд.

На борту МОНАрха с названием «Благородный Преемник» я задерживаюсь почти на гигасекунду. Посудина медленно бороздит межзвездное пространство. Мне, собственно, ничего иного не остается – Король в Желтом изолировал нас. Судя по всему, вирусом кораблю уготована особая участь, потому что у МОНАрха есть системы снабжения, работающие автономно. Обезумев от беспокойства за семью, раздраженный и нервный из-за своего личного положения, я направляюсь к одному из корабельных ассемблеров, когда становится ясно, что это не временное отключение от более крупной сети. Нет, Насущную Республику постигло что-то ужасное и крайне непредвиденное, и от этого никуда не деться. Мы узнаем обстановку, лишь когда «Благодарный Преемник» достигнет следующего порта назначения, малоизвестной религиозной общины на орбите небольшого, очень холодного газового гиганта, который, в свою очередь, вращается вокруг коричневого карлика в тридцати триллионах километров от него. Я беру с капитана Векена слово разбудить меня, как только появится что-нибудь интересное, а до тех пор сохраняюсь в режиме резервного копирования.

Когда А-врата выплевывают меня, проснувшегося и глупо хлопающего глазами, в мир, изменения в этом самом мире накатывают со всех сторон. Я проспал почти гигасекунду – пока судно ползло три световых года по старому счислению и еще где-то мегасекунду замедлялось-притормаживало в условиях высокой гравитации вблизи Схрона Дельта. Храм и озеро стерты и помещены на глубокое хранение, а все составлявшие их биты и атомы пересобраны в зловещие квадратно-гнездовые реалии ориентированной на военное время мануфактуры.

Капитан Векен неохотно отдает свой корабль клике сопротивления, но он с радостью запускает дубль своих автономных А-врат, чтобы помочь ускорить их неудачные

попытки построить свободную от Короля в Желтом, незараженную наноэкосистему. Он счастлив и меня спровадить заодно – так я вливаюсь в ряды сопротивления.

В ту пору, когда я впервые присоединился к ним, Кошки Лайнбарджера являлись неформальной группой несговорчивых ксеносов, возмущавшихся любой попытке что-либо навязать фазовым пространствам их сознания. Они обитали в нарочито искусственных жилых средах. В первые же несколько килосекунд молчаливые военные, обыскивающие меня, когда я вылезаю из пересадочной капсулы, объясняют, что я проспал. Итак, угроза – редактирующий вирус-червь, поражающий А-врата. Если пройти через них, целые сегменты персональной памяти будут грубым образом удалены. Затем вирус копирует собственное ядро в ваш модем и оставляет некоторые инструкции по перезагрузке. Войдя в незараженные ворота, вы чувствуете себя обязанным переключить их в режим диагностики, ввести несколько команд через диалоговый интерфейс – и только после этого совершить переход. На данном этапе А-врата выполнят зараженный загрузочный образ из вашего модема, скопируют его в свою рабочую среду, и – бац! – тоже заразятся. Счет – [N + 1]: 0 в пользу Короля.

Сеть ассемблеров – старая устоявшаяся технология, и в течение многих гигасекунд она была *монокультурной* технологией, лучшей в своем роде. Все использовали одни и те же подсистемы, если же необходимы новые А-ворота, просто отдайте ближайшему ассемблеру команду дублировать самого себя. Откуда взялся Король в Желтом – неизвестно, но, едва попав в сеть, он распространился, подобно идеальному газу, – пока не оказался повсюду.

Червю требуется некоторое время, чтобы проникнуть в сеть А-ворот в режиме стелс, используя человеческий мозг в качестве переносчика инфекции, но, как только инфекция достигает критической массы, остановить ее повсеместное распространение практически невозможно.

После отправки особого кода активации процесс набирает непредвиденные обороты. Внезапно появляются каналы инструкций с привилегированным статусом. Зараженные ворота создают защитные механизмы и защищают соединения с ближайшими Т-воротами; начинают прямо общаться друг с другом для обмена инструкциями и информацией. Преимущество Короля в Желтом в том, что зараженные А-ворота могут отправлять друг другу пакеты данных с сообщениями как одноранговая сеть. Располагая правильными идентификационными кодами, можно отправить инструкции к

удаленным воротам, что заражены Королем, для производства или модификации определенных вещей. Или, скажем, поручить им внести определенные изменения в людей, использующих шлюз. С ним можно делать что угодно и даже *кого* угодно.

Страшное оружие появляется, казалось бы, случайным образом, участвуя в миссиях по поиску и уничтожению неизвестно чего. Кто-то где-то пишет макросы, и единственный способ остаться в стороне – разорвать все соединения Т-ворот, отключив зараженные ассемблеры от источника команд. Но А-ворота все еще будут заражены, и Король в Желтом в них останется активным. Если использовать А-ворота для создания новых ассемблеров, то, даже если загрузить в них принципиально новые конструкционные решения, на выходе все равно получится зараженный ассемблер – Король каким-то образом отслеживает через нанорепликаторы определенные паттерны и пихает себя во все, что кажется хотя бы отдаленно этим паттернам отвечающим. Единственное решение видится в том, чтобы откатиться к технологии, предшествующей репликатору, и использовать зараженные ворота для создания инструментов, не наделенных собственным интеллектом. После этого можно попытаться восстановить незараженный ассемблер из обломков технологических систем, пришедших из пост-сингулярной эры. Ну или сдаться на милость Короля и смириться с последствиями – вот что мне лаконично сообщают Кошки Лайнбарджера. Когда они затем спрашивают, чем я занимаюсь, я спрашиваю их, могу ли присоединиться к ним.

Обстоятельства, при которых я стал танком, ясны – а вот *почему* я им стал…

Когда яркий всполох рассвета касается моей подушки, я просыпаюсь, потягиваюсь, зеваю и смотрю на Сэма, спящего рядом со мной. Нежное чувство настолько переполняет меня, что чуть не останавливается сердце. На мгновение хочется вернуться туда, где я – Робин, мужчина, а Сэм – Кей, женщина, и мы оба достаточно интегрированные в социум люди, которые могут быть где угодно и делать все, что захотят. На мгновение мне жаль, что так и не довелось узнать, каков Сэм на самом деле…

Приходится заставить себя встать: сегодня рабочий день, и я должна быть в библиотеке, потому что по крайней мере один клиент – Фиоре, будь он неладен, – явится туда. Перспектива заняться своими обычными делами после того, что произошло прошлой ночью, кажется мне странной – она сносная для неписи, а для человека иррациональна. Я будто стала существом, которое подсознательно следует определенным привычкам и чтит

команды неизвестного кукловода. Но просто делать свою работу недостаточно, напоминаю я себе. Работа для меня – лишь прикрытие. Хотя я до сих пор не совсем понимаю, что здесь происходит, почему меня сюда послали и кто такие на самом деле Юрдон и Фиоре, – из омута памяти всплыло достаточно, чтобы оправдать кое-какие подозрения. И мозаика, которую я собираю, не дает красивого узора.

Я абсолютно уверена, что со стороны проект Юрдона—Фиоре—Хант должен казаться успешным экспериментом в области социальной психологии. Дано: замкнутый микрокосм с уникальными правилами и внутренней динамикой, пугающе близкой к тому, что описано в книгах, пролистываемых мною на досуге в библиотеке. Доказать: насколько аутентична условная обратная связь с обществом темных веков. Сдается мне, такая задачка по плечу Юрдону и Фиоре – они без труда пустят пыль в глаза комитету по академической этике, назначенному Схоластией. Да, в самой экспериментальной среде дела идут иначе, но, когда Юрдон, Фиоре и таинственная персона Хант объявляют о продолжении и говорят, что все заключенные согласились продлить свое участие, никто не станет копать слишком глубоко. К тому времени экспериментальная популяция увеличится почти вдвое. Половина заключенных будут новорожденными гражданами, не известными надзорному комитету во внешнем мире. Вообще, не мешало бы посмотреть на здешнюю больницу и навестить Касс. Разведать, на что похожи местные родильные дома – держу пари, они довольно продвинуты по меркам заведений темных веков, – и что там ожидают большой наплыв пациенток.

Меня также беспокоит вопрос, что представляют собой ящики с папками в архиве документов. По моим оценкам, они содержат около миллиарда байтов, записанных на стабильном носителе в течение десятков, может, сотен гигасекунд. *Споры*. Им для этого нужны дети, верно? Я не помню, почему больше не регистрируются вспышки Короля в Желтом – это одно из тех воспоминаний, которые слишком глубоко залегли, их просто так не вытянешь. Но должна же быть какая-то связь, не так ли? Оригинальный вирус распространялся через людей-носителей, грубо редактируя их, внедряя свой код ядра и заставляя их задавать команды отладчика для загрузки и выполнения вируса на каждом выявленном ассемблере. Так Король расползся по сети. Наши модемы сейчас не работают должным образом, так? Хм-м-м. Новые А-ворота отличаются от старых, но они – такая же монокультура, просто созданная с прицелом на противостояние стратегиям заражения Короля. Не могу перестать думать о

военном ассемблере в подвале библиотеки. Здесь мне чего-то не хватает, какой-то важной детали мозаики – у меня недостаточно данных…

Одетая по-рабочему, стою у плиты с чашкой кофе и не помню, как сюда попала. Я вздрагиваю, охваченная абстрактным безликим страхом. Неужели я оделась, спустилась вниз и приготовила кофе в какой-то интроспективной дымке, глубоко задумавшись о настоящей цели этого эксперимента? А может, со мной происходит что-то похуже? Тот факт, что я могу читать слова «Я люблю тебя», но слышу их как […], говорит о том, что что-то не так с моим речевым центром. А если у меня провалы в памяти, может, я заболела. Серьезно больна. Холодный пот покрывает мою шею, когда я понимаю, что, может статься, вот-вот *размотаюсь* как вязаный шарф, зацепившийся за гвоздь. Я знаю, что моя память полна пробелов, из-за которых ассоциации между концепциями и опытом разорваны, но что, если удалили слишком много? Способна ли оставшаяся часть меня попросту *распасться*, отказать? Не подведут ли меня постепенно мои навыки говорить, помнить и воспринимать реальность?

Не знать, кто ты *есть* – гораздо хуже, чем не знать, кем ты был/была.

Я выхожу из дома, оставляя Сэма спящим наверху, и топаю на работу. Как всегда, жарко – мы, кажется, вступаем в лето по расписанию. Мне идется легко, пусть я иду в направлении, противоположном обычному маршруту. Я планирую сделать петлю и подойти к району, где находится библиотека, с задов, по другой улице, по которой обычно не хожу.

Вскоре после этого я открываю библиотеку, которая выглядит чистой и опрятной. Здесь, наверное, дежурит непись, когда ни Яны, ни меня нет – какой-нибудь внештатный уборщик. Я иду в комнатку для персонала выпить еще кофе, прежде чем появится Фиоре. Пока я таращилась на закипающий чайник, кое-кто застал меня врасплох.

– Яна! – взвизгиваю я. – Что ты здесь делаешь? Я-то думала, ты болеешь!

– Уже чувствую себя намного лучше, – объясняется она с легкой улыбкой. – Меня всю последнюю неделю сильно тошнило, беспокоила боль чуть пониже спины, но теперь она отступила и приходит реже. Вообще не болит, если не наклоняюсь и не поднимаю тяжести. Вот я и решила зайти, покуковать немного на стойке регистрации.

Проклятие.

– Ну, пока здесь довольно спокойно. Тебе необязательно оставаться. – Тут мне в голову приходит одна мысль. – Ты же

знаешь, что произошло в воскресенье?

– Да. – Черты ее лица каменеют. – Я так и чувствовала, что должно произойти что-то плохое: Эстер и Фил слишком неосмотрительно себя вели. Но чтобы *такое*…

– Будешь кофе? – Я импровизирую на ходу, пытаясь придумать, как вытащить Яну отсюда, хотя бы пока я буду заниматься вещами, способными поставить на мне прочный крест, если что-то пойдет не так.

– Да, пожалуйста. – Теперь у нее такой задумчивый вид. – Мне хотелось своими руками задушить этого жирного маленького говнюка!

– К слову, о Фиоре – этим утром он должен заехать, – замечаю я, стараясь говорить как можно небрежнее, надеясь тем самым привлечь ее внимание.

– Реально? – Яна стреляет в меня глазами.

Я облизываю губы.

– Прошлой ночью произошло кое-что еще. Я… было бы очень здорово, если бы ты могла оказать мне одну услугу.

– Что за услуга? Если это связано с тем, что было в воскресенье…

– Нет. – Я делаю глубокий вдох. – Связано с женщиной из моей когорты по имени Касс. Ее муж, Майк – я и еще несколько парней наведались к нему вчера вечером, ну и, в общем… Касс пришлось отвезти в больницу. Мы следим за тем, чтобы он к ней не подходил, но сама понимаешь…

– Майк – это парень с большим носом и глазками как у бешеной зверюги?

– Похоже, да.

Яна ругается про себя.

– И что, он устроил ей плохую жизнь?

Поначалу я даже не сразу нахожусь с ответом.

– Настолько плохую, насколько вообще возможно. Если он снова ее найдет, боюсь, попросту убьет. – Я смотрю на нее. – Яна, суть в том, что Фиоре *знал*, что Майк вытворяет. Он не мог не знать, но ничего не предпринял! Готова поспорить, следующим воскресеньем он выпишет нам крупный штраф за то, что полезли не в свои дела.

Яна задумчиво кивает:

– Так что ты от меня хочешь?

Я выключаю чайник.

– Сегодня возьми выходной по самочувствию. Вообще на последние несколько дней забудь сюда дорогу. Проведай Касс в больнице. Если ей сделали фиксацию челюсти, возможно, она сможет говорить. У нас не получается караулить ее все время, а

кто-то рядом не помешает. Кто-то, кто вызовет полицию, если нагрянет Майк. Не знаю, настроены ли на это больничные неписи.

– Забудь о кофе, я ухожу. – Когда Яна встает, она странно смотрит на меня. – Удачи во всем, что планируешь для Фиоре, – говорит она. – Надеюсь, ему будет больно. – Сказав это, она направляется к выходу.

После ее ухода я встаю за стойку регистрации и жду. Фиоре появляется около полудня и демонстративно игнорирует меня. Я предлагаю ему кофе и получаю рыбий взгляд вместо «да» – он кажется подозрительным. Интересно, это из-за того, что случилось прошлой ночью? Но он здесь один, без полиции и сборища ручных зомби, которые могли бы его поддержать, поэтому он делает вид, что не видит меня, а я делаю вид, будто не знаю, что случилось. Он направляется к запертой двери в справочной секции, и мне удается сдержать шумный вдох, сотрясающий легкие, до его отбытия с абонемента.

В пальцах я до побеления костяшек сжимаю ручки сумки. Внутри – разделочный нож; лезвие я наточила. Вышло не очень похоже на кинжал, но, держу пари, Фиоре – не мастер боя на ножах. Если повезет, он ничего не заметит или решит, что автором небольшого нововведения в подвале является Юрдон, и не побежит бить тревогу. Нож – на худший случай, если он таки поймет, что я задумала. Да, дерьмовое оружие, что там. Но все же лучше, чем пустые руки. Утешая себя этой мыслью, я сижу за столом на абонементе, вся из себя чопорный порядочный библиотекарь, и жду, когда злой господин Жабб [16] соизволит покинуть хранилище.

Пот стекает по моей пояснице, когда я смотрю через передний двор на шоссе, следя за тем, как узор из света и тени, отбрасываемый кронами вишнёвых деревьев, растущих по обеим сторонам дорожки, то смещается, то возвращается на место поверх бетонной брусчатки. У меня начинает болеть голова, когда я раз за разом пытаюсь сложить в уме картину из множества обрывков. Скрывают ли мои периодические отключения нечто по-настоящему важное?

Вот загадка: почему трое пропавших (или беглых) специалистов по пси-операциям, лучше всего зарекомендовавших себя в хаосе, последовавшем за падением Республики, вдруг всплывают на поверхность внутри эксперимента, воспроизводящего исторический период, о котором мы практически ничего не знаем? И почему в библиотечном хранилище должно храниться что-то похожее на копию байт-кода Короля в Желтом, отпечатанную на бумаге? Почему я не слышу произнесенных вслух слов «Я люблю тебя» и что за дела с моими

периодическими провалами в памяти? Почему в подвале размещены отдельные А-ворота и что с ними делает Фиоре? И почему Юрдон хочет, чтобы у нас было много-много детей?

Я не знаю. Но есть одна вещь, в которой я уверена: эти отморозки раньше работали на Короля в Желтом или на одну из когнитивных диктатур, и все это как-то связано с последствиями Войны Правок. Я здесь потому, что прежняя я – макиавеллист мужского пола с ручкой, вырезанной из собственного ребра, – питала глубокие подозрения именно в этом отношении. Но чтобы провести себя через защиту эксперимента, ему пришлось стереть куски собственных воспоминаний, которые выдали бы его. И это те самые кусочки меня, которые нужны, чтобы понять ситуацию!

Это не только разочаровывает, но и очень тревожит, потому что на карту поставлено гораздо больше, чем личная безопасность – будь то угроза со стороны экспериментаторов или других жертв. Я смутно подозреваю сердечную боль и страдания, вызванные первой волной вируса, и страшную борьбу, потребовавшуюся, чтобы разбить сеть червя с его открытой и скрытой задачей, а также очистить каждый ассемблер. Король в Желтом разрушил то, что когда-то было взаимосвязанной межзвездной цивилизацией, погрузив ее в хаос и раздробив на бесчисленные фрагменты-формации. Как нам удалось положить ему конец?

Раздаются шаги. Это Фиоре. Он выглядит странно самодовольным, идя к дверям.

– На сегодня всё, отец? – окликаю я его.

– Да. – Он изображает нечто вроде легкого поклона в мою сторону – жест, который, очевидно, должен выглядеть любезным, но кажется в лучшем случае напыщенным. Затем брови Фиоре хмурятся. – Ах да, Рив. Ты, полагаю, была вовлечена в инцидент прошлой ночью?

Левой рукой я стискиваю рукоять ножа в сумке.

– Да. – Я смотрю на него сверху вниз. – Вы знаете, что Майк делал с Касс?

– Я знаю, что… – кажется, ему приходит в голову новая мысль, и он меняет вектор поведения на полуслове, – …что вмешиваться в священные отношения между мужем и женой – серьезный проступок. Такое вмешательство оправдывают лишь исключительные обстоятельства. – Фиоре смотрит на меня по-совиному. – Касс ведь беременна.

– И?..

Должно быть, выражение моего лица Фиоре принял за замешательство, потому что снизошел до пояснений.

– Если бы вы не вмешались, она могла потерять ребенка. – Он

смотрит на часы. – А теперь прошу извинить – у меня назначена встреча. Хорошего дня.

Фиоре уходит, а я остаюсь, таращась ему в спину с недоверчиво разинутым ртом. И почему, интересно, его так заботит здоровье плода, а не то, что мать подверглась пыткам, неоднократным изнасилованиям, неделями находилась в плену и искалечена так, что вряд ли уже встанет на ноги? Почему? Да у зомби побольше сочувствия наскребется, чем у этого типа. Что вдруг случилось, почему он оговорился? Готова поклясться, поначалу он собирался осудить наш поступок прошлой ночью, однако вдруг смягчился. Боится, что епископ предъявит ему, если из-за спасения Касс народ устроит новую казнь? Или дело не в этом?

Они хотят, чтобы у нас было много детей. Но почему это важно для них? Это как-то связано с вирусом?

Я скриплю зубами, пока Фиоре не исчезает из виду, затем спрыгиваю со стула, вешаю табличку «ЗАКРЫТО» и направляюсь к камере хранения. Секретный подвал внизу – точно такой, каким я его оставила, за исключением ассемблера, который пыхтит себе под нос и булькает, подтягивая сырье, или охлаждающую жидкость, или что-то еще через трубы в полу. Думаю, Фиоре задал ему какое-то объемное пакетное задание. Но я сейчас здесь не для проверки, а чтобы забрать видеокассету из видеокамеры, которую оставила на полке с оборудованием.

Видеокамера представляет собой небольшую металлическую коробку с объективом на одной стороне и дисплеем на другой. Не знаю, что происходит внутри нее. Это, конечно, не оригинальный артефакт темных веков – я видела их изображения в библиотечных книгах, – но каким-то образом выполняет ту же функцию. Наряду с остальными техническими артефактами в симуляции, над камерой, вероятно, часами трудился какой-нибудь художник по декорациям, силясь понять, как придать ей нужную функциональность и не перегрузить. Ошибки и промахи налицо, но их не слишком много. Ранние камеры использовали носители, называвшиеся «пленкой» и «дисками», но эта просто записывает все, что видит, на кремниевую ячейку памяти. Объема хватает где-то на мегасекунду событий.

Я усаживаюсь на диван и вожусь с этой штуковиной. Кладу сумочку рядом и касаюсь дисплея, перематывая видео назад на час, два, три… Темнота уходит – вспышка света – и появляется Фиоре. На тройной скорости я просматриваю, как он двигает коробки на полках и достает пару папок. Делаю паузу, чуть играю с масштабом – не столько читаю, сколько угадываю надписи на папках по смутным очертаниям: ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ и ИНДЕКС СТАБИЛЬНОСТИ ПОПУЛЯЦИИ. Потом Фиоре отходит к А-воротам и работает с ними через терминал. Похоже, нет никаких биометрических аутентификаторов, сканирования сетчатки глаза и прочих систем защиты, характерных для этих штук, – но, возможно, терминал защищен паролем. Цилиндр затвора вращается вокруг своей длинной оси, и Фиоре входит в камеру. Быстрая перемотка вперед – вот он уже выходит где-то килосекунду спустя, по-совиному моргая. Значит, он только что сделал резервную копию?

Вернувшись к терминалу управления, Фиоре отдает еще несколько команд, и ворота активизируются. Я оглядываюсь через плечо. Да, они все еще в работе – синтезируют что-то затратное. Вот он направляется к лестнице – и…

Что… КОГО они там собирают?

Я резко разворачиваюсь и хватаю сумку.

Как раз в этот момент А-ворота открываются.

Надо же так вляпаться! Полный провал! Теперь все предельно ясно: Фиоре стал подозрительным. Сначала он сделал резервную копию себя, затем устроил мне ловушку, в которую я сразу угодила. Когда цилиндр вращается, становится видна его внутренняя часть. Загорается белый свет. Пахнет фиалками и чем-то органическим, что постепенно рассеивается. Нутро исторгает немного пара. Внутри кто-то или что-то есть.

Я бросаюсь вперед: нож – в левой руке, сумка – в правой. Существо садится в камере и поворачивает голову. Теперь у меня есть только один шанс. С бешено колотящимся сердцем я натягиваю ему на голову пустую наплечную сумку поверх жестких черных волос – его толстые подбородки возмущенно колышутся, а руки вздымаются вверх. Я приставляю острый край ножа к его горлу и кричу:

– Не двигаться!

Двойник Фиоре замирает.

– У меня нож. Если дернешься, заорешь или попытаешься сбросить мешок с головы, я тебе горло перережу. Если все понял, скажи «да».

Его голос приглушен тканью, но звучит почти весело.

– Что, если я скажу «нет»?

– Тогда я сразу перережу тебе горло. – Я слегка усиливаю нажим на лезвие.

– Да, – торопливо бросает он.

– Отлично. – Я поудобнее хватаюсь за рукоятку. – А теперь позволь мне сказать тебе кое-что. Ты думаешь, у тебя есть работающий модем, и ты вот-вот позовешь на помощь – так? Увы,

не выйдет: модемы – широкополосные штуки, а на голове у тебя сейчас клетка Фарадея. Она, конечно, открыта снизу, но не забывай – мы в подвале. Сигнал слабый. Понимаешь?

– Что-то и впрямь не выходит никого позвать. – Голос Фиоре звучит довольно панически. А он не промах.

– Молодец, что сознался, иначе конец твой был бы немного предсказуем, – говорю я ему. – Еще раз повторяю: будешь мотать головой и пытаться освободиться, я тебя прирежу.

Он трепещет. О, я не должна наслаждаться этим моментом – но, увы, я все-таки наслаждаюсь. За все, что он с нами сделал, Фиоре мало убить сто раз. Во что я превратилась благодаря ему? Меня почти трясет от исступления – чувство сильное, как голод или тоска.

– Слушай мою команду. Когда скажу тебе встать, ты медленно поднимешься, держа руки по швам. Если в какой-то момент чувствуешь, что на глотку ничего не давит – лучше замри, потому что, если куда-нибудь метнешься, я тебя убью. Как встанешь на ноги – сделай шаг на полметра вперед, медленно заведи руки за спину и сцепи пальцы вместе. Усек? Так, медленно, не торопясь – вставай.

У Фиоре, надо отдать ему должное, хватает хладнокровия, чтобы делать то, что я ему говорю, без колебаний и истерики. Или, может, он просто точно знает, чего ждать, если не подчинится. Он не может питать иллюзий по поводу того, насколько его ненавидят, не так ли?

– Шаг вперед, руки за спину, – приказываю я. Он послушно делает шаг вперед. Мне приходится не отставать, удерживая нож у его шеи; в то же время я опускаю свободную руку и обхватываю его правое запястье. Это опасный момент: если он ударит меня ногой и левым плечом – заблокирует, ему ничего не будет стоить вырубить меня и улизнуть. Но, похоже, Фиоре не особо сведущ в тонкостях рукопашного боя один на один, да и сумка на голове порядком его дезориентирует. Я отступаю в сторону и лезу в карман правой рукой, пока не нахожу то, что ищу, затем выдавливаю содержимое маленького тюбика на пальцы моего заложника. Цианоакрилатный клей – вот что заменит доблестной библиотекарше наручники!

– Не двигай руками, – говорю я ему.

– Что за… – Фиоре останавливается. Конечно, он *не может* не шевелить руками, и вещество попадает в складки его кожи. Клей менее вязкий, чем вода, но полимеризуется за считаные секунды. Держа нож у шеи Фиоре, я осматриваю проделанную работу. Он, само собой, сможет развести руки, пожертвовав кожным покровом на пальцах – но, думаю, этим меня врасплох не застанет.

– Отлично. Теперь – три шага вперед. Встанешь по моей команде. Раз… два… стоп!

Теперь мне надо подумать. Фиоре хрипло дышит в импровизированном капюшоне, от него воняет страхом и потом. В любой момент он поймет, что я не могу оставить его в живых, и тогда станет неуправляемым. У меня есть секунд двадцать…

– Когда мой муж говорит […], я его не слышу, – окликаю его я. – Что это значит?

– Это значит, что Король в Желтом добрался до тебя. – Голос Фиоре звучит странно – он слишком спокоен.

– Ты сделал копию себя, чтобы увидеть, что здесь происходит, – замечаю я. – Умный ход. Боялся, что я улизну через эти А-ворота?

– Да, – лаконично отвечает он.

– Они невосприимчивы к вирусу, которым я заражена, не так ли?

Я чувствую, как напрягаются его мышцы.

– Да, – неохотно произносит он.

– И Юрдон не настаивал, чтобы твой модем был заблокирован? – напряженно спрашиваю я, потому что теперь всё зависит от правильного ответа.

Хотя Фиоре явно не подтверждает мое предположение, он начинает разводить руки, кряхтя при этом. Я просто знаю, что права. Однако я также знаю, что у меня осталось всего около трех секунд. Поэтому подхожу к нему сзади и осторожно провожу правой рукой по его груди. Когда я добираюсь до интимных мест, он замирает. Когда хватаю его яички и сжимаю их, он валится вперед, потеряв дар речи и хватая ртом воздух, – так неожиданно, что чуть не сбивает меня с ног. Сумка слетает у него с головы, но это не имеет значения, потому что сразу после этого я хватаю его за волосы. Пока Фиоре поглощен ужасной, перехватывающей дух болью в животе, я откидываю его голову назад и вгоняю лезвие ножа в сонную артерию и щитовидный хрящ, чуть ниже подъязычной кости.

Здесь сто́ит отметить, что между мной и Фиоре есть одно существенное различие. Мне не нравится убивать, но я знаю, как это делать. Фиоре возбуждается, предаваясь фантазиям о власти и наблюдая, как его одержимые социальным рейтингом кармодрочеры линчуют прелюбодеев. Однако ему и в голову не пришло прописать одну лишнюю команду для ассемблера и создать двойника, скажем, с пистолетом в руке. И ему потребовалось почти двадцать секунд, чтобы понять, что независимо от того, что он делает или говорит, у меня нет другого выбора, кроме как убить его. По сути, Фиоре – типичный

убийца бюрократического типа, нажимающий на кнопку и получающий результат. А вот для меня…

Для меня весь свет вдруг меркнет.

* * *

Гражданская война длится две гигасекунды – это почти шестьдесят четыре года по исчислению давно утраченной планеты *Zemlya*. Вероятно, она все еще идет в каких-нибудь отдаленных уголках освоенного человечеством космоса. Когда была разрушена в попытке защититься от угрозы Короля сеть сверхдальних телепортаций, межзвездная Ойкумена распалась на независимые обиталища, разделенные задержкой связи на световые годы. Там, в вечной тьме и холоде, за высвобожденным конусом света, вероятно, остаются изолированные очаги деятельности Короля – точно так же, как могут еще быть где-то аванпосты постлюдей, выпавшие из сети, когда Насущная Республика прекратила свое существование. Теперь они оторваны от нас. «Перепрошивка» людей, уничтожение памяти – вот самое смертоносное оружие Короля в Желтом. Возможно, он заставил нас забыть о целых государствах и сбросить на Т-воротах точки доступа к ним – у всех, кто пользовался зараженными ассемблерами. Самое ужасное в Короле то, что мы никогда не узнаем, чего лишились и сколь многих потеряли. Целые эпохи геноцида могли улетучиться благодаря ему из нашей памяти, как если бы их никогда не было. Вероятно, этим объясняется своеобразная вендетта червя против практикующих историков и археологов. Он – или его создатель – боится, что мы что-нибудь вспомним.

Первую из тех двух гигасекунд я провожу на службе у Кошек Лайнбарджера; их высочайшей милостью я – танк. Как только у меня вырисовывается четкая картина того, что происходит, во мне мало что остается человеческим. Мне нетрудно сделать общие выводы из рассказов о, казалось бы, *случайных* зверствах, совершенных исключительно против тех, кто озабочен прошлым. И гигасекунда небытия, которую я провел на борту «Благодарного Преемника», сама по себе была подобна смерти. Этого времени оказалось достаточно, чтобы дети повзрослели, а родственники отчаялись, смирились с потерей и отправились по жизни дальше. Даже если моя семья каким-то чудом не подверглась ликвидации из-за моей работы – они все равно потеряны для меня. Такой опыт обычно ожесточает человека, отвращает от всего человеческого и обращает к более темным и зловещим формам разумной жизни.

Итак, кратко – о моем теле: я вешу примерно две тонны, от пят до плеч насчитываю три метра высоты. Моя нервная система не биологическая – я будто играю в симулятор в реальном времени, имея чувственный контакт с миром сугубо через болевые нервы моего бронированного туловища. Опасности долгосрочной миграции в виртуальное пространство хорошо известны – в некоторой степени их можно избежать, сохранив соматотип и наладив канал устойчивого контакта с реальным миром, – но это не самая насущная проблема для меня, есть и поважнее. Если требуется, я могу в десятки раз ускорить производительность своего мозга. Моя кожа – экзотическая броня, усеянная монокристаллическими алмазами, встроенными в энергопоглощающую матрицу квантовых точек, которая может мгновенно принимать цвет любого фона, от радиочастот до мягких рентгеновских лучей. Вместо ногтей у меня выдвижные когти из бриллиантов, а вместо кулаков, которые могли бы сжимать и бить, – лучевые пушки. Я не ем, не дышу, не испражняюсь; энергию черпаю из спирали, обвивающей бесконечный поток плазмы, исходящий из фотосферы скрытой звезды.

За кровавый прогон длиной в четыреста мегасекунд и шестнадцать боевых выходов Кошки повышают меня до старшего сержанта. В отличие от Лорала и некоторых других, я не туплю, когда возникает проблема. Не испытываю шока и диссоциации, когда понимаю, что мы только что обезглавили двенадцать тысяч гражданских лиц и засунули их головы в тактический ассемблер – который в итоге тихо сломался и не смог записать их бэкапы. Обидно, досадно, но – ладно: я делаю то, что необходимо. Не колеблюсь, когда жертвую шестью своими копиями в смертоносных атаках, выигрывая время для остальной группы, давая им отступить. Я не чувствую ничего особенного, кроме холодной ненависти, и, хотя на уровне абстракции понимаю, что болен, не хочу просить о медицинской помощи, которая может ухудшить способность сражаться. И наши теневые командиры, которые наблюдают за всеми, не считают нужным лечить меня.

Первую гигасекунду война идет традиционными методами. Мы находим забытые Т-ворота, ведущие в жилые зоны и находящиеся под контролем Короля в Желтом. Через них вторгаемся, взрываем ассемблеры, которые они используют в качестве брандмауэров против иммигрантов, и организуем себе плацдарм, пробиваемся внутрь, устанавливаем наши собственные чистые А-ворота и насильно прогоняем через них гражданское население, тем самым удаляя желто-королевский моро́к из их мозгов. Те, кто выживает, обычно потом нас благодарят.

Поначалу это относительно легко, но позже мы обнаруживаем, что уровень обороны политий, на которые мы нападаем, растет. Еще позже Король начинает программировать мирных жителей, своих новообретенных подданных, на ожесточенную и беспощадную борьбу. Доходит до того, что на нас в атаку бросаются дети с ворпальными мечами в тонких руках – и это не самое плохое, что мне довелось повидать на войне.

Определенный сорт людей привлекает сама идея Короля в Желтом как высшей сущности, достойной почитания и поклонения. Они манипулируют червем, адаптируют его мощности к своим потребностям, создают карманные когнитивные диктатуры в отдельных уголках Вселенной. Зверства, которые совершают эти фанатики, укрепляя свою власть, не в пример хуже грубой прямолинейной тактики вируса в его изначальной версии.

Но я не осознавал этого до самого конца кампании. Внезапно знание о моем прежнем «я» всплывает на поверхность, и я постепенно провожу все больше свободного времени, размышляя о разных последствиях. Мое исследование психологии сотрудников становится одним из самых часто скачиваемых файлов во внутреннем архиве знаний Кошек Лайнбарджера. Надо думать, неудивительно, что в какой-то момент они вызывают меня в штаб-квартиру, загодя прося собрать все отщепленные векторы моей личности в единый пучок. Они решили вновь сделать из танка человека.

Поначалу перспектива меня отвращает. Я ведь привык быть гордостью танковой дивизии, проводя бóльшую часть времени в миссиях на стылых орбитах погасших звезд и экзопланет. Снова *дышать, есть и спать* – нет, увольте! Все это – бессмысленные помехи. Я признаю, что они представляют интерес для понимания мотивационной основы врага и что на них нужно делать поправку среди людей, которых мы освобождаем, но мне-то зачем подчинять себя слабостям плоти? Однако со временем я понимаю, что дело не во мне. Мне надо уметь работать со штаб-квартирой. Итак, я вновь соединяю свои разные «я», стираю личность из килотонн тяжелого металла, которые до недавнего времени служили мне конечностями, отчитываюсь перед ближайшим полевым командным узлом – к ассемблированию готов…

…Придя в себя, я понимаю, что склонилась над панелью управления А-вратами. В левой руке я так крепко сжимаю окровавленный нож, что пальцы едва не сводит судорогой. Кровь залила пол тайной комнаты – целое алое озеро натекло.

Если я все сделала правильно, Фиоре не успел использовать модем. Когда его голова высунулась из сумки, он почувствовал сильную физическую боль, а затем потерял сознание из-за оттока крови. Отключка – через десять секунд. Он заслуживал худшего.

Но у меня сейчас огромная проблема, а именно – добрых сто десять килограммов мертвого мяса, которое некуда девать. К тому же мои свитер, юбка и рабочие ботинки все в крови. Плохи дела, очень плохи! А мысли, как назло, путаются, норовят сползти в истерику.

На мгновение я вспоминаю дни с Кошками Лайнбарджера. Вспоминаю сломанные ворота и рассеянные вокруг ошметки безжизненной плоти. Каким-то образом этот кошмар возвращает мне внутренний баланс и заставляет понять, что делать. Я хватаю Фиоре за руку и осторожно дергаю. Бледная туша слегка сдвигается, а когда я напрягаю спину – отклеивается от пола и проскальзывает мне навстречу. Стеная сквозь зубы, прилагаю усилия, но сдвинуть этого кита нелегко. Поэтому я стою и осматриваюсь. На одной из полок с оборудованием на глаза попадается какой-то кабель – я подхожу, хватаю моток, продеваю отрез под руки Фиоре, закрепляю узлами на торсе и волоку мертвый груз к А-воротам. Наконец мне удается приподнять тело и запихнуть его в рабочую камеру. Его трудно удержать там – одна нога все время норовит выпростаться наружу. В итоге я понимаю, что и эту конечность-бунтовщицу можно к чему-нибудь привязать.

– Отличная работа, – хвалю я сама себя, наклоняясь над панелью управления. *Что, сама с собой разговариваешь, Рив? Сходишь с ума?* Мои пальцы оставляют на панели алые липкие пятна, но в конце концов мне удается вызвать диалоговый интерфейс. У А-ворот, как выясняется, множество запланированных заданий фоновой сборки – но они, на мое счастье, многозадачные.

ТЕРМИНАЛ, ввожу я неловкую команду, ПРИНЯТЬ ОРГАНИЧЕСКИЕ ОТХОДЫ К РАЗБОРКЕ ВНЕ ОЧЕРЕДИ. ХОРОШО?

ХОРОШО, отвечают ворота, и дверь камеры со скулящим звуком запечатывается, убирая труп Фиоре с глаз долой.

ТЕРМИНАЛ, продолжаю я общение, ВЫБОР ШАБЛОНА: СИСТЕМА ОЧИСТКИ КОВРОВ, САМАЯ МОЩНАЯ, ПЕРВАЯ В СПИСКЕ. СОБЕРИ МНЕ ОДНУ ЕДИНИЦУ. МНЕ НУЖНА ОДНА ЕДИНИЦА. СДЕЛАЙ МНЕ ТАКУЮ ШТУКУ. ХОРОШО?

ХОРОШО, ЗАПРОС ОБРАБАТЫВАЕТСЯ, отвечают ворота. ПРОИЗВОДСТВО В ПРОЦЕССЕ. ВРЕМЯ ГОТОВНОСТИ: 350 СЕКУНД ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ТЕКУЩЕЙ ЗАДАЧИ.

Ах, эти удобства современной жизни!

Я иду наверх, в комнату для персонала, и навожу себе чашку чая. Снимаю верхнюю одежду и бросаю в раковину. У нас тут есть базовое чистящее оборудование, а моющее средство довольно хорошо удаляет пятна – вероятно, это лучше всего, что было в темные века. Пара полосканий – моя юбка и свитер промокли насквозь, так что я выжимаю их, вешаю на кондиционер и выставляю на нем функцию подогрева воздуха.

Спустившись обратно в подвал, обнаруживаю, что ассемблер собрал все, о чем я его просила. Фиоре превратился в машину для чистки ковров и набор впитывающих салфеток. Приходится еще раз подняться наверх – принести воды для бачка в очистителе. От запаха пятновыводителя у меня кружится голова, но через полчаса я убрала все видимые кровавые разводы с ковра, стен и полок. До потолка, увы, не достать, но, если не знать, что здесь кто-то убит, можно принять тамошние маленькие пятнышки за ржавчину, скажем. Так что я ставлю чистящую машину назад в камеру ассемблера и разговариваю сама с собой.

– Это все прикрытие, – говорю я и зеваю. Должно быть, выброс адреналина наконец унялся. – Фиоре, Юрдон и та третья личность… специалисты по психологической войне, работавшие над эмерджентным контролем группового поведения. – Мои фуги, похоже, высвободили еще пачку разрозненных воспоминаний – в этот раз досье на… – …военные преступления, совершенные ими, очень серьезны. Ранее эти люди занимали посты в службе безопасности Насущной Республики. После первой атаки Короля в Желтом дезертировали. Несколько последних гигасекунд сообща работали сначала над антивирусом, позднее – над улучшенной версией вируса.

Я хлопаю глазами. Это я говорю? Или какая-то другая «я», использующая речевые центры для общения с внешним миром, – кем бы я ни была?

– *Приоритет: эксфильтрация. Приоритет: эксфильтрация.* – Мои руки сами, без моей на то санкции, порхают над панелью управления А-воротами.

– Что за херня! – вскрикиваю я. Но их не остановить, они знают, что делают, – и, судя по всему, запускают программу, чтобы вытащить меня отсюда.

– *Система недоступна,* – отвечает голосовой помощник ворот ровным, неумолимым тоном. – Доступ к сети дальнего следования заблокирован.

Что бы ни делали мои руки, это не работает. Что-то вырвалось у меня из памяти, что-то огромное и уродливое.

– Ты должна бежать, Рив, – слышу я собственный голос. – Данная программа будет автоматически удалена через

шестьдесят секунд. Из этой локации сетевое соединение с внешним коллектором недоступно. Ты должна бежать.

Несмотря на то, что на мне только лифчик и трусики, меня прошибает холодный пот вдоль и поперек.

– Ты кто? – шепотом спрашиваю я.

– Данная программа будет автоматически удалена через пятьдесят пять секунд, – отвечает что-то внутри меня.

– Ладно-ладно, я слышу тебя! Иду уже, иду! – Я с ужасом понимаю, что, когда нечто говорит *«данная программа»,* оно подразумевает *меня* – очевидно, это вторичная сущность вируса, вроде загрузочного ядра Короля в Желтом. Но куда мне бежать? Смотрю наверх, на потолок, – и все встает на свои места. Мне нужно подняться вверх сквозь стены этого мира. Может, эта полития чередуется с другими – ежели так, я смогу прорваться на верхнюю или нижнюю палубу. Возможно, есть способ добраться до Т-врат и снова присоединиться к коллектору Невидимой Республики. – Поднимаемся, значит!

– Данная программа будет автоматически удалена через тридцать две секунды. Твой вектор побега одобрен. Отключаю диалоговый интерфейс.

В моей голове становится очень тихо; я стою над терминалом ассемблера, дрожа и делая быстрые неглубокие вдохи. Нечто, кажется, покинуло мое сознание, оставив после себя лишь тревожное ничто. Меня пробирает экзистенциальная дрожь – кто-то спрятал во мне зомби-директиву?.. Но кто и зачем?

Но я – это все еще я; я вернулась. И не собираюсь внезапно перестать существовать, чтобы в моем теле меня подменила улыбающаяся бестолковая марионетка. Это был просто протокол эвакуации, настроенный на срабатывание через определенный период времени – или реагирующий на заранее определенный уровень стресса, при котором я не знала бы, как быть и куда податься. Исчерпав свою (бес)полезность, программа вернула контроль над телом мне, своему сознательному носителю. Ну и славно. Если я послушаюсь ее и убегу – может, улучу момент проветрить голову от остальных безбилетных пассажиров. Да, было бы здорово… В любом случае я же реально хочу сбежать. Нет причин расстраиваться.

– Черт возьми, я только что убила Фиоре, – шепчу я. – Я должна выбраться отсюда! Как быть? Что делать?

Наверху в комнате отдыха, как в сауне, скопился пар. Кашляя и хватая ртом воздух, я уменьшаю температуру, хватаю влажную одежду, натягиваю ее и бросаюсь к двери. После – и это самое сложное – я приглаживаю волосы, беру сумку и уверенно иду через парковку к тротуару, чтобы поймать проезжающее мимо

такси.

– Отвезите меня домой, – прошу я шофера, стиснув зубы от страха.

Домой. Дом, который я делила с Сэмом так долго, что считаю его знакомым местом, находится менее чем в пяти минутах езды на такси, но кажется, что где-то на полпути к ближайшей звездной системе.

– Подождите здесь, – говорю я таксисту, вылезаю и направляюсь к гаражу. Я не хочу встречаться с Сэмом прямо сейчас и очень надеюсь, что он еще на работе. Потому что, если он найдет меня здесь, я не смогу провернуть задуманное. Придется вовлекать его, а это хуже. Но его дома нет, и я могу пробраться в гараж незамеченной. Оттуда я забираю свой беспроводной перфоратор, примочки к нему и несколько других полезных безделушек – заготовленных на случай форс-мажора. После этого возвращаюсь в машину.

Мы двигаемся по жилой улице, невысокие дома стоят в стороне от дороги, за белым частоколом, разделенные рощицами. На улице – жарко (из-за солнца) и громко (из-за туч насекомых).

У въезда в тоннель я глубоко вздыхаю.

– Новый маршрут, – говорю я. – Остановитесь прямо здесь. Подождите шестьдесят секунд. Затем продолжайте движение, вырулите из тоннеля. Выключите радио. На каждом перекрестке случайным образом выбирайте направление и продолжайте поездку. При этом не останавливайтесь, если нет препятствий. Продолжайте движение, пока цена за поездку не набежит на тысячу кредитов. Повторите, пожалуйста. – Я закусываю губу.

– Подождать шестьдесят секунд. Продолжать движение, поворачивать случайным образом на каждом перекрестке, пока поездка оплачивается. Избегать препятствий. Все верно?

– Да! – выпаливаю я, затем открываю дверь и выпрыгиваю в тоннель, придерживая сумку с инструментами. Напряженно жду, пока машина удалится, и углубляюсь в темноту.

Тоннель темнеет на поворотах, и я вытаскиваю большой металлический фонарик. Как и всё здесь, наверное, он не аутентичный, внутри нет электрохимических батареек – тех же самых инфразвездных Т-ворот, что питают автомобили или космические корабли, будет достаточно, чтобы обеспечить струйку тока на белую диодную пластину. Сейчас это хорошие новости. Я освещаю стены с обеих сторон от себя, дохожу до одной из утопленных дверей. В отличие от прежнего визита, на сей раз я подготовилась. Требуется всего несколько секунд, чтобы собрать сверло по каменной кладке; наконец мои бдения в гараже окупаются. Шум, который издает ударная дрель, когда проникает

в бетон рядом с люком и разрывает его, оглушителен, но, по крайней мере, большие куски искусственного камня откалываются от стены. Воздух тут же наполняется едкой пылью, которая колет мои легкие, когда я ее вдыхаю. Надо было взять респиратор, приходит запоздалая мысль.

На расчистку дверного косяка уходит сравнительно немного времени. Чем лучше он мне виден, тем радостнее настроение. Бетонный тоннель представляет собой полую трубу, а дверь – что-то вроде служебного люка возле стыка. Если я не ошибаюсь, стык – не Т-ворота, а физическая переборка для изоляции сегментов друг от друга и их отсечения в случае декомпрессии, то есть это часть более крупной конструкции. Дверь будет вести к механизму переборки, и, возможно, там же находится воздушный шлюз к соседним сегментам сверху и снизу, а заодно – к корме и носу.

Ну, я на это надеюсь, по крайней мере. Однако есть проблема: дверь закрыта.

Я достаю из сумки одну из игрушек, которые взяла в гараже. Измельченный магний из слитка, купленного в туристическом магазине, намеренно корродированные железные опилки – все залито свечным воском – партизанский взрывной заряд. Наклеиваю его прямо на механизм замка (досадно прочно закрепленный в бетоне), втыкаю под него зажигалку, поспешно убираю руку и отскакиваю. *Бабах* в узкой тоннельной кишке настолько громок, что я еще некоторое время пошатываюсь и пытаюсь вытряхнуть звон из ушей. А когда вытряхиваю-таки – слышу отчетливое шипение. Считаю про себя до тридцати и толкаю дверь: поначалу она отказывается сдвинуться с места, но затем молча подается. Замок исчез: на его месте – зияющая дыра в окружении оплавившегося металла. Что ж, надеюсь, своими взрывными работами я не спровоцирую разгерметизацию.

Проходя через дверь, я оглядываюсь. Передо мной – маленькая комната, бóльшую часть которой занимает какая-то грубая машина. Газовые баллоны, оси, клапаны. Похоже, ее построили в каком-то темном веке *до* темного века, и управляться с ней надо молотя металлом по металлу. Может, эта штука действительно древняя? Я чешу в затылке. Если эта среда обитания изначально служила некоему ностальгическому культу и была устроена так, чтобы напоминать одно из государств старой *Zemly*, Юрдону и Фиоре, надо думать, было легко приспособить ее для своих целей, верно? Может, именно это имело в виду мое прежнее «я», говоря, что здесь есть причуды, в которых нуждались Юрдон и Фиоре. Как ни странно, в стену намертво ввинчена лестница, а в полу я обнаруживаю люк.

Подойдя, замечаю, что он закреплен регулировочным колесом, но повернуть его несложно. Вскоре крышка люка поднимается, отходит в сторону и пропускает легкий ветерок.

Хм-м-м. Перепад давления, пусть и небольшой. Значит, подо мной – несколько отверстых проходов, а может, целый уровень. Но я решила двигаться вверх, верно? Так что выбираю лестницу. У люка на потолке такой же «штурвал», его чуть сложнее повернуть, зато переборка снабжена гидравлическим механизмом, плавно уводящим заслон в сторону. Все продумано – предполагалось, что внезапные скачки давления могут быть спровоцированы только извне, что в условиях вращающегося цилиндра – низ, поэтому нужно приложить усилие, чтобы открыть ведущий туда люк. С другой стороны, люки, ведущие наверх, снабжены вспомогательным механизмом, облегчающим эвакуацию из очага разрыва. Как же мне близка такая улучшающая жизнь философия.

Я залезаю в тоннель, потом ненадолго останавливаюсь и прикрепляю на голову налобный фонарь. Включаю его и забираюсь повыше. Сразу обнаруживается нечто вроде лестницы – она и есть, собственно, только не из ступенек, а из вделанных в стену металлических скоб, чей верхний ряд теряется во мгле над головой. Что ж, надеюсь, там, наверху, есть рабочий проход – не забаррикадированный, не ведущий в бескислородную зону и не таящий в себе другие неприятные для меня сюрпризы. Потому что теперь, когда я зашла так далеко, обломаться было бы слишком паскудно.

13. Восхождение

…Штабной батальон не препровождает меня сразу к руководству – первым делом я прохожу через А-ворота, и они собирают меня в прежнем ортогуманоидном виде. Я сразу чувствую себя маленьким, невероятно хрупким, отвратительно живым. Нечто подобное я испытаю позже, оказавшись в женском теле в симуляции Юрдона—Фиоре—Хант. После реанимации меня разбирают, дробят примерно на 224 пакета данных и передают на высокой скорости по каналам квантовой криптографии с помощью комбинации А- и Т-ворот. Я, конечно, ничего не замечаю в процессе: вхожу в одни А-ворота – бац, оказываюсь уже по ту сторону других. Но по пути я был процежен через алгоритм, шифрующий и собирающий данные.

Я моргаю, оживаю и открываю дверь камеры. Момент напряженный – я ведь вот-вот войду в легендарный командный центр Кошек Лайнбарджера. Коренастый ксенос с ушасто-шерстистой головой уже ждет меня, нервно барабаня по стенке когтями.

– Ты Робин, не так ли? – спрашивает он меня тягучим женским голосом. – Я тебя люблю!

– Извините, но вы уверены, что не путаете меня с кем-то?

Ксенос искривляет рот в улыбке, обнажая острые клыки.

– Не обольщайся. Это просто новый диагностический тест твоего модема. Если ты нормально слышишь эти слова – значит, не носишь с собой копию Короля в Желтом. Добро пожаловать в наш чокнутый лагерь, сержант-многогранник. Я капитан-доктор Санни. Ну-ка, пойдем найдем свободный кабинет, и я объясню тебе, что у нас происходит.

В Санни довольно странным образом сочетаются лукавое красноречие и сдержанная рассудительность. Она прочитала мою статью и пришла к выводу, что продолжать службу на передовой было бы пустой тратой моих навыков. И у нее есть право принимать решения такой важности. Когда она объясняет причину моего вызова в штаб, я склонен с ней согласиться. Задача, которая меня здесь ждет, куда более интересная, чем пробивать дыры в обороне врага, и, в конечном счете, более важная.

– Мощь Короля в Желтом реально подорвать, – объясняет она. – Все, что требуется сделать, – разорвать достаточное количество зараженных сетевых подключений, чтобы цена поддержания внутренней согласованности между точками распространения червя оказалась слишком высокой для

пропускной способности, доступной Королю. Как только мы это сделаем, червь не сможет координировать свои атаки и мы будем изводить его по частям. Но проблема заключается в том, что произойдет потом.

– Потом? – Я качаю головой. – Вы уже думаете о мире после войны?

– Да. Знаешь, Король просто так не исчезнет. Мы могли бы заменить все А-врата в человеческом космосе другой, принципиально новой монокультурой, но и она будет так же уязвима для скоординированной атаки, как ее предшественница. Если бы мы внедряли поликультуру, у местечковых монокультур появилось бы конкурентное преимущество; однако процесс был бы невероятно хлопотный, с уймой сложностей. В долгосрочной перспективе, думаю, мы еще не раз столкнемся с Королем или похожими на него вирусами. Что нам нужно – так это архитектурное решение, которое уже на этапе замысла отбракует всех этих паразитов. Как выяснилось, лучший способ – не уничтожать червя, а, скажем так, перепрофилировать его.

– Перепрофилировать?

– Чтобы использовать его в качестве иммунной прививки.

Нашей команде, одной из примерно полусотни групп, трудящихся под руководством генерала-декана Атона, потребуется гигасекунда, чтобы конкретизировать и подкрепить действиями это предложение. Мы снова и снова систематически просматриваем сотни возможностей, изучая влияние на защищенную брандмауэром экспериментальную сеть ворот, зараженных червями, пока наконец не появляется рабочее решение. После этого нам потребуются сотни мегасекунд, чтобы применить решение на практике, распространить его. Когда начинает казаться, что проще взорвать сеть ворот вместе с зараженными узлами и хоть так похоронить Короля, у нас появляется вакцина.

Король в Желтом – скоординированный червь, который получает инструкции от удаленных узлов. Он сравнивает эти указания с указаниями своих соседей и, если они кажутся правильными, выполняет их. Это удерживает любые отдельно взятые зараженные ворота от быстрого излечения. Но, атакуя тысячи ворот одновременно, мы можем убедить систему, что наши новые инструкции – правильные: раз у них преимущество – их и следует выполнять. Наша вакцина представляет собой модифицированную, взломанную версию вируса, решающую сразу несколько объективных задач. На наш взгляд, в совокупности этих решений должно быть достаточно, чтобы предотвратить новую эпидемию. Когда люди проходят через А-

ворота, защищенные этой версией, им в языковой центр подгружается диагностический патч доктора Санни, уничтожающий ранее записанную туда же копию Короля. Диагностический тест состоит из простого дислексического недостатка, который проявляется только при заражении: инфицированные люди не могут слышать слова «Я люблю тебя». На последнем этапе операции, когда лечение прочно закреплялось за узловыми воротами, эти ворота отказывались выполнять новые директивы, посылаемые создателями Короля.

На разработку и внедрение всего этого уходит гигасекунда. Тысячи уникальных солдат погибают во время атак на укрепления, чтобы мы могли загружать копии античервя в первые захваченные цели. Потери среди мирного населения тоже ужасающи: миллионы людей умирают, когда врата атакуют, и, все чаще отдаляясь от сети, они предпринимают против наших штурмовиков хаотичные защитные действия. Всякие доморощенные Темные Властелины, отхватившие себе по когнитивной диктатуре, не рады нам по вполне очевидным причинам. Но в итоге сопротивление практически рушится в течение десяти дней. Везде царит хаос. Начинаются зверства, репрессии и всеобщая паника. Кое-где – там, где все ассемблеры в сообществе дружно отказали, – начинается голод: системы снабжения не работают. Но мы все же выиграли. Постепенно отдельные фракции альянса либо распадаются, либо превращаются в мини-государства, чтобы начать длительный процесс реконструкции. Они защищают занимаемые крохотные ниши бывшей Ойкумены от всех возможных противников.

Кошки Лайнбарджера в основном возвращаются к своей довоенной деятельности – как группа исторических реконструкторов под патронажем осторожных метачеловеческих сил, которые проспали хаос войны за последние гигасекунды.

Но далеко не всем дарована милость отпускать и забывать прошлое.

…Однажды, когда я был молод и бессмертен, я спрыгнул с двухкилометрового утеса на частично терраформированную луну Юпитера. Как раз тогда все повально увлекались саморегулирующимися биосферами и глубокими гравитационными колодцами, поэтому эта луна продавала себя как своего рода курорт – так что у меня есть оправдание. Я прыгнул без парашюта. Гравитация там была слабой, примерно три метра на секунду в квадрате, но двухкилометровый перепад сделал свое дело: я летел к водопаду, который переливался радужной дымкой над кронами деревьев джунглей. Я опробовал дизайн тела, взятый из мифологии, – прыгнув вниз, расправил

крылья и почувствовал, как огромные тонкие мембраны натягиваются, ниспадая от средних пальцев рук к бокам. Я был искренне счастлив и готов рекомендовать этот опыт всем и каждому – ровно до того момента, когда восходящее течение ударило в мое левое крыло, отбросило меня назад и расплющило о гребень скалы.

Моему воскрешенному бэкапу настоятельно предлагали посмотреть видеозапись последних тридцати (или около того) секунд моей жизни. Бэкап, и без того пришибленный, отказался и в человеческой форме вернулся в кафе на скалистом берегу озера у подножия водопада. Он – то есть уже я – оставался там долго и все время спрашивал себя, каково было чувствовать себя там, над пропастью, и осознавать, что хлесткий холодный порыв ветра несет тебя к верной смерти. Да и успело ли оно появиться, это осознание?

Я задавался вопросом, смогу ли когда-нибудь это по-настоящему узнать.

Это все – дела давно минувших дней. С тех пор диковинная топология, которой я навидался под кошачьей эгидой, наряду с обогатившимся жизненным опытом и возросшим цинизмом, показала мне, насколько возможность деформации и трансформации констант пространства-времени влияет на нашу способность понимать структуры, в которых мы обитаем. Архитектура всегда влияла на социальную организацию или направляла ее, но в сообществах, связанных Т-воротами, она представляет гораздо больше: теперь архитекторы определяют нашу судьбу.

Подавляющее большинство из нас сейчас живут в холодных глубинах космоса, в цилиндрах архаичной конструкции, вращающихся вокруг коричневых карликов или внешних газовых гигантов солнечных систем, где не может образоваться мир, пусть даже отдаленно напоминающий давно погибшую планету *Zemlya.* Бóльшую часть времени мы не обращаем внимания на основные структуры жилых помещений, за исключением тех случаев, когда они неудобны и нам нужно их отремонтировать или заменить. В нашем распоряжении – пустые сцены для демонстрации жилищной утонченности. Переходя из одной комнаты в другую через кротовину, перемахивающую играючи целые световые годы космической тьмы, мы кажемся себе хозяевами жизни…

…ровно до того момента, как попадаем – в женском теле, чтобы жизнь совсем не казалась сказкой, – в одну из служебных шахт.

Вот тогда-то начинается веселье, и ты узнаёшь на собственной шкуре, что там за структуры у места, в котором ты

обитаешь.

Скобы лестницы закреплены против направления вращения цилиндра на внутренней стене шахты и ведут наверх, в бесконечную тьму, которая, как я замечаю всякий раз, поднимая глаза, поглощает свет моего фонарика. Подо мной шахта круто обрывается – ее дно далеко внизу, такое же смертоносное, как бездна за краем скалы у подножия водопада. Я стараюсь подниматься без перебоев, задаю себе определенный темп. Радиус кривизны сегментов в цилиндрах настолько мал, что, если полития Юрдона—Фиоре—Хант занимает одну такую штуку, вполне может оказаться, что карабкаться мне еще несколько километров, а это швах. Небо симуляции поднято настолько высоко, что до него не достает самое высокое – четырехэтажное – здание в центре города, а я уже давно преодолела такую отметку высоты.

На двухсотой скобе я останавливаюсь и отдыхаю. Руки болят, мышцы протестуют. Не тренируйся я последние несколько недель, давно бы грохнулась вниз. Понятия не имею, долго ли мне еще подниматься; в животе неприятно холодеет. А что, если я ошиблась? Я могла ошибиться насчет того, что полития Юрдона—Фиоре—Хант – на самом деле то, за что себя выдает: часть автономии, охватывающая несколько жилых зон в ИРЛ-пространстве. А что, если заблокирован доступ не только к другим сетям, но и пространственный? Ведь раньше это была тюрьма строгого режима, так? Вдруг подселенная мне в голову зомби-директива ошиблась, утверждая, что я могу выбраться, и изоляция распространяется не только на сетевые, но и на пространственные связи?

Может, отсюда вообще нет выхода.

Но и пути назад нет. Юрдон уже наверняка в курсе моего побега. Он мобилизует неписей, чтобы выследить меня – врубит режим роя, и начнется кавардак. А когда кавардак уляжется, все пойдет как встарь. Майк вернется к Касс, Джен продолжит помыкать Алисой и Энджи, бэкап Фиоре постепенно превратит сообщество в театр разъяренных, полных ненависти марионеток, танцующих под управлением культуры темного века, основанной на угрозах и страхах. Я почти уверена, что знаю, чем экспериментаторы там занимаются. Это не иммерсивная археология, а полигон по оттачиванию методов психологической войны, на котором тестируется модель развивающегося общества, куда введены жесткие ограничители поведения. Симуляция Юрдона—Фиоре—Хант – прообраз когнитивной диктатуры следующего поколения. И когда эти трое заявят о себе и запустят

в ничего не подозревающую сеть нового и улучшенного Короля в Желтом, на этот раз одной примитивной цензурой не обойдется. Вирус будет тончайше навязывать новые правила поведения жертвам, которые спонтанно создадут легко эксплуатируемое общество. Церковь по воскресеньям, меч и чаша на алтаре, извращенец, распространяющий дезинформацию и кидающийся обвинениями с каждого амвона. Подсчеты социального рейтинга, оранжерейная система тотального наблюдения, навязывание всем и каждому идеологии бытового фашизма – и это только начало. Если популяция лояльных носителей вируса, которую разводят здесь Юрдон и Фиоре, приумножится, все обитаемое людьми пространство превратится в одну большую клинику хирургов-храмовников, под завязку набитую неизлечимо больными. Я не могу позволить себе проиграть.

Минуты проходят в тишине, прежде чем я снова начинаю двигаться. Рука – скоба, нога – скоба. Еще рука, еще скоба, еще нога… Через каждые пять скоб я отдыхаю, но не более пяти секунд. Пробую, когда открывается второе дыхание, поднять отметку до десяти. Десять раз по десять скоб – и я на сто отметок выше на этой шкале мучений. Болезненные мысли преследуют меня. Что, если одна из опор окажется, допустим, в смазке, и я оступлюсь? Что, если я просто… не достигну вершины? Скобы отстоят друг от друга сантиметров на двадцать. По самым скромным подсчетам, я уже преодолела метров пятьсот вверх. Упаду – костей не соберу. Если бы я прихватила отвес и достаточно длинную веревку, могла бы вычислить примерный размер этой космической консервной банки, но я ведь так далеко не загадывала. Плечи и локти ужасно болят. Я целую вечность протрепыхалась на этом дурацком силовом тренажере в подвале, но есть разница между получасовой тренировкой и перспективой цепляться за свою жизнь незнамо сколько. Так, а если меня снова накроет фуга непрошеных воспоминаний? Тут-то придет конец. Как высоко я смогу забраться? На каком расстоянии расположены жилые зоны, обитаемые отсеки? Если мне не повезет – несколько километров… десятки километров…

Нет, сдаваться нельзя. Ради Лауро, Ямба-18 и Нойала, раз уж я их не забыла. Память – это свобода.

Еще шестьсот скоб, и мои руки взывают о пощаде. Мышцы бедер тоже не в восторге, а о подколенных сухожилиях лучше не вспоминать. Стиснув зубы и надеясь на спасение, я замечаю что-то темное над головой. Замираю на мгновение, тяжело дыша и рассматривая контур. Что-то прямоугольное, вделанное в стену. Может такое быть? Я продолжаю взбираться, упрямо цепляясь всеми конечностями за скобы, и на отметке где-то в девятьсот –

достигаю намеченной цели.

Прямоугольный лист темноты оказывается входом в короткий перешеек, в котором человек может стоять прямо. Он ведет от лестницы на два метра вглубь стены, к толстой и прочной двери в форме арки. На ней – запорный механизм-«штурвал». Отлично! Пустилась бы в пляс от радости, кабы ноги не грозили вот-вот отвалиться. Я вползаю в этот коридор, убавляю яркость фонарика до свечной, приваливаюсь к стене, закрываю глаза и считаю до ста. Думаю, я заслужила передышку. Кроме того, не знаю, что меня ждет по ту сторону двери.

Мои руки трясутся как желе, но я не смею здесь задерживаться. Через две минуты заставляю себя встать и осмотреть запор на двери. Он выглядит рабочим, но, когда я пытаюсь провернуть колесо, оно не двигается с места.

– Зараза, – ругаюсь я вслух. Ну вот, уже попахивает серьезной проблемой. Может, эта штука работает как рычаг? Наваливаюсь на нее всем весом – ничего; изо всех сил тяну на себя, пробую сдвинуть вверх, вниз, влево, вправо – безрезультатно. Через пару минут признаюсь себе, что «штурвал» не сдвинуть. Сдается мне, строители этого цилиндра были помешаны на отказоустойчивых устройствах – что, если дверь не открывается, потому что с другой стороны жесткий вакуум? Либо ее заклинило из-за слишком высокого перепада давления, либо просто она так долго стояла неиспользуемой, что «закисла».

– Зараза! – повторяю я. Возможно, это еще одна хитрая мера безопасности, которую придумали Юрдон и Фиоре. Какой смысл карабкаться к следующему такому перешейку, если они все как один открываются в вакуум? Если предположить, что Юрдон и Фиоре вообще *знают* о том, как тут все устроено.

Я прислоняюсь к стене, вытирая пот со лба.

– Вверх или вниз? – вслух спрашиваю я саму себя и не получаю ответа.

Ниже должен быть как минимум еще один уровень, где есть кислород. Выше… ну, может, вообще ничего нет. А может, там целая орбитальная среда обитания, о которой экспериментаторы ни сном ни духом: откроешь люк – и попадешь в древний Париж или феодальную империю с азиатским колоритом. Если повезет. Пока все это – лишь домыслы, игра воображения.

Я пристегиваю большой фонарик к петле ремня и возвращаюсь к лестнице. Если на ней ничего не добьюсь после еще тысячи скоб, мне придется пересмотреть свой план побега. Две тысячи скоб – это почти полкилометра. Если бы я знала, что такой подъем неизбежен, захватила бы альпинистское снаряжение – лебедку, веревку, что-нибудь подобное. Недолго

погоревав о том, что ни альпинистских наборов, ни лифтов, судя по всему, мне не видать как своих ушей, я хватаюсь за скобу над головой и продолжаю восхождение.

После еще девятисот ступенек я почти уверена, что этот подъем убьет меня. Мои руки кричат от боли, а левое бедро грозит свести судорогой. Когда я делаю паузу, чтобы отдышаться, сердце безумно колотится. Будто я снова на той скале над спутником Юпитера. Эта жилая зона, должно быть, имеет радиус в несколько километров – гравитация здесь кажется почти такой же, как и там, где я начала подъем. Я в шахте с гравитацией и атмосферой древней *Zemly*. Достигнутая в конце концов скорость падения – ускорение под действием силы тяжести и замедление из-за трения о воздух уравновешивают друг друга – должна составлять восемьдесят метров в секунду. Если я не удержусь на очередной скобе, сила Кориолиса прижмет меня к лестнице на скорости двести километров в час и обдерет как липку, прогонит будто сыр через терку. И только кровавая полоска на ряде скоб будет напоминать о моей героической попытке. Я, конечно, могу продолжить восхождение, но как управиться со спуском в случае необходимости, ведь я устала от подъема? Никто не гарантирует, что он дастся мне сколько-нибудь легче. Да, больше не придется подтягиваться на руках, но нагрузка на локти возрастет, а оба локтевых сустава и так уже горячие, пульсирующие и словно увеличились вдвое.

Впереди маячит еще один проем.

Всего в двадцати скобах от меня.

– Это еще что такое? – бормочу я себе под нос. Тихо сама с собою я веду беседу… К слову, не лучший знак. Достигнув края проема, ощупываю пол. Да, он реален.

Следующее отчетливое воспоминание: я сижу на полу перешейка, свесив ноги над пропастью. Видимо, у меня снова был короткий провал в памяти. Осознав это, вздрагиваю – кровь бьет в жилах фонтаном.

Этот перешеек похож на предыдущий как брат-близнец. И двухметровая дверь в стене с запорным колесом – такая же. Значит, либо мне очень не повезло, либо… Никто не мешает попробовать открыть эту дверь. Если не поддастся, просто отдохну здесь. А потом буду думать, куда лучше – вверх или вниз. Можно подбросить монетку, если у меня хоть одна при себе осталась. Ползти вверх не получится, пока убитые мышцы хоть чуть-чуть не опомнятся. И у меня нет с собой ни еды, ни питья… так что, вероятно, вниз, вниз и вниз – обратно в глубины тоталитарных фантазий епископа Юрдона.

Я вернусь туда, если не упаду в пропасть.

Или если дверь можно открыть.

Прежде чем подойти к двери, я выделяю себе еще пару килосекунд на отдых. Затем пробую сдвинуть колесо одной рукой. Оно медленно набирает обороты; застоявшиеся без дела уплотнители «вздыхают», дверь отделяется от рамы и распахивается в сторону. Я смотрю в проем и вижу мир, который мне кажется совершенно непонятным.

Пол перед дверным проемом ровный, слегка шероховатый, с сероватой штриховкой, типичной для системы мощения с высоким сцеплением. Сегменты представляют собой плитки Пенроуза [17]. Наверное, робот-укладчик прополз внутри этого огромного цилиндра по заранее определенному оптимизированному маршруту, не предусматривающему никаких перекрытий, производя и укладывая тесселяцию в процессе. Над моей головой – серая крыша, изгибающаяся вдали и сливающаяся с вздернутой полусферой горизонта. Остроконечные ромбовидные стержни тянутся от пола до потолка – дверь, через которую я только что прошла, располагается в нижней части одного из этих огромных и широко расставленных прутьев титанической решетки.

Вероятно, это промежуточный этаж, опорная конструкция между жилыми уровнями. Или уровень, не связанный с разветвленной сетью Т-ворот – никем не обжитый, ничуть не обустроенный. Полагаю, я пролезла прямо над брандмауэрами безопасности, по своего рода вентиляционной трубе. А если я спущусь ниже того уровня, откуда начала, что там найду? Логово экспериментаторов, где они работают с Королем в Желтом? Или такую же непутевую пустоту?

Слабея в коленях, я приваливаюсь к внешней стенке трубы, по которой только что поднялась, и чувствую себя совершенно измотанной. Таращусь на потолок, находящийся почти в полукилометре от меня, отслеживаю его изгибы – этот фрагмент ИРЛ-пространства без шуток огромен. Здесь есть даже «облака» – мглистый пароконденсат, собирающийся у вершин «прутьев». Воздух влажный и пахнет сухими дрожжами. Странные монохромные возвышения маячат вдали, как холмы или горные хребты. Видимо, элеваторы материи – ждут, когда машины, конструирующие среды обитания, подключатся к ним. Я пытаюсь разглядеть стенки цилиндра, но зона простирается на добрый десяток километров во все стороны – вероятно, даже *не на один* десяток, а на четыре-пять, – и перспективы теряются в дымке. Тысячи крошечных ярких прожекторов, вделанных в высокий потолок, наполняют это угрюмое «ничего» светом.

Я вполне могу умереть здесь с голоду – гораздо раньше, чем

куда-нибудь попаду.

Я пытаюсь немного отдохнуть, но тревога подталкивает меня к действиям, поэтому иду дальше. Я знаю, что необходимо отдохнуть, но, всякий раз, когда я думаю о Кей или о последствиях того, что таится в моей голове и (я почти уверена) провоцирует все эти фуги, любое промедление начинает казаться подобным смерти. Все, что мне остается делать, – придерживаться лестницы в надежде, что где-то там, на следующей палубе, я найду что-то более многообещающее. Но следующая палуба – километрами выше. Наверное, у меня просто не получится туда добраться…

Я крадусь от лестницы к ближайшему возвышению. Может, там есть какой-нибудь терминал связи или хотя бы робот, с которым реально пообщаться. Что-то, не подвластное Юрдону – Фиоре – Хант, связующее с реальностью. Проверяю модем – он глух и полумертв, показывает только замерзший рейтинг членов моей когорты. *Вот оно что, думаю я отстраненно, вот почему я не слышу, как Сэм говорит […] – система начисления единиц социального рейтинга тоже вписана в вирус Короля в Желтом.*

В нескольких сотнях метров от того, что я приняла за элеватор материи, заметны признаки жизни. Что-то размером с такси, состоящее из слабо связанных сфер и стержней, ютится на возвышенности. Это нечто выдвигает телескопические датчики в мою сторону, затем скатывается с возвышенности. Шаровые узлы вращаются у него на «хребте» – они растут и расширяются по мере приближения робота, разворачиваются, как головки цветной капусты, светящиеся дифракционным блеском. Я останавливаюсь и жду, когда робот до меня доберется. Надо думать, это какой-нибудь конструктор биомов, здешний преданный садовник. Я абсолютно ничего не могу сделать, чтобы помешать ему убить меня, если он настроен враждебно, – с тем же успехом я могла бы кинуться на танк с тупым разделочным ножом, но это относительно маловероятно. Маловероятно, но не невозможно, и от этого мне не легче.

Он двигается пугающе быстро, но учтиво останавливается метрах в трех от меня.

– Привет, – подаю я голос. – Диалоговый модуль есть?

Робот подъезжает ближе, нависает надо мной, жужжа сервомоторами. Похожие на цветы датчики распускаются вокруг меня.

– Кто вы и что вы здесь делаете? – спрашивает он искусственным голосом.

Я слегка расслабляюсь.

– Меня зовут Робин. – Имя кажется странным, незнакомым. –

Что это за полития?

Робот отстраняется от меня, жужжа и отползая озадаченной змейкой.

– Здравствуйте, Робин. Вы находитесь не в границах какой-либо зарегистрированной политии. Место, где вы сейчас находитесь, – балластный сектор номер восемьдесят девять на борту Мобильного Осмотического Нанокомпьютерного Архиватора «Жнец Науки». Это необитаемый балластный сектор. Что вы здесь делаете?

Балластный сектор. На МОНАрхе. На типе корабля, где предусмотрены всего одни ворота дальнего следования, обычно основательно защищенные цепью брандмауэров.

Я закрываю глаза. Ноги подкашиваются – как бы не упасть.

– Я пытаюсь выйти на органы правопорядка. Хочу сообщить о серьезной преступной деятельности. Массовая кража личных данных. Если здесь нет политии… что здесь вообще есть?

– К сожалению, я не уполномочен сообщать вам сведения данного типа. Вы – Робин. Я обязан спросить вас, как вы сюда попали? Диагностирую у вас признаки физического переутомления. Вам требуется медицинская помощь?

Я пытаюсь открыть глаза, но они не реагируют. «Помогите», – пытаюсь выдавить я. Затем мои глаза открываются – и я снова на лестнице, свисаю с нее, зацепившись за скобу одной рукой, ноги болтаются над бездной бесконечного цилиндра, и из этой бездны ко мне выезжает еще одна трубка, выстланная изнутри мириадами крошечных точек света. И еще что-то лезет прямо из стены, лезет и тянется ко мне.

– Я доложу на капитанский мостик… – проплывает где-то вдалеке голос робота.

И все становится темным-темно.

* * *

Десять мегасекунд назад мы объявили о нашей победе в локальной сети. Только теперь мы постепенно начинаем осознавать, какие огромные усилия потребует от нас реконструкция. Мы остановили Короля в Желтом, свергли оппортунистические диктатуры, которые процветали при его поддержке. К сожалению, война не закончится, пока не станет возможен перезапуск сети. А это – задача совсем другого уровня.

– Проблема в том, что половина Временного правительства скрылась, – объясняет Санни. Она сейчас служит в чине полковника с очень большими полномочиями по принятию

решений. Мы находимся в виртуальном зале для совещаний военного штаба; доступ в эту тесную комнату бежевого цвета является секретным и безопасным. – Мы смогли арестовать горстку маргиналов, но где вся крупная рыба? – замечает она недовольно.

– Они не могут просто так исчезнуть, не оставив следов, верно? – замечает А1, наш терпеливый гонец, поддерживающий связь исследовательского штаба с группой быстрого реагирования и отделом интерпретации полученных инструкций. На нем – обязанность по толкованию заявлений нашего руководства, подчас напоминающих изречения оракула. – Так что есть еще много счетов, по которым этим ребятам предстоит уплатить.

– Но теперь гораздо проще, чем раньше, миновать капканы, – смиренно замечает Санни. – Когда Насущная Республика была единым целым, отслеживание и установление личности не составляло труда. Но теперь мы имеем дело с россыпью самодостаточных автономий. Некоторые из них больше не могут общаться друг с другом – принятые у них стандарты загрузки несовместимы с внешними сетями. Велика вероятность, что в будущем количество несовместимых политий вырастет и их не удастся унифицировать.

Суть в том, что Насущная Республика, оправдывая свое название, обеспечивала два неукоснительных всеобщих стандарта, фундаментальных для любой цивилизации в эпоху после Техноускорения: время и аутентификацию. Без времени нельзя удостовериться, что один финансовый инструмент не используется одновременно в двух разных местах. А без аутентификации нельзя быть уверенным, что человек в теле икс – владелец личности икс, а не узурпатор игрек, который украл копию тела человека икс. До эры космических полетов время не было проблемой, поскольку часовые пояса тогда зависели не от сетевых подключений, а от географии. В то время было еще легко выслеживать людей: они не могли запросто изменить облик, пол, возраст или что-либо еще по своему желанию. Но начиная с фазы Техноускорения предотвращение кражи личных данных стало одной из главных задач правительства – всех правительств. И дело не только в предотвращении худшего преступления, которое может быть совершено по отношению к человеку. Нет, без единой меры времени и четкого удостоверения личности уже не работают даже такие бытовые вещи, как денежное обращение и уголовное преследование.

Теперь, когда Насущная Республика распалась, далеко не все крошечные сущности-преемники связаны с общими временны́ми рамками, а разница во времени облегчает уход в подполье. Если

эмигранту, перешедшему из сообщества А в сообщество Б, не повезло, может случиться так, что, прибыв в Б, он будет иметь в своем теле другую личность, даже если все маркеры идентичности за ним номинально сохранились. Если межсетевые экраны А-ворот не доверяют друг другу безоговорочно, это *огромная* проблема.

– Нас особенно беспокоят вернувшиеся предатели, – продолжает Санни, – отнюдь не те люди, которые просто хотят спрятаться. Большинство из них будут вести себя сдержанно и создадут новую личность. Им сотрут воспоминания о войне, чтобы дать построить новую жизнь. Но многие закоренелые преступники поймут – ого, уже завтра можно стать кем угодно! И тут мы сталкиваемся с дилеммой, потому что должны спросить себя: есть ли смысл преследовать бывшего сотрудника, если он даже не помнит, что сделал не так? По моему мнению, лучшее, что мы можем сделать с отдельными дезертирами, – оставить все, как есть. Другой вопрос касается организованных преступных группировок, потому что они взаправду могут создать нам изрядную головную боль. Если продолжат работать сообща и будут хранить свои воспоминания, что им помешает попытаться ввести Короля в Желтом в повторный оборот? Некоторых мы можем поймать на анализе сетевого трафика, но что, если они где-то установят ремиксер идентичности? Заполучив под контроль хоть один брандмауэр, они будут способны провернуть любой грязный трюк…

– …именно поэтому мы должны чутко отслеживать такие вещи, – заканчивает мысль А1. Я смотрю на него и заставляю себя подождать пару секунд, прежде чем открыть рот: А1 не всегда быстро соображает.

– То, о чем вы говорите, справедливо для любой современной формации. И мы еще не везде консолидировали власть, лишь разладили координационный механизм Короля в Желтом в подсетях, с которыми есть прямая связь. Если мы собираемся навести порядок, нам нужно пойти дальше.

– Ну и что? – А1 переводит свой модем в «режим веселости», хотя у него есть губы, которыми он может улыбнуться. – Это дело небыстрое. Вероятно, стоит задуматься, что вы будете делать с этими преступниками, когда всех их переловите?

14. Больница

Во рту – пустыня, на языке – гадкий привкус, и вдобавок ко всему у меня эрекция. Я облизываю губы: они сухие как у мумии. С эрекцией я погорячилась, к слову, у меня ведь даже члена сейчас нет. Но в памяти – очередной провал. Тяжелый случай. Осознав это, я резко открываю глаза.

Я лежу на жестких, накрахмаленных белых простынях, лицом к одноцветной стене со странными выемками. Бледно-зеленые шторы висят вокруг кровати. Кто-то одел меня в странную фетишистскую робу с разрезом на спине. Она тоже зеленого цвета.

Ясное дело – больница, думаю я, закрываю глаза и стараюсь не паниковать. Как я в нее попала? Следовать первому завету Адамса [18] в свете недавних событий не получается, и я пытаюсь сесть, тяжело дыша.

Через несколько секунд головокружение проходит, и я пытаюсь еще раз. Мое сердце дико колотится, меня подташнивает и голова болит где-то спереди; я чувствую себя слабой как медуза. Тем временем паника снова овладевает мной. *Кто привел меня сюда? Если меня найдет Юрдон – все, пиши пропало.*

На крючке, приделанном к каркасу кровати, висит коробка с кнопками. Я беру ее, жму наугад – половина кровати приподнимается вместе с моими ногами. Отлично, но мне бы другую половину поднять! Через десять секунд удается организовать все, как надо. Живот болезненно сжимается, но я хотя бы смогу видеть свое окружение. Беспокойство тем часом экспоненциально нарастает.

Последнее, что я помню, – беседа с роботом. Все, что было потом, теряется в тумане непонимания. Робот доставил меня сюда? Сюда – куда, кстати? Моя кровать – одна из ряда расположенных вдоль стены лежаков в огромной белой комнате с высоким потолком. В противоположной стене – множество окон, за ними виднеется бледно-голубое небо. И еще тут полно машин – совершенно незнакомых. Рядом с некоторыми кроватями поставлены шкафчики. Одна из лежанок в дальнем конце комнаты, похоже, занята.

Я закрываю глаза, чувствуя мертвый груз страха. *Меня вернули в оранжерею.*

Но я слишком слаба, чтобы что-то сделать, и, кроме того, я не одна. Слышу стук приближающихся каблуков и звуки голосов, несущиеся в мою сторону.

– Увы, никаких посещений после четырех часов, – произносит

женский голос с той сглаженностью эмоций, какая обычно характерна для неписей. – Специалист сделает обход вечером. Пациентка очень слаба, ее нельзя чрезмерно беспокоить. – Занавес отдергивается, и я вижу женщину-непись в белом платье, со странным украшением для волос.

– К вам посетитель, – произносит она нараспев. – Не перенапрягайтесь.

– Эг-м, – квакаю я и пытаюсь повернуть голову, чтобы увидеть, кто это, но фигура все еще наполовину скрыта занавеской. Ситуация напоминает ночной кошмар, когда вроде знаешь, что к тебе подкрадывается чудовище, но ничего поделать не можешь.

– А вот и наша милая маленькая леди-библиотекарь!

О нет, мне ЗНАКОМ этот голос! Но как…

Фиоре собственной тучной персоной выходит из-за занавески и опирается на бортик моей кровати с какой-то пародией на участие, написанной на лице.

– Может, расскажете, куда вы хотели попасть?

– Не расскажу, – с трудом цежу я сквозь зубы. – Что-то неохота. – Кошмар воплотился в жизнь, и я с трудом балансирую над пропастью отчаяния. Они поймали меня и притащили обратно. Так, поиграться напоследок. Меня тошнит, мне жарко.

– Ну же, Рив. – *Елейные* – вот подходящее словцо для его манер. Фиоре кладет пухлую руку мне на лоб – она липкая и холодная – точно жаба. – Господи, ну у вас и температура. – Он убирает руку, прежде чем я успеваю ее стряхнуть, и я вздрагиваю. – Теперь понимаю, почему вас сюда поместили.

Я стискиваю зубы, ожидая последнего удара, но Фиоре задумал кое-что еще.

– Как капеллан я должен заботиться о благополучии всей моей паствы, поэтому не могу оставаться с вами слишком долго. Вы явно больны. – Последнее слово он выделяет голосом. – И это, безусловно, объясняет ваше спорное поведение. В следующий раз, если решите карабкаться по высоким стенам, сначала следует посоветоваться со мной. – Черты его лица на мгновение каменеют. – Если не хотите потом долго жалеть.

Я закатываю глаза, в том числе и оттого, что мне дурно.

– Я ни о чем не жалею.

Что эта мерзкая тварь задумала?

– Ну как же! – Фиоре сокрушенно покачивает головой. – Разумеется, вы жалеете. Быть человеком – значит постоянно раскаиваться. Но всем нам нужно учиться извлекать максимальную пользу из того, что нам дано, верно? Вы очень медленно адаптировались, Рив, очень нехотя обретали себя в

нашем приходе, что не могло нас, духовников ваших, не тревожить. У меня имелись – я могу быть полностью откровенным? – даже опасения, что вы окажетесь попирательницей устоев по натуре и будете оказывать неблаготворное влияние на остальных. С другой стороны, вы явно желаете добра и заботитесь о близких… – Нечитаемое выражение искажает жабье лицо. – Так что мои симпатии пока на вашей стороне. Отдыхайте, мы продолжим нашу небольшую беседу позже, когда вы станете чувствовать себя лучше. – Он выпрямляется, выпячивая обширное пузо вперед, и отворачивается.

Меня вновь накрывает приступ дрожи, по спине бежит холодок. Будто не знает, что я его убила! Фиоре, конечно, может пустить гулять по симуляции сразу несколько своих копий, но чтобы они не могли связываться друг с другом через модем? Как так?

– Ты… – удается мне прохрипеть.

– Пардон?

– Ты!.. – Трудно подбирать слова. Меня взаправду лихорадит. – Что… что это…

– Дорогуша, у меня нет времени возиться с вами целый день. – Его голос повышается, когда он раздражен, до неприятного скулежа. Он поправляет халат. – Сестра! Вы где, сестра? – Более тихим голосом Фиоре обращается ко мне: – Попрошу, чтобы известили вашего мужа. Уверен, вам двоим есть что обсудить. – Он разворачивается на пятках и грузно ковыляет по палате прочь – к другим занятым койкам.

Я понимаю, что у меня стучат зубы: не уверена, от лихорадки или от беспомощной ярости. *Я его убила, а ему хоть бы хны!* Прибегает медсестра – по полу тихо шлепают ее мягкие туфли-тапочки, – с каким-то примитивным диагностическим инструментом в руке, и я отчетливо осознаю, как меня все достало.

Медсестра-непись обследует меня примитивными методами: тыкает холодным металлическим стержнем в ухо, пристально смотрит в глаза с близкого расстояния, достает банку и дает мне что-то, что я сперва принимаю за леденец – но вкус у этой штуки отвратительный. Наверное, какой-то препарат, синтезированный с большими затратами и призванный оказать некое случайное системное воздействие на мой метаболизм. Клиника – место вполне в духе темных веков, но, кажется, здесь не занимаются гирудотерапией, трансплантацией сердечной мышцы и тому подобным варварством.

– Постарайтесь заснуть, – увещевает медсестра. – Вы очень

больны.

– Х-холодно, – стучу зубами я.

– Постарайтесь заснуть. Вы больны. – Медсестра наклоняется и вытаскивает из-под кровати большое свернутое одеяло. – Пейте много жидкости. – Стакан на тумбочке рядом с моей кроватью пуст, и в любом случае я слишком сильно дрожу, моих сил не хватит даже вытащить руку из-под одеяла. – Вы очень больны.

Ни хрена подобного! Да, руки-ноги натружены; суставы очень хотели бы встать и выйти из моего тела, громко хлопнув дверью; меня морозит, мозги ломит и желудок будто камнями набит – но ум, дух… – все это еще при мне. Разобраться бы еще с провалами в памяти…

– Ну и чем я больна? – спрашиваю я. Требуется нехилое усилие, чтобы выдавить это из себя.

– Вы очень больны, – повторяет непись. Пытать ее бесполезно – у нее нет разума, только набор рефлексов и записанных на инфоноситель реплик.

– С кем мне можно про… проконсультироваться?

Непись отворачивается, но я, кажется, вышла на новую ветку диалогов.

– Специалист посетит вас в восемь вечера, все вопросы к нему. Вы очень слабы, вам противопоказано беспокойство. Пейте много жидкости. – Она достает откуда-то пустой кувшин, относит его в дальний конец палаты и вскоре с ним возвращается. – Пейте много жидкости.

– Ага… – Я дрожу и пытаюсь сжаться в меньший объем под одеялом. Краешком ума осознаю, что мне следовало задать прорву вопросов, а еще лучше – заставить себя встать с постели и бежать так, словно мне подожгли задницу, но прямо сейчас просто налить себе стакан воды кажется подвигом.

Я ложусь на спину и смотрю в потолок, вся не своя от гнева и смущения. Неужели я вообразила, что убила Фиоре в библиотеке? Не думаю – воспоминания очень яркие. Как и все другие, о массовых убийствах и бесконечных годах войны. Но не все они реальны, так? Программа, говорящая чужим голосом через мою собственную гортань… если это не ложное воспоминание о ложном воспоминании, это была не я, а работающий на мощностях моего мозга подгруженный протокол. Нельзя доверять себе на все сто, когда тебя периодически донимают фуги.

– Или все-таки можно? – спрашиваю я пустоту и снова открываю глаза.

Сэм вздрагивает.

Он наклоняется надо мной, стоя на том же месте, где был Фиоре, и я сразу понимаю, что, должно быть, снова выпала из

реальности. Холодно, но меня больше не лихорадит. Простыни влажные от пота, за окнами в разгаре тусклый вечер.

– Рив? – с тревогой окликает меня Сэм.

– Сэм. – Я поднимаю руку и тянусь к нему. Он сжимает мои пальцы в своих.

– Я пришел сразу, как только узнал, что тебя сюда упекли. Фиоре позвонил в офис. – Голос Сэма невыразительный, взгляд затравленный. – Что с тобой случилось?

Я снова вздрагиваю. Влажные простыни действуют мне на нервы.

– Потом объясню. – В смысле: *поговорим не там, где у стен есть уши.* – Мне бы попить. – Во рту по-прежнему пустыня. – У меня все время возникают фуги.

– Медсестра сказала, тебя должен посмотреть специалист, – говорит Сэм. – Та самая доктор Хант. Она придет чуть позже. С тобой точно все в порядке? Что за болезнь?

Я сжимаю руку Сэма так сильно, как только могу.

– Я не знаю.

Он протягивает мне стакан с водой, и я делаю глоток.

– Наверное… нет. Не уверена. Как… как долго я спала?

– Ты не узнала меня, когда я вошел. – Сэм держится за мою руку, будто боится, что один из нас утонет. – Совсем не узнала.

– Проблемы с памятью все хуже, – говорю я, облизывая губы. – Уже три… нет, даже четыре фуги за сегодня. Не знаю, в чем причина. Продолжаю что-то вспоминать, но уже не уверена, что реально, а что – нет. Я думала… – Прежде чем сказать «убила Фиоре», я медлю и вовремя прикусываю язык. Может, я действительно сделала это, даже если Фиоре не знает – на то могут быть другие причины. – …Что сбежала. Потом очнулась здесь. – Я закрываю глаза. – Фиоре говорит, что я больна.

– Что мне делать? – грустно спрашивает Сэм. – Как тебя вылечить? Тут нет А-ворот!

– Да, здесь только технологии темных веков. Люди не разбирали тела и не собирали их заново. Они полагались на медицину, лекарства, операции. Пытались заживить любое повреждение прямо на собственной шкуре.

– Какое безумие…

Я слабо хихикаю:

– Да ладно. Это я еще не проехалась по здешним докторам…

«Доктор» – одно из тех странных устаревших слов, которые больше не означают то, что раньше. В реальном мире за пределами этой тюрьмы доктор – ученый, который занимается исследованиями, а не механик белкового тела. Полагаю, в настоящие темные века это слово могло иметь и такое значение –

никто ведь по-настоящему не имел понятия, как работают самовоспроизводящиеся организмы, поэтому всякое лечение было отчасти исследованием.

– Значит, э… доктор… Хант пообещала поставить меня на ноги? – Если у них здесь припрятан медицинский ассемблер, фиг я ей дамся. Он ведь будет заражен Королем в Желтом! Как я сразу не поняла!

– Рив? – Должно быть, мои глаза переполняет ужас, и Сэм сразу реагирует. – Рив! С тобой все в порядке?

– Не отдавай меня этой Х… х-х… – сиплю я, точно проколотая шина, падая во мрак.

– Кому не отдавать? Рив, что такое? У тебя снова фуга?

Очертания предметов темнеют. Сэм наклоняется ко мне, и я шепчу ему на ухо:

– […]…

А потом…

* * *

Отчаяние – движущая сила необходимости.

Со времени той встречи комитета с А1 и Санни прошло двести мегасекунд. Многое изменилось. Например, я больше не гордость танковой дивизии. И Санни теперь не кошка. Мы – гражданские, элементали с военным опытом, выпущенные в безудержный хаос реконструкции, которая ныне является будущим Насущной Республики.

Я не могу снова привыкнуть к тому, что я – человек ортодоксального или неортодоксального типа – где-то потерял целые фрагменты своей личности. Когда разразилась война, заключившая меня в МОНАрх на целое поколение, я уменьшил себя до того, что было у меня с собой, в моей голове. Затем, когда я милитаризовался, мне также пришлось отказаться от некоторых аспектов личности. В иных случаях я не совсем понимаю почему. Что-то предельно ясно (на войне, например, нужно подавлять угрызения совести по поводу причинения боли и повреждений солдатам противника), однако некоторые пробелы не соответствуют никакой логике. Если верить моим дневникам, которые я вел на борту «Благодарного Преемника», я всерьез интересовался музыкой барокко доиндустриальной эпохи, но сейчас не вспомню ни одной мелодии. У меня якобы были стабильные отношения и даже дети, хотя ни воспоминаний, ни каких-то переживаний того периода не уцелело. Может, такова реакция на душевную боль, или – нет. Но сейчас, после

демобилизации, кажется, что у меня отсутствует какой-либо персональный бэкграунд – я дрейфую вдали от всего, к чему был привязан, и лишь моя новая работа является связующей нитью.

Кошки Лайнбарджера вышли из войны со значительными финансовыми активами. Это меня удивило. Даже я, бывший солдафон, получил такое количество кредитов, что на них можно вести безбедный умеренный быт несколько гигасекунд кряду. Кажется, война – прибыльное дело, если служить на стороне победителей и умудриться не свихнуться в процессе.

Когда я покинул генеральный штаб Кошек (запутанной дорогой – с привлечением нескольких анонимных сетей ремикширования и односторонних А-ворот, лишивших меня всей военной начинки перед возвращением в гражданское общество), превратился в молодого человека с репутацией повесы в Когнитивной республике Лихтенштейн. «Репутация повесы» – это действительно что-то, особенно если у тебя не было гениталий последние пару сотен мегасекунд.

Лихтенштейн – оживленная эклектичная колония художников-карикатуристов, настолько искушенных, что они почти прошли полный круг и вернулись к примитивизму. Здешняя конвенция требует использовать визуальные фильтры, которые покрывают все темными полосами и расцвечивают человеческие тела яркими красками. Таким образом, жизнь здесь похожа на машиниму [19]. Стиль своеобразный, но знакомый и обнадеживающий – сущие пустяки после бессонного гиперконцентрированного сознания танка. Я брожу по галереям и салонам Лихтенштейна, обмениваюсь резкими репликами и невероятными историями с другими жителями, а в свободное время часто хожу в ванну и моюсь. Считаю делом чести не спать дважды с одним и тем же человеком в одном теле, хотя через некоторое время обнаруживаю, что даже такая анонимная чувственность не защищает меня от слез влюбленных: похоже, половина местного населения потеряла кого-то и ищет утрату, бросаясь из крайности в крайность.

Моя жизнь кажется бесцельной первые четыре-пять мегасекунд. Оставаясь наедине с собой, я работаю над чем-то, что со временем может оказаться мемуарами о войне – старомодным сериализованным текстом, провокационно продвигающим точку зрения без всякой претензии на объективность, – в то время как на публике трачу свои сбережения. В глубине души меня раздражает мелочность и отсутствие смысла такой жизни; я хочу что-то делать, и пусть проект, над которым я работал под эгидой Санни последнюю пару лет, отвечает всем требованиям, он поневоле анонимен. Если я оставлю след, то своими делами, а не

именем. И так, по мере того, как мой сплин усиливается, я все глубже утопаю в лиловом тумане лености и отупения.

Но однажды в мою дверь заливисто позвонили, и я почувствовал – вот она, встреча, которая изменит мою судьбу…

* * *

Как раз в тот момент, когда доктор Хант прижимает крошечный ледяной латунный диск к голой коже между моих грудей, я понимаю, кто я и где. И что я ужасно больна.

– Ой!

– Вдохните и медленно выдохните, – незлобиво просит она. Секунду спустя щурит глаза за толстыми стеклами очков как сонная сова. – Ага, уже очнулись, я смотрю?

В ответ я сильно кашляю – мышцы груди сводит, ребра звенят от боли. Доктор Хант чуть отстраняется, опускает стетоскоп.

– Прокашляйтесь, я подожду. Воды налить?

Когда приступ стихает, я замечаю, что она приподняла изголовье моей кровати.

– Да, пожалуйста…

Меня все еще лихорадит, я слаба, но мне хотя бы нехолодно. Даже удается дотянуться до стакана, который Хант протягивает, и ничего не пролить, хотя рука сильно трясется.

– Доктор, что со мной не так?

– Я здесь, чтобы узнать.

Хант – женщина невысокого роста и, как принято здесь говорить, «средних лет». В ее темных волосах – множество так называемой проседи, обеспеченной возрастным нарушением функционирования меланоцитов; на лице – мимические морщины. На ней странное белое пальто, застегнутое спереди, и она носит с собой таинственные тотемы профессии: кадуцей и стетоскоп – конец последнего только что прикладывали к моей груди. Она выглядит дружелюбной, открытой и заслуживающей доверия, словно в противовес своим коллегам-священникам. Но красота – это не правда, и внутреннее чутье подсказывает мне никогда не ослаблять бдительность в ее присутствии.

– Как долго у вас пирексия?

– Пире… что?

– Озноб, чередующийся жаром. Повышенная потливость, ночные кошмары.

– О, ох… – Я морщусь. – Какой сегодня день? Как долго я здесь?

– Всего шесть часов, – отвечает доктор Хант. – Вас

госпитализировали около полудня.

Я зябко повожу плечами. Кожа у меня будто ледышка.

– Началась за час или два до полудня, выходит.

– Преподобный Фиоре сказал мне, что вы занимались чем-то вроде скалолазания. – Ее тон – нейтральный, сугубо профессиональный, без нотки порицания.

Я сглатываю слюну.

– Ну да, было дело.

– Вам очень повезло. – Хант загадочно улыбается и водит стетоскопом по моему левому плечу, сдвигая больничную рубашку, чтобы обнажить его. – Извините, я попробую закончить с этим побыстрее. Хм. – Она смотрит на перепонку стетоскопа и хмурится. – Я давненько ничего подобного не видела. Прошу прощения. – Она выпрямляется. – Должна сказать, во внешних простенках нашей зоны обитания небезопасно. Некоторые соседние биомы не предназначены для биоморфов. В некоторых резервных секторах обитают такие репликаторы, что сожрут всякого, кто основан на нуклеотидном каркасе и не транслирует сигнал отмены атаки.

Я снова сглатываю – во рту неестественно сухо.

– *Что?..*

– Так или иначе, вас угораздило заразиться сильным штаммом *pestis mechaniculorum*. Пирексия вызвана тем, что ваша иммунная система с трудом сдерживает его натиск. Очень хорошо, что мы нашли вас до того, как начался механотический цитолиз. В любом случае, я смогу поставить вас на ноги.

Я вздрагиваю.

– Спасибо. Это здорово.

– Здорово – не то слово. Нужно ли мне просить вас воздержаться от дальнейших исследований застенков?

Я качаю головой, почти смущенная собственным недавним страхом поимки.

– Вот и хорошо. – Хант похлопывает меня по плечу. – По крайней мере, если захотите повторить, сначала проконсультируйтесь со мной. И тогда, вероятно, избежите несчастных случаев. – Она осторожно снимает стетоскоп и оборачивает его вокруг своего кадуцея. Девайс издает мягкие щелкающие звуки, когда сливается в единое целое с жезлом, увитым змеями. – Сейчас я введу вам немного антироботинового средства, и выздоровление начнется. – Доктор садится на табурет, поставленный рядом с кроватью.

– А вас не волнует, что вы слегка… ну… выпали из роли? – спрашиваю я, наплевав на осторожность. Подозреваю, если задать такой вопрос Юрдону или Фиоре, они сразу голову мне открутят.

Но с Хант, кажется, легче ладить. Вероятно, она даже заслуживает некоторого доверия.

– Все мы ошибаемся. – Снова эта улыбка: немного не от мира сего, очень искренняя, будто доктор смеется над шуткой, над которой я бы тоже посмеялась, если бы знала, о чем она. – Дорогая, позвольте мне побеспокоиться о стандартах эксперимента. – Она снисходительно машет рукой. – Знаете, мы все-таки печемся о том, что происходит здесь с людьми, когда церковь за ними не смотрит. Конечно, люди пытаются проверить систему на прочность – этого следовало ожидать. Может, кто-то не хочет здесь находиться. Кто-то наверняка передумал уже после того, как подписал согласие. Скажу одно: мы делаем все, что в наших силах, чтобы здесь они не были недовольны. – Хант приподнимает бровь. – Провести эксперимент такого масштаба непросто, и все мы ошибаемся. Что еще я могу сказать? Некоторые ошибаются больше остальных. – Теперь ее лицо выражает легкое отвращение. Она ждет моей реакции.

– Но эти ошибки… – произнесла я, не зная, стоит ли заканчивать мысль.

Доктор многозначительно пожимает плечами.

– Как дела у Касс? – заставляю я себя задать вопрос.

На лицо Хант, до сих пор открытое и доброе, ложится тень.

– Почему вы спрашиваете?

Я вновь облизываю губы.

– Мне бы воды.

Хант соскальзывает со стула, обходит кровать, наливает остаток воды из кувшина в стакан и молча протягивает мне. Я опустошаю его.

– Похоже, случай Касс – маленькая ошибка Фиоре. – Мне хочется произнести это небрежно, как бы между делом, но мой тон сочится осуждением и язвительностью.

– Похоже, что так. – Доктор Хант оглядывается, смотрит через комнату на что-то, отделенное от меня занавеской. Я вздрагиваю, и на этот раз не от лихорадки. – Маленькая? Я бы не сказала. – Ее голос сух, что-то в ее тоне вынуждает меня не смотреть ей сейчас в глаза. Но когда Хант поворачивается ко мне, у нее спокойный, почти равнодушный вид. – С Касс все будет в порядке, дорогая.

– А с Майком? – интересуюсь я.

– Это еще нужно предопределить.

– *Пред*-определить? А то, что стало с Филом и Эстер, – тоже было *пред*-определено?

– Рив… – И ей еще хватает наглости строить обиженную мину! – Нет, конечно, не было. Всему виной плохая оценка ситуации. Мы обратились к историческим источникам и

обнаружили, что то, что делали Эстер и Фил, не являлось примечательным. Ты права – их проступку придали излишний вес. Доктор-майор Фиоре недооценил серьезность настроя толпы. Такое больше не повторится, мы приняли опыт к сведению. – Хант чуть склоняет голову. – Для тех браков, что не ладятся, будет введена официальная процедура расторжения. Мы – не злодеи, Рив. И смотрим на вещи в гораздо более широкой перспективе. Если не привести вас к согласию и довольству – опционально, всех, – то система не выкристаллизуется, эксперимент будет провален.

Эксперимент будет провален. Я смотрю на нее и задаюсь вопросом: она серьезно? Фиоре и Юрдон – такие циники, что я изумляюсь, видя в их команде кого-то, кто явно верит в правоту дела и свою работу. Ее открытость уязвляет меня не меньше чем полицейских-неписей в ресторане – мой спонтанный эксгибиционизм.

– Э… кажется, я вас понимаю. – Я качаю головой и морщусь от боли. Моя шея болит. – Но пока Майк остается с нами, некоторые, как ни крути, будут несчастны.

– На Майка найдется управа. – Мгновение спустя ее кадуцей издает звуковой сигнал. Продолжая говорить, она возится с ним. – Я не считаю, что его психологическая травма неизлечима. Вероятно, даже не нужно откатывать его к резервной копии, хотя на данный момент может показаться, будто так проще. Но мне придется пересмотреть мотивационный паттерн Майка с основ. – Хант хмурится, глядя на змеиные головки, но в дальнейшие подробности не вдается. – И с Касс все… наладится. В настоящее время я лечу травмы, нанесенные ее телу. Как только в этом плане ей станет лучше – спрошу, какую личность она хочет взять. – Хант делает небольшую паузу. – Большинство медицинских сообществ, имей они дело с таким тяжелораненым больным, предписали бы обширное вмешательство в память. Или просто ликвидировали бы это воплощение человека и воссоздали бы другое из резервной копии. Но я не верю, что такой серьезный шаг можно сделать без учета собственных пожеланий Касс. – И снова я буквально *слышу*, как мысль доктора налетает на какие-то тормозные колодки. Через мгновение я понимаю, что Хант пристально смотрит на меня.

– Что такое? – спрашиваю я нервно.

– Стоит поговорить и о ваших выпадениях из реальности.

– О моих фу… о чем, простите? – Я ловлю себя на слове, но уже слишком поздно валять дурака.

Доктор Хант приподнимает бровь и скрещивает руки на груди.

– Знаете, я ведь не идиотка. – Она отводит глаза, будто ее слова адресованы кому-то другому. – Каждый, кто находится здесь, прошел через серьезную переработку личности, перебалансировку, стирание определенного опыта. Прошу заметить, это всё – *до* вербовки в наш эксперимент. Одна из причин, по которой данное сообщество нуждается в плотном медицинском наблюдении, заключается в кризисе идентичности у всех его членов. У большинства людей здесь есть определенные предположения о том, кем они были раньше и почему решили изменить свои воспоминания. Конечно, попадаются и такие, кто совсем ничего не помнит. За ними числится нечто, что они пожелали похоронить настолько глубоко в себе, что и подсознательных подходов не осталось. Что-то, что мучило. Обычно не все так плохо, конечно… Итак, у вас было две фуги с момента госпитализации – вы в курсе? Я спрашивала вашего мужа о них, и он сказал, что в последнее время они участились. Стали более обыденным явлением.

Она наклоняется ко мне, держа руки зажатыми под мышками, словно обнимая себя.

– Я не люблю вторгаться туда, где меня не ждут, но, судя по всему, вам требуется серьезная помощь. Похоже, у вас была плохая реакция на подавляющие препараты, которые давали в клинике, и, хотя я не могу быть уверена без детального обследования, есть риск, что вы столкнетесь с неким кризисом. Я не хочу преувеличивать, но в худшем случае вы можете потерять… все, что делает вас собой. Например, если это аутоиммунная реакция – согласно вашему досье, у вас имеется интеллектуальный апгрейд системы комплимента [20], а порой байесовские индикаторы начинают палить не по тем целям, – то может выработаться полная антероградная амнезия и неспособность к созданию каких-либо новых мнемоструктур. Или все дело в недобросовестном предыдущем исправлении воспоминаний, которое и вызывает фуги когнитивного диссонанса. Это должно пройти само, хотя процесс «прохождения» доставит вам много неприятных минут. Но я не могу сказать наверняка, чего сто́ит ждать – уже не говоря о том, чтобы назначать лечение, – если вы не признаете, что у вас имеется проблема.

– Ох. – Мне требуется время, чтобы переварить это, но Хант удивительно терпелива со мной и ждет, пока я все обдумаю. Будь обстоятельства иными, я была бы готова биться об заклад, что эта женщина взаправду не безразлична к моей участи. – Проблема, – эхом повторяю я, и волна озноба вновь приколачивает меня к простыням.

– Кстати, о проблемах… – Хант поднимает свой кадуцей. – Сейчас будет немножко больно. Но недолго. Быть съеденным заживо чумой механоидов – гораздо больнее. – Она спокойно улыбается, кладя кадуцей мне на плечо, и я вздрагиваю, когда змеи оживают и кусают меня. – Потребуется время, чтобы победить инфекцию, и есть риск, что она успеет адаптироваться и победить робофагов, поэтому я собираюсь оставить вас здесь на ночь – для наблюдения. Надеюсь, завтра вы будете достаточно здоровы, чтобы отправиться домой. Я выпишу вам недельный отпуск для восстановления сил. А пока подумайте о том, что я сказала касательно ваших проблем с памятью. Мы еще поговорим об этом утром, на обходе.

Змеи отпускают меня и снова обвиваются вокруг жезла, когда Хант встает.

– Спокойного сна! – желает она мне и уходит.

* * *

Разумеется, ни о каком спокойном сне и мечтать не приходится.

Сначала я провожу неопределенное время, дрожа от холодного озноба и время от времени забывая дышать, пока какой-то примитивный рефлекс не понукает меня втягивать воздух большими хриплыми глотками. О сне не может быть и речи, когда ты боишься, что перестанешь дышать, поэтому я довожу себя до крайнего ужаса, прокручивая в уме события прошедшего дня. Огромные артериальные потоки крови выступают как призраки на стене – тени моей вины за убийство Фиоре. Но он даже не знает, что я его убила! Неужели все это было галлюцинацией? Очевидно, что безумное карабканье вверх по шахте на пределе возможностей всяко реально, раз Фиоре и Хант знают о нем. Если, конечно, мне они сами не привиделись – это тоже нельзя списывать со счетов. Я борюсь с неизвестной инфекцией и с неясным невротическим кризисом одновременно. Разве не проще предположить, что я просто не в своем уме?

Свет в палате потускнел, и проблеск неба, который я вижу через окна, становится более фиолетовым, испещренным пылающими точечками люминесценции, которые странно блестят, будто преломляются в глубокой луже воды. Может, им невдомек, что я знаю о Короле в Желтом и ассемблере в подвале библиотеки. Просто кажется, что у меня нервный срыв. *Диссоциативная фуга* – разве не так это называли древние? Я ведь не просто вспоминаю фрагменты плохо подавленных

воспоминаний, но придумываю ложную память, латаю рваное полотно наугад, ошибаясь и домысливая. Может, моя память о бытности человеком-танком, работавшим на каких-то там Кошек, произошла из какой-нибудь… скажем, игры, в которую я когда-то играла? Из многопользовательской захватывающей игры с открытым миром, крутым сюжетом и высокой степенью погружения. Не припомню, чтобы была геймершей, но, пожелай я избавиться от зависимости, разве не могла для этого прибегнуть к услугам врачей, редактирующих память?

Я понимаю, что не просто не у кого справиться обо всем этом. Если окажется, что Сэм никогда не слышал о Кошках Лайнбарджера, это вовсе не значит, что они не существовали – все здесь прошли правку памяти! Я бы хихикнула, не будь мое горло таким сухим и воспаленным. Наверное, я просто дурная библиотекарша Рив – наплодила целую свиту фантомов-небылиц, чтобы жизнь стала чуточку интереснее, а они теперь преследуют меня по коридорам разума. Был ли тот парень, гнавшийся за мной по коридорам Невидимой Республики, настоящим? А как насчет сумасшедшей сучки с мечом, вызвавшей меня на дуэль? Я убегала от врагов, которых на самом деле никогда не видела – разве что мельком, краем глаза. Я словно жертва слепоты, странной неврологической травмы, которая оставляет своих жертв незрячими, но способными воспринимать события в своем поле зрения путем угадывания. Может, я агент разведки, пытающийся выследить опасных врагов… или просто грустная больная женщина, которая привыкла подменять реальность игрой и теперь расплачивается за это.

Я лежу без сна в сумерках и в конце концов понимаю, что дрожь прошла. У меня все болит, я слаба, но этого и следовало ждать после долгого подъема. И пока я лежу там – начинаю улавливать очень тихие, фоновые звуки в палате. Белый шум от кондиционера, тиканье часов, тихие рыдания… *рыдания*?

Я сажусь прямо, простыня и одеяло соскальзывают с меня. Мысли перемешиваются с чувством страха и сверхъестественным осознанием облегчения. *Я действительно спасла Касс.* Если Касс лежит здесь, то все, что я помню о ней, произошло на самом деле. Это не значит, что и остальное реально. Но если хотя бы *это* имело место быть, Касс должна…

Я подтягиваю одеяло и хватаюсь за него как испуганный ребенок. Не могу справиться. Мне хочется пососать свой большой палец. Я не готова к такому. Вспоминаю слова Хант: *как только в физическом плане ей станет лучше – спрошу, какую личность она хочет взять.* Они почти утешают меня, дают какую-никакую надежду. Может, хотя бы эта Хант вернет мои сползающие в

небыль мозги на место? Было бы странно, не имейся у здешней управы под рукой полноценного хирурга-храмовника, ведь он – идеальное средство профилактики небольших этических затруднений, от каких может пострадать всякое экспериментальное государство… *А еще он очень кстати, когда нужно прочищать мозги засланным казачкам, с какими часто сталкиваются секретные военные объекты,* добавляет циничный голос в моей голове, которому я уже не очень-то верю.

Я снова ложусь. Рыдания слышны еще какое-то время, затем их перекрывают шаги медсестры-неписи, идущей к кровати. Какой-то шепот и вздох, сопровождаемый свистящим хрипом. Белый призрак медсестры остановился в ногах моей кровати, лицо – тусклый овал.

– Вам что-нибудь нужно? – спрашивает она меня.

Я качаю головой. Мне сейчас много чего нужно, но у них этого нет.

В конце концов я засыпаю.

15. Поправка

Следующее утро начинается плохо, разлетаясь осколками, как упавшая ваза.

– Опять фуги. Рив, тебе становится хуже.

Его большая рука обхватывает мою маленькую. Слабую и бледную. Он поглаживает большим пальцем тыльную сторону моего запястья. Я смотрю в его глаза, вижу там печаль и задаюсь вопросом, почему…

Две змеиные головы из жидкого металла кусают меня за запястье, и я вскрикиваю, отстраняясь, когда они впрыскивают успокаивающее онемение. Женщина, несущая их, – богиня, златокудрая, с горящими глазами.

Я снова – танк, целый полк танков, несущийся сквозь морозную ночь к вражескому месту обитания… или это было позже? Я отключаюсь от вирт-интерфейса и качаю головой, оглядываю других игроков в игровом зале и слышу, как шепчу: *нет, это было не так…*

Царапанье резного стилуса по грубой бумаге. Корпус стилуса из человеческой кости. *Поначалу ты ничего не будешь помнить. А если будешь, тебя идентифицируют как врага.*

– Сегодня утром ей очень плохо. Лекарства подействовали – организм борется, но в таком состоянии она не сможет с вами говорить. Что вы от меня хотите? Я лишь доктор, я не чудотворец…

Удушливая вонь кишок хлещет по обонянию, когда я вытаскиваю свою рапиру из его внутренностей. Он лежит среди розовых кустов в зоне дуэли, под тенью мраморной статуи вымершего вида летающих млекопитающих. Внезапно меня охватывает ужас, ведь этого человека я могла бы любить.

– Помогите ей хоть чем-нибудь.

– Я не могу! Без ее согласия!

Рука сжимает чье-то запястье до боли.

– Она не в том состоянии, чтобы дать его, – вы только взгляните! Что, если у нее начнутся конвульсии?

Я снова танк, петляющий в мире боли и ужаса; кровь течет под моими покрытыми сталью пальцами, когда я с размаху бью мечом по шее кричащей женщины, в то время как двое других бойцов удерживают ее. Я лечу, переваливаясь с задницы на крыло, и чувствую запах свежей воды от ревущего водопада подо мной.

– Прекратите это, – слышу я чье-то бормотание, и на моих губах кровь в том месте, где я почти прокусила их. Это *меня*

удерживают танки, а еще передо мной стоит женщина с горящими глазами, а за ней – мужчина, который любит меня, но если бы я только могла вспомнить, как его зовут…

Змеи снова кусают, глубоко вонзают свои зубы; закат – солнца больше нет.

И вот оно снова встает, и я осознаю, что кто-то держит меня за правую руку.

Проходит еще какое-то время…

Он все еще держит. Наверное, терпеливый попался. Я все еще лежу в кровати, и кругом – очень светло.

– Который час? – спрашиваю я, слегка паникуя, ведь мне нужно идти на работу.

– Тс-с-с. Сейчас время обеда. Всё в порядке.

– Если всё в порядке, как долго ты так вот сидишь?

– Недолго.

Я открываю глаза и смотрю на него. Он сидит на табурете рядом с моей кроватью. Я корчу гримасу, или улыбаюсь, или что-то в этом роде. Он мне лжет!

Сэм не улыбается и не кивает, но напряжение утекает из него как вода из крана, и он слегка приободряется.

– Рив? Ты меня помнишь?

Я быстро моргаю – в левый глаз будто ресница попала.

– Я много чего помню, – отвечаю я. Насколько то, что я помню, соответствует истине, – другой вопрос. От одной попытки разобраться в этом у меня начинает болеть голова! Я – танк. Беспутный молодой биоавиатор с желанием умереть. Но в то же время я вполне могу оказаться кровожадным геймером, управляющим танком, или секретным агентом под глубоким прикрытием. Но все эти возможности гораздо глупее и менее правдоподобны, чем то, о чем говорит все вокруг, а именно: я – библиотекарша из маленького городка, у которой случился нервный срыв. Решаю пока придерживаться этой версии. Я крепко держу руку Сэма, будто тону.

– Насколько все плохо?

– О, Рив, было плохо. – Он наклоняется ко мне и обнимает меня, а я обнимаю его в ответ так крепко, как могу. Он весь дрожит, и я понимаю это с чувством растущего благоговения. *Неужели он так за меня переживает?* – Я боялся, что потеряю тебя.

Я уткнулась в его теплую шею. Значит, еле выкарабкалась. Настала моя очередь вздрогнуть от ужаса при мысли, что я могла потерять *его*. За последнюю неделю Сэм превратился в мой якорь, мою гавань в бурных водах идентичности. У меня… ну… сегодня все немного перепуталось.

– Что случилось? Давно ты?..

– Я приехал, как только смог, – бормочет он мне на ухо. – Вчера вечером из больницы позвонили, но сказали, что я не смогу тебя увидеть, время слишком позднее и стационар закрыт для посещения… – Сэм весь напрягается.

– И? – спрашиваю я. Я чувствую, что должно быть *что-то еще*.

– У тебя были судороги. – Он все еще в напряжении. – Доктор Хант сказала, что дело дрянь, нужен радикальный метод, но она не обратится к нему без твоего на то согласия.

– И что за «радикальный метод»? Зачем?

– Твои воспоминания… – Сэм напрягается еще больше. Меня знобит.

Доктор Хант начинает отчет, когда я поворачиваюсь взглянуть на нее:

– Память кодируется несколькими способами: как разница синаптических весов и как связи между нейронами. Последнее ее редактирование, которому вы подверглись, было выполнено с ошибками. Появились перекрестные помехи. В свою очередь, это обеспокоило вашу аугментированную иммунную систему, и вы подверглись заражению механоцитами, что значительно ухудшило ситуацию. Всякий раз, когда начиналась интеграция новейших ассоциативных связей, ваши эндогенные робофаги решали, что это деятельность опасных механоцитов, и убивали нервные клетки. Вы были близки к тому, чтобы полностью утратить способность формировать новые долгосрочные ассоциации – то есть к прогрессирующему повреждению мозга. Метод, который я применила к вам, обычно используется на последней стадии редактирования памяти – я использовала его, чтобы уничтожить старую память, рвавшуюся на поверхность. Мне жаль, но теперь вы не сможете получить к ней доступ – у вас останется то, что успело интегрироваться во время фуг, но все остальное, что бы там ни было, уничтожено навсегда.

Сэм ослабил свою хватку на мне, и я прислонилась к нему, глядя на доктора.

– Разве я давала вам разрешение манипулировать своим разумом? – спрашиваю я.

Хант просто смотрит на меня. Я чувствую себя потрясенной. *Если она сделала это против моей воли, это…*

– Да, – говорит Сэм.

– Что?

– Ты была совсем плоха. – Он снова сгорбился. – Хант описывала ситуацию тебе и мне, я просил ее сделать все необходимое, а она сказала, что не может – ты тогда была в бреду. И тут ты вроде очнулась… она спросила тебя… и ты

согласилась.

– Но я этого не помню, – говорю я, а потом задумываюсь. Нет, вообще-то… вроде что-то помню. Но я не могу быть уверена на все сто, не так ли? Ох.

Я смотрю на Хант. Узнаю выражение ее глаз. Долго-долго смотрю на нее, потом мне удается заставить себя кивнуть – очень вынужденно, но и этого достаточно, чтобы стравить напряжение. Думаю, мы все выдохнули одновременно. *Теперь я никогда не смогу узнать до конца, кем была, не так ли?* Но это все еще не так плохо, как участь, ждавшая меня в противном случае. Я не помню точно ни приступы, ни судороги, ни свое согласие на какие-либо манипуляции, имевшее место, очевидно, между ними, – но сделанного не воротишь в любом случае. Думаю, пора открывать новую страницу жизни.

– Вообще-то, – говорю я Хант и Сэму, – я чувствую себя… гораздо лучше!

Сэм смеется, и в этом смехе есть что-то грубое, граничащее с истерикой.

– Лучше, правда? – Он снова обнимает меня, и я обнимаю его в ответ. Доктор Хант улыбается – как мне кажется, с облегчением оттого, что щекотливая ситуация разрешилась. Подозрительная часть меня запоминает это, но даже она готова признать, что Хант в самом деле может быть лишь той, кем кажется – доктором-ортодоксом, руководствующимся лишь лучшими интересами своих пациентов. Она, конечно, заодно с Фиоре и епископом, но иметь во вражеском стане такого в общем-то неплохого человека – утешение.

– Так когда я могу пойти домой? – спрашиваю я с надеждой.

Оказалось, меня оставят в больнице до конца дня и на ночь. Здешний быт утомителен и полон призраков в белых одеждах, катающих свои тележки с едой, бельем и снадобьями темного века.

Я все еще чувствую слабость, но достаточно окрепла, чтобы встать и самостоятельно сходить в туалет. Идя назад, я замечаю, что шторы вокруг другой занятой кровати в палате задернуты. Оглядываюсь по сторонам – медсестер нет. Собравшись с силами, я подхожу.

Там лежит Касс, и на нее больно смотреть. Ее ноги от пят до колен ампутированы – их просто *нет*, – обрубки приподняты на ремнях. Синяки на лице поблекли до уродливого зелено-желтого цвета, за исключением глазниц, которые с виду одновременно опухшие и впалые. Она все еще болезненно худая; полупрозрачный пакет, полный жидкости, медленно опорожняется в ее вену через трубочку.

– Касс? – тихо зову я ее по имени.

Ее веки с трудом приподнимаются, глаза поворачиваются ко мне.

– Гх-х-х, – произносит она.

– Что-что? – Я наклоняюсь поближе, она слегка вздрагивает. – Что ты говоришь?..

Сзади ко мне торопятся шаги. Подходит медсестра-непись.

– Пожалуйста, отойдите, отойдите от пациента, – бубнит она на ходу.

– Какие ее шансы? – требовательно спрашиваю я. – Что вы будете с ней делать?..

– Пожалуйста, отойдите от пациента, – повторяет медсестра в последний раз и вдруг перескакивает на новую диалоговую ветку: – Все вопросы адресуйте вышестоящему медперсоналу. Спасибо за ваше участие. Возвращайтесь в постель.

– Касс… – предпринимаю я последнюю попытку достучаться до нее. Словно хрупкая снежинка, мысль о манипуляциях с моими воспоминаниями кружится в голове и застывает над всем остальным. Я чувствую себя ужасно. – Ты меня слышишь, Касс?

– Возвращайтесь в постель, – говорит медсестра слегка угрожающим тоном.

– Да иду я, иду! – говорю я, отшатываясь от бедной раненой Касс. Я была одержима ею долгое время, считая – вот она, Кей. Но настоящая Кей все это время спала в мужском теле в соседней комнате. А жизнь Касс текла по руслу чудовищного кошмара.

Здесь что-то не так с этикой. Я не думаю, что Хант – убежденная злодейка. Но она сотрудничает с Фиоре и Юрдоном, хотя ни один здравомыслящий ученый не пошел бы на это. И потом она провела мне несанкционированную редакцию памяти, а это уже противозаконно. Но я не могу быть уверена, что не согласилась? И был ли у меня – или, раз на то пошло, у Хант – выбор? Я трясу головой, жмурюсь. Все эти противоречия и прочие когнитивные диссонансы грозят свести меня в могилу.

* * *

За окнами – солнечное утро четверга, когда доктор Хант является вновь, садится у моей кровати с блокнотом в руке и подбадривает меня искренней улыбкой.

– Итак, Рив, вы прекрасно совладали со всеми невзгодами. Выздоровление идет полным ходом. Думаю, есть все основания выписать вас. – Шариковой ручкой она что-то строчит в блокноте. – Вы все еще идете на поправку, так что мой вам

совет – следующие несколько дней никаких серьезных нагрузок! Вы не должны возвращаться на работу раньше четверга следующей недели, а еще лучше – сидите дома до следующего за ним понедельника. Этот лист потом отдадите Яне – это официальный больничный. Если вдруг почувствуете недомогание, или у вас повторится приступ головокружения, немедленно звоните в клинику.

– А на скорую помощь нельзя рассчитывать? – осведомляюсь я.

Хант убирает непослушный седоватый локон за ухо.

– Мы еще находимся в процессе привлечения новых людей в сообщество, – отвечает она. – Парамедиков здесь не будет до следующей недели. Им предстоит модернизировать свои импланты, чтобы обзавестись дополнительными навыками. Но если через две недели вы вызовете скорую помощь или полицию, вам не придется иметь дело с сотрудниками-зомби. – Доктор оглядывает палату. – Как говорили в темные века, всегда не хватает рук…

– Вообще-то, я хотела спросить… – Я не заканчиваю фразу, не зная, стоит ли вообще затрагивать эту тему, но Хант уже знает, к чему я клоню.

– Вы поступили правильно, вызвав скорую помощь, – решительно говорит она. – Не сомневайтесь в этом. – Она хватает меня за руку, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. – Но зомби, увы, бесполезны, когда дело касается чего-то большего, чем рутина. – Она тихо вздыхает. – Будет проще, если помогать мне станут живые, обучаемые нестандартным навыкам и решению комплексных задач люди.

– Сколько человек в итоге начнут жить в симуляции? – спрашиваю я. – В материалах вначале говорилось что-то о десяти… *приходах* по десять человек, но если вам требуются живые полицейские и медики – значит, к заселению запланировано гораздо больше?

Доктор выглядит удивленной.

– Нет, сто участников. Просто размер сравнительного набора для перенормировки баллов, Рив, *всего один* приход. Мы знакомим участников друг с другом контролируемым образом, по десять когорт на приход, но вы уже почти все освоились. На следующей неделе мы откроем коллектор и соединим все районы. Именно тогда наша полития начнет свое реальное существование! Это будет очень интересно – вы встретите незнакомцев, а зомби будет гораздо меньше.

– Ого, – говорю я просевшим голосом. Голова идет кругом. – И сколько, э-э, районов вы планируете объединить?

– О, около тридцати приходов. Этого достаточно, чтобы образовать один небольшой город, что, согласно нашим моделям, является минимумом для стабильного общества.

– Все разом будет очень сложно контролировать.

– Еще как! – Доктор Хант встает и поправляет белый халат. – Придется использовать как минимум три собственных воплощения, чтобы идти в ногу со временем! – Еще один непослушный локон падает на ее лицо, и она откидывает его назад. – А теперь я оставлю вас, если не возражаете. Вы готовы к выписке, можете вернуться домой, как захотите, – просто скажите медсестре в регистратуре, что уходите. У вас остались вопросы?

– Да, – поспешно отвечаю я и немного колеблюсь. – Когда вы редактировали мою память, у вас было искушение… ну, знаете, что-то изменить во мне? Я имею в виду, в самой *личности*, в установках…

Хант пристально смотрит на меня своими большими карими глазами. Она выглядит задумчивой.

– Знаете, если бы я начала изменять чью-то личность… *установки*, как вы говорите… у меня не осталось бы времени на то, что действительно требовалось. – Она улыбается мне, но выражение ее глаз внезапно делается холодным. – Кроме того, это весьма сомнительное, неэтичное для врача поведение, миссис Браун. И у меня есть два ответа на ваш вопрос. Во-первых, что бы я ни думала о пациенте, никогда не сделала бы ничего, что не отвечало бы его интересам. И, во-вторых – от вас я ожидала большего. Хорошего дня.

Она поворачивается и уходит. *Ну вот, выпендрилась,* думаю я; от смущения прямо тошнит. *Не уследила за языком.* Хотела бы я побежать за ней и извиниться, но это усугубило бы недоразумение, не так ли? *Идиотка*, говорю себе. Хант права, они не смогли бы управлять системой без медика-надзирателя, который действует в интересах его участников; кроме того, я обидела сейчас единственного экспериментатора, потенциально пребывающего на моей стороне. Она могла бы помочь мне лучше адаптироваться, ну да… *м-да.*

Собственно, мне здесь больше нечего делать. Я встаю и роюсь в сумке, которую Сэм принес вчера вечером. Там есть нижнее белье, платье с цветочным узором, пара сандалий с тонкими ремешками, но он забыл сумочку. Ладно, в любом случае он хорошо поработал. Я одеваюсь и иду в отделение неотложной помощи. По пути прохожу двери в другой корпус больницы, над которыми горит надпись «РОДИЛЬНЫЙ ДОМ». Надо думать, скоро там будет полно народу, а сейчас удручающе пусто.

Когда я дохожу до регистратуры, у меня пружинит шаг.

– Выписываюсь! – говорю я.

Непись за стойкой кивает.

– Миссис Рив Браун покидает учреждение по собственному желанию, – отчитывается она, похоже, сама перед собой. – Хорошего дня.

Больница выходит на Главную улицу, зажатую между рядом магазинов и кварталом, отведенным под офисы. День солнечный, теплый, и мое настроение поднимается, когда я оказываюсь на улице. Чувствую себя воздушной и пустой, легкой как перышко, ни о чем не заботящейся! *По крайней мере, не сейчас,* мрачно бормочет упрямая часть меня. Затем у меня создается впечатление, что даже та часть, которая всегда начеку, пожимает плечами и вздыхает, как бы говоря: *уж точно можно взять выходной, чтобы восстановиться.* Фиоре фактически снял меня с крючка, за что я могу поблагодарить доктора Хант, так что у меня есть реальный выбор. Я вольна продолжать брыкаться и бороться с неизбежным или пойти домой, расслабиться на несколько дней, успокоиться, избежать нежелательного внимания со стороны Фиоре и его кармодрочеров. Могу даже притвориться, что мне весело – почему бы не относиться ко всему как к игре? *К тому же, приходит мне в голову, если я хочу уничтожить Джен, лучший способ сделать это – выиграть на ее же поле.* А план побега всегда можно разработать позднее. И еще надо хотя бы попробовать уладить дела с Сэмом – мне не нравится, как паранойя и страх, судя по всему, отдаляют нас друг от друга.

Мне требуется три часа, чтобы добраться до дома на такси, в основном потому, что я трачу много времени в женском салоне красоты. Я делаю прическу, затем прогуливаюсь по универмагу. Салон и универмаг по-прежнему обслуживают только неписи, что изрядно раздражает, но, по крайней мере, меня они не беспокоят. Мне действительно нужна новая одежда – понятия не имею, что случилось с той, которую я носила во время восхождения. К тому же модная одежда позволяет набирать очки приятным и простым способом, а в этом я могу нуждаться. В перерывах между покупками я оказываюсь у киоска с косметикой. Хочу сделать Сэму сюрприз и прошу услужливого непися помочь мне с выбором чего-то по-настоящему классного. Хотя люди в темные века мало знали о преобразующих нанотехнологиях, они вполне разбирались в использовании натуральных продуктов для изменения внешности. Когда косметолог закончил, я с трудом узнала себя в зеркале.

Я все еще не очень хорошо себя чувствую, поэтому устаю гораздо быстрее, чем ожидалось. Итак, я заканчиваю поход по магазинам, заказываю доставку продуктов на дом и беру такси.

Дома, как я и ожидала, ужасный беспорядок. Уборщица, которую я наняла, когда устроилась на работу в библиотеку, приходила, но только раз в неделю, а Сэм забивал грязной посудой раковину и оставлял стаканы в гостиной. Стараюсь не обращать на это внимания, сажусь и отдыхаю, но через полчаса сдаюсь. Если мне нужно адаптироваться, я должна с этим управиться – такова часть моей роли, – поэтому я отношу все стаканы на кухню и загружаю один за другим в посудомоечную машину. Потом ложусь вздремнуть. К сожалению, в мою голову уже закрался коварный демон недовольства, поэтому я снова встаю и иду в гостиную. Понимаю, что мне никогда особо не нравилась обстановка здесь, а сильнее всего и необъяснимо раздражает диван. Заменить бы его на что-то более человеческое! Пока я занимаюсь перестановкой, время летит незаметно, и вот уже почти шесть. Сэм скоро вернется с работы.

Готовлю я плохо, но моих мозгов хватает, чтобы понять инструкцию на упаковке. Когда я слышу щелчок замка, быстренько раскладываю столовые приборы.

– Сэм? – окрикиваю я. – Я уже дома!

– Рив? – откликается он.

Я выхожу в холл. Судя по его глазам, он с трудом меня узнает.

– Р-рив… – Его челюсть отвисает. Бесценный момент!

– По дороге я попала в небольшую аварию, врезалась в салон красоты, – игриво сообщаю я. – Ну, как тебе результат?

Он прищуривается, затем умудряется кивнуть. Помимо использования макияжа, я надела самое сексуальное и откровенное платье, какое смогла найти. Ну, собственно, бедняга Сэм никогда не умел нормально выражать эмоции, но со временем я это в нем исправлю. Да и выглядит он сейчас жутко уставшим – мятый пиджак понуро свисает с покосившихся плеч.

– Трудный выдался день? – спрашиваю я.

Он снова кивает.

– Я, э-э, – он делает вдох, – думал, ты еще болеешь.

– Я и сама так думаю. – Я устала больше, чем хотела бы признать перед ним. – Но я рада быть дома, и доктор Хант выписала мне отгул на следующую неделю, так что я решила приготовить для тебя небольшой сюрприз. Ты не голодный?

– Я пропустил обед. Просто не успел проголодаться. – Он призадумывается. – Ну да, наверное, все-таки не стоило.

– Следуй за мной! – Я веду его в комнату, усаживаю, возвращаюсь на кухню и врубаю микроволновку. Подхватываю парочку бокалов, полных вина, и несу ему. Сэм ничего мне не говорит, но он явно взволнован. Его взгляд отслеживает все мои

маневры, будто я – не я, а самонаводящаяся ракета. – Вот. Тост за наше будущее?

– Наше… *будущее*?.. – Сэм ошарашен мгновение, но потом что-то проясняется в его закисшем сознании, он поднимает свой бокал и (наконец-то) улыбается мне, сдавшись какому-то внутреннему сомнению. О да!

Я поспешно возвращаюсь, чтобы разобраться с ужином, и вот мы едим. Я почти не чувствую вкуса еды, потому что, по правде говоря, наблюдаю за Сэмом. Я была так близка к тому, чтобы потерять его, что каждое мгновение кажется хрупким будто стекло. Во мне выкристаллизовывается огромное и сложное чувство нежности.

– Расскажи мне о своем дне, – прошу я, чтобы вытянуть из него хотя бы пару слов, и он бормочет бессвязную историю о пропавших бумагах для судебного приказа или что-то в этом роде, все время наблюдая за моим лицом. Мне приходится уговаривать его поесть. Когда он управляется со своей порцией, я прохаживаюсь вокруг стола, чтобы забрать его тарелку. Буквально чувствую на себе жар его взгляда.

– Нам нужно поговорить, – заявляю я.

– Точно, нужно. – Ну хоть сейчас его голос полон эмоций. – Рив…

– Пойдем.

Сэм встает.

– Куда? Ты чего это, Рив?

– Ну давай же. – Я протягиваю руку, хватаю его за галстук и осторожно тяну. Он следует за мной в холл. – Сюда. – Я медленно поднимаюсь по лестнице, прислушиваясь к его резкому дыханию. Он не пытается освободиться, пока мы не встаем у дверей спальни.

– Не стоит, – хрипло говорит он. – Не знаю, зачем ты это делаешь, но… не стоит.

– Пошли-и-и. – Я слегка тяну его на себя, и он вместе со мной переступает порог спальни. Тогда я наконец отпускаю его и поворачиваюсь к нему лицом. Одного взгляда на него достаточно, чтобы в промежности разлилось тепло. В конце концов, это Кей. Ничто не имеет значения более. – Я люблю тебя, идиотина.

Я замираю. Мои глаза расширяются, когда я вижу, как расширяются его зрачки и он выглядит озадаченным: я понимаю, что он не слышал меня!

– Волшебная фраза, Сэм. – И я понимаю, что говорю серьезно. Это не побочный эффект, как тогда, от вколотого Джен афродизиака, а что-то более глубокое. – То, что ты сказал мне на днях, я говорю тебе в ответ.

Его лицо проясняется.

– Иди сюда.

Теперь он выглядит смущенным.

– Но ведь…

– Никаких «но». – Я тянусь к нему и дергаю узел на галстуке. Берусь за верхнюю пуговицу. Он пожевывает верхнюю губу, и – я чувствую! – весь дрожит, когда я задеваю его своими прикосновениями. Я делаю шаг ближе, пока не оказываюсь вплотную к нему, и чувствую сквозь одежду, что он так же возбужден, как и я. – Я хочу тебя, Сэм. Не нужно барьеров между нами – это слишком больно. Я дважды чуть не потеряла тебя и не собираюсь терять снова.

Его руки на моих плечах, огромные и сильные. Его дыхание на моей щеке…

– Боюсь, у нас ничего не получится, Рив.

– Да ладно. – Я расстегиваю еще одну пуговицу, смотрю ему в лицо надо мной и останавливаюсь. Я собиралась приподняться на цыпочках и поцеловать его, но что-то в выражении его лица меня не устраивает. – Что такое?

– Что с тобой? – шипит он. – Рив, это так не похоже на тебя, что происходит?

– Я просто делаю то, что должна была сделать неделю назад. – Я обнимаю его, прижимаюсь лбом к его плечу. Но кое-какую мысль он все-таки донес до меня через пелену снедающей похоти. – Ну да, может, и не похоже. Но вспомни, через что я недавно прошла. У меня был плохой опыт, и он заставил меня взглянуть на многие вещи по-новому, Сэм. У тебя когда-нибудь было такое? Ты когда-нибудь делал что-то глупое, безумное и, может, немного злое и только потом осознавал, что поставил под угрозу все, что тебе дорого? Я – много раз. Последний – позавчера, и теперь мне не хочется, чтобы одни бесчисленные ошибки определяли, кто я такая. Пора покончить с прошлым. Я не хочу, чтобы мы больше…

– Рив, прекрати это. *Прекрати*, пожалуйста. Ты пугаешь меня.

– Чего? – Я отступаю на шаг и смотрю на него, оскорбленная. Мне только что будто ледяной водой в лицо плеснули.

– Это ведь не ты говоришь? – спрашивает он неуверенно.

– Я, кто же еще!

– Точно? – Он смотрит скептически. – Еще на прошлой неделе ты на меня так не вешалась.

– Да вешалась бы! Я просто по натуре конфликтная и подозрительная дура, а так… – Тут я зажимаю рот рукой, понимая, *что* он только что заставил меня сказать вслух. Что из меня вытянул. Хочется отвернуться и заорать во всю мощь легких.

– Значит, больше ты не конфликтная и не подозрительная, – произносит Сэм, осторожно подводя меня к кровати, подталкивая к краю и садясь рядом со мной, чтобы мы оказались плечом к плечу. – Но ведь совсем недавно, в больнице, все было по-прежнему. Та самая конфликтная, подозрительная Рив – сколько тебя помню, ты была такой. Так что прости меня, но имею же я право заподозрить неладное, когда прихожу домой и ты на меня вот так нападаешь? Хотя всего неделю назад мы решили – никакого секса.

Вот она, передо мной, зияющая пропасть моего собственного изготовления, которой не избежать после того, как доктор Хант отредактировала мою память. Я застряла с той версией себя, которая устарела, и не в силах откатить ее к моменту, который упущен.

– Я не та, что неделю назад, – говорю я сдавленно. Мне убрали последствия очень криво сделанной редакции памяти… и теперь я понимаю, что смертна. Не знаю, из каких закромов извлекли это чувство – о них я не хочу говорить, – но разве это должно было произойти со мной? Циничный голос в моем мозгу говорит: *ты сказала Сэму, что любишь его, и сама себя услышала. А в прошлый раз ограничения, наложенные Королем в Желтом, сработали. Кто-то покопался у тебя в модеме, получается?*

Холодный ужас, который обычно приходит, когда просыпаешься среди ночи и не понимаешь, на каком ты свете, только что провел костлявым пальцем по моему хребту. Где-то между лужами крови в библиотечном подвале и лазаретом доктора Хант я умудрилась что-то потерять. Сэм прав: старая «я» не стала бы себя так вести. Старая «я» боялась таких вещей и правильно делала. Меня все еще ужасают Фиоре и Юрдон, я все еще хочу сбежать из их извращенного управляемого общества… но мы на борту МОНАрха, и я, похоже, знаю, что это значит.

– Я все еще хочу тебя, – говорю я Сэму. Хотя червячок сомнения добавляет: *я просто уже не уверена, что хочу тебя по тем же причинам, по которым хотела на прошлой неделе.*

– Кажется, – тихо говорит он, покачивая головой, – они до тебя добрались…

Я нервно хихикаю. Давно добрались – просто я до сих пор не замечала. Страх и вожделение смешиваются в причудливый коктейль, когда я хватаюсь за Сэма.

– Почему ты здесь, Кей? Зачем ты подписалась на эксперимент?

– Я лишь последовал… последовала за тобой.

– Дурь несусветная! – И теперь я это осознаю. – Это не все причины. И не говори мне, что просто решила таким образом

стряхнуть с себя тяготы жизни с ледяными упырями. Зачем ты здесь? От чего ты бежишь?

– Если я скажу, ты, наверное, возненавидишь меня.

– Ну и что? Предлагаю сделку. – Забравшись на кровать, я подтягиваю ноги, укрываю их подолом платья и скрещиваю руки на коленях. – Если я выслушаю твою историю и не возненавижу тебя после этого, ты позволишь мне трахнуть тебя?

– Не понимаю, какое это имеет отношение к…

– Позволь мне судить о своих мотивах, Сэм. – *Даже если мною манипулируют.* – Ты все время недоверчиво смотришь на меня. Для тебя это привычка. Неделю назад я не хотела с тобой спать по уважительной причине, которая имела смысл *тогда*. А теперь, когда смысл ушел, ты обвиняешь меня в том, что я играю не по правилам. Ты просто представить себе не в силах, что я могу измениться сама! Шанса мне не даешь!

Сэм качает головой.

– Ты хоть понимаешь, насколько это оскорбительно?

– Я вовсе не это имел в виду.

– Я способна измениться – вот почему мы сейчас здесь! – Я делаю глубокий вдох. – Я уже не тот человек, что существовал во время Войны Правок, Сэм, или до нее, или даже *после.* Я та, кем являюсь сейчас, и я же конечный итог превращения всех тех ушедших людей друг в друга. Можно забросить тебя в темные века, но темные века в тебя – нельзя, если только не урезать продолжительность жизни до трех гигасекунд и стереть при этом столько воспоминаний, что… – Я запинаюсь. У меня странное чувство, будто я только что поняла что-то жизненно важное, но не уверена, что именно.

Сэм странно смотрит на меня.

– Ты будешь меня ненавидеть, – говорит он. – За мной шлейф ужасных проступков.

– И что? – Я пожимаю плечами. – Я тоже много наворотила. Люди во внешнем мире хотели убить меня, Сэм. Я думала, что это связано с секретной миссией, память о которой стерта, но теперь не уверена. Может, за мной охотились из-за преступлений того, кем я была раньше. А раньше я сражалась на войне. Убивала.

Сэм в раздумьях медленно раскачивается взад-вперед.

– Кажется, в этой симуляции – одни военные преступники, – говорит он наконец.

Очень интересно обнаружить, что выражение «кровь заледенела» на самом деле отражает конкретное физическое ощущение. Гораздо менее приятно обнаружить это, сидя рядом с человеком, которого безоговорочно любишь и который помог тебе сейчас это нежеланное открытие сделать.

– Тебе не приходило в голову, что симуляция Юрдона—Фиоре—Хант очень подходит для, скажем так… определенного типа людей? – говорит Сэм.

– Ты хоть собираешься забраться на меня сверху и присунуть мне, когда закончишь рассусоливать эти уморительно скучные домыслы? – уязвленно интересуюсь я.

Его лицо приобретает странный цвет.

– Если к тому моменту мы оба все еще будем этого хотеть, то…

Что ж, полагаю, у меня нет другого выбора, кроме как извлечь максимальную пользу из этой ситуации.

– Слушаю тебя вразумительно.

– Тогда сначала вопрос: где ты была, когда началась Война Правок?

Вот уж не ожидала так не ожидала. При нормальных обстоятельствах разглашать такие сведения категорически запрещено. Это вопиющее попрание правил оперативной безопасности, которое может позволить противнику установить вашу личность и таким образом найти любую полезную информацию о вас, достаточную для того, чтобы иметь возможность угрожать вам в оперативном порядке. В конце концов почти всякий публично совершенный поступок где-то оставляет след. В каких-нибудь базах данных. Но мы – в недрах МОНАрха, и, если я не ошибаюсь, существует только один канал передачи данных внутрь или наружу. Кроме того, Сэм вряд ли во всем этом замешан, риск подслушивания – не велик, да и обстоятельства, чего там, далеки от нормальных.

– На борту МОНАрха. Мне нужно было взять интервью у одного члена экипажа, – признаюсь я. – Когда вышла из строя сеть, мы почти гигасекунду пребывали в вынужденной автономии.

Сэм задумчиво вздыхает.

– Твоя очередь признаваться, – говорю я, пытаясь сменить тему.

– Я был аудитором, – объясняет Сэм и снова замолкает. – Вот почему они призвали меня.

– Они?

– Нация Солипсистов. Конкретнее – Третий батальон по борьбе с непростительными мыслепреступлениями. Они вели поиск и осуществляли проверку незащищенных хранилищ памяти в отключенном сегменте, где я застрял менее чем через сотню килосекунд после того, как Король в Желтом сорвался с цепи. Я уже подвергся цензуре и был заражен. Они просто схватили меня и добавили в свой распределенный массив отрицания сознания. Следующие пару мегасекунд я потратил на поиск

кладбищ, которые невозможно найти, затем они занялись моей обработкой и поручили мне стереть архивные следы.

Звучит кошмарно. А я думала, что работа на Кошек Лайнбарджера – не сахар. Я, должно быть, вздрагиваю или подаю какой-то другой телесный сигнал, потому что Сэм слегка отстраняется от меня.

– И какую сторону в конфликте заняли эти Солипсисты? – спрашиваю я.

– Сторону? – Сэм невесело усмехается. – Рив, мы воевали против всех. Ты думаешь, кто-нибудь в здравом уме стал бы вливаться в агрессивный борганизм-солипсист?

– Но ты… – Я заставляю себя подвинуться к нему, потому что он кажется напряженным и несчастным. – Но ведь ты был просто маленьким винтиком в их системе, я права?

Сэм качает головой:

– У меня была определенная автономия. Борганизм даже начал давать нам немного свободы воли под конец войны. Я был… ну, до войны я был очень похож на тебя сейчас. Борганизм аугментировал и перестроил меня, превратил в боевую машину с людоедским нравом и выкинул на фронт. Знаешь, какое название закрепилось за моим подразделением? «Изнасилоцирапторы». Если нужно сломить чью-то волю к сопротивлению, можно сделать это вмешавшись в мозг. Но когда сеть модемов в глубоком отрубе – не грех и физической силушкой пощеголять. И мы делали ужасные вещи – думаешь, просто так нам присобачили пенисы с зазубринами? В какой-то момент противоборствующая ассоциация вторглась в наш сегмент и расхерачила его подчистую. И когда я очнулся от этого морока, снова был самим собой – только воспоминания остались. У меня в голове накопилось столько дерьма после солипсистов… Я половину мегасекунды просто сидел в тюремной камере, не веря, что стены и пол реальные. Пока наконец не понял, что они должны быть реальными, раз я сам реален. Но пока я был частью борганизма, делал вещи… – Сэм глубоко вдыхает, – настолько ужасные, что потом мне стало стыдно быть человеком. А мужчиной подавно.

– Понимаю, но… ты тогда не был собой! – нерешительно возражаю я.

– Хотел бы я в это поверить, – убитым голосом отвечает он. – Сейчас я бы никогда так не поступил, но тогда… помню, я думал, что мое дело правое. Вот почему я отправился к ледяным упырям. Мне больше не хотелось принадлежать к виду, способному выдумывать и организовывать сообщества, подобные борганизму солипсистов. Мне требовалось стать хозяином каждой мысли.

Знаешь, иногда, когда голоден – ешь в ужасающих объемах и при этом никак не насытишься. Нация Солипсистов воевала лишь потому, что принципиально не могла смириться с тем, что какие-то мысли думаются не ее головами. Я внес огромную лепту в ее дело и получал от этого удовольствие. – Сэм делает еще один глубокий вдох. – Я убивал людей просто за то, что они не с нами. А кто не с нами – тот под нами – таков девиз Солипсистов. Я убил очень-очень-очень много людей, причем так, что их никогда не воскресить. С концами…

– Тогда мы не такие уж разные.

– Да? Но ты же только что сказала, что…

– В начале войны я была на МОНАрхе. Но я там не осталась. – Делаю глубокий вдох: раз начала, останавливаться поздно. – Вызвалась добровольцем для военных операций Кошек Лайнбарджера. Провела почти гигасекунду, будучи юнитом бронетанковой дивизии, а потом меня переквалифицировали в психопы.

– Что ж. – Голос Сэма дрожит. – Такого я точно не ожидал.

– Как думаешь, какая доля здешнего населения участвовала в войне?

– Не уверен. Не прикидывал.

– Прошедшие войну готовы на все, чтобы забыть то, что с ними было. Почти сразу после того, как объявили промежуточную победу, хирурги-храмовники стали самыми востребованными специалистами.

– Это так. – Сэм делает паузу. – Но, Рив, я был монстром. В моем мозгу застряли такие вещи – даже после чисток, – о которых я не люблю и мимолетно задумываться. Может, сближаться со мной все-таки не стоит…

– Сэм. – Я придвигаюсь к нему. – О себе я могу сказать то же самое. Тебя волнует?

– Ну… допустим… нет?..

– Тогда то, что я сказала ранее, – в силе. Мы же пошли на сделку, не забыл?

Сэм отшатывается:

– О нет…

– Я не прошу тебя прямо сейчас, – говорю я – и, к моему собственному удивлению, говорю серьезно. – Но я все еще хочу тебя. Просто тебе нужно привыкнуть к мысли, что я могу хотеть тебя и оставаться собой. Не надо проецировать на меня свою ненависть к тем делам, которыми тебя заставляли заниматься. Я наблюдала за тобой некоторое время – что-то не похоже, что на твоем члене по-прежнему есть зазубрины.

– Но ты слишком сильно изменилась! – выдыхает он и

сникает, будто спустивший воздушный шарик. – Как раз после того, как доктор Хант спасла тебя. Раньше ты была собой – угрюмая, задумчивая, циничная… забавная… я вряд ли подберу все нужные слова. Что бы Хант ни сделала, это изменило тебя, Рив. Ты бы отказалась делать что-то лишь потому, что от тебя этого ждут. А теперь склоняешь меня к близости. Ты серьезно хочешь застрять тут в обозримом будущем? В симуляции, будучи беременной?

Я на мгновение задумываюсь.

– В чем проблема? Хант – более чем добросовестный врач, и я уверена, что смогу пережить беременность. В конце концов, каждая самка млекопитающего в генеалогическом древе, на котором я сижу, пережила это до меня, не так ли? Значит, сам процесс не так и ужасен.

– Рив. – Теперь Сэм смотрит на меня так, будто я из библиотекарши превратилась в человекоподобный танк. В броне, с оружием и, наверное, с зазубринами на члене. Против воли я хихикаю. – Что они с тобой сделали…

– Сделали из чудовища красавицу. – Я с надеждой склоняюсь к нему. – Поцелуешь меня, а?

* * *

Несмотря на все мои старания, в итоге мы не занялись любовью.

Более того, когда я заканчиваю уборку и ложусь спать, Сэм встает и с достоинством заявляет, что будет спать один.

Я так зла и расстроена, что вот-вот заплачу.

Мою проблему легко определить, а вот решение от меня ускользает. Если я изменилась, то не так уж сильно. С помощью доктора Хант или без – я решила взять в борьбе паузу, но внешнее проявление этого, оказывается, выглядит так, будто я перестала быть собой. Возможно, Сэм не привык. Очень тревожно находиться рядом с человеком, который будто растерял все свои ценности и убеждения. И я знаю, что, если бы Сэм попал в больницу и вернулся домой со стеклянными глазами и другими повадками, я бы очень расстроилась. Но я хотела бы, чтобы он не переносил свое беспокойство на меня – со мной все в порядке. На самом деле мне сейчас лучше, чем когда-либо с тех пор, как я попала под опеку хирургов-храмовников.

Да, в текущей ситуации есть свои проблемы. Фиоре и Юрдон мутят воду с копией Короля в Желтом. Они придумали способ обойти патч безопасности в любом модеме и, судя по всему,

думают, как использовать ограничения, накладываемые Королем, для создания когнитивной диктатуры. Но – это важный вопрос – почему *меня это должно волновать?* Разве я не прошла через многое? Мне не нужно позволять мучить себя собственным воспоминаниям; однажды по указке Санни я чуть не погибла. Отправилась выполнять долг и потерпела неудачу. А теперь…

Мой маленький грязный секрет таков: лежа в больнице, я поняла, что могу сдаться. У меня есть Сэм. У меня есть работа, которая может быть настолько интересной, насколько я захочу. Я могу обосноваться и быть счастливой здесь какое-то время, даже если удобства примитивные, а иные соседи мне не по вкусу. И диктатуры должны обеспечивать подавляющему большинству своих граждан комфортную повседневную жизнь. Мне не нужно продолжать бороться, и, если я на время откажусь от борьбы, они оставят меня в покое. Я всегда могу вернуться к ней позже. Никто не станет горевать, если я успокоюсь, кроме, может быть, Сэма – да и он со временем привыкнет к новой версии меня.

Все это прекрасно в теории…

Вот только я все равно плачу, лежа одна в постели.

16. Расправа

На следующий день, в пятницу, я просыпаюсь поздно. Когда наконец спускаюсь вниз, Сэм уже на работе. Чувствуя себя истощенной и опустошенной после заражения механоцитами и моей глупой попытки восхождения, я мало чем могу заниматься и в итоге провожу бóльшую часть дня, мотаясь между спальней и кухней, опустошая запасы чая. Сэм приходит домой позже обычного. Говорит, что поел (и выпил минимум один, если не три бокала вина) в ресторане в городе. Когда я спрашиваю, где он был так долго, он тут же закрывается от меня. И, так как ни один из нас не хочет уступать, мы весь вечер молчим.

В субботу я спускаюсь вниз как раз вовремя, чтобы застать его с газонокосилкой.

– Уберись, пожалуйста, в гараже, – говорит он вместо приветствия.

– А что, там что-то не так?

– Да, я бы хотел, чтобы ты вынесла хлам.

– Что, скажи на милость, ты называешь «хламом»?

– Мне пора. Удачи.

Он настроен серьезно. Через десять минут он исчезает и берет такси, не сказав мне, что задумал. И это был самый напряженный разговор за два дня. Я корю себя за глупость.

Впрочем, глупость становится моей спутницей на весь день.

Я иду в гараж и ищу, что выбросить. Там настоящий музей незавершенных дел. Думаю, от сварочного аппарата можно избавиться… и от недоделанного арбалета… много и другого барахла, с которым я возилась, наивно полагая, что мне нужно сменить место пребывания, а не измениться самой. Иные технические аксессуары отсутствуют; видимо, Сэм раньше меня начал убираться, чтобы освободить место для своих клюшек для гольфа или чего-то в таком духе. Я складываю свои ненужные вещи в один угол и укрываю брезентом. *С глаз долой – из сердца вон, из гаража – руку на сердце положа* – вот что я себе говорю.

Возвращаюсь домой и пробую смотреть телевизор, но шоу тупое, не говоря о том, что я многого не понимаю. Неясные световые пятна на экране с низким разрешением медленно двигаются, творят скучную дичь и отыгрывают бессмысленные сюжеты, сильно привязанные к понятийному аппарату, какового у меня попросту нет. Собравшись с духом и приготовившись встретить скуку в одиночестве, я выключаю аппарат – и тут раздается телефонный звонок.

– Рив? – спрашивают меня из трубки.

– Приве… Яна? Это ты? Как дела?

– Послушай, Рив, у тебя есть какие-нибудь планы на сегодня?

– Нет, особых – нет. А что?

– Я договорилась встретиться в городе с парой друзей – пойдем смотреть новое кафе на берегу озера, которое только что открылось. Пойдешь с нами? Если хочешь, конечно.

– Мне… мне еще нужно отлежаться несколько дней. Так сказала доктор Хант. – Вот и пусть думает, что это значит. – Какие-то проблемы по работе?

– Заметных никаких. – Голос Яны звучит пренебрежительно. – Я много читаю в последнее время. Письмо из клиники насчет тебя тоже прочла. Они приложили копию больничного – так что ни о чем не волнуйся.

– Ладно. Значит, бежать никуда не надо. И где это ваше кафе?

– О, уверена, в этом районе ты еще не бывала. Попроси таксиста отвезти тебя в «Форштадт» – он поймет. Я буду там около двух. Посидим, поболтаем…

Кажется, Яна о чем-то умалчивает. На сердце скребут кошки. Я точно хочу в этом участвовать? Не особо, но больше разговоров будет, если я уклонюсь. Кроме того, если она запланировала что-то глупое или опасное, обязательно попрошу доктора Хант, чтобы она ее от этого отговорила. Я бросаю полный тоски взгляд на телевизор.

– Отлично. Увидимся.

Уже час дня, поэтому я переодеваюсь в более нарядную одежду и вызываю такси до «Форштадта». Понятия не имею, каких *друзей* могла иметь в виду Яна, но я не думаю, что ей хватит дурновкусия пригласить, скажем, Энджи или Джен. Так или иначе, не хочется рисковать очками социального рейтинга. Как-никак, нужно обращать внимание на такие вещи. Да и потом, без серьезного повода Яна бы меня не вызвала.

День чудесный, небо насыщенно-синее, дует теплый ветерок. Яна права в одном: я не помню, чтобы когда-нибудь раньше видела этот район. Такси курсирует между рядами домов с обшитыми вагонкой фасадами, белыми заборами из штакетника и до одури ровно подстриженными лужайками, затем поворачивает налево и едет по обсаженному деревьями бульвару, идущему вниз по склону, со зданиями странной формы, выстроившимися по обе стороны. Тут ездят и другие такси, люди ходят. Мы проезжаем мимо парочки, вышедшей прогуляться по тротуару. Я-то думала, что только мы с Сэмом так делаем. Что я упустила?

Такси останавливается прямо перед тупиком, где полукруг навесов скрывает от неба белые столики и уличную мебель. У обочины влажно журчит каменный фонтан.

– «Форштадт», как просили, – говорит водитель. – Оплата будет списана с вашего счета. – Синие циферки выплывают из уголка моего левого глаза, когда я открываю дверь и выхожу. За столиками сидят люди – кто-то машет рукой. Это Яна. Она выглядит намного лучше, чем в последний раз, когда я ее видела, – хотя бы улыбается. Я подхожу к ней.

– Привет, Яна. – В сидящей рядом с ней я узнаю Тэмми, но не знаю, что сказать. – Всем, короче, привет…

– Рив, привет! Это Тэмми, а это – Элейн…

– Элли, – негромко поправляет Элли.

– А это Вероника. Есть стул? Мы пока не определились, что заказать. Хочешь чего-нибудь?

Я сажусь и вижу напечатанные на полимерных листах меню, лежащие перед каждым стулом. Пытаюсь сосредоточиться на них – как раз в тот момент, когда коробка с решеткой над дверью в кафе потрескивает и начинает кричать:

– Добрый день! Еще один прекрасный день…

– Обратите внимание на две новости, – продолжает коробка. – У нас поступило в продажу мороженое, угощайтесь на здоровье! Вкус дня – банановый трюфель! И это наша первая хорошая новость! А вторая – может, не настолько хорошая, но тут уж кому как, – во второй половине дня ожидается небольшой дождь. Спасибо за ваше внимание!

Тэмми корчит гримасу.

– Это происходит каждые десять минут с тех пор, как мы прибыли. Я б хотела, чтобы эта штука умолкла.

– Я спросила у официанта, – извиняющимся тоном говорит Яна, – и он сказал, что эти штуки не отключаются. Они повсюду в этом районе.

– Да? А что это за район? Я его не помню. – Задав вопрос, я немедленно утыкаюсь носом в меню – на случай, если только что допустила оплошность.

– Я и сама не знаю. Он только вчера появился – вот я и решила, что нам стоит прийти и посмотреть.

– Считай, уже посмотрели, – говорит Вероника; смуглая, слегка полноватая, с вечным выражением легкого отвращения на лице. Кажется, я видела ее в Церкви, а может, путаю. – Ну и где мой фраппе с манго?

Непись, мужчина, одетый в темный костюм и длинный белый фартук, шаркающей походкой выходит из кафе.

– Вы готовы сделать заказ, дамы? – спрашивает он высоким гнусавым голосом.

– Да, пожалуйста. – Яна озвучивает список напитков, и официант возвращается в здание. Напитки в основном

безалкогольные – и тут я выделяюсь. Ну надо же.

– Тэмми, Элли и я встречаемся каждую субботу в течение последних нескольких недель, – говорит Яна, повернувшись ко мне. – Говорим нашим мужьям, что мы – кружок шитья. Это хороший повод посплетничать и выпить, и никто из них не узна́ет настоящий кружок шитья, если только ему иголку в седалище не воткнут. Так что…

– Я вот тоже не знаю, что такое кружок шитья, – замечает Вероника.

Элли неуверенно лезет в свою огромную сумку и вытаскивает предмет, похожий на матерчатую крышку воздухопровода. В него воткнуты булавки и цветные нитки.

– Это когда люди собираются вместе и вышивают. Вот так. – Она вынимает одну из игл и умудряется проколоть себе подушечку большого пальца. – Я пока не очень в этом разобралась, – печально добавляет она.

– Так, меня в шитье не вовлекать, – сразу провожу черту я. – А вот выпивка, сплетни – другое дело!

– Яна предупредила, что ты так скажешь. – Тэмми одаривает меня извиняющейся улыбкой. – Кроме того, мне было интересно, знаешь ли ты, что случилось с Майком.

Мне снова нечего сказать.

– Не уверена. Я спросила о нем доктора Хант – та сказала, что «на него найдется управа», что бы это ни значило. Я точно знаю, что Касс еще в больнице.

– Ах, точно. – Тэмми откидывается на спинку. – Бьюсь об заклад, они оба окажутся вне эксперимента в течение недели.

Я вздрагиваю. По соображениям безопасности у МОНАрха есть лишь один выход, он же – вход. И обычно он забаррикадирован – на случай, если цивилизация за пределами корабля рухнула.

– Не думаю, что это так уж вероятно, – говорю я. – Но доктор Хант знает, как все исправить! Уверена, она и Касс поможет – не знаю, показывался ли ей Майк…

У меня возникает отчетливое ощущение, что меня пригласили, чтобы выкачать информацию, но какое мне дело? Кто платит за выпивку, тот и прав.

– Я встречала его после того случая с Касс, – говорю я. Двери кафе открываются, и официант возвращается с нашими заказами. Я умолкаю, пока он не поворачивается к нам спиной. – Мне кажется, он не одобряет, когда женщины пускаются во все тяжкие. Но Майк зашел слишком далеко. Так что мы решили за него проблему.

– Вот оно что. – Яна выглядит разочарованной, и я мысленно

пинаю себя. На самом деле она спрашивает о том, что произошло в библиотеке, когда я отослала ее домой.

– Я разговаривала с доктором Хант в больнице, – ухожу от темы я. – Она сказала, что не одобряет случай с Эстер и Филом. У меня сложилось впечатление, будто у нее на эту тему был серьезный разговор с епископом. Они хотят внести правила для бракоразводных процессов в систему подсчета очков, чтобы такое не повторялось. Особый спрос ждет и за изнасилование – а то мало ли кого-нибудь вдохновит пример Майка.

– Хм. – Яна о чем-то задумывается. – Если они будут придерживаться всех правил, бытовавших в темные века, изнасилование станет серьезным преступлением, но наказание за него последует лишь в том случае, если мужчина будет пойман.

– Чего? – ерепенится Тэмми. – И какой тогда смысл?

– Какой смысл, спрашиваешь? – сухо произносит Яна. Она лезет к себе в сумочку и достает фрагмент вязанья, который быстро передает мне. – Думаю, это твое, Рив. Ты забыла в библиотеке.

Я сглатываю слюну и поспешно прячу проволочную сетку Фарадея с глаз долой вместе с вязаной маскирующей «оберткой».

– Вот спасибо, услужила, – лопочу в ответ.

Яна понимающе улыбается:

– Колючая штучка вышла, но яркая – этого не отнять.

Она что, издевается?

– Над ней еще предстоит поработать, – импровизирую я. – Где нашла?

– В подсобном помещении, когда прибиралась.

Надеюсь, никто не замечает, как я волнуюсь. Яна переводит взгляд с меня на Элли:

– А ты чего нос повесила?

Элли поднимает тусклые глаза от своего вышивания.

– Мне, по ходу дела, немного дурно, – сообщает она и тянется к своему бокальчику с розовым лимонадом. – Завтра в церкви точно будет плохо.

– Да, сразу столько всего, – поддакивает ей Тэмми.

– Столько чего? – спрашиваю я.

– Конечно, ты же неделю пролежала в больнице, – встревает Яна. – Во всяком случае, со вторника.

Тэмми достает планшет и кладет его на стол.

– Здесь много нового, – говорит она, постукивая ногтем по экрану. – Уверена, тебе будет интересно.

– И что же?

– Ну, для затравки – последняя когорта наконец прибыла.

– Но они сказали, что после моей ожидается еще

четырнадцать. – Я прикидываю в уме циферки. – Значит, не хватает как минимум шести.

– Они параллельно управляли несколькими секциями симуляции. Мы – лишь один подсектор, приход, как они это называют. С понедельника всех объединят, так что у нас появится много новых соседей.

Собственно, об этом мне и сказала доктор Хант.

– И что дальше?

Яна окидывает меня долгим оценивающим взглядом.

– При регистрации в эксперимент никто не говорил, что нас ждет так много всего. Как думаешь, на что это указывает?

Я смотрю на ее живот. Он пока не особо велик. Затем мой взгляд почти непроизвольно скользит в сторону.

– Элли, прости, что вмешиваюсь, но ты, случаем, сейчас не…

– Беременна? – Элли смотрит на меня своими детскими голубыми глазами и кладет руку на живот. – Что навело тебя на эту мысль?

Я стараюсь не морщиться слишком явно.

– У меня запоздали месячные, – сообщает Вероника.

Эксперимент рассчитан на длительное время.

– Итак, что нас ждет? – прощупываю я почву.

– Открывается много новых объектов, – с энтузиазмом объясняет Тэмми. – Например – бассейн, гимнастический манеж, кинематоскоп, театр… И много новых магазинов. А еще – новые офисы. Администрация принимает заявки на открытие бизнеса…

Вероника раскололась раньше меня:

– Вау, это что-то новенькое!

– Думаю, они пытаются создать для нас комфортную городскую среду, – говорит Тэмми. – Чтобы нам всем было удобно!

– Нам? – уточняю я. – Или им? – Я обвожу взглядом животы собравшихся за столом женщин, в которых зреют новые существа. На самом деле, мой – единственное исключение. *Спасибо*, Сэм.

– Какая разница? Я почти уверена, что многие из нас скоро будут слишком заняты сменой подгузников, чтобы беспокоиться о чем-то еще. – У Яны есть особенный тон голоса, который она использует, когда хочет передать послание, прямо противоположное буквальному значению своих слов. Сейчас он у нее именно такой, буквально сочится сарказмом.

Я широко улыбаюсь в ответ.

– Тогда, сдается мне, надо перестать беспокоиться и насладиться замечательными новыми возможностями для досуга! Вы же это хотите сказать, да?

– Рив, – предупреждает меня Тэмми, – дело серьезное.

– О, я не сомневаюсь – серьезнее некуда! – Я допиваю свой джин. – Уверена, у вас, дамы, есть много важных вещей, о которых нужно поговорить, но я тут вспомнила, что не закончила мыть посуду, и еще мне надо убрать в гараже, прежде чем муж вернется домой. – Я встаю. – Спасибо за все, Яна. Увидимся позже!

Остальные члены женского кружка шитья смотрят с сомнением, но Яна улыбается мне в ответ, а затем подмигивает:

– Увидимся!

Я поспешно ретируюсь. Яна мне нравится, но этот ее кружок шитья пугает. Она здесь несчастна – это очевидно, и я не думаю, что она захочет, чтобы доктор Хант помогла ей справиться с этим. Понимаю, что придется рассказать Фиоре о Яне. Ей нужна помощь. Завтра, после церкви…

* * *

Поездка в церковь на следующий день выдается напряженная. Мы одеваемся в наши лучшие воскресные наряды и, как обычно, вызываем такси, но Сэм ничего не говорит – он привык общаться непонятным ворчаньем – и продолжает бросать на меня странные косые взгляды, когда думает, что я этого не замечаю. Я прикидываюсь слепой. По правде говоря, я тоже напряжена, готовясь к неизбежному неприятному разговору с Фиоре после службы. Из-за прихожан-новичков церковь переполнена, и нам еще повезло, что мы заняли место. По крайней мере, в других приходах есть другие церкви (и, вероятно, другие проповеди от Фиоре), так что вряд ли народу еще прибавится.

– В будущем нам придется приходить пораньше, – говорю я Сэму, и он пристально смотрит на меня.

Входит Фиоре, выступает вперед, звучит музыка – запоминающийся духовой номер (как подсказывает модем, композитора зовут Брехт [21]).

– Дорогие прихожане, – возвещает он, – мы собрались здесь сегодня все вместе, дабы заявить о нашем месте во Вселенной. Вспомнить наши неизменные роли в великом цикле жизни, которые никто не должен отнимать у нас. Давайте воздадим должное дизайнерам, которые дали нам в этот день и во все последующие дни роль, которую мы должны играть! Слава дизайнерам!

– Слава дизайнерам! – вторят собравшиеся.

– Дорогие прихожане, давайте будем помнить – истинный смысл и счастье в жизни можно обрести, лишь следуя великому

замыслу! Всяк сверчок – на свой шесток!

– Всяк сверчок – на свой шесток! – звучит в ответ.

– Давайте также поблагодарим нашу прекрасную Рив, миссис Браун – этого очень ответственного сверчка и полноправного сидельца на нашем шестке, – за избавление и утешение, которое члены инициативной группы нашей общины принесли Кассандре Грин, сейчас выздоравливающей в больнице! Счастья, смирения и утешения!

– Счастья, смирения, утешения!

Я качаю головой – счастливая, но смущенная. Не могу понять, почему Фиоре ставит меня в пример остальным прихожанам? Я оглядываюсь и вижу Джен, которая стоит в паре проходов от меня и таращится змеиными глазами.

– Наш долг – заботиться о ближних, помогать им соответствовать укладу нашего общества, разделять с ними их радость и горе, принятие и прощение. Если ваши соседи нуждаются в вас, идите к ним, будьте с ними щедры. Мы все – соседи, и те из нас, кто ни в чем не нуждается на этой неделе, могут оказаться в числе наиболее нуждающихся уже на неделе следующей. Направляйте их, заботьтесь о них, журите их, когда это уместно…

Мой разум куда-то уплывает. Голос Фиоре гипнотизирует, его тон поднимается и опускается в размеренной интонации. В церкви с закрытыми дверями тепло и душно, и, похоже, он не собирается отвлекаться от проповеди, чтобы осудить грешника на этой неделе. За что я должна быть благодарна – Фиоре мог запросто испортить мне рейтинг за то, что я сотворила на прошлой неделе. Несмотря на тепло, чувствую дрожь. Он проявил больше терпения, чем я ожидала. Должна ли я последовать его примеру и вместо того, чтобы рассказывать ему о Яне, попытаться самой наставить ее на путь истинный?

– …ибо помните, что вы все – сторожа брату своему, и по поступкам братьев своих вы сами да будете судимы. Ныне и присно, и во веки веков – аминь!

– Во веки веков! – вторит ему хор. – Аминь!

Мы встаем и вместе поем еще одну песню, сопровождаемую ритмичными хлопками в ладоши, на этот раз на языке, которого я не понимаю. Судя по песеннику, речь в ней идет о марше, свободе и хлебе. После этого священник сходит с амвона, и служба подходит к концу.

Я немного разочарована, но в то же время испытываю облегчение, когда мы выходим из церкви на яркий дневной свет, где ждет фуршет. Сэм держится еще тише, чем обычно, но сейчас мне все равно. Я беру бокал вина, тарелку с пирожными из

пшеничной муки и направляюсь к нашей когорте.

– Решила остепениться, не так ли? – спрашивает голос за моим левым плечом. Мне удается подавить гримасу отвращения. Конечно, это Джен.

– Я просто забочусь о своих соседях, – говорю я, вкладывая в слова каждый грамм искренности, на какую способна. Потом заставляю себя улыбнуться ей.

Она, конечно, улыбается в ответ.

– Я тоже! – щебечет она, затем оглядывается. – Как хорошо, что Фиоре сегодня был милосерден. Я так понимаю, некоторым из нас, возможно, пришлось нелегко!

Хитрожопая маленькая дрянь.

– Понятия не имею, о чем ты, – начинаю я, но продолжать невозможно, потому что начали звонить церковные колокола. Обычно они звонят в смутном подобии ритма, но сейчас – дребезжат и гремят, будто что-то застряло между ними. Люди оборачиваются и смотрят на башню. – Что-то странное творится…

– Это уж точно. – Джен пренебрежительно фыркает и отворачивается к ближайшей группе мужчин.

– Эй, – окликаю я ее, – я вообще-то с тобой еще не закончила.

– А я с тобой – уже, дорогая. – Широко осклабившись, она ускользает в толпу.

Я раздраженно пялюсь на башню. Дверь в нее приоткрыта. Странно. Это не совсем мое дело, но… вдруг что-то вырвалось наружу? Нужно доложить кому следует. Я поручаю свой бокал и тарелку проходящей мимо официантке и иду к двери, стараясь не наступать острыми каблуками на газон.

Звон и дребезжание потревоженных колоколов становятся громче, и на ступеньках крыльца, у двери, я различаю тень. Пробираясь туда, опускаю глаза – и тут неприятно знакомая вонь набивается в ноздри, наворачивая слезы на глаза. Я оборачиваюсь и кричу:

– Сюда! Помогите!

Затем толкаю дверь, полностью распахивая ее.

Колокольня внутри – высокое помещение, освещенное маленькими окнами чуть ниже основания шпиля. Дневной свет, льющийся из них, отбрасывает длинные тени на балки и колокольчики, свисающие с них, толкаясь и ударяясь о побеленный пол, окрашивая растекающуюся лужу темной жидкости. Распространяющаяся чернота, серый цвет теней и бледный маятник, скребущий по полу, – требуется секунда, чтобы мои глаза привыкли к полумраку, и еще секунда, прежде чем я понимаю, что вижу.

Из всех возможных кандидатов именно Майк играет роль

атонального карильона [22], привлекшего меня. Сразу видно, что его владение музыкой – искусство непроизвольное. Он висит на веревке звонка, привязанный за лодыжки. Его голова рисует бесконечный круг по полу двойной кровавой дорожкой. Кто-то примотал его руки скотчем к телу, заткнул рот кляпом и воткнул иглы для подкожных инъекций в уши. Канюли непрерывно капают, выкачивая остатки крови из его багровой раздутой головы. Петли, завитки и спирали крови образуют тонкую филигрань, а некоторые неровности пола приводят к тому, что ручейки образуют лужу, натекшую с внутренней стороны двери.

Я одновременно потрясена, ошеломлена дерзостью мысли автора этой убийственной инсталляции и напугана тем, что тот, кто это сотворил, все еще может скрываться на месте преступления. Поэтому иду на единственную разумную, социально целесообразную реакцию, которая приходит мне в голову, – кричу во все горло.

От первого парня, который забегает в часовню, толку мало – он бросает взгляд на импровизированный маятник Фуко, сгибается пополам, и его обед выплескивается прямо поверх кровавых луж. Вторым на месте происшествия оказывается Мартин, один из добровольцев, хоронивших Фила и Эстер.

– Рив? С тобой все в порядке?

Я киваю и делаю всхлипывающий вдох. Чувствую себя ирреально, мое зрение затуманивается.

– Смотри. – Я показываю пальцем. – Лучше позови Фиоре. Он знает, что делать.

– Я позвоню в полицию. – Мартин осторожно обходит лужу крови и рвоты и берет телефонную трубку, прикрепленную к стене у входа в ризницу. – Алло? Оператор? – Он щелкает переключателем на верхней части телефонной трубки. – Странно…

Мой мозг потихоньку снова начинает работать.

– Что странно?

– Телефон молчит. Не работает.

Я шмыгаю носом, вытираю сопли рукавом куртки и смотрю на него.

– Это не просто странно, а какое-то плохое дерьмо. Пошли на улицу.

Эндрю – парень, которого тошнит, – почти закончил и теперь издает сдавленные, всхлипывающие звуки. Мартин тянет его за руку, и мы вместе идем на улицу. На крыльце растет толпа любопытных, желающих узнать, что происходит.

– Кто-нибудь, вызовите полицию! – кричит Мартин. – Позовите преподобного, если сможете его найти!

Люди проталкиваются мимо него, чтобы заглянуть в дверной проем, кричат, визжат и выходят.

Кто-то так адресует нам, прихожанам, послание, надо полагать? Я спотыкаюсь и сажусь на траву. С обеспокоенным видом ко мне подбегает Сэм.

– Ты был со мной во время службы, – говорю я. – Был рядом со мной все это время. И знаешь, где я была, так?

– Ну… да. – Он выглядит озадаченным. У меня вид наверняка не лучше. Я совсем не уверена, зачем пристала к нему, но…

– Я быстренько переговорила с Джен, потом услышала звон колоколов, увидела, что часовня не заперта, и пошла посмотреть. Потом я закричала. Я была внутри всего несколько секунд, так?

Сэм, кажется, понимает, чем пахнет дело. Он весь напрягается.

– Там что… что-то плохое случилось?

– Там… Майк.

Я тихо ахаю – и у меня заканчиваются слова. Я не могу продолжать, но смотрю против своей воли и вижу, как убийца привязал Майка к веревке звонка за лодыжки и разрезал их, чтобы пропустить толстый конец веревки через щель в мясе, между костью и толстым сухожилием. Я наполовину боюсь, что, когда его срежут, обнаружится, что сначала его изнасиловали, пока он был парализован, а уже потом убийца вздернул его, да так и оставил болтаться, словно тушу на крюке.

Мгновение спустя я прислоняюсь к плечу Сэма и рыдаю. Он не отстраняется, молча держит меня, в то время как вокруг толпа пульсирует и шумит. Я видела много ужасных вещей в своей жизни, но в том, что сделали с Майком, просматривался жестокий судебный оппортунизм, слепая уверенность в правоте и громкое возглашение морального превосходства. Я точно знаю, кто это сделал, хотя провела всю службу рядом с Сэмом; потому что часами напролет лежала без сна и фантазировала о том, как сделаю с Майком это, – в ночь после того, как мы отобрали у него Касс.

* * *

– Что ж, миссис Браун, очень приятно видеть вас здесь! Кажется, вы всегда в центре событий.

Его святейшество улыбается, становясь похожим на Смерть. Сэма, сидящего рядом со мной, еле заметно передергивает, но в остальном он спокоен. Никто не перечит епископу, особенно когда становится очевидно, что его хорошее настроение

фальшиво и непостоянно, совсем как бабочка, порхающая над раскаленной печью. Конечно, внутри него кипит гнев – из-за инцидента, который испортил ему воскресенье.

Фиоре откашливается.

– Она не под подозрением, – сухо заявляет он.

– Что? – Юрдон как-то по-змеиному поворачивает голову в его сторону. Полисмены-неписи зримо напрягаются, нервничают, кладут руки на дубинки, прицепленные к поясам.

Прошло полчаса с того момента, как я открыла дверь в часовню. Полиция окружила кладбище и никого не отпустит, пока Юрдон не даст на это разрешение. У него явно плохое настроение. Никогда прежде нашему сообществу не приходилось иметь дело с чем-то столь неприятным, как хладнокровное убийство. Если мы хотим сохранить дух эксперимента, должны понимать, что убийство – такое же серьезное преступление для наших предков, как кража личных данных или уничтожение реляционных баз для нас. Тут-то и проявляются недостатки нашей небольшой общины – у нас нет ни настоящего начальника полиции, ни подготовленных следователей. Это единственная причина, по которой епископ вынужден лично заботиться о своей пастве.

– Я видел, как она приехала с мужем и присутствовала на службе. Многочисленные свидетели подтвердят, что она вошла в ту дверь и почти сразу закричала. Пробыла одна максимум десять секунд. И если вы думаете, что за это время она успела бы совершить преступление…

– Мне потребуется твоя помощь лишь в том случае, если я буду слишком ленив, чтобы принять решение сам, – говорит Юрдон; его щека дергается. Мгновение спустя он переключает внимание на Мартина так резко, что я чувствую, как у меня подгибаются колени. С меня снимается невидимый груз. – Эй, ты. Да, ты. Что ты видел?

Откашлявшись, Мартин нерешительно сообщает о том, как нашел меня кричащей перед трупом, когда к Фиоре подходит полицейский и что-то шепчет ему. Юрдон бросает яростный взгляд на своего подчиненного:

– Может, хватит уже шушукаться?

Фиоре морщится.

– У меня есть новая информация, ваше превосходительство.

– Вот как? Не тяни! Я не хочу здесь торчать до конца дня!

Фиоре, этот напыщенный, высокомерный шут-священник, который ничего не любит больше, чем отыгрывать роль господина и хозяина перед паствой, кукожится, будто в нем сделали пробоину.

– Похоже, предварительная судебно-медицинская экспертиза обнаружила следы ДНК, оставленные убийцей.

Юрдон презрительно фыркает.

– Почему мы давно не создали спецгруппу следователей? Можешь не отвечать, идиот, – говори, что там, не трать мое время!

Фиоре берет записку от полицейского.

– Контрольные оттиски, согласующиеся с… ладно, это можно опустить… в общем, исследование показывает, что найденный отпечаток пальца совпадает… с моим отпечатком. Второго такого нет во всей политии Юрдона—Фиоре—Хант.

Епископ выглядит разъяренным.

– Хочешь сказать, это ты повесил его там, чтобы он истек кровью?

Фиоре нужно отдать должное за попытку твердо держать свою позицию.

– Нет, ваше святейшество. Я хочу сказать, что убийца играет с нами.

Я прислоняюсь к Сэму, чувствуя тошноту. Это ведь была моя фантазия, не так ли? О том, как бы я обошлась с Майком. И я никогда никому об этом не рассказывала. А это значит, что я, должно быть, убийца! Только я ничего плохого не совершала. Что же такое творится?

– Ладно. – Юрдон потирает руки. – План на сегодня. Вы, преподобный Фиоре, будете координировать свои действия с доктором Хант – вам на пару предстоит выбрать, обучить и вооружить главного констебля полиции. Который в свою очередь будет уполномочен принять четырех граждан в полицию на позиции сержантов. Позже вы также обсудите со мной выбор судьи, процедуры предъявления обвинений преступникам в суде присяжных и назначение палача. – Он свирепо смотрит на священника. – Потом, я надеюсь, вы вернете свою часовню в первозданное состояние, в котором она была до того, как я доверил ее вам, и позаботитесь пастырской заботой о своей пастве, в которой многие отчаянно нуждаются в руководстве! – Он разворачивается на каблуках и скользит к своему длинному черному лимузину, за которым следует трио полицейских-неписей с примитивным, но эффективным автоматическим оружием. Я свешиваюсь через плечо Сэма, но он держит меня прямо. Фиоре ждет, пока епископ захлопнет дверь, глубоко вздыхает и грустно кивает.

– Это не принесет никакой пользы, – бормочет он в нашу сторону, обращаясь к нам, прямым свидетелям, и полицейским, которые осторожно нас обступают. – Полицейских прошу

разойтись. Прихожане – прислушайтесь, пожалуйста, к своей совести. По крайней мере, один из вас точно знает, что произошло здесь перед мессой, и молчание не принесет пользы.

Полицейские-неписи расходятся, за ними следуют толпы любопытных граждан. Я осторожно подхожу к Фиоре, сильно нервничая. Момент может быть неподходящим, но…

– Как дела, дитя мое? – Он прищуривается и благосклонно улыбается.

– Отец, вы можете просто поверить мне на слово? – нерешительно спрашиваю я.

– Конечно. – Фиоре бросает взгляд на полицейского. – Ступай в часовню, возьми швабру, ведро, немного чистящего средства и начинай мыть там пол.

– Все дело в… – Я запинаюсь. История с Яной меня очень беспокоит, но я не знаю, как поступить. С другого конца кладбища в меня летят взгляды – любопытные и недоумевающие. *О чем она говорит с Фиоре? Она же простая прихожанка, как и все мы.*

– Ты знаешь, кто это сделал? – спрашивает Фиоре прямо.

– Нет. Я хотела поговорить с вами о Яне. В последнее время она ведет себя странно…

– Думаешь, Яна убила его? – Его темные глаза изучают меня из-под внушительных, заросших кустистой растительностью надбровных дуг, разделенных патрицианским носом, смахивающим на волнорез, – носом, сильно дисгармонирующим с фистулами жира, что колышутся у Фиоре под подбородком. – Это твоя версия?

– Эм, нет…

– Тогда нам придется отложить наш разговор, – отрезает он. Прежде чем я понимаю, что он собирается выгнать меня, Фиоре окликает другого полицейского: – Эй, там! Сходи к гробовщику, пусть принесут один ящик к часовне. – Он семенит прочь с крайне неожиданной для человека его комплекции скоростью – ряса с посвистом подметает пол.

– Пойдем, – говорит Сэм. – Пошли домой прямо сейчас. – Он берет меня за руку. Я закатываю глаза, чтобы не заплакать.

– Да. Пойдем.

Он ведет меня через парковку к стоящему в очереди такси.

– Что ты хотела сказать Фиоре? – мягко спрашивает он.

– Ничего. – Если ему взаправду так важно это знать, мог бы не молчать в моем присутствии все оставшееся время, не заставлять меня терзаться чувством ненужности.

– Я тебе не верю, – говорит он. Сидя в такси, мы оба держим рот на замке.

– Не веришь – не верь, – парирую я, когда мы оказываемся у дома, а автомобиль за нашими спинами отбывает вдаль.

– Рив… – Его взгляд донельзя серьезен. Серьезнее всех былых серьезностей.

– Ну что?

– Пожалуйста, не заставляй меня ненавидеть тебя.

– Слишком поздно, – горько отвечаю я. И сейчас, в этот самый момент, это – правда.

17. Миссия

Когда я проснулась на следующий после убийства день, шел дождь. Такой же дождь – нежно накрапывающий, но настойчивый – никуда не делся и послезавтра, что как нельзя лучше соответствует моему настроению.

У меня есть работа по дому, которую нужно выполнять, доктор Хант велела мне не переутомляться, в библиотеке меня пока никто не ждет, так что рано или поздно все у меня наладится. Я решила попробовать обрести здесь счастье, не так ли? Но, кажется, я наломала дров с Сэмом, и вокруг меня действуют темные, пугающие подводные течения – где-то здесь есть люди, которые сделали выбор, противоположный моему, и могут в любой момент избрать меня следующей жертвой, если я не проявлю осторожность. Теперь, когда есть время все обдумать, я очень рада, что Фиоре не уделил мне время, когда я попыталась рассказать ему о Яне. Жизнь дешевеет с каждой неделей, и здесь нет бесплатных воскрешений – домашних ассемблеров для ежедневного резервного копирования.

Неужели этот дикий случай так сильно меня взволновал?

О да! Еще как.

Мне удается продержаться до утра четверга, прежде чем я ломаюсь. Просыпаюсь с рассветом – я стала хуже спать – и слышу, как Сэм возится в ванной. Смотрю в окно на капли дождя, равномерно падающие полупрозрачной завесой на реальность, и понимаю, что больше не могу этого выносить. Я не хочу еще один день провести одна дома. Знаю, доктор Хант сказала взять отпуск на целую неделю, чтобы восстановиться, но я чувствую себя хорошо, и, если приду на работу, мне хотя бы будет чем заняться, не так ли? И с кем поговорить. Там у меня – своего рода подруга, пусть она и ведет себя странно в последнее время. Даже если я чувствую себя неловко из-за того, что скажу, увидев ее, это не повод избегать встреч совсем.

Я одеваюсь на работу, спускаюсь вниз и, как обычно, жду такси. Меня накрывает искушение прогуляться, но идет дождь, а я забыла купить водонепроницаемую накидку. *Дождь на борту звездолета, кто бы мог подумать…*

Я жду прямо на крыльце, пока подъедет такси, бросаюсь к нему и залезаю на заднее сиденье.

– В библиотеку, – бросаю я.

– Конечно, мэм. – Водитель трогается с места с чуть большим ускорением, чем я привыкла. – Интересно, когда эта дрянная погода сойдет на нет?

– Что? – Я трясу головой. – Что вы сказали?

– Я слышал от Джимми из отдела общественных работ, что они запустили ее, потому что обнаружили проблему с дренажной системой – надо промыть ливневую канализацию. Между прочим, меня зовут Айк. Рад свести знакомство.

Мне *почти* удалось легко и непринужденно прийти в себя:

– Я Рив. Давно вы водите такси?

Айк усмехается:

– С тех пор, как попал сюда. А вы библиотекарь? Я тут еще не со всем разобрался. Могу отсюда отвезти вас в центр, а потом – покажете мне, в какой квартал зарулить?

– Не вопрос, – выдавливаю я.

– Ну и отлично. – Айк выстукивает синкопированный ритм на руле, синхронизируя его со взмахами дворников, затем вдруг поворачивается прямо ко мне: – А чем библиотекарь занимается весь день, расскажите?

– А таксист – чем? – отвечаю я вопросом на вопрос, обалдело осознавая, что машина – *на ручном управлении*. Реального человека квалифицировали управлять этой штукой! – Люди к нам приходят, просят разные книги, а мы помогаем их найти. – Я пожимаю плечами. – Ну и еще пара услуг, совсем пустячных. В общем-то, все.

– Понял, понял. Ну а я просто раскатываю весь день. Мне сбрасывают по радио заказ – я подъезжаю и отвожу людей, куда надо, по адресу.

– Звучит скучновато.

Айк смеется:

– Поиск книг кажется мне скучным занятием, так что, думаю, мы квиты! А вот и центр. Покажете, куда поворачивать отсюда?

В центре города дождя нет.

– Высадите меня здесь, остаток пути я пройду пешком, – предлагаю я, но водитель такси упирается:

– Ну нет, мне нужно узнать, где что находится, так? Говорите, куда ехать.

Вздохнув, я подчиняюсь.

– Сейчас налево. Едем два квартала, затем сворачиваем на первом повороте направо. И там – увидите сразу…

* * *

Я заступаю на свое рабочее место потрясенной и не совсем понимаю почему. Я уже слышала, как Юрдон говорил о полицейских и судьях. Неужели мы останемся без неписей и

будем делать все сами? Я прекрасно понимаю, что именно *так* мы могли бы запустить предельно точную социальную симуляцию темных веков, но это значит, что эксперимент разворачивается в гораздо большем масштабе, чем я себе представляла.

Я немного опаздываю – библиотека уже открыта, но посетителей нет, поэтому я подхожу прямо к стойке и улыбаюсь Яне, которая сидит уткнувшись носом в книгу.

– Привет!

Она вздрагивает от неожиданности.

– Рив? Я не ждала тебя сегодня!

– Мне надоело сидеть дома. Доктор Хант сказала, я могу прийти на работу сегодня, если захочу. Все лучше, чем просто смотреть на дождь за окном, правда ведь?

Яна кивает с равнодушным видом. Закрыв книгу, осторожно кладет ее на стол.

– Да, думаю, ты права. – Она встает. – Хочешь чашечку кофе?

– С удовольствием! – Я отправляюсь за ней в комнатку для персонала. Очень приятно вернуться на свое место. Яна в плохом настроении, но с этим я разберусь. И у нас есть целая библиотека. Что может быть лучше в жизни? Айк пусть и дальше возит на своем вонючем небезопасном такси всяких людишек.

– Ну что ж. – Яна включает чайник и критически оглядывает меня с ног до головы. – Возможно, мне придется выйти на пару часиков. Управишься тут одна?

– Без проблем! – Я поправляю юбку. Чего она так смотрит? Я себе что, кляксу где-то поставить умудрилась?

Яна морщится, затем трет лоб.

– Пожалуйста, не так много энтузиазма в такую рань. Что на тебя нашло?

– Мне стало скучно, говорю же! – Я с трудом не срываюсь на крик. – Дома скучно, и дождь задолбал. – Я отодвигаю стул, сажусь. – Магазины надоели, уборка – в одном доме с двумя людьми ее не так и много. Телевизор – скучный. Можно, конечно, брать здесь книги, но я подумала… – И тут я замолкаю. *А о чем я подумала?*

– Кажется, я понимаю. – Яна еле заметно улыбается. – Как дела у Сэма?

Я напрягаюсь.

– А почему ты спрашиваешь?

Улыбка испаряется.

– Он был здесь вчера. Хотел поговорить о тебе, спросить совета… Он чувствует, что не может говорить с тобой, поэтому ему приходится делиться с кем-то другим. Рив, дело принимает скверный оборот. С тобой все в порядке? Могу я чем-то помочь?

– Да, можешь сменить тему. – Я говорю легкомысленно, но Яна от моих слов застывает столбом. – Сэм держит обиду – надо с этим разобраться, но все только между нами. – Мое нутро сжимается от гнева и вины, но я сдерживаюсь. В конце концов, Яна ни при чем. Но Сэм точно ведет себя по-свински. – Мы всё уладим сами, – добавляю я, кое-как сглаживая острые углы.

– Я… понимаю. – У Яны такой вид, будто она съела ломтик лимона. В этот момент чайник закипает, она встает, наливает горячую воду в две кружки, зачерпывает порошковые сливки, перемешивает все разом. – Пойми меня правильно, Рив, но ты изменилась с тех пор, как вышла из больницы. Ты… сама на себя не похожа.

– А? Что ты имеешь в виду? – Я дую на свой кофе, чтобы он остыл.

– Да так, пустяки. – Она поднимает бровь, глядя на меня. – Откуда ни возьмись у тебя прорезался энтузиазм. Тебя стало больше интересовать внешнее, чем внутреннее. Ну и еще – ты будто растеряла чувство юмора.

– А при чем тут чувство юмора? – Я смотрю на чашку, пытаясь не рассердиться. – Я знаю, кто я, и знаю, кем была.

– Забудь то, что я сказала. – Яна вздыхает. – Прости, не знаю, что на меня нашло. В последнее время я становлюсь по-настоящему стервозной. – Она замолкает на некоторое время. – Надеюсь, ты не возражаешь, если я оставлю тебя на несколько часов…

Мне удается выдавить из себя смешок. Проблемы Яны, строго говоря, не мое дело.

– Не проблема. Для чего еще нужны друзья?

Яна странно смотрит на меня.

– Спасибо.

Отпив кофе, она корчит гримасу.

– Это пойло – просто ужас какой-то. Худшая перспектива, которую я могу придумать, – обходиться совсем без него. Ладно, мне пора. Увидимся в обед?

– Конечно, – киваю я. Яна встает, хватает свою куртку и убегает.

Я допиваю кофе и возвращаюсь к стойке регистрации. Нужно похлопотать там кое над чем, но уборщики-неписи работают тщательно – даже не оставили мне немножко пыли на самых верхних полках. Пара скучающих офисных работников заглядывают ко мне, чтобы вернуть книги и осмотреть полки в поисках развлекушки на время ланча, но в остальном место мертвое. Я сижу за стойкой регистрации ломая голову, есть ли лучший способ организовать полку с просроченными возвратами,

когда открывается дверь и входит Фиоре.

– Не думал, что вы будете здесь, – говорит он, подозрительно щуря заплывшие жиром глазенки.

– Ой, правда? – Я спрыгиваю со стула и улыбаюсь ему, хотя все мои инстинкты кричат: будь осторожнее.

– Правда. – Он зачем-то принюхивается. – А вторая библиотекарша, Яна, сейчас на месте?

– Ее нет сегодня утром, но она вернется позже. – Когда я смотрю на него, у меня возникает ужасное чувство дежавю, как воспоминание о дурном сне.

– Хм. Что ж, у меня есть кое-какие дела в хранилище. – Его голос повышается без видимых на то причин: – И на этот раз я хочу, чтобы меня не беспокоили.

– Конечно. Как пожелаете. – Я невольно отступаю от него на шажок. В Фиоре есть что-то звериное, в его глазах прямо плещется дикое напряжение, и я вдруг остро сознаю, что мы здесь одни, а он весит раза в два больше меня. – Вы надолго сегодня?

Его взгляд скользит мимо моего плеча.

– Нет, это не займет много времени, Рив. – Он поворачивается и неуклюже шагает к справочному отделу и хранилищу документов, не удостоив меня даже взглядом. На мгновение я перестаю верить собственным инстинктам. В конце концов, это жест презрения, достойный Фиоре – человека, настолько погруженного в себя, что если вы проведете с ним слишком много времени, то в конечном итоге решите, будто вы – плод его воображения. Но потом я слышу, как он фыркает. Доносится скрежет ключа в замке и скрип половиц.

– А вообще, заходите, если хотите. Можем переговорить с глазу на глаз.

Я принимаю вызов.

– И на каких условиях мы с вами будем говорить? Как свидетель и следователь? Или это все из-за Яны?

Он поворачивается и впивается в меня взглядом глаз-бусинок.

– Может, и из-за нее, дочь моя.

Ответ вполне в духе Фиоре. Мне не очень хочется, но предлога увильнуть нет, так что я следую за ним через дверь и спускаюсь по ступенькам в подвал. Безнадежное напряжение гложет меня изнутри, и я все еще не уверена, есть реальный повод для беспокойства или я его придумала.

– Что вы думаете о докторе Хант? – спрашивает Фиоре внизу лестницы. Его голос звучит донельзя устало, как у крайне отягощенного заботами человека.

Я ошеломлена. У них что, есть какие-то подковерные

интриги?

– Она… – начинаю я и медлю. Всеми силами разума призываю себя помнить, с кем говорю, и знать вес словам. – Она приятно прямолинейная особа. У нее добрые намерения, за пациентов она искренне волнуется. Я доверяю ей, – добавляю я импульсивно, противясь желанию ввернуть: «А вот тебе – ни капельки». Выбираю безопасную позицию спиной к полкам. Если потребуется какое-нибудь оружие…

– В этом нет ничего неожиданного, – тихо говорит Фиоре. – Что она с вами сделала?

– Она разве не сказала?

– Нет. И я хотел бы, чтобы вы описали это своими словами. – Его голос настойчивый и низкий. Что-то во мне сдается – я больше не могу притворяться, что это лишь мое воображение. Так что я пытаюсь выиграть время.

– У меня были частые провалы в памяти, и я подцепила механоидную чуму серой слизи, когда пыталась взять наскоком балластный отсек. Инфекция привела в действие мою аугментированную иммунную систему, и та начала рвать нейронные связи. Доктору Хант пришлось назначить мне антироботики и провести повторную редакцию памяти с целью остановить прогрессирование заболевания. – Я убираю руки за спину и медленно отступаю назад, подальше от него, к стене. – Я бы сказала, что она удивительно этичный практик, учитывая любовь ее коллег к теневым манипуляциям. Вам есть что на это возразить?

– Гм-м-м. – Фиоре – фальшивая насквозь жаба Фиоре – наклоняется над консолью ассемблера и набирает какой-то код. – Вообще-то, пожалуй, есть.

Пока он не смотрит, я делаю еще один шаг назад и натыкаюсь спиной на полки. Хорошо. Я мысленно готовлюсь к тому, что придется делать дальше.

Фиоре неумолимо продолжает:

– Кто-то из ваших предшественников – он все еще здесь, под глубоким прикрытием, – узнал, что доктор Хант – отнюдь не ее настоящее имя. Она – вернее, оно – это существо – происходит из Асклепианской лиги.

Я смотрю на него во все глаза.

– Вы ведь помните, что это за лига? Она была Вивисектором, Рив. Членом их внутреннего клана, посвятившего себя реализации крайне специфического визионерского проекта по перекройке человечества.

– Спасибо, что напомнили, от чего я хотела у вас укрыться, – говорю я дрожащим голосом. – Всю следующую неделю кошмары

гарантированы.

Фиоре поворачивается и свирепо сверкает на меня глазами.

– Ты что, совсем идио… – Он тут же приструнивает себя. – Извиняюсь. Но если по-вашему плохие сны – единственная потенциальная проблема, ваше понимание ситуации оставляет желать… – Он сердито тычет пальцем в консоль. – Вот же незадача. Я-то думал, вас будет хоть слегка заботить участь всех остальных, кто заперт здесь.

Я делаю глубокий вдох, пытаясь совладать с тошнотой. Асклепианцы были еще одним диктаторским культом, морфологической лигой. Гораздо худшей, чем Нация Солипсистов. Вторгаясь в жилые зоны, они перекраивали тамошних обитателей по одному кричащему искалеченному телу зараз. Если доктор Хант – асклепианка и она работает с Юрдоном и Фиоре… будущее, которое они намерены создать, – наверняка ужасное и бесчеловечное.

– Не верю. Быть такого не может.

– А в то, что доктор-майор Фиоре – просто толстый эгоцентричный психиатр, верите? – Он невесело улыбается мне. – Бросьте, Рив, я знаю, о чем вы думаете. Доктор Хант вам основательно заморочила голову. Наверняка и согласие заставила дать в устной форме? Они ведь на формальностях помешаны, эти асклепианцы. Фиоре и Юрдон – тоже военные преступники. Черт, большинство людей здесь делали такие мерзкие вещи, что всё бы отдали, лишь бы забыть самих себя. Вы помните, почему это – *экспериментальное* государство?

– Помню ли?.. – Вопрос ставит меня в тупик.

– А, ну да. Твоя память, конечно, исправлена. – Когда он в последний раз касается консоли, та звенит и загорается зеленым. – Где были бы диктаторы, если бы не могли положиться на нашу амнезию? Заставь многих людей сразу потерять память – и сможешь скрыть все, что угодно. «Кто помнит сегодня об армянах», правильно? – Фиоре делает шаг от консоли. – Послушай, нам придется основательно почистить твою прошивку от дряни, которую туда нагрузила Хант.

На этот раз мой желудок сжимается по-настоящему. Меня тошнит. Он – монстр и хочет втянуть меня обратно в ту неразбериху, где я была до того, как Хант меня излечила. Я спустилась сюда сама, выхода нет. Сопротивление бесполезно. Надо бежать к епископу, просить полицейских схватить это… существо. Но это ведь номинальное предательство самой себя – так получается?

– Смерть Майка – твоих рук дело? – шепотом спрашиваю я. – И как ты оказался в этом теле, Робин?

– Тебе станет легче, если я скажу «да»? – Голос лже-Фиоре на удивление нежен. – Или так расклад, наоборот, ухудшится?

– Я… – Я делаю еще один судорожный вдох. – Просто хочу знать.

Когда фальшивый Фиоре, Робин, медленно сужает свои выпученные глаза, а потом закрывает, я напрягаюсь, но он снова открывает их прежде, чем я успеваю сообразить.

– После того как ты грохнула Фиоре, – говорит он, – я вошел в ассемблер, сделал резервную копию себя, запрограммировал слияние тел и расщепление нейронов, так что, когда вышел из ассемблера, я был в коже Фиоре, а не… – Он кивает подбородком на меня. – Я выставил двухчасовую задержку, чтобы дать тебе время навести здесь порядок, но ты тем временем выпала из реальности. Когда я очнулся в камере, обнаружил, что ты лишь частично навела порядок, а сама исчезла. Пришлось заканчивать здесь одному. Поскольку ассемблер только и делает, что плодит Фиоре, заполучить его биометрические данные для самозагрузки не составило труда. Когда другое его воплощение появилось, чтобы поймать тебя, я сказал ему, что ты только что отбыла в неизвестном направлении. Фиоре поверил мне. Он не особенно хорошо разбирается в собственных копиях. Так вот, в воскресенье утром я пошел навестить Касс в больнице и стал не первым посетителем – застукал там Майка. Этот псих жил в подвале пустого дома, воровал еду с чужих кухонь – не все местные жители достаточно осмотрительны, чтобы запереть двери в дом, не замечала? Майк заткнул Касс рот кляпом… Ты видела, что Хант сделала с ее ногами. Касс ничего не могла поделать. Она бы просто не смогла убежать – разве что уползти на руках, да и то недалеко. Он снова насиловал ее, Рив, а ты знаешь, я третьих шансов не даю.

Я киваю, хватая ртом воздух. Ужас в том, что я вижу все перед своим мысленным взором: я-во-плоти-Фиоре осторожно подкрадываюсь к Майку, Касс беспомощно бьется на больничной койке – Майк, вероятно, связал ей руки, чтобы не шибко сопротивлялась, – и я-во-плоти-Фиоре убиваю его. Без осторожности и жалости, полагаясь скорее на ярость. Теперь Касс свободна, а труп ее мучителя можно использовать, чтобы послать весточку любым пограничным социопатам, которых сюда загружают пачками и у которых руки чешутся последовать дурному примеру…

Это так похоже на меня. На меня, что существовал в пограничный период – то есть не изначального (тихого, миролюбивого историка, преданного семьянина), не теперешнюю (слегка взбалмошную женщину, одуревшую от радости открытия,

каково сложить оружие после борьбы, которая, кажется, длится всю жизнь), а меня – машину для убийства с холодной кровью. Но, встречаясь с Робином взглядом, я вижу в его глазах ужасную печаль и болезненное чувство вины, вполне отражающее то, что я сама чувствую, осознавая, что мне необходимо выдать его епископу. Ведь нельзя позволить доппельгангеру, убившему одного из самых уважаемых граждан симуляции, расхаживать на воле…

Я хватаю первое, что попадается под руку, – разбухшую коробку с распечатками кода Короля в Желтом на бумаге, – делаю два быстрых шага вперед и опускаю этот снаряд углом на голову Робина-Фиоре со всей силой, какая у меня есть. Он подкашивается и падает, но я не задерживаюсь, чтобы закончить работу, а поворачиваюсь и бегу к лестнице. Если смогу подняться наверх и захлопнуть дверь, он окажется заперт здесь, а я успею оповестить…

– Куда-то торопишься? – спрашивает Яна, стоя на верхней ступеньке и целясь в меня из парализатора. Ее напряженный палец белеет на спуске.

Я поднимаю руки.

– Не делай… – начинаю я.

Но она все равно делает.

* * *

Я со стоном поднимаю руку и касаюсь головы – адски болит там, где Рив врезала мне углом коробки. Кто-то хватает меня за запястье и дергает, и я открываю глаза. Это Яна. Она явно беспокоится.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Она чуть не сбежала по лестнице. Очень, видать, хотела куда-то успеть. Сам-то как?

– Схлопотал, как видишь. Идиот. – Оглядываясь, я ощущаю укол боли в шее. – Еще и ударился о постамент ассемблера, когда упал, кажется…

– Тогда, считай, тебе повезло, что я успела вовремя.

– Ха-ха. Там, где ты замешана, не остается пространства под понятие «удача».

– Это было в другой жизни, – протягивает она мечтательно. – С тобой точно все будет в порядке? Мне нужно закрыть библиотеку.

– Да беги уже, закрывай. – Я вздрагиваю и выпрямляюсь, тяжело дыша. Тело Фиоре обладает большой инерцией и хорошей

изоляцией, но оно не создано для падений с высоты собственного роста. – Если кто-нибудь найдет нас…

– …я с ним разберусь, будь спокоен.

Яна исчезает наверху. Я сажусь. Рив чуть не сорвала нам важную операцию, и я в ужасе оттого, как близко версия меня была к тому, чтобы все пошло коту под хвост. Если бы я не выяснил, кто такая Яна, ждать помощи было бы неоткуда, а Рив убила бы меня и глазом не моргнув. Ведь такое поведение ей доктор прописал.

Придется как-то разобраться с этой Рив, а мне этого не очень хочется. Конечно, мегера Хант потрудилась на славу, но потеря целой недели жизни – не то, к чему я отношусь легкомысленно, а кроме того, некоторые знания Рив могут пригодиться. Да уж, дилемма. Если бы был некий способ тривиально обратить вспять промывание мозгов, которое осуществила Хант… но нет. Доктор свое дело знает. Это будет своего рода мотивационно-ценностный абреактивный взлом – чертовски тонкий, оставляющий личность в основном нетронутой, измененной лишь в паре черт ровно настолько, чтобы превратить Рив в послушную маленькую подсоску.

Я сижу расставив ноги, тяжко дыша над своим огромным раскачивающимся ведром с кишками, и пытаюсь смириться с тем фактом, что мне скоро придется убить свою лучшую половину. Это расстраивает, как бы часто я ни вытворял подобное раньше.

Наверху раздается грохот. Я встаю и ковыляю взглянуть, что происходит. Ненавижу это тело, но оно было полезно, чтобы привести меня туда, куда никто из нас иначе не смог бы попасть. Экспериментаторы слегка забили на внутреннюю безопасность, забыв старенькую аутентификационную присказку: «Первый полетел на юг, а второй вернулся в дом, третий сделал плавный круг над секретным логовом». Понятное дело, когда вроде бы контролируешь все ассемблеры в симуляции, сильно кружить над секретным логовом ни к чему – особенно если там уже кружит твоя ничуть не подозрительная копия, – но все же…

Я жду внизу лестницы.

– Кто там? – тихонько спрашиваю я.

– Это я, – откликается Яна. – Мне тут нужна небольшая помощь.

– Бегу-бегу. – Я слоновьей поступью поднимаюсь по ступенькам. Яна ждет наверху над телом Рив, чьи запястья и лодыжки замотаны скотчем. Она слегка подергивается и подает признаки того, что приходит в себя.

– Как думаешь, что нам с ней делать? – спрашиваю я.

– Оттащим вниз? – предлагает Яна. Она чуть запыхалась.

– Святое дело. – Я наклоняюсь и хватаю Рив за лодыжки. Несмотря на гротескный избыточный вес тела Фиоре, оно отнюдь не слабое. Я поднимаю и тащу, а Яна держит руки Рив достаточно высоко, чтобы та не стукнулась головой о ступеньки. Внизу я подтаскиваю ее к А-воротам. К этому времени ее глаза закатываются, и она краснеет. Ненавидя себя, я наклоняюсь вперед.

– А что бы ты сделала на моем месте? – спрашиваю я ее.

– М-мф! М-м-м…

Не сдаваться до самого конца – узнаю себя. Я поднимаю глаза на Яну.

– Почему ты не убила ее?

– Не хотела.

– И что, мы просто…

– Просто засунь ее в воротную камеру! – напряженно бросает Яна.

Я беру Рив под мышки и поднимаю. Она обмякает, наваливаясь на меня мертвым грузом, стараясь замедлить.

– Мне это нравится не больше, чем тебе, – говорю я ей. – Но этот город слишком мал для нас двоих.

Когда я запихиваю ее в камеру А-ворот, она пинает меня обеими ногами, но я такую реакцию вполне ожидаю и кое-как уворачиваюсь. Вскоре дверь захлопнута.

– Ну? – Я свирепо смотрю на Яну. – Что теперь? – Чувствую себя полным дерьмом, что уж там. Но так всегда, когда учиняешь расправу над самим собой. Думаю, поэтому было бы лучше, если бы Яна просто грохнула ее на лестнице – тяжкая моральная ноша оказалась бы на ее плечах – не на моих.

Яна склонилась над панелью управления.

– Так, сейчас разберемся, – бормочет она. – Слушай, я собираюсь снять ей прошивку.

– Бляха. – Я качаю головой, пародируя смирение. В дверь воротной камеры глухо лупят изнутри, и я невольно поеживаюсь. Сочувствую Рив – представляю себя на ее месте и понимаю, что ситуация ужасная. – Но почему?

– Потому что. – Яна смотрит на меня снизу вверх. – Фиоре рано или поздно распознает обман, если ты продолжишь бегать в его теле. Не кажется ли тебе, что пора вернуться?

– Вернуться?

– В тело Рив, – терпеливо поясняет она.

– В Рив, – эхом отзываюсь я. – Ну да, понимаю. – Видимо, когда бьют по голове, все-таки слегка тупеешь. Яна права, нам не стоит ее убивать. Внезапно я чувствую себя намного лучше из-за того, что запихнул бедную лучшую версию себя в

макромасштабный дизассемблер наноструктур – все-таки, когда сам лупишь себя по лицу, это лучше, чем когда кто-то лупит тебя.

– Я собираюсь сделать из нее шаблон. Затем ты последуешь за ней, я вытащу дельта-вектор твоей текущей карты нейронов и наложу его на Рив. Ты проснешься снова в ее теле, с обоими наборами воспоминаний – только твой будет доминирующим. Как думаешь, сработает?

Изнутри А-ворот доносится еще один приглушенный удар, затем такой звук, будто кого-то тошнит, – Яна запустила программу шаблонирования, парализуя Рив, и камеру в сей момент заполняет абляционная пена-дигитайзер.

– Лучше бы сработало, – вздыхаю я.

– Я беспокоюсь, Фиоре заподозрит, что происходит. История с Майком может все испортить, если он сложит два и два.

– Ладно-ладно, понимаю. Я вернусь к роли Рив. Полагаю, в этом есть смысл.

– Ты согласен? – В тусклом свете потолочных ламп Яна выглядит изможденной. – Отлично, значит, я не несу чушь. А потом?..

– А потом мы сядем и обдумаем, как покончить со всем этим раздраем. Как только я узнаю все, что знает она.

– Отлично. – Яна улыбается краешками губ. – Твой прямой серьезный подход – всегда будто глоток свежего воздуха.

– Однажды танк – всегда танк, – говорю я ей.

– Верно, – откликается она, и на мгновение я вижу тень ее прежнего «я». Этот слабый образ откликается уколом боли где-то под сердцем.

– Чем скорее я снова стану собой, тем лучше.

Несколько долгих минут мы проводим в тишине, пока ворота занимаются своим делом. Затем раздается звуковой сигнал, и дверь в камеру с щелчком приоткрывается. Я подхожу и распахиваю ее до конца – как обычно, в камере пусто и сухо. Оглядываясь, вижу, что Яна наблюдает за мной.

– Готов? – спрашивает она.

– Увидимся на другой стороне, Санни, – говорю я, закрывая дверь.

* * *

Наш маленький штаб по обеспечению безопасности, так называемая Синяя Ячейка, раньше входил в контрразведывательное подразделение Кошек Лайнбарджера. Все думали, что он был распущен, а следы о его деятельности стерты

в ходе Войны Правок. Но я знаю, что это не так, потому что я – все еще штабной. Мы не распались, просто ушли в глубокое подполье – потому что наша миссия не была завершена.

Наше дело рисковое. Работа заключается в том, чтобы делать неприятные вещи безжалостным людям. Заметание наших следов сто́ит денег – и немалых, а в наши дни они не всегда взаимозаменяемы через государственные границы. Местные ополченцы и правительства заново изобрели обменные курсы, валютное хеджирование и целый ряд иных архаичных практик. Ряд государств относительно открыты, в то время как другие впали в милитаризм. Некоторые придают большое значение аутентификации и отслеживанию уникальности, в то время как другим все равно, кем вы себя считаете, пока платите свой налог на кислород. Первые обеспечивают прекрасное жилье, ну а вторые – прекрасные убежища. Из-за послевоенной раздробленности мы часто меняем дислокацию, внешность, а иногда и воспоминания. То едины во многих лицах, то нас много в одном лице. Поначалу работали за счет капитала, высвободившегося в результате распада Кошек. Позже стали приумножать этот капитал, открывая разные направления бизнеса. И если вдруг вам приходилось когда-нибудь слышать о корпорации наемных убийц «Гадюка» или о «Тяжелой промышленности Кордвайнера», знайте – это тоже мы.

В оперативном плане мы работаем в слабо связанных ячейках. Я – «тяжеловес», мой опыт в боевых операциях хорошо сочетается с моим опытом в разведке.

Примерно через пятьдесят мегасекунд после официального окончания военных действий я получаю вызов в Правительство Нефритового Восхода. Это государство, строго дозирующее технологии, и я нахожусь в ортогуманоидном теле, мое прикрытие – учитель фехтования, у которого столько связей на черном оружейном рынке, что каждый мой шаг стоит хороших денег. Но это лишь первый уровень. Прикрытие второго уровня – на случай, если первое будет дискредитировано, – дембель, беглец от расправы без суда и следствия из какого-то места, где технологических ограничений нет. Это даст мне соответствующую предысторию и хорошее начало для представления досье «Одесса», потребуется выявить нужную цель и захлопнуть на ней капкан с кодовым названием «Испанский узник» [23]. У меня в последнее время много подобной работы, но в данном конкретном случае я не уверен до конца, что меня ждет.

Назначенное место встречи – общественная баня на улице Оранжевых Листьев. Это узкая мощеная улица на склоне холма, сбегающая от главной площади, где располагается квартал

Серебряных Дел Мастеров, вниз, к гавани. Стоит прекрасный весенний день, воздух насыщен запахом жимолости. Дети шумно играют в городки возле пьяно покосившихся многоквартирных домов, и обычное легкое пешеходное движение с трудом прокладывает себе путь: носильщики выкрикивают оскорбления рикшам, а рикши вымещают злобу на пастухе, пытающемся отогнать небольшое стадо паучьих коз вверх по холму.

Я здесь достаточно долго, чтобы более-менее знать, на что обратить внимание. Замечаю мальчика, который держится в стороне, и щелкаю пальцами. Он подходит, не столько идя, сколько скользя, чтобы друзья не заметили. Грязный, отощавший, в выцветшей залатанной одежде: идеально. Я засвечиваю ему монету, зажатую между пальцев.

– Хочешь подзаработать? – спрашиваю.

Он кивает.

– Я не торгую очком, если че, – шепелявит он. Приглядываюсь и понимаю: у парня заячья губа.

– Я и не прошу тебя об этом. – Монет в моих пальцах становится две. – Видишь вон ту чайхану? Сунься в переулок за ней, посмотри, нет ли там каких-нибудь людей. Если есть, подойди и скажи об этом мне. Если нет, пойди найди госпожу Санни. Сообщи ей, что Танк передает привет, потом – снова ко мне, отчитаться.

– Две монеты. – Он поднимает пару пальцев.

– По рукам. – Пока я смотрю на пацана, он снова проделывает трюк с исчезновением: вот стои́т передо мной, а через миг уже затерялся в толпе. Я могу сказать, что у парня есть талант, он делает это как профессионал. Вдруг закрадываются серьезные опасения: *может, он и есть профессионал?* Мы давно ликвидировали легко вычислимые цели. К сожалению, тех, кто все еще на шаг впереди нас, гораздо труднее поймать.

Мне не приходится долго ждать. Через десятую долю килосекунды шепелявый пацан появляется вновь.

– Госпожа Санни говорит, что горшочек с медом переполнен. Я отведу тебя к ней.

Горшочек с медом переполнен. Звучит нехорошо. Я передаю монеты сорванцу.

– Хорошо, куда теперь?

Прямо у меня под носом он быстро исчезает, но не настолько быстро, чтобы я не успел за ним уследить. Через несколько секунд мы проходим заднюю часть сомнительного переулка и входим в лабиринт бессмысленных дворов. Затем пацан перелезает через покосившийся деревянный забор, сворачивает в другой переулок – где полно компостных куч с невероятно

неприятным запахом, – и направляется к задней двери без опознавательных знаков.

– Вот сюда, – говорит он.

Я кладу руку на рукоять меча.

– Не врешь? – Сурово смотрю на парня, затем мой взгляд падает на двух мертвых наемников, усаженных у черной лестницы. Сорванец широко улыбается мне:

– Ты сказал проверить, нет ли лишних людей в переулке, Робин.

– Санни?

Когда он кланяется с мальчишеской дерзостью, я приподнимаю бровь. Наемники со стороны будто спят – образ смазывает лишь кровь, текущая у них из носов. Очень хорошая работа для разведчика, который не является специалистом по физическому устранению. – У нас мало времени. Подтверди мою личность.

Мы улаживаем формальности по привычной в Республике процедуре.

– Итак, босс, зачем вы меня искали? – спрашиваю я. Санни, к слову, уже не начальствует надо мной, но от старых привычек трудно избавиться.

– Горшочек с медом протекает. – Санни перестает шепелявить и выпрямляется, через неказистое тело просвечивает ее природная стать. – Около двадцати мегасекунд назад мы, Вера-Шесть, получили сообщение о том, что кое-какие призраки прошлого громыхают в Невидимой Республике цепями. Ситуация быстро переросла в серьезную. Похоже, кое-кто проник в клинику памяти и захватил оранжерею изнутри.

– Оранжерею? – переспрашиваю я, прислоняясь к стене.

Санни кивает:

– Да, кто-то решил помыть стеклышки изнутри. Я отправила туда свою копию пять мегасекунд назад, и она пока не отчиталась. Боюсь, у нее оказалось недостаточно глубокое прикрытие.

– Охренеть и назад не выхренеть. – Я бросаю на мертвых наймитов яростный взгляд, будто они тоже в ответе за ситуацию.

Оранжерея – реабилитационный центр для военнопленных. Он предназначен для поощрения ресоциализации и повторной интеграции тех, кто туда попадает, в послевоенное общество – если его можно с определенными натяжками так назвать. Она размещена на старом МОНАрхе, сконфигурированном под компактную политию с одними Т-воротами, которые одновременно являются и входом, и выходом. Плохих парней загружаем – назад получаем вполне сносных гражданских. По

крайней мере, такая у оранжереи была изначальная цель.

– И что там сейчас происходит? – спрашиваю я.

– Захват, – коротко бросает Санни. Я вздрагиваю и смотрю на мертвых наемников. – Да,– говорит она, прослеживая за моим взглядом. – Времени у нас мало. Насколько я смогла узнать, кто-то из старых предателей, прикинувшись лояльным, проник в Стратегический Комиссариат Забвения в Невидимой Республике и взял на себя финансирование и полный оперативный контроль над оранжереей. Все, кто находился там к тому моменту, выписаны, и мы больше не знаем, что происходит внутри. Оранжерея у новых владельцев.

– Я для такого дела не подхожу, – говорю я. – Может, пошлешь Магнуса? Или того же Синтезиста? Пошарь по верхам – пошли запрос в координационный центр Потомков или в ветеранскую организацию и узнай, не может ли кто-то…

– Я больше не существую, – спокойно говорит Санни. – После того как моя копия ушла туда и не отчиталась вовремя, плохие парни пришли за основной мною и методично устранили несколько раз. В итоге от меня мало осталось. Это, – паренек похлопывает себя по впалой груди, – лишь огрызок. Я – привидение, Робин.

– Но, – я облизываю губы, сердце затравленно бьется, шокированное известием, – что помешает им устранить и меня?

– Если у тебя не будет личности, много что. – Санни-привидение ухмыляется. – Вот что тебе предстоит сделать…

18. Связи

Суставы скрипят, сердце колотится. Тепло, темно и сонно. Постепенно я понимаю, что сижу обхватив руками колени и подбородок. Значит, я больше не в туше Фиоре? Как же хорошо. Хорошо снова быть чем-то одним, а не парой игральных костей, бросаемых семо и овамо.

Последние две недели я все время существовала в двух разных мирах.

Одна «я» лежала в больнице, общалась с доктором Хант. До полусмерти испугалась, увидев мертвого Майка в часовне. Хотела настучать на Яну священнику.

А второй «я» жил в библиотеке, спал в комнате для персонала, украдкой исследовал закрытые уровни МОНАрха и в последнее время вступил в сговор с Яной. Ну, то есть с Санни. Едва поняв, что больше не одна в поле воин, Санни не выдержала и расплакалась – никогда не поверила бы, если бы сама не увидела. Твердая как алмаз Санни – в слезах? Изоляция творит с людьми страшные вещи…

– Ну, давай, Рив. Поговори со мной. Прошу. С тобой все в порядке? – В ее голосе слышны нотки отчаяния. – Скажи что-нибудь! – Она с тревогой наклоняется ко мне. – Как ты себя чувствуешь?

– А вот это мы сейчас и узнаем. – Я моргаю, опираюсь на руки, распрямляюсь. Да, я снова – Рив. Чувствую себя такой легкой! После долгого срока в туше Фиоре ощущения потрясающие: кажется, если легкий ветерок подует – тут же унесет. Я ловлю себя на том, что ухмыляюсь от удовольствия, потом поднимаю на нее взгляд и сникаю.

– Я… она… чуть не заложила тебя Фиоре.

– Когда? – Яна-Санни бледнеет.

– После того как мы ликвидировали Майка. Дай-ка подумать… – Я закрываю глаза. Мне нужно избавиться от внезапного прилива адреналина. – Так, особого риска нет. Я – она – не была ни в чем уверена, да и время неудачно подгадала. Она не знала, кто ты, – просто решила, что замышляешь недоброе и тебя нужно спасти, пока дров не наломала. Но Фиоре был чем-то озабочен и отправил ее на все четыре стороны. Пока с тобой у него никаких хлопот.

– Ф-фух. – Яна отступает на шаг. Я вижу, что она все еще держит парализатор, дуло направлено в пол. Ее слегка покачивает – то ли от облегчения, то ли от шока. – А ведь по краю прошли…

Я делаю глубокий вдох.

– Мне никогда раньше не промывали мозги так сильно. – Маленькая часть меня все еще думает, что доктор Хант – отзывчивый и дружелюбный практикующий врач, которая желает только добра, но это мнение отвергает гораздо бóльшая часть меня, жаждущая использовать кишки этой чокнутой вивисекторши в качестве скакалки. – Так что… ничего удивительного.

– Нужно протестировать пинг. – Яна на мгновение колеблется. – Ты меня любишь?

– Ага. Я люблю тебя. – Я чуть не подпрыгиваю. – Ого, я это слышу!

– Прекрасно. – Яна кивает. – А я – нет. Знаешь что? Думаю, слияние двух разных векторов сознания перезаписало часть загрузчика Короля в твоем модеме.

– Нет. – Я выхожу из камеры ассемблера и тщательно запираю дверь. – Это случилось раньше. Я уже слышала эти слова, – я хмурюсь, – когда разговаривала с Сэмом после выписки из больницы. Ну, не я слышала, а старая Рив.

– Странно. – Яна наклоняет голову – жест, типичный для Санни, но ей будто совершенно несвойственный. – Может, дело в… – Она щелкает пальцами. – Они ведь перепрофилировали Короля, верно? Та его часть, которой заразили нас всех, – чтобы насаждать поведенческие схемы, рейтинговую систему и тому подобное. Но если Хант модифицировала Короля, чтобы он служил универсальным загрузчиком…

Я содрогаюсь от очевидных последствий. У оригинальной версии Короля в Желтом люди становились переносчиками заразы, но сам он воздействовал только на А-ворота. А модифицированный вирус, который может функционировать даже в модеме хозяина и эффективно работать там, не будучи выявлен тестированием пинга, – нечто гораздо более опасное. Пригодное для таких целей, как…

– Они могут перехватить контроль над нами, будто мы – зомби, – так получается?

– Да. – Яна сильно бледнеет. – Мы все еще в оранжерее или они переселили нас?

– В оранжерее, – успокаиваю я ее. Это первая хорошая новость, добытая мною за долгое время. – Это МОНАрх «Жнец Науки», если полагаться на то, что старая Рив видела наверху. Может, мы, конечно, и на другом МОНАрхе, но ты наверняка установила, где они все находятся?

– Скорее всего, да. – Яна кивает, приободряясь. – Итак, закрытая зона, найденная тобою в ратуше – когда ты еще была в

теле Фиоре, – похоже, единственные Т-ворота на всей территории, так?

– Кроме них, есть только ворота ближнего действия, уводящие в отдельные жилые районы. – И снова мурашки бегут по моей спине. Войти в ратушу и выйти оттуда не запалившись оказалось делом чистой удачи. Проведи я там еще минут десять, столкнулась бы нос к носу с настоящим Фиоре. – Они определенно изолировали сектор в ратуше. Я там нашла конференц-зал, где мы все были, когда нас знакомили с проектом. Если я правильно помню, ворота дальнего следования на «Благодарном Преемнике» соединялись напрямую с воротами ближнего следования на капитанском мостике, но сами размещались при этом в тяжелобронированной капсуле вне корпуса корабля на случай бомбардировки. Итак, если предположить, что они не перестроили «Жнеца Науки» в полете, должен остаться способ попасть в нужный нам узел либо из ратуши, либо из собора через дорогу.

– Верно. – Она кивает. – Итак. Если это «Жнец Науки», то до следующей стыковки с космической гаванью у нас порядка двухсот лет. Если предположить, что этого промежутка хватит еще на восемь поколений, а население удваивается с каждым поколением из-за отсутствия контрацепции, в то время как поколение родителей, бабушек и дедушек еще в основном живо… Да, они хотят вывести порядка двадцати тысяч неаутентифицированных людей – разносчиков Короля в Желтом. У Хант предостаточно времени внедрить вирус во все их модемы. Так что после стыковки она сможет наводнить сеть новой популяцией носителей…

– Такому не бывать. – Я улыбаюсь, показывая зубы. – Даже не сомневайся. Они все еще думают, что поймали нас в ловушку, а на самом деле лишили себя последних шансов на то, что мы отступим и оставим их в покое. Отступать-то некуда.

– Думаешь, мы сможем сразиться с ними напрямую? – спрашивает Санни и на время снова превращается в Яну – одинокую, затравленную, напуганную.

– Вот увидишь, – говорю я ей.

* * *

Остаток дня проходит без происшествий. Я прощаюсь с Яной и, как обычно, иду домой. По крайней мере, так это должно выглядеть для любого, кто за мной шпионит. Последние несколько часов я провела в рассеянной задумчивости,

прокручивая в голове непримиримые воспоминания и пытаясь понять, где нахожусь. Ощущения странные. С одной стороны, со мной остался ужас Рив, обнаружившей Майка мертвым, и ее тревога за то, что Яна может быть «ненадежна» и представляет опасность для дружелюбной и открытой доктора Хант. С другой стороны, при мне – есть весь опыт Робина: проникновение тайком в ратушу, блуждание по запретным секторам МОНАрха, прятки с настоящим Фиоре, гнев от встречи с Майком в больнице, горечь из-за состояния Касс; встреча с Яной в библиотеке, ее первоначальная оторопь и медленно растущее убеждение – с моей стороны, – что она была не просто сторонним наблюдателем, а союзником. Протокол идентификации личности и шок от взаимного узнавания.

Яна живет здесь одна почти на полгода дольше, чем я. Она была уверена, что вопрос времени, когда доктор Хант доберется до нее. Ужас, изоляция, страх перед полуночным стуком в дверь – через некоторое время они изматывают. Яна забеременела еще до того, как разгадала эту часть плана. Я удивлена, что она вообще держится.

Система социального рейтинга и протокол эксперимента для нас – очень серьезная препона. Насколько нам известно, половина населения симуляции Юрдона—Фиоре—Хант может оказаться членами той или иной фракции, блуждающими впотьмах из нежелания рисковать и раскрываться. Но если мы не сможем каким-либо образом разрушить хитрую надстройку, созданную врагом, то не сумеем и бросить клич потенциальным союзникам. Принцип «разделяй и властвуй» все еще работает.

Я возвращаюсь домой к сроку, забежав только в хозяйственный магазин. Сэма нет, поэтому я иду прямо в гараж, чтобы посмотреть, что могу сделать. Сейчас не время для взаимных обвинений, но я действительно злюсь на себя. Я собиралась выкинуть уйму всего! Изготовление древнего оружия – по крайней мере, увлекательное занятие! Возможно, это станет моим новым хобби – когда и *если* весь этот ужас закончится.

Тем не менее я думаю, что теперь арбалет мне не понадобится. Меч, который я пыталась закалить, – тоже. У нас с Санни есть незараженный ассемблер с полным военным оснащением. Прошлой ночью мы оставили его готовиться, медленно и кропотливо собирая запас полинитрогексозных блоков. Создание оружия с помощью А-ворот – медленный процесс, и чем выше плотность энергии, тем больше времени он занимает, поэтому мы пошли на компромисс и выбрали химическое оружие. Первая партия пистолетов-пулеметов будет

готова, когда мы завтра приступим к работе. Что приводит к следующему логичному вопросу: куда девалась моя сумка с клеткой Фарадея в этой неразберихе?

Я прыгаю по куче разбросанных стальных прутков и отверток, ругаясь на все лады и хватаясь за уколотую левую ногу, когда некое трудноуловимое изменение в освещении предупреждает меня о том, что дверь гаража открыта.

– Что за…

– Рив?

– Бляха! – воплю я.

– Рив? Что происходит? – спрашивает Сэм.

Я заставляю себя успокоиться.

– Молоток уронила. Прям себе на пальчик на ноге. – Я прыгаю на месте. Боль мало-помалу утихает. – Ох и дурацкий же молоток, чтоб тебе пусто было!

– Молоток. – Сэм делает паузу. – Ты что, напилась?

– Нет пока. – Я прислоняюсь к стене и для пробы ставлю ногу на пол. – Сэм, я просто решила снова все начать с чистого листа. Девочкам тоже нужно хобби. – Я непроницаемо таращусь на него. Он в ответ хмурится:

– Плохой день на работе?

– На работе – всегда плохой день, потому что работа – не волк, в лес не убегает!

– И какое хобби ты себе выбрала? – спрашивает Сэм с кислой миной.

– Металлургию… или что-то в этом духе. Видел тут такую огромную книжищу – «Оруженосец» называлась? Я едва не выбросила ее из-за какой-то блажи… хорошо, что руки не дошли!

У Сэма на лице будто солнце взошло.

– Рив? Это… снова ты?..

– Да, и у меня был *по-настоящему* плохой день на работе. Читала от скуки стихи – веришь ли? Только послушай: «Вчера у лестничных перил встретил того, кто там не был, – сегодня он исчез опять, о, как хочу его прогнать» [24]. Ну не бред? У наших предков явно были нелады с мозгами, раз им такое вставляло. Пошли сообразим чего-нибудь поесть.

Мы оказываемся на кухне.

– Ты снова надумала что-то приготовить? – осторожно спрашивает Сэм. Вспоминая предыдущие дни, я подозреваю, что он был не в восторге от некоторых моих изысканий.

– Давай вместо этого просто закажем пиццу, а? И бутылку вина.

– С чего вдруг? – Он пристально смотрит на меня.

– Неужели каждое предложение о том, чем заняться вечером,

нужно превращать в импровизированный сеанс психотерапии?

Сэм пожимает плечами и отворачивается:

– Я просто спрашиваю.

Тут я хватаю его за руку:

– Не надо так.

Он резко оборачивается, удивленный.

– Как?

– Сэм, я в последнее время сама не своя, но сегодня чувствую себя *намного лучше*. – Я хмуро смотрю на него, стараясь, чтобы слова дошли до него.

– А, ты имеешь в виду…

– Тс-с-с! – Я предостерегающе подношу палец к губам. – У стен есть уши.

Глаза Сэма расширяются, и он отстраняется от меня. Я крепко хватаю его за плечо, затем подхожу вплотную и обвиваю руками. Он пытается оттолкнуться, но я прислоняюсь лицом к его плечу.

– Нам нужно поговорить, – шепчу я.

– О чем? – шепчет он в ответ. Что ж, по крайней мере, перестает вырываться.

– О том, что происходит. – Я кусаю его за мочку уха, и он вздрагивает, будто я сунула ему в зад провод под напряжением.

– Не *делай* так! – шипит он.

– Почему бы и нет? – спрашиваю я, забавляясь. – Боишься, что тебе это понравится?

– Но ведь они… они…

– Я собираюсь заказать еду. А пока давай будем вести себя непринужденно, хорошо? Потом поднимемся наверх. Хочу показать тебе пару трюков. *Чтобы нас никто при этом не подслушал,* – добавляю я шепотом. – Может, хоть улыбнешься?

– Думаешь, не раскусят? – Он опускает руки и крепко обнимает меня за талию. Я вся дрожу – так сильно хотелось, чтобы он это сделал, всю последнюю неделю. Но не будем уж об этом.

– Не-а. Они используют низкоуровневый мониторинг для отслеживания нормального поведения. Приоритетность повышается, только когда мы ведем себя странно. Так что не веди себя странно!

– Ох… – Я поднимаю глаза. Он на мгновение обращает взгляд вниз в изумлении. Целую его. Пахнет по́том и слегка затхлым запахом пыли и бумаг. Через некоторое время он восторженно реагирует, отвечая на мой поцелуй.

– Нормально справляюсь? – шепотом спрашивает он после.

– Даже слишком! Давай сначала поужинаем! – смеюсь и отстраняюсь.

Я заказываю пиццу и пару бутылок вина. Когда Сэм уходит в гостиную, пытаюсь отдышаться. Все происходит слишком быстро, и мне вдруг приходится иметь дело с массой противоречивых эмоций. А ведь я только хотела завербовать для компании еще одного недовольного заключенного. Все дело в том, что у нас с Сэмом – слишком долгая общая история, чтобы между нами что-то шло *просто* – даже несмотря на то, что мы не так много сделали вместе. У нас не было времени, и у Сэма большие проблемы с его телесной дисфорией, да и я, будучи старой Рив, чуть не испортила все из-за пагубного влияния докторши Хант.

О, позднее озарение – штука весьма полезная, не так ли? Однако, когда я думаю об этом, должна сказать – неудовлетворенность и пассивность Сэма в наших отношениях меня постоянно раздражали. Я почти подозреваю, что именно мое очевидное сотрудничество с Хант, Фиоре и Юрдоном вытащило его из этой вопиющей бездеятельности.

Я ощущаю вину, вспоминая, о чем думала в тот момент. *Я могу сдаться…* да, и они превратят мою жизнь в ад, не так ли? Я что, *правда*, хотела передать полный контроль над своей жизнью таким, как наши ренегаты-экспериментаторы? Не думаю, что намеревалась это сделать *явно*, но какая разница? В прошлом я однажды пережила скверный миг малодушия – *добровольного* малодушия, – и от этого чувствую себя будто замаранной. Ведь получается, что это не так и чуждо мне: Хант не перепрошивала меня – просто сдвинула несколько приоритетов на моей ментальной карте. Единственное, что необходимо для торжества зла, – чтобы хорошие люди бездействовали; и Сэм увидел меня как раз такой – пассивной. *Ужас!*

Раздается звонок. Я забираю свой заказ и по пути в гостиную скидываю туфли, бросая их прямо в коридоре.

– Сэм?

Он оборачивается. Он снова устроился на диване, телевизор включен на каком-то спортивном канале.

– Сделай-ка погромче.

Он удивленно смотрит на меня уже в который раз, но делает то, что я прошу, – и я усаживаюсь рядом с ним.

– Вот. Чеснок и тофу с жаренным во фритюре с лимонной цедрой куриным стейком. – Я открываю коробку и достаю ломтик, затем держу его перед его ртом. – Ну, ешь, что ли?

– В чем дело, Рив?

– Хочу тебя накормить. – Наклоняюсь к нему и держу пиццу перед его лицом, вне досягаемости. – Ну, давай. Тебе же хочется, правда?

– Ам. – Сэм подается вперед и откусывает – я хотела

отдернуть руку, но опоздала, так что он набивает полный рот. Я смеюсь, облокачиваюсь об него и обнаруживаю, что и его рука находит место у меня на плечах.

– Ты невыносима, – говорит он жуя.

– Почему – слишком много манипулирую? – гадаю я. – Или просто раздражаю?

– Всё сразу.

– Ну уж нет, не сразу. Попеременно – скорее всего. – Я даю ему откусить еще чуть-чуть, а остаток доедаю сама.

– Всякий раз, когда я думаю, что понимаю тебя, ты нарушаешь собственные правила, – жалуется Сэм. – Дай мне еще…

– Это не моя вина. В конце концов, *здесь* не я правила устанавливаю.

– А кто?

Я выразительно поднимаю глаза к потолку.

– Помнишь нашу беседу в библиотеке? – Когда в прошлый вторник я пришла к Яне на работу, она позвонила тебе и попросила зайти. Ты был очень удивлен, увидев меня в образе Фиоре, и еще больше удивился, когда мы показали тебе подвал и А-ворота. – Помнишь, как я выглядела? – Сэм неуверенно кивает. – Так вот, мы с Яной снова собрали меня воедино. И даже урегулировали кое-какие разногласия между версиями. Теперь я чувствую себя – *собой*. И сдаваться не намерена.

Его рука обнимает мои плечи. Теплая, уютная, настоящая.

– Значит, теперь…

Я делаю глубокий вдох и предлагаю ему еще один кусок пиццы. Хочу просто взять небольшую паузу для себя – но, может, и зря: ест он быстро, не ровен час – в одиночку со всем блюдом управится.

– Значит, мы *оба* решили, что не хотим такой жизни? – спрашиваю я наконец.

Сэм серьезно смотрит на меня.

– Знаешь, наблюдая за тобой в последнюю неделю… – Он качает головой. – Я бы *хотел* иметь возможность так устроиться. – Он снова качает головой, подчеркивая иронию в своем голосе: – А какая есть альтернатива?

– Мы не должны говорить, откуда пришли. – Я беру паузу, чтобы пожевать. – И мы не можем вернуться назад. – Бросаю предупреждающий взгляд в его сторону. – Но мы можем чувствовать себя здесь более комфортно, если изменим наши приоритеты.

Интересно, он поймет меня?

Сэм вздыхает.

– Если бы мы могли это сделать. – Он опускает взгляд на свои колени.

– У меня есть для тебя новый приоритет, – говорю я, и мое сердце бьется быстрее.

– Правда?

– Да. – Я положила коробку с пиццей и прижалась к нему. – Мы можем начать прямо здесь: ты возьмешь меня на руки и понесешь наверх, в ванную.

– В *ванную*?

– Да. – Я снова целую его и вдруг задумываюсь, хороша ли моя идея. – Мы вместе примем душ и заодно поговорим. Не станем же мы ложиться в постель с этим застойным конторским духом на коже, верно?

– Душ… – Односложные фразы Сэма – не самое привлекательное качество: я целую его, заставляя замолчать, дрожа от тревоги за собственные реакции:

– Давай.

* * *

У нас все идет не по плану.

План казался достаточно простым: привлечь Сэма к подрывной работе. А вот как правильно с ним поговорить – уже другой вопрос – с постоянным риском быть подслушанными. Но если замаскировать подозрительные действия под то, чего от тебя ждут, пока в сети находятся только тупые боты-соглядатаи, есть все шансы сделать свои дела не навлекая подозрений. Тупые соглядатаи не годятся для большего, чем мониторинг ключевых слов, а в правящей клике ренегатов не так много людей, чтобы они могли постоянно следить за всем, что мы говорим.

Так что называйте меня наивной, если хотите. Я решила, что в семейной паре, когда один притворяется, что соблазняет другого, а затем тащит его в душ, где много приятного белого шума, затрудняющего аудиослежение, завесы воды, мешающие читать по губам, и есть повод стоять очень близко друг к другу, – лучшего способа избежать слежки не придумать.

Я не учла, что, сто́ит мне встать слишком близко к Сэму, мою кожу покалывает, я чувствую тепло и потребность в интимных местах. И я никогда не предвидела бы, что Сэм, несмотря на то, что ужасно противоречив внутри, все же проявляет половое влечение. В конце концов, он тоже человек, и у всех нас есть определенные потребности, о которых мы давно не заботились.

Сэм делает то, о чем я его прошу, и примерно на полпути

вверх по лестнице я понимаю, что потеряю контроль, если мы это сделаем. Я почти говорю ему остановиться, но по какой-то причине мой рот не хочет открываться. Он опускает меня на ковер в ванной и встает слишком близко.

– Что теперь? – спрашивает он с тихим напряжением в голосе.

– Ну, мы… раздеваемся. – Сама не понимаю, с какого перепугу, но мои пальцы уже возятся с ремнем его брюк. Когда я чувствую, как он начинает расстегивать мою блузку, я вздрагиваю – и не от страха. – Мы же собираемся принять душ?

– Неправильно все это…

– Заткнись.

– Ты забеременеешь.

– Это мы еще посмотрим. – В любом случае, я могу побеспокоиться об этом позже. Я провожу рукой по его спине, чувствуя редкие волоски, растущие вдоль позвоночника, и подхожу еще ближе. – Я этого больше не боюсь.

– Но… – Он расстегивает мою юбку. Его руки у меня на бедрах. – Ладно.

– Давай под струю, сейчас же. – Я едва не стучу зубами от нарастающей волны вожделения, которая грозит размыть то немногое, что осталось от моего самоконтроля.

Мы в душевой кабине, в одном нижнем белье, я делаю максимальный напор и температуру. Его язык на вкус – чеснок, мед и намек на что-то еще очень личное – на вкус, который свойственен только ему. Обхватив друг друга руками, мы стоим под струями, и я чувствую напряжение в его спине. У него встает. Почему на мне все еще что-то надето? Мгновение спустя уже ничего. А еще через мгновение я прижата к стене с подогнутыми коленями – не могу совладать с дыханием, чувствую его внутри себя.

– Ты хотела поговорить… – бормочет он мне в плечо.

Я обхватываю его руками и жадно приникаю к его губам. Я *хочу* поговорить, но сейчас у меня есть более приоритетные задачи.

– Ну, начинаем…

– Да?

– Мы на МОНАрхе. Да!

– Да…

– Наружу ведут всего одни ворота. Шесть гигасекунд до ближайшей гавани. Если мы разорвем связь, враги не смогут выплатить бонусы за рейтинг. Диктатура теряет пряник, за послушание не будет награды. Ну, давай же…

– Мы что, хотим… свергнуть?..

Он бурлит как дикое море. Я потеряна в нем, брошена в

самую пучину. Сначала, когда я была Рив, мысль о беременности приводила меня в ужас. Потом Хант что-то во мне подправила, и страх ушел. А теперь мне просто *все равно*. Это можно пережить, если такова цена за то, чтобы обладать Сэмом прямо сейчас, в эту минуту. Я хочу сосредоточиться, дать ему в общих чертах план… но мы увлекаемся. Сэм двигается во мне уверенно – он, кажется, тоже понял, что дает ему наилучшие ощущения, и тоже потерялся в моем океане. Вдруг мы сможем найти друг друга в волнах и продержаться всю ночь – кто знает?..

– Сэм, я, я хочу, чтобы ты…

– О! – выкрикивает он. Миг спустя – более тихое, скромное «о» на выдохе, и за ним – ощущение распространяющегося тепла, которое заставляет меня прижиматься к нему, пока все не исчезает, покуда я не становлюсь целым необъятным океаном на несколько вечных секунд.

Все идет не по плану, но, как ни странно, хорошо. После первого безумного прилива похоти мы рухнули в душ, затем тщательно намылили друг друга. На этот раз Сэм не вырывается из моих рук, выглядит спокойным и задумчивым. Я целую его, и он отвечает. Через некоторое время мне начинает казаться, что моя кожа вот-вот сойдет слоями. Через пар, клубящийся в ванной, ничегошеньки не разглядеть.

– Давай охолонем и ляжем в постель, – предлагаю я, чувствуя еще один маленький толчок беспокой-ства.

– Хорошо. – Сэм переключает лейку душа в положение, при котором вода не течет, и открывает дверь ванной. Веет холодом. Я содрогаюсь от неожиданности – и он так же нежданно обнимает меня.

– Тебе… нормально? – нерешительно спрашиваю я. – Я ведь тебя не вытащила из… комфортной зоны, или как это сказать?

– С тобой мне хорошо, – отвечает Сэм и целует меня в затылок.

– Но ведь…

– Потому что это ты. Это многое делает проще. И лучше.

Нас больше ничто не разделяет: мы точно знаем, насколько сильно каждый из нас облажался. Мы пережили столько катастрофических недоразумений, что ничего больше не должно нас огорчить или пошатнуть. Сэм боится оказаться в человеческом теле, особенно если оно – мужское и большое? Да. У меня проблема с перспективой беременности, и здесь, в оранжерее, нет противозачаточных средств? Да. Но все это позади. Теперь все будет очень просто.

Мы вытираем друг друга насухо полотенцем, я беру его за руку, и мы вместе идем в спальню, где снова занимаемся

любовью, теперь уже нежно, никуда не торопясь.

На следующее утро я поздно спускаюсь по лестнице, растрепанная и счастливая, и обнаруживаю, что на ковре в прихожей письмо. Это как ведро холодной воды в лицо. Я поднимаю его, несу лист бумаги на кухню и читаю, пока кофеварка булькает и журчит себе под нос.

Кому: *миссис Рив Браун*

От кого: *Организационный комитет эксперимента*

Дорогая миссис Браун!

Прошло четыре месяца с момента вашего прибытия в симуляцию Юрдона—Фиоре—Хант. За это время в нашем маленьком сообществе произошли многочисленные изменения, и вскоре мы начнем вторую фазу эксперимента, в котором вы согласились участвовать.

В связи с этим позвольте пригласить вас на наше первое городское собрание, которое состоится в ратуше в воскресенье утром вместо обычной воскресной службы. На собрании будет рассказано о предстоящих изменениях на втором этапе, а затем состоится служба, которую проведет в соборе лично Его Преосвященство д-р Г. Юрдон.

Желаем всего самого наилучшего.

Это проливает новый свет на ситуацию, не так ли? Я качаю головой и несу пару кофейных кружек наверх, по пути забирая письмо для Сэма, которое выглядит точно так же, как мое.

– Что думаешь об этом? – спрашивает Сэм, прочитав послание.

– Думаю, надо понимать так, как написано, – отвечаю я, разводя руками. – Реальность эксперимента расширяется, добавляются новые лица и новые локации. «Собор», гляди-ка, открывают. Больше не удастся управлять большим городом, как управляешь приходом в две сотни человек, верно? Не все друг друга знают – как минимум. Нужен новый механизм межгрупповых оценок, чтобы люди вели себя прилично.

Щека Сэма подергивается.

– Не нравится мне все это.

– Ну, чего-то прям очень плохого я бы не ждала. – Я закатываю глаза.

– Правда?

Я киваю. Тут меня осеняет мысль.

– Слушай, ты не мог бы выбраться из офиса на обед?

– Куда?

– В библиотеку, около часа дня. Вместе поедим. – Я улыбаюсь ему. – Как тебе идея?

– Хочешь, чтобы я… – Шестерни в его голове худо-бедно крутятся. – Да, я смогу.

– Вот и отлично. – Наклоняюсь поближе и целую его в щеку. – Тогда до скорого.

Я прихожу на работу на пятнадцать минут раньше, сжимая в руках сумку, что само по себе не является чем-то необычным. Библиотека уже открыта. Яна где-то внутри.

– Яна? – Я просунула голову за дверь комнатки для сотрудников.

Ее здесь нет. Вздыхаю, направляюсь в секретный архив и нахожу ее внизу, в подвале, пакующей обоймы, полные пуль, в ящики для документов.

– Помоги мне, – просит она измученным голосом. – Если Фиоре или Юрдон нас тут застукают…

Обоймы имеют не самую удобную форму, и здешние короба для них маловаты, но у меня получается впихнуть штук пять-шесть на одну единицу пространственного хранения. Перед Яной на стуле выстроились полдюжины пистолетов-пулеметов: каждый – в капсуле с синтетическим гелем, пока нераспечатанный.

– Ты получила письмо? – спрашиваю я.

– Да, и Норман – тоже. – Норман – ее муж, я мало о нем знаю. – Они выходят на новые масштабы. Как только утвердят полицейский аппарат и перестанут полагаться на то, что изоляция сделает за них всю работу, у нас появятся проблемы.

– Точно. А где наш швейный клуб? – Это была моя идея, еще когда я была Робином, но Яна поддержала ее, и после моей единственной встречи с ними в образе старой Рив ей теперь придется многое объяснять подругам.

– Я пригласила их на обед. Давай поторапливаться! – Сегодня она сильно нервничает.

– Конечно-конечно. – Я запихиваю последние обоймы в коробки для документов на полках, которые на первый взгляд все еще выглядят как невинные распечатки кода Короля в Желтом. – Я, кстати, пригласила Сэма. Он теперь на нашей стороне.

– Отлично. Так и знала, что вы когда-нибудь поладите. – Яна мимолетно улыбается. – А теперь наверх. Прежде чем начнем свергать власть, нужно открыть библиотеку.

19. Вдаль

В сложившейся ситуации мы не можем тратить время на деликатесы, поэтому Яна заказывает сэндвичи в кейтеринге. Когда собирается кружок дамского рукоделия, он же по совместительству – революционный штаб, мы запираем входную дверь, вешаем табличку «ЗАКРЫТО» и гуськом спускаемся вниз.

– У нас есть всего один день, чтобы все организовать, – объясняет Яна. – Рив, ты не могла бы подытожить ситуацию?

Все головы поворачиваются ко мне. Судя по лицам дам, на мое присутствие здесь не уповали. Я невинно улыбаюсь.

– Данная полития – симуляция, в которой мы все заключены, изначально была спроектирована как военная тюрьма. В этом качестве она работала слишком хорошо. Наши сатрапы – Юрдон, Фиоре и Хант – поняли, что она не просто удерживает людей внутри, но и не дает им проникнуть сюда снаружи. Поэтому ее превратили в оранжерею – своего рода исследовательскую лабораторию, чья развертка производится прямо у нас на глазах.

Яна указывает на полки с коробками и добавляет:

– Они работают над созданием когнитивной диктатуры нового типа, насаждаемой через Короля в Желтом, выращивают популяцию носителей и распространителей вируса. Когда временные рамки, отведенные на эксперимент, подойдут к концу – планируют реинтегрировать нас всех в общество в целом и использовать ваших детей как чумных крыс. – Я вижу, как рука Яны бессознательно ложится на живот. – Вы хотите помогать этим людям в достижении их преступных целей?

По комнате расходится гул, срастающийся в единодушный протест:

– Нет!

– Рада слышать, – сухо говорит Яна. – Теперь возникает вопрос, что делать? Мы с Рив работали над ответом. Кто-нибудь хочет угадать?

Сэм поднимает руку.

– Вы собираетесь взорвать якорную раму ворот дальнего следования, – спокойно говорит он, – изолировав нас на терасекунды от ближайших человеческих гаваней. Затем вы ликвидируете экспериментаторов, предварительно отключив им резервное копирование и стерев все уже имеющиеся их копии, а затем… ну, не знаю, потанцуете на дымящихся обломках?..

Яна улыбается:

– Неплохо! Еще версии есть?

Элли поднимает руку:

– Провести выборы?

Яна выглядит озадаченной.

– Ну, допустим… – Она пожимает плечами. – Я что, что-то не упомянула?

Я прокашливаюсь и беру слово:

– Мы точно знаем, где находятся ворота дальнего следования. Для нас это одновременно и хорошая новость, и плохая.

– Но почему? – недоумевает Хелен. Они начинают вовлекаться, и это хорошо, но может обернуться плохо, если мы с Яной не представим им разумную картину. Они все – неглупые люди и должны знать, что мы бы не привели их в этот подвал, не будь наша ситуация поистине отчаянной.

– Вот почему. Мы находимся на МОНАрхе, который во время Войны Правок каким-то образом лишился экипажа. Есть версия, что Король в Желтом уничтожил всех во время запланированной смены экипажа, или что-нибудь вроде того. В любом случае, полития, в которой мы находимся, на самом деле представляет собой лоскутное одеяло из секторов, соединенных переходными воротами ближнего следования, размещенными в дорожных тоннелях. Но все они находятся в одном физическом коллекторе на борту одного корабля, а не разбросаны по отдельным жилым зонам. Вот почему его удалось превратить в тюрьму. МОНАрх – корабль такого типа, что на нем размещены только одни ворота дальнего следования, и они спрятаны в одном конце бронированной капсулы, вынесенной за пределы корпуса, а на другом конце прохода – шлюз ближнего следования. Такова стандартная схема безопасности на МОНАрхах. Поэтому первая наша цель – захват и удержание этих «ближних» ворот, ведущих в капсулу с воротами «дальними». Затем нам придется уничтожить эту выносную капсулу. Так мы прервем связь между нами и их операционной базой в клинике хирургов-храмовников. Юрдону и Фиоре сошло с рук управление данной когнитивной диктатурой без сопротивления, потому что они убедили подавляющее большинство в том, что нас ждет расплата, если мы не будем подыгрывать. Хант подбрасывает им козыри – и вот уже о расплате беспокоиться не нужно: пройдет какое-то время, и всех, кто не хочет оставаться в рамках, можно приспособить к условиям медицинским путем. Но как только мы будем отрезаны от внешнего мира, наши диктаторы лишатся поддержки и социальных рычагов и наступит честная борьба. Но если мы не добьёмся успеха, они могут просто заблокировать переходы между секторами и последовательно нас зачистить – по одному сектору зараз.

Я делаю паузу, чтобы облизать губы.

– Я провела некоторое время на МОНАрхе до войны. Проход к капсуле ворот спрятан на капитанском мостике – то есть в… э… административной зоне, которая здесь соответствовала бы собору или ратуше в этом новом районе, который строит Юрдон. На прошлой неделе я немного повозилась и выяснила, где он живет. У него есть квартира на верхнем этаже ратуши с вооруженной до зубов охраной. Я не попала туда, но осмотрела нижние этажи. Оказалось, что эта ратуша очень похожа на каюту капитана МОНАрха, где я была. Тогда ворота, ведущие к капсуле, должны быть на верхнем этаже, в защищенной комнате рядом с его квартирой.

Слово вновь берет Яна.

– Ну, тут все понятно, ребята. Давайте дальше говорить по-простому. У всех нас есть приглашения на послезавтрашнюю ратушную церемонию. Предлагаю явиться в обязательном порядке. У меня здесь есть мастерская, – она кивает на ассемблер, – по выпуску экранированных сеткой Фарадея дамских сумочек. Рив?

Я подхватываю речь:

– План такой – берем с собой оружие, спрятанное в экранированной сумке, и достаем его, как только Юрдон выходит на публику. Задача Зеленой команды – обезопасить зал, подавить любую вооруженную поддержку плохих парней и зачистить как можно больше резервных копий Юрдона, Фиоре и Хант – столько, сколько найдем. Да, у них непременно будут резервные копии, возможно – мультиплеерные боты в режиме реального времени… но, если мы все сделаем быстро, сумеем помешать инстанциям в ратуше призвать помощь извне. Тем временем Желтая команда поднимется в комнату епископа, она же – капитанская каюта, и взорвет капсулу с воротами дальнего следования. Есть вопросы?

Руки тут же вздымаются вверх.

– Хорошо, вот что мы сделаем. Элли, Вероника, Хелен, Присс, Моргана, Джилл – вы все в Зеленой команде с Яной, она – ваш главарь. Сэм, Грег, Мартин, Лиз – вы в Желтой команде и подчиняетесь мне. Желтая команда – оставайтесь здесь, я введу вас в курс дела. Зеленая – доедаем обед и возвращаемся на работу, не навлекая подозрений. Приходите по одиночке в библиотеку сегодня днем или завтра – Яна встретит вас, обеспечит всем необходимым и проинструктирует.

Гул снова летает по рядам.

– Есть еще кое-что, – говорит вдруг Яна. – Оперативная безопасность для нас имеет первостепенное значение. Если кто-нибудь проболтается, мы все… нет, не умрем. Хуже. У доктора Хант в больнице работает полнофункциональная клиника

мозгоскручивания. Если вы подадите хоть один знак за пределами подвала, что вовлечены в этот план, они закроют доступ к воротам, изолируют нас и наводнят политию зомби, которые нас рано или поздно захватят – на всех ни пуль, ни ножей не хватит. Затем нас немножко переделают и превратят в абсолютно счастливых, *улыбчивых рабов.* Кто-то из вас может решить, что это лучше, чем умереть, – хорошо, это ваш личный выбор. Но если я узнаю, что кто-то из вас попытается навязать такой выбор мне и настучать Юрдону – тогда вы узнаете, что мой личный выбор вполне допускает вашу ликвидацию. Если кто-то не хочет участвовать, пусть скажет *прямо сейчас* или побудет наверху и скажет мне, когда все уйдут. У нас есть А-ворота – мы можем просто заморозить вас и продержать в стазисе всю операцию. Нет причин участвовать в этом, если вы напуганы. Но если прямого и четкого отказа не последует и вы примете мое командование, я буду ожидать полного повиновения под страхом смерти, пока мы не захватим МОНАрх.

Яна оглядывает всех: выражение ее лица сурово. На мгновение Санни возвращается, просвечивая сквозь ее кожу, как яркая лампа сквозь камуфляжную сетку, пугающая и дикая.

– Вы всё поняли?

Со всех концов комнаты раздается хор «да».

Затем одна из беременных женщин в заднем ряду произносит:

– Так чего мы ждем? Погнали, народ!

* * *

Время несется галопом, приближая напряженный момент.

У нас обнаружились проблемы с логистикой. Наличие А-ворот в подвале библиотеки – замечательно, они незаменимы для того, что мы пытаемся устроить, но есть ограничения на их результативность. Нет редких изотопов – просто так *взорвать* капсулу не удастся. Нет шаблонов для проектирования танков, боевых дронов или чего-то большего по размеру, чем личный огнестрел. Т-ворота также нельзя собрать посредством А-ворот, поэтому нам придется работать без технологии червоточин – что отметает те же ворпальные мечи. Если бы у нас было время или иммунитет от наблюдения, мы могли бы обойти ограничения, но Яна говорит, что максимальный поток сырья – сто килограммов в час. Я подозреваю, что Фиоре, или кто бы там ни решил установить эту штуку в подвале библиотеки, специально ввел ограничения, чтобы в случае чего помешать кому-то вроде меня

превратить ассемблер в орудие вторжения. Операционная безопасность врага нестабильна, как и во многих других перегруженных и недоукомплектованных проектах, но она далека от несуществующей.

В конце концов Яна говорит мне:

– Я собираюсь оставить ассемблер включенным на ночь – пусть собирает кирпич из пластифицированного гексогена вместе с детонаторами и несколькими дополнительными патронами для пистолета. Мы можем набрать около десяти килограммов за шестичасовую смену. Такое количество взрывчатого вещества, вероятно, укладывается в энергозатраты, которые мы можем себе позволить, не рискуя активировать какую-нибудь сигнализацию. Как думаешь, реально справиться с рамой ворот дальнего следования с таким количеством?

– Десять килограммов? – Я качаю головой. – Это просто смех.

Она пожимает плечами.

– Хочешь рискнуть и развернуть против Юрдона промышленную революцию – что ж, милости прошу.

Она права. Очень велика вероятность того, что враги заложили трояны в некоторые шаблоны для проектирования более продвинутого оружия – все, что сложнее пистолетов и химической взрывчатки, будет иметь блокировки и сенсорные системы, проскакивающие мимо наших проверок. Пистолеты-пулеметы, которые сделала Яна, – примитивные штуки с механическими спусковыми крючками, и целиться из них нужно на глаз, без возможности толкового наведения на цель. У них даже нет биометрических блокировок – кто угодно может отобрать пистолет у хозяина и из него же застрелить. Да, они убойнее арбалета, который я мастерила в гараже, но технически мы все равно жутко отстаем. С другой стороны – отсутствие электронной начинки делает их неотслеживаемыми и, что еще более удачно, невзламываемыми.

– Ты проверила патроны? – спрашиваю я. – Так, на всякий случай?

Яна кивает:

– Все работает. Не бойся.

– Ну, по крайней мере, хоть *что-то* работает. – Я была бы рада, будь у нас шансы присовокупить к арсеналу парочку парализаторов, но, поскольку я больше не выдаю себя за Фиоре, это довольно сложно организовать.

– Что ж, теперь либо пан, либо пропал, – замечает Яна.

Я глубоко выдыхаю и говорю:

– А когда было иначе?

– Раньше у нас было много шансов, забыла? – Ее плечи еле

заметно подрагивают. – Те же бэкапы. А теперь если выход последний, то он последний. Не ожидала, что тут все так обернется.

– Я тоже. – Я заканчиваю собирать сумку и выпрямляюсь. – Как думаешь, кто-нибудь расколется?

– Надеюсь, что нет. – Она глядит на стену, фокусируясь на каком-то образе в своей голове. – Надеюсь… – Ее рука снова тянется к животу. – Есть причина, по которой я набрала в отряд беременных женщин. Такое состояние сильно влияет на мировоззрение. Я многое открыла благодаря ему. – Ее глаза блестят. – Когда кто-то угрожает закабалить тебя на веки вечные и сделать так, что ты больше никогда не будешь собой, – ты пугаешься, злишься и стоишь только сам за себя, ограниченный собственными силами. Если проиграешь – это твой, единоличный проигрыш, только за него ты в ответе. Но когда кто-то рассчитал заранее, что какая-то часть тебя – новая личность, еще не рожденная, – сыграет ему на руку в каких-то грязных делах… когда ты и человек внутри тебя лишь циферки в чьем-то холодном расчетливом плане… – это бесит серьезнее. Ты воюешь с совершенно другой силой и стоишь не только за себя, а за что-то… большее. Понимаешь?

– Конечно. – Яна – нет, а *Санни* – остра как нож. Она знает, как быть, когда дело доходит до организации секретной подрывной ячейки… и все-таки она – нож с хрупким лезвием. – Могу я задать тебе один вопрос, Санни?

– Конечно. – Ее тон расслаблен, но мне видны мелкие признаки напряжения и морщинки вокруг ее глаз. Она знает, почему я обратилась к ней по настоящему имени.

– Что мы будем делать, когда все закончится? – Я с трудом подбираю нужные слова. – Мы собираемся добровольно запереть себя в этой плохонькой симуляции… фактически станем кораблем поколений – не выберемся отсюда как минимум десять гигасекунд, а это очень долго, если только в какой-то момент не врубить режим гибернации… Я думала, ты захочешь сбежать, выпутаться, предупредить всех во внешнем мире. Дать отпор Фиоре, Хант и Юрдону, привлекая силы извне. Но вместо этого мы замуровываем себя заживо у ворот в большой мир. Чем будем заниматься потом, когда замуруемся-таки?

Санни смотрит на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

– Я хочу уйти на покой. – Она нервно оглядывает подвал. – От этого места у меня мурашки по коже – пойдем-ка домой… Послушай, Рив-Робин, здесь наше место. В этой больнице преображения, в оранжерее. Сюда отправляют тех, кто повредился

умом на войне. Тех, кто нуждался в переделке, реабилитации. Юрдон, Хант и Фиоре принадлежат этому месту, оно им как раз… Но не думала ли ты, что, вероятно, точно так же и мы принадлежим ему? – Она выглядит затравленной.

Я раздумываю над ее вопросом с минуту и наконец говорю:

– Нет, не думала. – И заставляю себя добавить: – Хотя мне могло бы понравиться здесь, если бы *они* не заправляли тут всем.

– Именно для этого оранжерея и была создана. Дом отдыха. Бальзам на израненную душу. Ступай домой, к Сэму. – Яна поднимается по лестнице, не глядя на меня. – Подумай о том, что ты сделала, или о том, что сделал он. У меня на руках кровь, и я это понимаю. – Она уже преодолела полпути вверх, и мне приходится поторапливаться, чтобы от нее не отстать. – Ты не думаешь, что мир снаружи должен быть защищен от людей вроде нас?

На лестничной площадке я думаю, что ответить ей.

– Ну да, возможно, ты права. Мы творили ужасные дела. Но шла война, иначе было нельзя.

Яна глубоко вздыхает:

– Мне бы твою уверенность.

Я хлопаю глазами. *Мою* уверенность? Пока я не встретила ее здесь перепуганной и одинокой, всегда считала именно *Санни* чересчур уверенной в себе. Но теперь, когда все остальные заговорщики ушли, она выглядит растерянной и слегка потерянной.

– Я не могу позволить себе сомнения, – признаюсь я. – Если начну сомневаться, скорее всего, просто сломаюсь.

Санни лучезарно улыбается – будто медовые лучи раннего солнца ползут по серому выщербленному военному плацу.

– Держись, Робин. Я рассчитываю на тебя. Ты – вся армия, в которой я нуждаюсь.

– Хорошо, – говорю я, и потом мы идем каждая своей дорогой.

Я иду домой пешком, моя сумка с сетчатой подкладкой перекинута через одно плечо. Сегодня – не тот день, чтобы ехать на такси, особенно сейчас, когда есть риск столкнуться с Айком. Все вокруг почему-то кажется особенно ярким: трава зеленее, небо голубее, аромат цветочных клумб возле муниципальных зданий ошеломляюще сладкий и странный. Моя кожа словно напиталась мощным электростатическим зарядом, волосяные луковицы встали дыбом. Я *живу*, понимаю вдруг я. Завтра к этому времени я могу быть мертва, стерта навсегда, потому что, если мы потерпим неудачу, за экспериментаторами останутся Т-ворота – и они без колебаний удалят все наши копии, записанные

в базу данных МОНАрха. Я могу стать частью истории, сухой как пыль или прах, объектом изучения – если когда-нибудь вдруг уродится новое поколение историков.

И даже если мне каким-то образом повезет выжить, я останусь здесь пленницей еще на три жизни. Без поблажек со стороны инфантильной, развращенной комфортом цивилизации, оставшейся снаружи.

У меня смешанные эмоции. Участвуя в боях раньше, я, насколько помню, смерти не боялась. Но тогда я была не женщиной – и даже не человеком. Я была гордостью танковой дивизии – иной раз даже *само́й* танковой дивизией. Могла умереть лишь в том случае, если сторона, за которую воевала, проиграла бы полностью, окончательно, на всех фронтах.

Но теперь у меня есть Сэм. Мысль о том, что он в опасности, заставляет меня содрогаться. Мысль о том, что мы оба окажемся во власти кабалы Юрдона, Фиоре и Хант, заставляет испытывать беспокойство иного рода. Однажды Рив подумала, что в этом нет ничего плохого – *сдаться, лишь бы все было хорошо*. Эхо ее личного выбора до сих пор звучит и преследует меня. Я отвергла ее, не так ли? Но она – все еще часть меня. Неотъемлемая и неизбежная. Я никогда не смогу убежать от осознания того, что сдалась.

И Санни сдалась, как я теперь понимаю. Но не перед экспериментаторами, а перед концом войны. Ей надоело воевать – она хочет остепениться, завести семью и стать библиотекаршей в маленьком городке. Теперь Яна – настоящая Санни, настолько реальная, насколько возможно. Сама суть оранжереи, может, и была извращена наложившими на нее лапу ренегатами, но психологическая алхимия никуда не делась. Возможно, об этом говорила Санни. Мы – не те, кем или чем были раньше, пусть даже наша история при этом – единый неразрывный гобелен. Пытаюсь представить, кем я должна была казаться всем тем гражданским на борту хабов, завоеванных и очищенных в ходе войны, – и вижу пустоту, ничто. Наверняка я наводила на них ужас, но за броней и оружием я была… просто *собой*, не так ли? *Но откуда им было знать?*

Неважно. Теперь все кончено. Я должна жить с этим, равно как и с чувством долга. В то время мои действия были (или казались, что, по сути, одно и то же) необходимы. Если я не хотела отдавать память человечества на откуп распоясавшемуся программному обеспечению или, что еще хуже, недобросовестным оппортунистам, стоящим за ним, – мне приходилось бороться. А когда принимаешь решение бороться, заочно соглашаешься жить с его последствиями. В этом разница

между нами и Юрдоном, Фиоре, Хант. Да, мы готовы терзаться сомнениями всю жизнь, а они сражаются лишь за то, чтобы война никогда не останавливалась – тогда не придется терзаться *ничем*. Никакой другой причины тут быть не может.

Плохие это мысли, страшные и ненужные – но они не оставляют меня в покое, поэтому я иду и сражаюсь с ними, размахивая сумочкой и насвистывая веселую мелодию. И в то же время пытаюсь посмотреть на себя со стороны. *А вот молодая библиотекарша – женщина в летнем платье и с сумочкой в руке, насвистывающая по дороге с работы домой. Но что у этой пасторальной картинки на обороте? Бывший солдат, мучимый кошмарами, сжимая кейс с автоматом, крадется в свое убежище, чтобы отдохнуть в последний раз перед…*

Так, хватит. Кончай.

Во-о-от, так-то лучше.

Я прихожу домой и прячу сумку на кухне. В гостиной включен телевизор, поэтому я снимаю обувь и иду прямо туда.

– Сэм?

Он, как обычно, сидит на диване перед мерцающим экраном. В руке – банка пива. Его взгляд упирается в меня, когда я вхожу.

– Сэм.

Сажусь рядом с диваном. Через некоторое время замечаю, что он вообще не смотрит телевизор. Его глаза обращены на внутренний дворик за стеклянной дверью. Он дышит медленно, ровно, его грудь ритмично поднимается и опускается.

– Сэм…

Он долго изучает меня глазами, прежде чем робко и еле заметно улыбнуться.

– Что, было много работы?

– Да, очень.

– Что-то я… так соскучилась по тебе.

– Я тоже по тебе скучал. – Его рука касается моей щеки, идет вверх и убирает со лба непослушные волосы.

В такие моменты я ненавижу быть человеком без единой аугментации – лишь комком мыслящего желе, запертым в костяном панцире, в бесконечной разделенности со своими возлюбленными, вынужденным протискивать каждый смысл через речевой канал с низкой пропускной способностью. Все люди – острова, окруженные бездонными океанами бессмысленной тьмы. Будь я хотя бы наполовину тем прежним существом, будь у меня хотя бы часть ресурсов – по одному желанию Сэма, по желанию *Кей*, я смогла бы проникнуть в его существо (равно как и он – в мое) гораздо глубже, чем доступно неловкому и неказистому примату. В осознании того, что мы потеряли, что у нас *могло бы*

быть вместе, есть особая острота, только заставляющая меня желать его еще сильнее.

Я осторожно придвигаюсь ближе, прижимаюсь к его талии.

– Где ты был так долго?

– Убегал. – Он наконец поворачивает голову и смотрит на меня краешком глаз. – От себя, в первую очередь.

– Я тоже. Но почему тебе так трудно сейчас быть тем… кем ты стал?

– Слишком похоже на… – Он сглатывает. – На то, кем *они* хотели меня видеть.

Я не спрашиваю, кто такие «они», – все и так понятно.

– Ты хочешь сбежать отсюда? Покинуть этот корабль?

Сэм долго молчит.

– Нет, не думаю, – говорит он в конце концов. – Потому что мне пришлось бы снова стать тем, кем я не хочу быть, если это имеет для тебя смысл. Кей была маскировкой, Рив, маской. Секс-куклой, эрзац-женщиной. Ни разу не настоящим человеком.

Я обнимаю его крепче.

– И тем не менее ты захотел побыть ею какое-то время.

– Ну… да. – Он приподнимает бровь. – Откуда ты знаешь?

– Слушай, как ты думаешь, почему *я* здесь?

Сэм делает грустное лицо.

– Твоя взяла. Значит, ты хочешь убраться отсюда?

Мы не говорим о том, остаться или уйти – это понятно. Но что он на самом деле имеет в виду…

– Я думала, что хочу, – признаюсь я, перебирая пуговицы на передке его рубашки. – Потом доктор Хант поправила мне мозги, и я поняла, что на *самом деле* мне нужно где-то лечиться и быть собой. В общине. В мире. – Я запускаю руку ему под рубашку, и его дыхание приобретает хрипловатый оттенок, который заставляет меня сжать бедра. – В любви. – Я делаю паузу. – Не обязательно так, как это видит Хант, заметь.

Одна его рука гладит меня по волосам, а другая…

– Не останавливайся.

– Я боюсь, Рив.

– Не ты один. – Я дышу глубоко. – Нас двое. Нас. Ох.

– Я люблю…

– …тебя.

Мы продолжаем наш разговор без слов, используя язык, который не интерпретирует ни один нечеловеческий искусственный интеллект-наблюдатель – язык прикосновений и ласк, столь же древний, сколь и человеческий вид. То, что мы говорим друг другу, очень просто. *Не бойся, я люблю тебя.* Мы говорим это настойчиво и решительно; тела заходятся в криках

немого одобрения. И во мраке ночи, когда мы тянемся друг к другу, я осмеливаюсь признаться себе, что в конце концов все может обернуться к лучшему.

Мы не обречены на неудачу.

Так ведь?..

* * *

Мы завтракаем в нездоровой тишине. За кофе с тостами я откашливаюсь и начинаю тщательно спланированную речь:

– Сэм, мне нужно в библиотеку возле церкви. Я оставила там свои перчатки.

– Серьезно? – Он поднимает глаза. Морщины тревоги прорезали его лоб.

Я энергично киваю.

– Без них я не могу ходить в церковь, это неприлично. – *Приличие* – одно из ключевых слов, за которыми чутко следят наблюдатели. Вообще отсутствие перчаток не является нарушением дресс-кода – это лишь удобный повод.

– Хорошо, думаю, я пойду с тобой, – говорит он с видом осужденного, которого вот-вот выбросят без скафандра в космос. – Пора собираться, да?

– Да, я приготовлю сумочку, – говорю я.

– А я надену новый жилет. Он наверху. – На секунду мне кажется, что он собирается сказать что-то еще, что-то компрометирующее, но ему удается вовремя сдержаться. Мой желудок тошнотворно вздрагивает.

– Береги себя, дорогой.

– Да что со мной будет? – говорит Сэм с заученной иронией, встает и направляется к лестнице в нашу спальню. (*Наша* спальня. Больше никаких одиноких ночей.) Мое сердце будто замирает. Я убираю мусор, ставлю тарелки в посудомоечную машину, обуваюсь.

Когда Сэм спускается вниз, он одет для церкви. Под пиджаком – несколько (если не сказать совсем) неуместная жилетка со множеством кармашков, но, надеюсь, она ни у кого не вызовет паники – многие одеваются наугад. В руке у Сэма – портфель, который мы собрали еще вчера.

– Ну, пошли, что ли, – говорит он, невесело усмехаясь.

– Да, – говорю я, сверяюсь с часами и подхватываю свою огромную, плотно набитую сумку. – Пойдем.

Мы приезжаем в библиотеку около десяти часов, и я открываю нам двери. Спуск в подвал уже открыт. Я достаю сумку

и спускаюсь по ступенькам – осознавая, что, если кто-то из наших оказался предателем, плохие парни поджидают внизу. Но там только Яна.

– Привет, Яна, – говорю я немного нервно.

– Привет-привет. – Она опускает пистолет. – Не бойся, это так, на всякий случай.

– Понимаю. Сэм? Давай к нам. – Я снова поворачиваюсь к Яне. – Все еще жду Грега, Мартина и Лиз.

– Хорошо. – Яна указывает на груду сероватых брикетов, сложенных на одном из стульев. – Сэм? Думаю, будет лучше, если ты их понесешь.

– Конечно. – Сэм подходит и берет кирпич. Сжимает его в руке на пробу, нюхает. – Хм, пахнет успехом. А где взрыватели?

– На диване.

Я замечаю стопку запасных обойм и беру пару. Проверяю, правильно ли они внутри укомплектованы.

– А часовые механизмы?.. – спрашиваю я.

– На подходе. – Яна машет на А-ворота. – Нужно синхронизировать наши часы.

– Хорошо. – На самом деле, не очень-то хорошо без радио и наушников, но они – последние в нашем производственном списке, так как легко могут вызвать подозрения. Их также легче саботировать, чем механические устройства из стальных деталей и химические взрывчатые вещества, и они с гораздо большей вероятностью вызовут тревогу в А-воротах, чем антикварные модели оружия. Если рации не будут работать, наша миссия положится на самые примитивные средства – механические наручные часы и заранее оговоренное время атаки.

Сэм засовывает взрывные стержни в карманы своего жилета, утрамбовывает их там, пока не поместятся. Карманы выпирают вокруг талии, будто он внезапно располнел, и теперь он не может застегнуть пиджак. То, что он сейчас делает, напоминает мне о чем-то, с чем я была хорошо знакома, о чем-то тревожном, но я не могу вспомнить, о чем именно. Покачав головой, я поднимаюсь наверх и жду за стойкой администратора.

Через несколько минут появляются Мартин и Лиз, которых я тут же отправляю в подвал. Я начинаю беспокоиться, где Грег, потому что у нас мало времени. Сейчас 10:42, собрание начнется примерно через килосекунду.

– Почему ты так поздно? – приветствую я его, когда он наконец показывается.

– Мне тяжело, – признается он. Думаю, он выпил. – Не мог нормально заснуть. Давай покончим с этим, а?

– Давай. – Я показываю на подвал. – Все наши внизу.

Без десяти минут час «икс» вновь появляется, восходя снизу, Яна.

– Так, я пошла начинать представление в зале, – говорит она мне, расплывшись в улыбке феи. – Удачи.

– Тебе тоже.

Она наклоняется вперед, и я быстро обнимаю ее. Вот она уходит – по проторенной дорожке от библиотеки в сторону ратуши.

– А где Сэм? – спрашиваю я.

– У него остались какие-то мелкие дела внизу, – говорит Лиз с легким презрением. – А по мне, просто нервы сдали.

Мгновение спустя он поднимается по лестнице.

– Пойдем, Сэм, хочешь пропустить шоу? – понукаю я его. – Пора выдвигаться!

* * *

Фрагменты памяти сходятся в одной точке времени…

…Пять человек – трое мужчин и две женщины – идут по главной улице к ратуше. Все – в «церковных» нарядах с небольшими допусками: жилетка Сэма, мои туфли, сумка у Мартина. Малозаметные гарнитуры телесного цвета, гудящие у каждого в левом ухе. У всех довольно-таки деловой вид.

Сливаемся с толпой людей, а когда они направятся к проходу в аудиторию – забирайте влево, к двери с надписью «ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД». Встречаемся на другой стороне.

Дрожь охотника, видящего цель, охватывает нас. Мы напряжены до предела – дико стучащие сердца, натянутые нервы. На пальцах чувствуется тонкий запах минерального масла. Бдительность выкручена на максимум.

Когорты и приходы простых граждан-сокамерников собираются на ступенях и в открытом приемном зале самого большого здания на главной улице. Некоторых я узнаю, большинство – незнакомцы.

Джен выходит из толпы и, улыбаясь, идет прямо ко мне. Я вся подбираюсь внутри.

– Рив! Разве не чудесно?..

– Ага, еще как, – говорю я слишком ледяным тоном; она смотрит на меня и неприятно щурится.

– Ну, извини, что спросила, – говорит она и поворачивается на пятках, желая уйти, потом останавливается. – А я думала, ты будешь рада…

– Я рада. – Я стараюсь придать себе непоколебимый вид. –

А ты?

– Ха-ха. – С презрительной усмешкой она уходит, вцепившись в руку своего Криса.

Меня прошибает холодный пот – в основном от облегчения, – и я направляюсь к знаку «ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД», который удобно расположен рядом с комнатами отдыха. Останавливаюсь на секунду, чтобы оглядеться и проверить часы («икс» минус три минуты), затем прислоняюсь к аварийной перекладине. Дверь со скрежетом открывается, и я выхожу на бетонную лестницу.

Клик.

Я оглядываюсь. Лиз опускает пистолет. *Сегодня я слишком медлительная,* приходит в голову безрадостная мысль. Я выключаю гарнитуру.

– Две минуты, – говорю, отступая в угол напротив ее ниши. Она кивает. Лезу в сумку, достаю пистолет, распихиваю запасные магазины по карманам. Снимаю древнюю пушку с предохранителя. Что ж, я в игре.

Одна минута. Появляются разом Сэм, Грег и Мартин – последний выглядит слегка взволнованным. Вновь включаю гарнитуру.

Следуйте за мной.

Пару недель назад, облачившись в украденную плоть Фиоре, я исследовала это здание – крайне осторожно, стараясь быть уверенной, что в это время Юрдон занят в другом месте. На первом этаже находится вестибюль и большой зрительный зал, а также несколько помещений, которые на карте здания названы «залами суда». Второй этаж – проходим без остановки – это офисные помещения. Третий этаж… я провела там немного времени.

Мы доходим до двери и останавливаемся.

– Ноль, – говорю я, отслеживая движение стрелки своих часов.

Через секунду в моей гарнитуре раздается звонок. *«Вперед»,* – говорит Яна.

– Вперед!

Грег быстро открывает дверь, Мартин и Лиз проскакивают в нее, затем объявляют, что коридор с голым полом свободен. Я веду нас по нему, потом – еще одна дверь, и Грег задвигает засов выхода с нашей стороны. Короткий, узкий проход. *Юрдон, должно быть, уже ушел, не так ли?* Я бросаюсь вперед и оказываюсь в скучной будничной гостиной, обставленной по моде темных веков, – лишь гладкая белая выпуклость А-ворот в одном из углов выбивается.

– Сюда, – говорю я. – Располагайтесь.

Мы – не эксперты по обыску помещений. Несомненно, если бы нас ждало вооруженное сопротивление, мы стали бы легкой добычей. Но апартаменты пусты. Здесь три спальни, гостиная и кабинет – в нем стол, древний компьютерный терминал, книги, кухня, ванная и еще одна комната, заваленная коробками. Здесь *пусто*. Ни людей, ни анахронизмов вроде ворот дальнего следования.

– Что теперь? – спрашивает Сэм.

– Проверим вход. – Я подхожу к входной двери квартиры, затем Грег протискивается вперед меня и отпирает ее. Он заходит, я иду следом, чтобы оценить обстановку, и тут пол под ногами подпрыгивает, сотрясающий толчок опрокидывает на колени. Это не назвать ни шумом, ни ударом – скорее *импульс*.

«Паника один», – говорит мне на ухо Яна заранее согласованный код для команды «зеленых». *Сработала бомба,* головокружительно думаю я.

Позади меня раздается щелчок, затем крик боли. Я оборачиваюсь, и это спасает мне жизнь, потому что короткая очередь пуль проносится мимо меня и попадает в Лиз. Пули впиваются в ее тело, заставляя выплясывать странный танец. В незавершенном развороте я припадаю на одно колено и стреляю непрерывной очередью, которая опустошает магазин и почти вывихивает мне запястья.

«…», – говорит Яна в мое звенящее ухо.

– Повтори! – Я смотрю на Грега. На то, что раньше было Грегом. Кто-то позади меня издает ужасные звуки. Думаю, это Лиз. – У нас красный код, двое раненых…

«Я говорю – паника два, – повторяет Яна. – У них с собой ворпаль…»

Розовый шум забивает мне уши, и ее голос прерывается: когнитивные радиостанции встречаются с эвристическими помехами.

– Пошли! – кричу я Сэму, который наклоняется к Лиз. – За мной!

Мы находимся на верхней площадке лестницы. Квартира Юрдона занимает одну сторону здания, с другой – есть дверь. Я бросаюсь к ней, перезаряжая на ходу пистолет. *Грег пытался убить меня, поняла я. Значит, он предупредил их. Значит…*

Я останавливаюсь по одну сторону двери и машу Сэму занять другую.

Приподнимаюсь и опорожняю всю обойму в нее на уровне пояса.

Пока у меня звенит в ушах, и я вставляю на место следующий магазин, Сэм выбивает дверь и быстро стреляет в голову полицейскому-зомби, привалившемуся к стене коридора. Тот все еще шевелился, рука ползла к лежащему на полу дробовику; два тела за ним даже не дернулись. Видя, как эффективно Сэм действует, я на мгновение прозреваю по части того, кем он был. Кем-то, незнакомым с самим понятием «колебаться». Позади нас Лиз все еще стонет, да и Мартину, похоже, крышка.

– Что это за место? – спрашиваю я вслух.

– Офисы. – Сэм пинком открывает дверь и, пригнувшись, проходит через нее. – Современные офисы. – Я иду за ним. Следующая дверь более основательная и выходит на застекленный балкон, под которым – довольно большое просторное помещение. И если с одной его стороны – какой-то офисный агрегат, с другой – выстроились в ряд стеклянные двери…

– Это то, о чем я думаю?

Бинго.

– Ворота, – говорю я. – Центр управления. Как мы туда попадем?..

«Привет, Рив, – в наушниках раздается голос, который режет мне слух. – *Вы туда не попадете. И ты это прекрасно знаешь».*

Как Фиоре раздобыл радио? Получил от Грега? Отобрал у кого-то из Зеленой команды?

Сэм выглядит так, будто кто-то ударил его топором по голове – у него буквально отвисла челюсть. Я слишком поздно замечаю, что он все слышит в наушниках и может отвечать в микрофон.

«Ты облажалась, Рив, – пылко сообщает Фиоре. Я слышу шумы на заднем плане. – Мы знаем о заговоре. Возле центра управления – большой контингент охраны. И если ты сможешь пройти мимо всех этих людей и добраться до капсулы с воротами дальнего действия, то умрешь. Она защищена лазерным забором, который активирован. Ты сильно меня разочаровала, но мы все еще можем договориться о чем-то, как только ты положишь свои игрушечные пистолеты и сдашься».

Я подношу указательный палец к губам и жду, пока Сэм кивнет, показывая, что понял. Мгновение спустя направляюсь к двери на лестничную клетку, ведущую вниз, к центру управления с воротами ближнего действия. Я не хочу, чтобы Сэм видел, насколько я несчастна.

– Ни хрена ты не знаешь, Фиоре, – небрежно отвечаю я.

«Неправда, – самодовольно отвечает он. – Смерть Грега делает дальнейшую игру в прятки ненужной. „Облажалась“ – это

я еще мягко сказал. Ты не сможешь…»

Я выдергиваю гарнитуру из уха и выбрасываю ее, хмурясь и требуя от Сэма сделать то же самое. Он подчиняется и смотрит на девайс. Собирается выбросить его, когда раздается двойной хлопок – Сэм сгибается пополам от боли и кашляет, тонкая струйка крови хлещет из остатков указательного и большого пальца его левой руки.

– Сэм! – кричу я ему. Он сжимает поврежденную руку, задыхаясь. – Сэм! У нас всего несколько секунд! Фиоре не может нас остановить, иначе он уже был бы здесь! Санни прижала его к ногтю! Нужно взорвать капсулу, пока он не удрал! Дай мне свою куртку!

– Нет выбора… – Он делает дрожащий вдох и качает головой. – Ох, Рив.

Я кладу пистолет у ног и обнимаю его за плечи.

– Что такое, сладенький?

Этот момент несвоевременной нежности ужасен, потому что я вижу сильнейшую боль в его глазах.

– Мне жаль, – говорит он сокрушенно, – но я не могу быть тем, кого ты хочешь.

– Что…

Его внушительный кулак, все еще обхватывающий приклад ружья, бьет меня по затылку, отправляя прямиком в царство тьмы, из которого я выбираюсь, когда становится слишком поздно.

Эпилог

Короче говоря, мы победили.

Совсем по-другому чувствуешь себя, когда смотришь повтор видео, на котором тело несется со скалы в свободном падении на суровую землю далеко внизу, и это – не твое тело, а второго шанса нет.

За годы, прошедшие с тех пор, как мы с Санни и остальная часть нашей партизанской разношерстной группы свергли самоуправца Юрдона, я много раз просматривала запись смерти Сэма. Как он вырубил меня, затем осторожно уложил на пол, подоткнув мне под голову свой пиджак. Как потом он с трудом выпрямился и опустил пистолет. Как он прошел вдоль ряда дверей, ища ту, что открывалась в короткий металлический коридор с перилами и кольцом опорных узлов. Как сделал паузу и вернулся переместить меня подальше от эпицентра готовящегося разрушения. Как потом с разбегу нырнул в этот самый проклятый коридор.

Кем нужно быть, чтобы войти туда, зная, что враг упомянул о стоящем там лазерном заборе? Еще и (будто первого условия недостаточно) сделать это с десятью килограммами взрывчатки, распиханной по карманам?

Сэм миновал только половину коридора. Потом мгновенная вспышка высадила дверь – и пала тьма, когда Т-ворота сработали в аварийном режиме и выбросили конец своей червоточины через стенку капсулы. На самом деле ничего особо зрелищного.

Такой для Сэма был уготован конец утеса.

Пока я была без сознания, Яна и ее команда делали то, что от них требовалось. Я думаю, она все это время ждала предательства, раз приготовила столько сюрпризов. Юрдон, стоявший в передней части зала, разрубил ее пополам ворпальным мечом. Могу лишь представить его шок, когда еще одна Яна вышла из-за пожарной лестницы и в упор расстреляла его крупнокалиберными пулями. Мне стоило заранее понять, что она затеяла хитрую игру – ее оправдание насчет того, что целая ночь уйдет на ассемблирование десяти килограммов взрывчатки, прозвучало не слишком убедительно. Но, оглядываясь назад, я понимаю, что к тому времени она уже никому не доверяла. В том числе мне.

Пока я была в отключке, Фиоре – отчаявшийся, забаррикадировавшийся в участке полиции чуть дальше по дороге от целого отряда жаждущих крови копий Санни, – через свой модем вышел на нашу оперативную частоту (которая, как и

ожидалось, была слита). Но Санни и здесь опередила его. Грег рассказал ему, что произошло утром, и Фиоре решил, что лазерного забора и дополнительной охраны будет достаточно. Но подобные ему типы, бывшие эсбэшники, как оказалось, не способны мыслить как танк или бойцовая кошка. Две мои копии – очень злые на Санни за то, что она заставила их ютиться на чердаке в библиотеке и держаться подальше от Сэма, – уложили Фиоре из гранатомета, в то время как три других подразделения рассредоточились и прочесали приходские церкви в поисках укрывшихся доппельгангеров. Как позже объяснила Яна: «Когда единственный солдат, на которого ты можешь положиться, – Рив, используешь ее по максимуму». Я не стала держать на нее зла – даже несмотря на то, что две мои версии умерли.

Потому что, когда пыль перестала сыпаться на съежившиеся когорты в аудитории, в то время как другие наши экземпляры носились по административному блоку и больнице, проверяя ассемблеры и удаляя из них шаблоны, из которых могли вылупиться добавочные Юрдоны и Фиоре, именно Яна подошла к кафедре, выстрелила из пистолета в потолок и призвала всех к тишине.

– Друзья, – сказала она с легкой дрожью в голосе. – Эксперимент окончен. Тюрьма закрыта. Добро пожаловать назад в реальный мир.

* * *

Все это произошло много лет назад. Река истории никого не ждет. Мы проживаем свою жизнь на волнах грандиозных событий, приспосабливаясь к их формам. Даже те из нас, кто внес большую лепту в события, о которых идет речь.

Может, самое странное – то, как мало изменился наш мир с тех пор, как мы отменили систему социальных рейтингов. У нас по-прежнему регулярно проходят собрания. Мы все еще живем небольшими семейными группами, как древние люди. Многие из нас даже остались в супружеских союзах, навязанных экспериментаторами. Мы одеваемся так, словно на дворе – настоящие темные века, занимаем старые рабочие места и рожаем детей примитивным способом. Иногда.

Но…

Мы голосуем на городских собраниях. Нет никаких рейтинговых шкал, которые какой-нибудь самодовольный исследователь мог бы подправить, чтобы заставить прихожан подпрыгнуть. Мы не танцуем как марионетки ни перед кем, даже

перед нашим избранным мэром. Мы можем жить в семьях, как и полагается людям, но ассемблеры теперь стоят в каждом доме. В основном мы не хотим быть неоморфами. Многие из нас провели слишком много времени в качестве живых орудий во время войны. У нас есть – и мы с энтузиазмом используем их – современные медицинские технологии и А-ворота. Костюмы и ретростиль жизни, выбранные нами, сложно объяснить, но я списываю это на социальную инертность. Впрочем, на днях в торговом центре промелькнул один синий кентавр-гермафродит, в кольчужной броне и без штанов, но никто и бровью не повел. Иначе никак – покуда «Жнец Науки» не прибудет в гавань, с него не сбежать. Нам приходится уживаться – всем таким разношерстным и разноцветным.

Что касается меня, мне больше не нужно драться. Я смог исполнить позитивные пожелания капитулировавшего в то время эго без необходимости мириться с какими-либо недостатками. И мне так повезло, что я могу заплакать, просто думая об этом.

Теперь у меня есть дочь по имени Энди – это сокращение от Андромеда. Энди клянется, что хочет стать мальчиком, когда вырастет. Тем не менее она достигнет половой зрелости не ранее чем через шесть лет и может передумать, как только ее тело начнет меняться. Важно то, что мы живем в обществе, где она может быть всем, чем захочет. Энди кажется случайным продуктом фенотипов Сэма и Рив. Иногда, при правильном освещении и просто при виде ее профиля, у меня перехватывает дыхание, потому что она напоминает мне о том времени, когда Сэм совершил свой прыжок веры. Знал ли он, что я была беременна к тому моменту, и не потому ли тщательно уберег меня от взрыва?

Вряд ли, но иной раз я задумываюсь над этим вопросом.

Роды Андромеды приняла – кто бы вы думали? – добрая доктор Хант, которой уже не нужен пистолет, целыми днями направленный ей в голову, ибо Санни дала ей выбор: перепрофилироваться и позволить своим пациентам самим определять свои интересы или исчезнуть вслед за Юрдоном и Фиоре.

Пройдя через роды, я тогдашняя решила снова стать Робином – настолько близкой к оригиналу версией, насколько возможно в нашей медицинской практике. Естественные роды – опыт, через который все отцы должны пройти хотя бы раз в жизни (будучи, само собой, взрослыми сознательными людьми). Но вообще мне просто нужно было вновь стать Робином – единственной версией меня, которая не ходит с невинной кровью на руках.

Уже поздно, и Энди спит наверху. Я пишу этот рассказ от руки на бумаге, помогая зафиксироваться событиям в памяти. Немного похоже на то письмо, написанное одним мною другому себе – так давно, что я едва могу вспомнить, каково было являться им. Даже без всяких манипуляций с памятью мы – хрупкие существа, огоньки во тьме, которые оставляют за собой тускнеющий след, забывая, кем являлись. На самом деле я не хочу много вспоминать о том, что было до войны. Мне хорошо, и я рассчитываю прожить здесь еще долго; дольше всей моей беспокойной жизни до этого момента. И если из ее первой половины я запомню лишь толстую стопку бумаги и противоречивую любовь Сэма ко мне, этого будет достаточно. Но есть разница между тем, чтобы не помнить, и намеренно забывать. Отсюда и записи.

Последняя мысль: моя жена дремлет на диване в другом конце комнаты. У меня есть к ней вопрос, ради которого я ее разбужу.

– Как думаешь, о чем думал Сэм, когда шел по тому коридору?

Она зевает и говорит:

– Не знаю… Меня же там не было.

– А если я попрошу тебя предположить?

– Я бы сказала, что он надеялся на второй шанс.

– И это все?

– Иногда правда бывает скучной, Робин. Давай, запиши это в свои мемуары.

– Хорошо. Есть что еще сказать, прежде чем я поставлю точку? Я потом отправлюсь на боковую.

– Ну, дай подумать… – Кей пожимает плечами – невероятно плавный жест, в котором задействованы все четыре плечевых сустава. – Нет, знаешь что – хватит. Не засиживайся допоздна. – Она лениво улыбается и идет к лестнице, покачивая бедрами так, будто у нее на уме что-то другое, кроме сна. Она стала счастливее, когда перестала быть Сэмом вскоре после того, как в последнее мгновение и в жуткой панике создала резервную копию в подвале библиотеки. И я этому тоже рад, уж поверьте.

Ну а теперь – спокойной ночи!

Бродячая ферма

Было ясное прохладное мартовское утро; перистые облака тянулись с юго-востока к восходящему солнцу. Джо поежился на водительском сиденье и повернул рукоятку стартера старого фронтального погрузчика, который использовал для чистки хлева. Подобно своему владельцу, древний «Мэсси Фергюсон» знавал лучшие деньки, однако знавал и более тяжкую работу, нежели обычные задания Джо. Дизельный двигатель застучал, выплюнул клуб густого синего дыма и уныло зарокотал. С головой пустой, словно рассветное небо, Джо включил передачу, поднял передний ковш и начал поворачивать его к распахнутым дверям хлева – когда увидел на дороге бродячую ферму.

– Дерьмо, – выругался Джо.

Двигатель трактора зловеще заскрежетал и умолк. Джо снова посмотрел на дорогу широко распахнутыми глазами, потом слез с трактора и потрусил к кухонной двери в боковой части фермерского дома.

– Мэдди! – позвал он, забыв про рацию на своем свитере. – Мэдди! Сюда идет ферма!

– Джо? Это ты? Где ты? – донесся приглушенный голос откуда-то из дальней комнаты.

– Где ты? – крикнул он в ответ.

– Я в ванной.

– Дерьмо, – вновь повторил он. – Если это та самая, что приходила в прошлом месяце…

Звук спускаемой в туалете воды пробился сквозь его тревогу. Затем раздался топот ног по лестнице, и в кухню ворвалась Мэдди.

– Где? – спросила она.

– Снаружи, в четверти мили по дороге.

– Ясно. – С всклокоченными волосами и злыми глазами – ее утреннее омовение было нарушено – Мэдди натянула поверх рубашки толстое зеленое пальто. – Ты уже открыл сервант?

– Я подумал, ты сначала захочешь с ней поговорить.

– Да уж, захочу! Если это та самая, что болталась в роще возле Эдгарова пруда, мне есть что с ней обсудить! – При виде ее гнева Джо покачал головой и отправился открывать сервант в задней комнате. – Достань дробовик и прогони ее с нашей земли! – крикнула Мэдди ему вслед. – Я выйду через минуту.

Джо кивнул самому себе, осторожно достал дробовик двенадцатого калибра и полный магазин. Контрольные

индикаторы на дробовике беспорядочно мигали, но, судя по всему, батарея была заряжена. Джо перекинул оружие через плечо, аккуратно запер сервант и вернулся во двор, чтобы отпугнуть незваного гостя.

Гудя и пощелкивая, ферма сидела посреди дороги напротив «Амитидж-Энд». Держа дробовик под рукой, Джо настороженно оглядел ферму из-за деревянных ворот. Она была среднего размера, вероятно с полудюжиной человеческих компонентов, – внушительный колхоз. Очевидно, ферма уже полностью перешла в режим бессознательного бродяжничества и утратила связи с людьми за пределами собственного коллективного сознания. Под жесткой черной кожей проглядывала внутренняя структура, макроскопления клеток, которые зловеще пульсировали и перетекали друг в друга. Хотя это был еще подросток, ферма уже достигла размеров древнего тяжелого танка и полностью перекрыла дорогу, словно некий апатозавр. От нее пахло дрожжами и бензином.

Джо испытал неприятное ощущение, будто ферма смотрит на него.

– Вот жопа, у меня нет на это времени, – пробормотал он. Стойла для клонированных паукоров, которые паслись на северном выгуле, по-прежнему были по колено в навозе, а сиденье трактора остывало, пока он торчал здесь, дожидаясь, чтобы Мэдди пришла и все уладила. Стадо было маленьким, но большего земля и труд Джо не могли позволить; огромная биофабрика в сарае собирала домашний скот быстрее, чем Джо успевал кормить животных и продавать с честной биркой «выращены вручную».

– Чего тебе от нас нужно? – крикнул Джо тихо гудящей ферме.

– Мозги, свежие мозги для младенца Иисуса, – пропела ферма сочным контральто, напугав Джо до полусмерти. – Купите мои мозги!

Полдесятка жутковатых образований, похожих на цветную капусту, непристойно выросли на спине фермы, а затем стыдливо скрылись.

– Нам тут мозги ни к чему, – упрямо сказал Джо, крепко стискивая приклад дробовика. – И такие, как ты, тоже. Уходи.

– Я девятиногий полуавтоматический шпунтовальный станок! – пропела ферма. – Я направляюсь на Юпитер с миссией любви! Купите мои мозги!

Из верхнего ската фермы высунулись три любопытных глаза на стебельках.

– Э-э…

Прибытие Мэдди спасло Джо от необходимости придумывать новые способы сказать «отвали». Двадцать лет назад, закончив работу по поддержанию мира в Месопотамии, Мэдди умудрилась утащить домой свой старый боевой костюм; более того, ей удалось сохранить форму и втиснуться в него теперь. Левое колено зловеще скрипело при ходьбе – хотя Мэдди нечасто разгуливала в таком облачении, – однако костюм по-прежнему справлялся со своей главной задачей по устрашению злоумышленников.

– Ты. – Мэдди воздела полупрозрачную руку, ткнула пальцем в ферму. – Убирайся с моей земли. Немедленно.

Уловив намек, Джо поднял дробовик и включил полностью автоматический режим. С аппаратурой на плечах Мэдди ему не сравниться, но он внесет посильную лепту.

Ферма заухала и жалобно спросила:

– Почему вы меня не любите?

– Убирайся с моей земли! – рявкнула Мэдди столь громким голосом, что Джо поморщился. – Десять секунд! Девять! Восемь!

Тонкие кольца выскочили по бокам ее рук, скрипя от долгого неиспользования: это включилась пушка Гаусса.

– Я ухожу! Ухожу! – Ферма приподнялась, сместилась назад. – Не понимаю. Я лишь хочу освободить вас, чтобы вы могли исследовать Вселенную. Никто не хочет покупать у меня свежие фрукты и мозги. Что стряслось с миром?

Они подождали, пока ферма скроется за поворотом на вершине холма. Мэдди расслабилась первой, кольца вновь скрылись в руках боевого костюма, который при выключении из неземного полупрозрачного стал нейтральным оливковым. Джо поставил дробовик на предохранитель.

– Скотина, – сказал он. – Херово.

Мэдди словно осунулась.

– Смелый экземпляр.

Джо заметил, что ее лицо побледнело и казалось измученным. Она стиснула кулаки. У нее шок, и неудивительно. Сегодня их снова ждет кошмарная ночка.

– Забор, – напомнил он.

За прошедший год они вновь и вновь обсуждали, не подключить ли внешний контур к их маленькому метановому генератору.

– Может быть. Может быть. – Мэдди не нравилась идея поджаривать прохожих без предупреждения, но если что-то и могло ее убедить, так это перспектива подвергнуться набегу бродячих ферм. – Помоги мне выбраться из этого, и я приготовлю завтрак.

– Мне нужно вычистить хлев, – запротестовал Джо.

– Это подождет до завтрака, – ответила Мэдди дрожащим голосом. – Ты мне нужен.

– Ладно, – кивнул Джо.

Она выглядела паршиво; с последнего фатального срыва прошло несколько лет, но, когда Мэдди говорила: «Ты мне нужен», – не следовало ее игнорировать. Иначе придется надрываться на биофабрике и загружать резервные записи в новое тело – занятие не из приятных. Джо взял Мэдди за руку и повел к заднему крыльцу. Они почти дошли, когда он замер.

– Что? – спросила Мэдди.

– Я давно не видел Боба, – медленно ответил Джо. – Отправил его загнать коров на северный выгул после дойки. Ты не думаешь?..

– Можем проверить из диспетчерской, – устало сказала Мэдди. – Ты действительно боишься, что?..

– Когда поблизости бродит эта тварь? А ты как думаешь?

– Он хороший служебный пес, – с сомнением заметила Мэдди. – С ним ничего не случится. Просто отправь ему сообщение.

* * *

После того как Джо помог Мэдди выбраться из боевого костюма – и после того как она потратила много времени на то, чтобы успокоиться, – они позавтракали яйцами собственных несушек, домашним сыром и поджаренным хлебом из пшеницы, которую выращивала коммуна хиппи на той стороне долины. Кухня с каменным полом в ветхом доме, обжитом и перестроенном Джо с Мэдди за последние двадцать лет, была теплой и уютной. За пределами долины они покупали только кофейные бобы стойкого сорта «Джей-эм», который беспорядочно рос по всем камбрийским холмам, словно борода подростка. За завтраком они в основном молчали: Джо – потому что не любил болтать, Мэдди – потому что ничего не хотела обсуждать. Молчание сдерживало ее личных демонов. Они знали друг друга много лет и, даже если говорить было не о чем, могли справиться с тишиной. Голосовое радио на подоконнике напротив чугунной печи тоже молчало, равно как и телевизор на стене рядом с холодильником. Завтрак был временем тишины.

– Пес не отвечает, – заметил Джо, допивая кофе.

– Он хороший пес. – Мэдди неуверенно посмотрела на дворовые ворота. – Ты боишься, что он убежит на Юпитер?

– Он был со мной в сарае. – Джо отнес свою тарелку в раковину, включил горячую воду. – Прочистив контуры, я велел ему отвести стадо на выгул, пока вожусь с хлевом.

Он поднял глаза, встревоженно посмотрел в окно. «Мэсси Фергюсон» стоял прямо перед открытыми дверями хлева, словно сдерживая гору навоза, соломы и силоса, пережиток морозной зимы, высившийся внутри подобно пахучему захватчику.

Мэдди спокойно отодвинула Джо и взяла одну из раций, заряжавшихся на подоконнике. Та запищала и захрипела.

– Боб, прием. – Мэдди нахмурилась. – Может, он снова потерял свою гарнитуру.

Джо поставил влажные тарелки на сушку.

– Я займусь кучей. Хочешь поискать его?

– Поищу. – Нахмуренные брови Мэдди сулили псу суровый выговор. Который не произведет на Боба ни малейшего впечатления: слова скатывались с него словно с гуся вода. – Но сначала камеры. – Она включила старый телевизор, и на экране возникли зернистые картинки: сад, двор, голландский амбар, северный выгул, восточный выгул, главное поле, роща. – Хм-м.

Она все еще возилась с приусадебной системой слежения, когда Джо снова вскарабкался на водительское сиденье трактора и завел машину. На этот раз двигатель не кашлял дымом. Джо выгребал навоз из хлева и складывал в трехметровую кучу, по четверти тонны зараз, пока не позабыл об утреннем незваном госте. Почти.

К полудню куча испускала характерное зловоние, и над ней гудели мухи, а хлев стал достаточно чистым, чтобы взяться за шланг и щетку. Джо собирался начать перетаскивать навозную кучу к бродильным резервуарам, закопанным за дальним углом дома, когда увидел на дорожке возвращавшуюся Мэдди. Та качала головой. Джо сразу понял, в чем дело.

– Боб, – сказал он.

– С Бобом все в порядке. Он стережет коз. – На лице Мэдди было странное выражение. – Но эта ферма…

– Где? – спросил он, спеша за ней.

– Уселась в лесу возле ручья, – кратко ответила она. – Прямо за нашим забором.

– Но не на нашей территории.

– Она выпустила питающие корни! Ты понимаешь, что это значит?

– Не… – Лицо Джо сморщилось от изумления. – О!

– Именно. О! – Мэдди оглянулась на хозяйственные строения между домом и лесом в нижней части их небольшого земельного участка. Если бы взгляд мог убивать, нарушитель давно бы

скончался в страшных мучениях. – Она собирается летовать здесь, Джо, а потом достичь зрелости на нашем участке. Ты помнишь, куда она, по ее словам, собирается, когда вырастет? На Юпитер!

– Дерьмо, – едва слышно отозвался Джо: он начал осознавать тяжесть ситуации. – Нужно быстро с ней покончить.

– Я имела в виду не это, – возразила Мэдди, но Джо уже направлялся к двери.

Мэдди смотрела, как он пересекает двор, затем покачала головой.

– Почему я здесь торчу? – спросила она, однако плита не ответила.

* * *

Деревушка Аутер-Чезвик была в четырех километрах от «Амитидж-Энд» – четырех километрах дороги, пролегавших мимо брошенных домов и сломанных амбаров, заросших сорняками полей и поврежденных деревьями стен. Первая половина двадцать первого века выдалась для британского сельского хозяйства суровой – очень суровой, если учесть снижение численности населения и вытекающий из этого избыток жилья. В результате безработные сороковых и пятидесятых могли найти себе выпотрошенную оболочку когда-то крепкого фермерского дома. Выбирали лучшие и вселялись, обустраивались в ветхих зданиях, засевали поля, растили скот и учились делать все своими руками, пока поколение спустя вдоль заброшенных дорог, по которым больше не ездили машины, не выросли кирпичные особняки, достойные аристократа. Точнее, это произошло бы поколение спустя, если бы имелись дети, жизнями которых можно было измерять время. Однако шли последние десятилетия популяционного провала, и пары, которые в прошлом веке считались бы странными отщепенцами, сейчас составляли большинство и по численности намного превосходили размножающиеся колонии. В этом аспекте жизни Джо и Мэдди были скучными консерваторами. В прочих – нет. Кошмары Мэдди, ее отвращение к алкоголю и социопатия являлись пережитками службы в Мирных силах. Что касается Джо, ему здесь нравилось. Он ненавидел города, ненавидел Сеть, ненавидел все новое. Любил тихое существование…

Паб «Поросенок и хрен» на окраине Аутер-Чезвик был единственным в радиусе десяти километров – и определенно единственным, откуда мог доплестись домой подвыпивший Джо. Само собой, «Поросенок и хрен» походил на бурлящий котел

местных слухов, не в последнюю очередь из-за того, что Старуха Бренда отказывалась провести туда электричество, не говоря уже о радио. (Дело было не в глупой технофобии, а в том, что в прошлой жизни Бренда работала хакером-штурмовиком в Европейских объединенных вооруженных силах.)

Джо подошел к бару.

– Пинту горького? – неуверенно спросил он.

Бренда посмотрела на него, кивнула и продолжила загружать древнюю посудомоечную машину. Затем взяла с полки чистую кружку и подставила под кран.

– Слышала, у вас проблемы с фермой, – неопределенно сообщила она, работая ручным насосом.

– Угу. – Джо смотрел на кружку. – А где ты это слышала?

– Не твое дело. – Она опустила кружку, чтобы дать отстояться пене. – Тебе стоит побеседовать с Артуром и Венди Крыской насчет ферм. У них в прошлом году была одна.

– Понял. – Джо взял свою пинту. – Спасибо, Бренда. Как обычно?

– Ага.

Бренда вновь повернулась к посудомоечной машине. Джо пошел в дальний угол, где друг напротив друга, по обе стороны холодного очага, стояли два огромных кожаных дивана, подлокотники и спинки которых носили шрамы от когтей множества поколений полудиких кошек Бренды.

– Арт, Крыска. Как дела?

– Спасибо, неплохо.

Венди Крыске было хорошо за семьдесят, она принадлежала к числу стариков, которые подправили ген p53 в своих хромосомах и превратились в усохшую вечность: белые дреды, остатки носа и ушей вокруг отверстий в черепе, кожа, словно ветер пустыни. Арт был ее мальчиком – ее игрушкой, прежде чем средний возраст запустил в него зубы. Он свои гены не трогал, а потому выглядел старше Венди. Вместе они вели небольшое хозяйство, в основном разводили кур на вакцину, а кроме того, успешно торговали высоконитратным удобрением: переговоры о покупке этого удобрения проходили приватно, а вывозили его мешками при лунном свете.

– Слышала, у тебя проблемы?

– Верно. – Джо сделал осторожный глоток. – М-м, хорошо. У вас были неприятности с фермой?

– Может быть. – Венди вопросительно смотрела на него, прищурив глаза. – О каких неприятностях речь?

– Колхоз. Говорит, собирается на Юпитер. Сволочь обосновалась в лесу у ручья Старого Джека. Вы только

подумайте… Юпитер!

– Верно, это одно из направлений, – с умным видом кивнул Арт, как будто что-то знал.

– Да-а, дело дрянь. – Венди Крыска нахмурилась. – Ты в курсе, она растит деревья?

– Деревья? – Джо покачал головой. – По правде сказать, не ходил и не проверял. Какого хрена люди такое с собой делают?

– А тебе не насрать? – Венди широко ухмыльнулась. – Себя они людьми уже не считают – лично я так думаю.

– Она пыталась нас уболтать, – сказал Джо.

– Верно, они это любят. – Артур многозначительно кивнул. – Я читал, они не считают нас полноценными людьми. Типа, из-за одежды и машин. Мы вроде как цепляемся за допостиндустриальный образ жизни, вместо того чтобы улучшить свой геном и питаться дарами земли, как хотел Господь.

– Как тварь с девятью ногами и глазами на стебельках может считать себя человеком? – поинтересовался Джо и наполовину опустошил кружку одним гневным глотком.

– Когда-то она была человеком. Или несколькими людьми. – В глазах у Венди появилось странное, ведьмовское выражение. – Лет тридцать-сорок назад у меня был приятель, который вступил в ламарковскую кладу. Они меняли гены, как мы с тобой – нижнее белье. Он защищал окружающую среду в те времена, когда антиглобалисты думали, что большие корпорации плюют на нас ради прибыли. По-крупному занялся генным хакерством и самодостаточностью. Я дала ему пинка под зад, когда он позеленел и начал фотосинтезировать.

– Ублюдки, – пробормотал Джо. Темно-зеленые [25] в начале века уничтожили сельскохозяйственно-промышленный комплекс, превратив сельскую местность в разоренные бесплодные пустоши. Мало того, что они лишили миллионы сельских жителей работы, так еще и позеленели, отрастили лишние конечности и переселились на орбиту Юпитера. И при этом, судя по всему, отлично провели время. – Так у вас были проблемы с фермой? Пару лет назад?

– Были, ага, – отозвался Арт, вцепившись в свою кружку.

– Фермы больше нет, – принялся рассуждать Джо.

– Ну да. – Венди настороженно смотрела на него.

– Никаких фейерверков. – Джо поймал ее взгляд. – И тела тоже нет. Хм.

– Метаболизм, – сказала Венди, очевидно приняв некое решение. – Вот в чем суть.

– Мята… – Джо, не любитель биологии, раздраженно покатал непривычное слово во рту. – В прежние времена я занимался

программами, Крыска. Придется тебе растолковать свой жаргон.

– Ты когда-нибудь задумывался над тем, как эти фермы добираются до Юпитера? – поинтересовалась Венди.

– Ну… – Джо покачал головой. – Они вроде как отращивают ступенчатые деревья? Как в ракетах? А потом летуют, и, если делают это по соседству, тебе крышка, потому что, взлетая, эти деревья поджаривают сотню гектар?

– Очень хорошо, – веско произнесла Венди. Взяла кружку обеими руками и принялась покусывать край, косясь по сторонам, словно высматривая полицейских москитов. – Давай-ка прогуляемся.

Задержавшись у стойки, чтобы Старуха Бренда налила ей еще пива, Венди вывела Джо на улицу, мимо Модницы Берке – в доисторических зеленых «веллингтонах» и куртке «Барбур» – и ее последней женщины, туда, где раньше находилась парковка, а теперь – захламленный клочок земли позади паба. Было темно, световые загрязнения не марали небеса: над головой сиял Млечный Путь, а в нем – красное облако спутников размером с горошину, за последние несколько лет постепенно поглотившее Юпитер.

– Ты в Сети?

– Нет, а что?

Венди достала коробочку размером с кулак, нажала кнопку на ее боку, дождалась, пока индикатор мигнет зеленым, и кивнула.

– Гребаные жучки.

– Это ведь…

– Не спрашивай – и не услышишь вранья, – ухмыльнулась она.

– Угу. – Джо глубоко вдохнул; он догадывался, что у Венди имеются сомнительные связи, и эта штука – переносной генератор помех – подтверждала его догадки: полицейские жучки в радиусе двух-трех метров ослепли и оглохли и не смогут передать их разговор выискивающим ключевые слова полуразумным копам, в чьи задачи входило предотвращать преступления до их совершения. Это был пережиток Эры Интернета, когда резвые законодатели случайно уничтожили право на свободу слова на публике, потребовав поголовного мониторинга ключевых слов в радиусе действия сетевого терминала. Крючкотворы и помыслить не могли, что через пару десятков лет «сетевые терминалы» превратятся в самовоспроизводящихся ботов размером с блоху, которые будут повсюду словно грязь. (Сама Сеть рухнула под весом самовоспроизводящихся вирусных исков о клевете, однако

наследие публичной слежки сохранилось.) – Ладно. Расскажи мне о метал… мета…

– Метаболизме. – Венди зашагала к раскинувшемуся за пабом полю. – И ступенчатых деревьях. Древесные ступени сначала были научной фантастикой. Их придумал какой-то парень по имени Нивен. Идея в том, что ты берешь сосну и хакаешь ее. В сердцевине, в ксилеме, есть сосуды, в нормальном дереве они древеснеют и умирают. Ступенчатые деревья поступают умнее: перед смертью клеток они нитруют целлюлозу клеточных стенок. Для этого требуется херова туча хакнутых ферментов. И энергия, больше, чем нормальное дерево может себе позволить. Короче, к тому времени, как дерево погибает, оно на девяносто процентов состоит из нитроцеллюлозы, плюс встроенные элементы жесткости, и дефлекторы, и микроструктура. Но это не огромная бомба – дерево взрывается клетка за клеткой, а в некоторых сосудах ксилемы ферма выращивает особые хакнутые грибные гифы с деполяризующейся мембраной, взятой из человеческих аксонов, чтобы запускать реакцию. Эффективность у этой штуки – как у древних ракет «Ариан» или «Атлас». Не слишком высокая, но приемлемая.

– Э-э. – Джо моргнул. – Это должно что-то для меня значить?

– Черт бы тебя побрал, Джо. – Венди покачала головой. – Думаешь, я бы стала зазря так распинаться?

– Ладно. – Он серьезно кивнул. – Что я могу сделать?

– Итак. – Венди остановилась и посмотрела на небо. Высоко над головой призрачный пояс переливался крошечными огоньками – темно-зеленый караван в своем орбитальном трансферном окне, самодостаточные сверхчеловеческие ламарковские колонисты, адаптировавшиеся к космосу, на долгом медленном пути к Юпитеру.

– Итак? – Джо ждал.

– Ты гадаешь, откуда берется удобрение, – невпопад сказала Венди.

– Удобрение. – На секунду в его мыслях воцарилась пустота.

– Нитраты.

Он опустил глаза, увидел ее ухмылку. Великолепный пятый набор зубов зловеще светился, отражая зеленоватый свет индикатора на генераторе помех.

– Вот именно, – сказала она и выключила генератор.

* * *

Когда в предрассветные часы Джо наконец добрел до дома,

слабая струйка дыма вилась над конурой Боба. Джо помедлил перед кухонной дверью, встревоженно принюхался, потом расслабился. Выпустил дверную ручку, подошел к конуре и сел рядом. Боб очень трепетно относился к своему логову: даже его собственные люди не допускались внутрь без приглашения. Поэтому Джо ждал.

Мгновение спустя изнутри донесся вопросительный кашель. Темная заостренная морда высунулась наружу, пуская дым из ноздрей, словно коварный дракон.

– Р-р-р-р-р?

– Прошу прощения.

– Ур-р-р. – Металлическое звяканье. – Дым, добрый дым, смешно кашлять, забавно щекотать, ар-фарф?

– Пожалуй, не откажусь.

Морда скрылась в конуре; секунду спустя появилась вновь, сжимая в зубах шланг с мундштуком на конце. Джо вежливо принял его, вытер мундштук, прислонился к стене конуры и вдохнул. Трава оказалась крепкой и мягкой; неприятный диалог в его голове стих за считаные мгновения.

– Просто замечательно.

– Арф-арф-ай-яп.

Джо почувствовал, как расслабляется. Мэдди наверху тихо похрапывает в их старой постели, может быть, ждет его. Однако иногда мужчине необходимо побыть наедине со своей собакой и хорошим косяком, занимаясь тем, чем занимаются только мужчины и собаки. Мэдди понимала это и не вмешивалась. И все же…

– Эта ферма так и ошивается возле пруда?

– Р-р-р, чер-рт, чер-рт, да! Тр-рахать овец.

– Если она лезла к нашим овцам…

– Нет, вр-р-р-р. Чер-р-р-рт.

– Тогда в чем дело?

– Гр-р-р-р, Мэдди, гав-гав, ферма говорить! Тр-ра-хать овец.

– Мэдди говорила с ней?

– Гр-р-р, да, да!

– Вот дерьмо. Ты не помнишь, когда она в последний раз делала резервную копию?

Пес выкашлял облачко ароматного синего дыма.

– Бак, бах-бах, полный, корова, му-у, говяжий клон.

– Точно, я тоже так думаю. Лучше вычистить его завтра. На всякий случай.

– У-я-р-р-р.

И пока Джек гадал, было ли это согласием или просто

собачьей отрыжкой, худая лапа вынырнула из будки и затащила кальян внутрь. Последовавшие хлюпающие звуки и облака ароматного синего дыма вызвали у Джо легкую тошноту, поэтому он отправился в дом.

* * *

На следующее утро, за завтраком, Мэдди была тише обычного. Почти задумчивой.

– Боб сказал, ты говорила с фермой, – заметил Джо, пережевывая яичницу.

– Боб… – Лицо Мэдди казалось непроницаемым. – Проклятый пес. – Она сняла крышку с электроплитки «Рэйберн» и уставилась на подрумянивавшийся внутри тост. – Слишком много болтает.

– Это правда?

– Ага.

Она перевернула тост и закрыла крышку.

– Много сказала?

– Это ферма. – Мэдди выглянула в окно. – Кроме стартового окна на Юпитер, ее ничего не волнует.

– Она…

– Она. Он. Они. – Мэдди тяжело опустилась на кухонный стул. – Это колхоз. Их было шесть человек. Старые, молодые, они решили отправиться на Юпитер. Одна из них рассказала, как это произошло. Она была бухгалтером в Брэдфорде, у нее случился нервный срыв. Она хотела на волю. Хотела быть самодостаточной. – На мгновение ее лицо стало тоскливым. – Чувствовала, что стареет, но не растет, если ты меня понимаешь.

– И что, став биоборгом, она решила все свои проблемы? – Джо усмехнулся и подцепил вилкой остатки болтуньи.

– Они по-прежнему разные люди. Телам придают слишком большое значение. Подумай о преимуществах: ты не постареешь, ты сможешь отправиться куда угодно и пережить что угодно – и ты никогда не останешься один, не попадешь в ловушку. – Мэдди принюхалась. – Чертов тост горит!

Из-под крышки электроплитки сочился дымок. Мэдди выхватила из плитки решетку и швырнула ее в раковину. Дождалась, пока на поверхность всплывут набухшие черные крошки, потом вытащила решетку, раскрыла и загрузила новую порцию хлеба.

– Твою мать, – сказала она.

– Ты чувствуешь себя в ловушке? – спросил Джо. – Снова? Быть не может.

Мэдди уклончиво хмыкнула.

– Ты не виноват, дорогой. Такова жизнь.

– Жизнь. – Джо принюхался и громко чихнул: едкий дым щекотал нос. – Жизнь!

– Горизонт смыкается, – тихо сказала она. – Нужны перемены.

– Что ж, ладно, ржавчина никогда не спит, верно? Нужно вычистить зимние стойла, – сообщил Джо. Направляясь к двери, неуверенно улыбнулся Мэдди. – Скоро привезут удобрение.

* * *

С учетом доек, раздачи корма овцам, выгребания навоза из зимних стойл и тайного глушения и отправки в силиконовую загробную жизнь всех полицейских ботов на ферме, Джо потребовалось несколько дней, чтобы добраться до домашней фабрики. Жужжа и щелкая, словно слабоумная вязальная машина, та изготовила заказанные устройства: модифицированный полевой опрыскиватель, резервуары и шланги которого имели двойные стенки; пневматическое ружье с дротиком, заряженным мощной смесью тубокурарина и эторфина; респиратор с кислородным баллоном.

Мэдди почти не было видно: она возилась в диспетчерской, а в светлые часы исчезала, возвращаясь в дом лишь после наступления темноты, чтобы устало забраться в постель. Похоже, кошмары ее не мучили, и это был добрый знак. Джо помалкивал.

Потребовалось еще пять дней, чтобы фермерский генератор накопил достаточно энергии и начал заряжать смертоносное оружие. На этот период Джо отключил дом от Сети под крайне сомнительным, но странно правдоподобным предлогом: сказал, что во всем следует винить перегрызенный белками кабель и плохо экранированный генератор переменного тока на экскаваторе. Он думал, Мэдди будет жаловаться, но она промолчала и лишь стала проводить еще больше времени в Аутер-Чезвике, или Лоуэр-Грантлингторпе, или куда она там ходила.

В конце концов бак наполнился. Джо препоясал чресла, надел доспехи, взял оружие и отправился бросать вызов дракону у пруда. Лесок вокруг когда-то окружал деревянный заборчик; это была прелестная рощица из старых лиственных деревьев, вязов, дубов и буков на вершине холма. У их подножия теснилась низкая поросль, раскинувшаяся зеленым покрывалом до самой стоячей воды. Небольшой ручеек питал пруд во время дождливых месяцев, журча под корнями плакучей ивы. Дети играли здесь в

отважных исследователей пустошей под благосклонным взглядом родительских камер слежения.

Все это было давным-давно. Теперь леса по-настоящему одичали. Ни детей, ни отдыхающих горожан, ни машин. Барсуки, и нутрии, и перепуганные крошечные валлаби бродили по иссушенной английской сельской местности в летние месяцы. Вода отступала, обнажая потрескавшуюся грязь, усеянную старыми жестяными банками, среди которых валялась тележка из супермаркета докембрийского периода, лишившаяся своего GPS-датчика. Кости технологической эпохи торчали из предательской ископаемой грязевой ванны. А по краю склизкой лужицы росли ступенчатые деревья.

Джо включил генератор помех и зашагал среди стреловидных хвойников. Их иголки были матово-черными и пушистыми, фрактально разделенными по краям, чтобы лучше впитывать весь доступный свет; землю густо покрывала сеть стержневых корней и лохматых черных «травинок». Джо слышал свист собственного дыхания; потея в воздухонепроницаемом костюме, он разбрызгивал бесцветную дымящуюся жидкость у каждого баллистического ствола. Жидкость шипела и испарялась; соприкасаясь с ней, древесина словно обесцвечивалась. Джо старался держаться подальше от струи: эта штука его нервировала, как и деревья, однако жидкий азот был, на его взгляд, единственной вещью, способной прикончить поросль, не воспламенив ее. В конце концов, их сердцевины состояли практически из чистой, крайне горючей нитроцеллюлозы, склонной взрываться при резком ударе или трении о цепь бензопилы. Джо стукнул дерево, оно зловеще затрещало, угрожая повалиться набок. Джо обошел его, деловито обрызгав выступающие корни, – и оказался прямо перед обезумевшей фермой.

– Мой райский сад земных наслаждений! Мой лес воображаемого будущего! Радость моя, мои деревья, мои деревья! – Стебельчатые глаза метались, в ужасе моргая, ферма приподнялась на шести или семи ногах, хватая оставшимися воздух. – Убийца саженцев! Насильник Матери-Земли! Душитель пушистых кроликов! Вивисектор!

– Отойди, – приказал Джо, роняя криогенный опрыскиватель и хватаясь за пневматическое ружье.

Ферма тяжело рухнула на землю и выставила глаза с обеих сторон, уставившись на Джо. Глаза моргали, длинные черные ресницы трепетали над голубыми радужками.

– Как ты посмел? – спросила ферма. – Мои драгоценные саженцы!

– Заткни пасть, – проворчал Джо, вскидывая ружье. – Думаешь, я позволю тебе спалить мое жилище при запуске? Не двигайся, – добавил он, когда из спины фермы вытянулось щупальце.

– Мой урожай, – тихо простонала ферма. – Мое изгнание! Еще шесть лет вокруг Солнца, прикованная к этому источнику скорбной гравитации, прежде чем откроется следующее окно! Никаких мозгов для младенца Иисуса! Инквизитор! Мы могли быть так счастливы вместе, если бы не ты! Кто подговорил тебя на это? Крысиная Леди?

Ферма подобралась, под кожистой мантией у основания ног взбугрились мускулы.

Поэтому Джо пристрелил ее.

Тубокурарин – мышечный релаксант; он парализует скелетную мускулатуру, благодаря которой человеческая нервная система осуществляет сознательный контроль над телом. Эторфин – крайне сильный опиат, в двенадцать сотен раз сильнее героина. Со временем ферма, с ее инопланетным адаптивным метаболизмом и сознательно контролируемым протеомом, могла бы изобрести защиту от эторфина, однако количества, которым Джо зарядил дротик, хватило бы для голубого кита, и он не собирался ждать.

Ферма содрогнулась и упала на одно колено. Джо подошел ближе, держа ружье наготове.

– Почему? – спросила она жалобным голосом, и он почти пожалел, что выстрелил. – Мы могли отправиться туда вместе!

– Вместе? – переспросил Джо.

Стебельчатые глаза поникли, огромные легкие надрывно засвистели, когда ферма попыталась ответить.

– Я собиралась позвать тебя, – сказала она, и половина ее ног подогнулась. Грохот был подобен крошечному землетрясению. – Джо, если бы только…

– Джо? Мэдди? – Ружье выпало из онемевших пальцев.

На передней стороне фермы возник рот: казавшиеся знакомыми губы выговаривали неразборчивые слова о Юпитере и обещаниях. Потрясенный Джо попятился. Возле первого мертвого дерева уронил бак с жидким азотом. Потом смутный импульс заставил его развернуться и бежать, бежать к дому, ничего не видя от заливавшего глаза пота или слез. Но он двигался слишком медленно и когда, сжимая в руках щелкающую и жужжащую фармакопею, рухнул на колени возле фермы, та уже умерла.

– Твою мать, – сказал Джо, поднимаясь и качая головой. – Твою мать. – Он включил рацию. – Боб, прием. Боб!

– Р-р-р-роу?

– У мамы очередной срыв. Ты вычистил бак, как я просил?

– Гав!

– Хорошо. Иди в кабинет, ее резервные копии лежат в сейфе. Давай разогреем бак, а потом подгоним трактор, чтобы убрать всю эту грязь.

* * *

Той осенью трава на северном выгуле «Амитидж-Энд» была особенно густой и зеленой.

Перевод Ксении Егоровой

notes

Примечания

1

Перевод А. Тарасова.

2

В реалиях романа «модем» (в оригинале – netlink; за неимением более адаптивного термина в переводе использован именно этот, чтобы избежать калькирования) – не отдельное устройство для взаимодействия с «сетевой реальностью» империи Ис, а некий «модуль сознания», интегрированный, вероятнее всего, на уровне метакортекса (см. роман «Аччелерандо», главы 1, 7–8).

3

Пол Лайнбарджер – американский фантаст золотого века, более известный под псевдонимом «Кордвайнер Смит». Кошки часто появляются в его произведениях (в рассказе «Проступок и триумф капитана Суздаля» есть даже генетически запрограммированные кошки). Далее по тексту романа появляется компания «Кордвайнер хэви индастриз».

4

Геометрический фрактал, состоит из 20 одинаковых частей, коэффициент подобия которых равен 1/3.

5

Англичане-путешественники в XIX веке так описывали свои ощущения от знакомства с запахом дуриана: «Это может быть похоже на поедание тухлой селедки с заплесневелым сыром над открытым канализационным люком». При этом сама мякоть плода имеет очень приятный вкус.

6

Устоявшийся неологизм, образованный по принципу фонетического сходства с аббревиатурой NPC (англ. Non-Playable Character – неигровой персонаж, или персонаж, которым не управляет живой игрок). Обозначает «прописанного» персонажа в видеоиграх, чьи действия жестко предопределены искусственным интеллектом игры и лишены всякой «сценарной непредсказуемости».

7

Ворпальный меч (англ. vorpal sword; в др. переводах – «стрижающий», «вострый») – оружие, упомянутое в стихотворении Льюиса Кэрролла «Бармаглот». Помогло его герою обезглавить собственно Бармаглота: «Но меч ворпальный он схватил, лежавший долго без скрещней // Под сенью Тумтумских ветвей – склонился, вздумался, застыл…» (пер. с англ. Ф. Дубравушкина-Эйнгорна). Vorpal – один из множества неологизмов, придуманных Кэрроллом. Единой версии этимологии данного слова не существует до сих пор, а сам Кэрролл в одном из своих писем утверждал: «Боюсь, я не смогу объяснить это».

8

Абляционными материалами называются теплозащитные материалы, действие которых основано на абляции – сложном энергоемком процессе уноса вещества с поверхности твердого тела скоростным газовым потоком высокой температуры, обтекающим эту поверхность. Такие материалы (в т. ч. пену) наносят на поверхность ракет, космических аппаратов и камер сгорания ракетных двигателей для обеспечения нормального температурного режима их работы при воздействии интенсивных тепловых потоков (например, при вхождении в атмосферу).

9

Полити́я (греч. πολιτεία – государство) – понятие, используемое для обозначения политической единицы любого уровня (политической организации того или иного общества), то есть оно используется в качестве родового для таких понятий, как «община», «вождество», «племя», «государство» и т. п.

10

«First We Take Manhattan» – песня канадского певца и поэта Леонарда Коэна. Энигматичный текст песни затрагивает религиозную тему и конец света, знамения и т. п. Музыкальный критик Бен Хьюитт, писавший для «The Guardian», обратил внимание на апокалиптический характер текста песни, представив Коэна «жадно тянущимся к мировому господству, точно злодей „бондианы“».

11

Теодор Вратислав (1871–1933) – британский поэт и государственный служащий.

12

«Так проходит слава паноптикума» (*лат.*). Выражение, представляющее переделку Sic transit Gloria mundi (лат. «Так проходит мирская слава» – выражение, в свою очередь представляющее переделку цитаты из книги немецкого философа-мистика Фомы Кемпийского (XV в.) «О подражании Христу» (I, 3, 6): «О как скоро проходит мирская слава» (лат. O quam cito transit gloria mundi). Выражение употребляется, когда говорят о чем-либо утраченном (красоте, славе, силе, величии, авторитете), потерявшем смысл или просто далеком от идеала.

Тип K – позднее размножение, малочисленность потомства с высокой вероятностью выживания (крупные млекопитающие, птицы);

тип R – быстрое размножение и очень большое количество потомства с низкой вероятностью выживания (бактерии, рыбы, грызуны).

14

«Дом над водопадом» (англ. Fallingwater, букв. «Падающая вода») – загородный дом, построенный в 1936–1939 годах по проекту американского архитектора Фрэнка Ллойда Райта на юго-западе штата Пенсильвания, в 80 км к юго-востоку от города Питтсбург. Название дома объясняется тем, что он стоит прямо над небольшим водопадом. Вскоре после постройки дом получил репутацию эталона и своеобразной витрины органической архитектуры.

15

Экзоны – участки ДНК, копии которых составляют зрелую РНК.

16

Герой сказки Кеннета Грэма «Ветер в ивах» – самодовольная и самолюбивая богатая жаба-пройдоха.

17

«Мозаика Пенроуза» – общее название трёх особенных типов непериодического разбиения плоскости. Названа по имени английского математика Роджера Пенроуза, исследовавшего их в 1970-е годы.

18

«Без паники!» – известный у фанатов британской научной фантастики девиз, цитата из «Путеводителя для космотуристов, путешествующих автостопом», придуманного британским фантастом Дугласом Адамсом.

19

Машинима (от англ. machine + cinema) – способ отображения сюжетных коротких скетчей и видеороликов, снятых с помощью трёхмерной графики на основе компьютерных игр, а также сама технология производства подобных фильмов.

20

Комплекс защитных белков, постоянно присутствующих в крови, – каскадная система протеолитических ферментов, предназначенная для гуморальной защиты человеческого организма от действия чужеродных агентов, участвующая в формировании иммунного ответа организма. Является крайне важным компонентом как врожденного, так и приобретенного иммунитета.

21

Видимо, подразумевается Джордж Брехт (настоящее имя – Джордж Макдермид, 1926–2008) – американо-немецкий художник-минималист и композитор. Увлекался искусством, затрагивающим тему случайности.

22

Музыкальный инструмент, который состоит из определенного количества колоколов разного размера.

23

Автор ссылается на шпионские триллеры. «Досье „ОДЕССА“» – роман Фредерика Форсайта о расследовании деятельности организации, помогающей военным преступникам. «Испанский узник» – американский неонуарный фильм 1997 года, рассказывающий историю корпоративного шпионажа, проводимого с помощью сложной игры в доверие.

24

Стихотворение «Город Антигонск» («Antigonish») американского поэта Уильяма Хьюза Мирнза (William Hughes Mearns, 1875–1965).

25

Темно-зеленое сопротивление (Deep Green Resistance) – движение за охрану окружающей среды, возникшее в 2011 г. и направленное на активную борьбу с индустриальной цивилизацией.